ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

Журнал Сибирского федерального университета

Гуманитарные науки

Journal of Siberian Federal University

Humanities & Social Sciences

2025 18 (8)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные науки

2025 18(8)

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY
Humanities & Social Sciences

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directiory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Erihplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г., выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

№ 8. 27.08.2025. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издательства:
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 24, ауд. 117.

Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.

http://journal.sfu-kras.ru

Подписано в печать 18.08.2025. Формат 60x90/8. Усл. печ. л. 17,9.
Уч.-изд. л. 17,4. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 23361.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. Е. Анисимова, д-р филол. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
О. Ю. Астахов, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
А. Ю. Близневский, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
Е. Б. Бухарова, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
З. А. Васильева, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
Д. Н. Гергилев, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
К. В. Григоричев, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
Д. Григорова, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
С. В. Девяткин, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
М. А. Егорова, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
Е. В. Зандер, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
Т. Х. Керимов, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
А. С. Ковалев, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
М. А. Колеров, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
В. И. Колмаков, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
А. А. Кроник, профессор, Университет Ховарда, США
Л. В. Куликова, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
В. Ю. Леденева, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
О. В. Магировская, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
П. В. Мандрыка, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
М. В. Москалюк, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
В. Г. Немировский, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
Н. П. Парфентьев, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
Н. В. Парфентьева, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
Н. Н. Петро, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
Р. В. Светлов, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
А. В. Смирнов, д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
А. Н. Тарбагаев, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
Е. Г. Тарева, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
К. Б. Уразаева, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
И. В. Шишко, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Legal Anthropology: Anti-Corruption Practices

Ilia A. Vasilyev and Nikolay G. Stoyko
Sports Responsibility for Unlawful Influence on the Results of Official Sports Competitions: Disciplinary and Ethical Standards of the International Football Federation and the Russian Football Union **1474**

Vitalii A. Nomokonov and Tatiana M. Sudakova
Anti-Corruption Security and its Synergetic Potential **1486**

Yury P. Garmaev
Fundamentals of the Concept of Anti-Corruption Security of Law Enforcement Officers **1497**

Nadezhda A. Krainova
Criminal Identity in the Context of Anti-Corruption Security: A Regional Study **1505**

Sergei A. Markuntsov and Martin P. Wassmer
On the Influence of L. G. Yakob's Views on the Formation of the Most Soft (Liberal) Approach to Combating Corruption in the History of Russian Criminal Legislation **1514**

Sergey A. Drobyshevsky
About Corruption as a Social Phenomenon **1524**

Anatoly Ya. Kapustin, Rimma N. Kliuchko and Marina A. Molchanova
Formation of Anti-Corruption Environment in International Legal Framework of the BRICS in Conditions of Digital Reality **1532**

Irina A. Damm
Corruption Crime as a Source of Danger in the Theory of Anti-Corruption Criminological Security **1540**

Ellada V. Shamehina, Sergey I. Gutnik and Pavel V. Teplyashin
Legal Problems of Unauthorized Access to Confidential Information Due to Corruption **1552**

Evgenii A. Akunchenko and Timofei V. Kukin
Main Directions of Anti-Corruption Protection in Higher Education Institutions **1563**

Svetlana P. Basalaeva
Subordination and Accountability as Qualifying Criteria for Restrictions on the Joint Employment of Relatives **1574**

Anna N. Starzhinskaia, Galiia R. Novikova and Andrei A. Maslov
On the Unity of Preventive and Combating Measures Against Corruption in the Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation **1582**

Ida L. Goloborodko, Ivan A. Kolpakov and Vitalii A. Fudashkin
Harmonization of Anti-Corruption Legislation of the Commonwealth of Independent States Member States: International Standards and National Legal System Specifics **1594**

Irina A. Damm, Aleksei N. Tarbagaev, Evgenii A. Akunchenko, Svetlana P. Basalaeva and Ellada V. Shamehina
Scientific and Practical Assessment of the Status and Dynamics of the Implementation of Selected Anti-Corruption Measures (Review of the Book "Anti-Corruption: Information and Analytical Bulletin (2024)") **1605**

Sociology and Social Anthropology

Tatiana D. Bulgakova
Differentiation of the Modern Ethnographic Field Research of the Religious Life of the Nanai People **1612**

Olga A. Volkova, Tatyana N. Yudina and Victoria Yu. Ledeneva
Demographic Security Indicators of the Eurasian Economic Union **1622**

Dmitry A. Mikhailov and Nikolay M. Ternov
De-Ideologization and Structural Legitimacy Formation in Modern Russia **1633**

Vladimir I. Kolmakov, Anna I. Kartavtzeva, Ivan V. Sostavnev and Gleb A. Samoylov
Extended Reality Technologies for Adaptive Sports in the Rehabilitation of Wounded and Injured Military **1643**

Theory and History of Culture, Art

Zakhar Yu. Zharnikov, Valeria V. Dzyuba, Valentin V. Barinov, Elena A. Shushkanova, Alexey D. Yazev and Vladimir S. Myglan
Church of Paraskeva Pyatnitsa in the Village of Barabanovo, Krasnoyarsk Krai: Historical and Dendrochronological Sketch **1656**

Yulia I. Bykova
The Stylistic Evolution of Silver Table Sets Made by Royal Order in Russia in the First Half of the XVIII Century **1669**

Balzhima V. Go, Alla B. Antonova and Elena A. Loktionova
Translation Transformations in the New Year Speeches of Xi Jinping **1677**

Legal Anthropology: Anti-Corruption Practices

Юридическая антропология: антикоррупционные практики

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1474–1485

EDN: XSUMIY
УДК 347.4

Sports Responsibility for Unlawful Influence on the Results of Official Sports Competitions: Disciplinary and Ethical Standards of the International Football Federation and the Russian Football Union

Ilia A. Vasilyev and Nikolay G. Stoyko*
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

Received 15.05.2025, received in revised form 27.06.2025, accepted 30.06.2025

Abstract. The prosecution of unlawful influence on the results of official sports competitions (also known as manipulations of matches and competitions or match-fixing) is the object for not only of Russian legislation, but also for the regulatory norms of all-Russian sports federations. The latter create their own regulations on sports (disciplinary) liability for manipulations of the results of competitions, as required by Federal Statute No. 329-FZ of 04.12.2007 (ed. dated December 26, 2024) «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation», as well as corporate obligations to international sports federations of which they are members. The popularity of football and the amount of funds raised by bookmakers on a global and national scale determine the high level of the risk factor of illegal influence on the results of such competitions. The International Football Federation (FIFA) and the Russian Football Union (RFU) have approved a set of disciplinary and ethical standards that establish sports (disciplinary) liability for unlawful influence on the results of sports competitions (manipulation of matches and competitions). The authors examined the relevant regulations of both sports federations and have come to conclusions about both the existence of regulatory identity and certain differences that can be supported in relation to the rulemaking decisions of the RFU.

Keywords: manipulation of matches and competitions, unlawful influence on the result of a competition, disciplinary norms of sports federations, ethical norms of sports federations, sports (disciplinary) responsibility, sports sanctions, International Football Federation, Russian Football Union.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Private Law.

Citation: Vasilyev I. A., Stoyko N. G. Sports Responsibility for Unlawful Influence on the Results of Official Sports Competitions: Disciplinary and Ethical Standards of the International Football Federation and the Russian Football Union. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1474–1485. EDN: XSUMIY

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: n.stoiko@spbu.ru

Спортивная ответственность за противоправное влияние на результаты официальных спортивных соревнований: дисциплинарные и этические нормы Международной федерации футбола и Российского футбольного союза

И.А. Васильев, Н.Г. Стойко
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Преследование противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований составляет предмет не только российского законодательства, но также и регламентирующих норм общероссийских спортивных федераций. Последние создают своё регулирование по привлечению субъектов соответствующего вида к спортивной (дисциплинарной) ответственности за манипулирование результатами соревнований как в силу обязывания к тому Федеральным законом от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», так и корпоративных обязательств перед международными спортивными федерациями, членами которых они являются. Популярность футбола и объем привлеченных букмекерами на ставках средств в мировом и национальном масштабах предопределяют высокий уровень риска совершения противоправного влияния на результаты таких соревнований. Международная федерация футбола (ФИФА) и Российский футбольный союз (РФС) утвердили комплекс дисциплинарных и этических норм, устанавливающих спортивную (дисциплинарную) ответственность за противоправное влияние на результаты спортивных соревнований (манипулирование результатом). Авторы исследовали соответствующие регламенты и кодексы обеих спортивных федераций и пришли к выводам как о наличии идентичности регулирования, так и определенных различий, которые могут быть поддержаны применительно к нормотворческим решениям РФС.

Ключевые слова: манипулирование результатом соревнования, противоправное влияние на результат соревнования, дисциплинарные нормы спортивных федераций, этические нормы спортивных федераций, спортивная (дисциплинарная) ответственность, спортивные санкции, Международная федерация футбола, Российский футбольный союз.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки.

Цитирование: Васильев И. А., Стойко Н. Г. Спортивная ответственность за противоправное влияние на результаты официальных спортивных соревнований: дисциплинарные и этические нормы Международной федерации футбола и Российского футбольного союза. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1474–1485. EDN: XSUMIY

Противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования (манипулирование официальным спортивным соревнованием) (далее также – противоправное влияние) в спортивной юриспруденции признается одной из форм коррупционного

поведения, которое «по своему существу носит скрытый характер»[1]. Высокая латентность такого проявления коррупции в спорте, как противоправное влияние, отмечается и в научных исследованиях (Ivanov, 2014: 193; Alekseev, Peskov, 2016: 112). Акцент на «скрытости» дан Спортивным арбитражным судом (далее также – CAS) с определенным смыслом – для признания сложности проведения спортивными федерациями, не обладающими полномочиями правоохранительных органов, расследований фактов нарушений установленных ими запретов на подобное поведение. Однако, как верно отмечалось в практике, строгости норм должна предшествовать строгость разработчиков к самим себе в процессе их создания, чтобы такие положения были определенными и предсказуемыми для субъектов спорта[2].

Общероссийские спортивные федерации согласно п. 5 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее также – Закон о спорте) разрабатывают с учетом правил, утвержденных международными спортивными федерациями, и утверждают нормы, устанавливающие обязанности и спортивные санкции для признающих такие нормы субъектов физической культуры и спорта[3].

Настоящее исследование посвящено анализу регулирования Международной федерацией футбола (далее также – ФИФА) и Российским футбольным союзом (далее также – РФС) института спортивной ответственности за противоправное влияние. В регламентирующих нормах обеих федераций нас интересуют два комплексных вопроса:

1. Отнесение противоправного влияния к дисциплинарным и (или) этическим нормам.

2. Различие нормотворческих подходов к определению круга запрещенного поведения, определяемого в качестве противоправного влияния; субъектов спортивной ответственности[4]; применяемых спортивных санкций.

Внимание законодателей, международных и национальных спортивных федераций к противоправному влиянию в любом виде спорта связано с его направленностью на лишение результата соревнования непредсказуемости и, как следствие, противоречия с принципом честной, справедливой игры (fair play) (Rakhmanova, Tsvetkov, 2024: 167).

Выбор нами футбола как вида спорта для текущего исследования обусловлен знаковой статистикой рассмотрения в CAS как высшей апелляционной инстанции для международного и национального уровней спорта споров, связанных с привлечением к дисциплинарной ответственности за противоправное влияние (Diaconu, Kuwelkar & Kuhn, 2021).

Методология исследования предполагает обращение к нормам Закона о спорте и регламентирующих актов ФИФА и РФС, а также их анализ. Проведение сравнения между «дисциплинарными» и «этическими» положениями ФИФА и РФС с использованием приёмов дедукции и индукции направлено на решение следующих задач: (а) установление цели Международной федерации как «законодателя» в разграничении обязанностей для субъектов футбола по недопущению противоправного влияния; (б) определение круга запрещенных действий и (или) бездействий; (в) предоставления различных пределов для права усмотрения

[1] «In the particular case, when assessing the evidence, the Panel has well in mind that corruption is, by nature, concealed as the parties involved will seek to use evasive means to ensure that they leave no trail of their wrongdoing». Arbitration CAS 2010/A/2172 O. v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 18 January 2011, para. 21. URL: https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/2172.pdf.

[2] «But the rule-makers and the rule-appliers must begin by being strict with themselves. Regulations that may affect the careers of dedicated athletes must be predictable. They must emanate from duly authorised bodies. They must be adopted in constitutionally proper ways. They should not be the product of an obscure process of accretion». Arbitration CAS 94/129 USA Shooting & Q. / Union Internationale de Tir (UIT), award of 23 May 1995, para. 34. URL: https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/129.pdf.

[3] Spravochnaya pravovaya sistema “Garant”. URL: https://base.garant.ru/12157560/?ysclid=m6ix6pdw3y56653192.

[4] Здесь и далее по тексту статьи термины «спортивная ответственность» и «дисциплинарная ответственность» являются синонимами.

юрисдикционных органов[5] обеих спортивных федераций при выборе вида и размера спортивных санкций; (г) выявление особенностей регулирования федерациями института спортивной ответственности применительно к интересующему нас поведению. Результаты поиска ответов на перечисленные вопросы прокомментированы по тексту, когда того требует логика исследования статьи, а также в заключительной части нашего материала.

Закон о спорте в положениях ч. 1 ст. 26.2 определяет «противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования (манипулирование официальным спортивным соревнованием)» как «совершение в целях достижения заранее определенных результата или исхода этого соревнования хотя бы одного» из далее перечисленных четырех деяний.

Первым называется подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд, других участников или организаторов официального спортивного соревнования (в том числе их работников), принуждение или склонение указанных лиц к оказанию такого влияния или совершение этих действий по предварительному сговору с указанными лицами.

Второе – получение спортсменами, спортивными судьями, тренерами, руководителями спортивных команд, другими участниками или организаторами официального спортивного соревнования (в том числе их работниками) денег, ценных бумаг, иного имущества, пользование указанными лицами услугами имущественного характера, извлечение ими других выгод и преимуществ или их предварительный сговор.

Третье – использование, распространение и (или) предоставление полученной физическим лицом инсайдерской информации в сфере физической культуры и спорта, доступ к которой возникает у него в связи с осуществлением им трудовой или иной деятельности (в том числе в качестве непосредственного участника официального спортивного соревнования или спонсора такого соревнования) на основании договора с организатором официального спортивного соревнования или с организацией, участвующей в подготовке и проведении соответствующего официального спортивного соревнования, либо в случае, если физическое лицо является учредителем такой организации.

Наконец, четвертое – непринятие мер по предотвращению конфликта интересов в сфере физической культуры и спорта, которое привело к достижению заранее определенных результата или исхода официального спортивного соревнования.

Однако ограничиться в российской правовой системе законодательным регулированием, включая уголовно-правовым, недостаточно для противодействия манипулированию результатами официальных спортивных соревнований (Rakhmanova, Berestovoy & Tsvetkov, 2022: 217). Предотвращение противоправного влияния возлагается в качестве обязанности прежде всего на общероссийские спортивные федерации, которые в силу закрепленного в п. 3 ст. 3 Закона о спорте принципа саморегулирования наделены правом принятия своих регламентирующих норм (Dorskaia, Dorskii, 2021: 263–275). Согласно п.п. 1, 2 ч. 4 ст. 26.2 Закона о спорте, все такие спортивные федерации должны утвердить две группы норм.

Первая из них закрепляет спортивную ответственность за противоправное влияние и выбранные федерациями спортивные санкции (в том числе и спортивную дисквалификацию спортсменов), применяемые к спортсменам, спортивным судьям, тренерам, руководителям спортивных команд и другим участникам официальных спортивных соревнований за противоправное влияние.

Вторая группа норм связана с установлением запрета для субъектов спорта на участие в азартных играх в букме-

[5] Здесь и далее в настоящей статье термин «юрисдикционный орган» используется в значении ч. 2 ст. 36.5 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: органы, создаваемые в целях реализации досудебного порядка урегулирования споров в спорте.

керских конторах и тотализаторах путем заключения пари на официальные спортивные соревнования, с которыми они связаны, а также определенных федерациями спортивных санкций, включая спортивную дисквалификацию спортсменов за нарушение этого запрета.

В системе норм международных и общероссийских федераций «дисциплинарные» положения преследуют нарушения установленных запретов и несоблюдения обязанностей. Фактически регулирование подобным образом поведения субъектов спорта ограничено только конституционными гарантиями прав и свобод и принятыми в их развитие законами и подзаконными актами. В случае противоправного влияния процитированные нами ранее нормы Закона о спорте прямо обязывают общероссийские федерации преследовать имеющее определенные формы поведение, чем, на первый взгляд, снимается вопрос пропорциональности их регулирования.

Запретам и обязанностям в актах спортивных федераций корреспондируют нормы о спортивной ответственности субъектов спорта-нарушителей, которая может быть зафиксирована в положениях соответствующих регламентов в виде штрафов, дисквалификаций спортсменов, запретов физическому лицу заниматься любой связанной с конкретным видом спорта деятельностью, исключения клубов из числа участников соревнований и других дисциплинарных мер.

РФС как общероссийская спортивная федерация и член Международной федерации футбола (далее также – ФИФА) разрабатывает свои нормы с учетом регламентирующих актов последней. Применительно к предмету нашего исследования, ФИФА утвердила Дисциплинарный кодекс[6] и Кодекс этики[7].

Дисциплинарный кодекс ФИФА содержит ст. 20 «Манипулирование футбольными матчами и соревнованиями». В п. 1 ст. 20 закреплено, что «любой, кто прямо или косвенно, действием или бездействием, противоправно влияет или манипулирует ходом, результатом или любым другим аспектом матча и/или соревнования, либо вступает в сговор или пытается сделать это любыми средствами, должен быть наказан…». Перенесение норм ст. 20 в регламенты национальных футбольных федераций-членов обеспечивается п. 1 ст. 75 Дисциплинарного кодекса ФИФА: «Ассоциации обязаны адаптировать свои собственные дисциплинарные положения к общим принципам настоящего Кодекса с целью гармонизации дисциплинарных мер». Запрет в Дисциплинарном кодексе ФИФА определенного поведения субъектов футбола следует рассматривать в качестве «общего принципа». Подход ФИФА означает, что РФС, с одной стороны, не обязана воспроизводить дословно положения ст. 20, но, с другой стороны, должна преследовать «манипулирование футбольными матчами и соревнованиями» даже если бы в Законе о спорте отсутствовали ранее приведенные нами нормы.

Кодекс этики ФИФА в п. 1 ст. 30 запрещает субъектам футбола «быть вовлеченными в манипулирование футбольными матчами и соревнованиями», обязывая «немедленно сообщать Комитету по этике о любых действиях и/или информации, прямо или косвенно связанных с возможным манипулированием футбольным матчем или соревнованием». При этом в п. 2 ст. 30 закреплено правило распределения полномочий между Дисциплинарным комитетом и Комитетом по этике как двумя юрисдикционными органами ФИФА, рассматривающими обвинения субъектов футбола в нарушении норм международной федерации: «Компетенция выносить решения по всем действиям, связанным с манипулированием футбольными матчами или соревнованиями, как на игровом поле, так и за его пределами, остается за Дисциплинарным комитетом ФИФА». Таким образом, последний является единственным органом ФИФА, применяющим ст. 30 Кодекса этики. Комитет ФИФА по этике ограничивается проведением рас-

[6] FIFA Disciplinary Code. URL: https://digitalhub.fifa.com/m/bd789dd9dfbf3dd/original/FIFA-Legal-Handbook-2024.pdf.

[7] FIFA Code of Ethics. URL: https://digitalhub.fifa.com/m/bd789dd9dfbf3dd/original/FIFA-Legal-Handbook-2024.pdf.

следования, материалы которого, в соответствии с п. 3 ст. 30 Кодекса этики, передаются в Дисциплинарный комитет ФИФА. Подход ФИФА в отношении имплементации положений об этике в регламенты национальных футбольных федераций отличается от ситуации со ст. 20 Дисциплинарного кодекса, поскольку п. 2 ст. 1 Кодекса этики обязывает РФС, равно как и любого члена ФИФА, включать ст. 30 Кодекса в свои нормы.

К отдельным нормам ст. 20 Дисциплинарного кодекса ФИФА и ст. 30 Кодекса этики ФИФА мы впоследствии вернемся при проведении сравнения с положениями Дисциплинарного регламента РФС и Регламента РФС по этике.

Разграничение в актах общероссийских спортивных федераций нарушений дисциплинарных и этических норм в основном обуславливается двумя взаимосвязанными причинами.

Во-первых, выделением международными спортивными федерациями этических стандартов в самостоятельные нормативные акты, наряду с дисциплинарными регламентами. Общероссийские федерации либо буквально обязываются следовать этому нормативному подходу в силу корпоративного статуса члена международной федерации, или заимствуют таковой в качестве готового решения. В случае РФС актуальна именно вторая причина.

Во-вторых, определением границы между отношениями, возникающими во время проведения спортивного соревнования, и требованиями к поведению субъектов спорта[8]. С определенной долей условности на первые распространяются дисциплинарные положения спортивной федерации, на вторые – её нормы об этике.

Разделение предметов регулирования между дисциплинарными и этическими нормами в регламентах РФС проведено следующим образом.

Согласно положениям чч. 1, 2 ст. 2 Дисциплинарного регламента РФС, «спортивная ответственность применяется в отношении лиц, совершивших дисциплинарные нарушения, предусмотренные Регламентом», когда «действие Регламента распространяется на соревнования»[9]. Положения ст. 1 Регламента РФС по этике указывают, что «настоящий Регламент регулирует любое поведение, в том числе в различных социальных сетях и/или СМИ, за исключением случаев, специально предусмотренных другими Регламентами РФС, ФИФА, УЕФА, которое наносит ущерб репутации и целостности футбола, и, в частности, незаконное, аморальное и неэтичное поведение»[10].

В п. 28 раздела «Список терминов и определений» Дисциплинарного регламента РФС дано определение «договорному матчу»[11] как матчу, в котором установлено противоправное влияние. В названном понятии следует обратить внимание на важный аспект. Так, целью организации противоправного влияния на результат матча является «получение материальной или иной выгоды, в том числе достижения определенного результата матча», чем уточняется понятие, сформулированное в ч. 1 ст. 26.2 Закона о спорте, акцентированное на «достижение заранее определенного результата или исхода этого соревнования».

Для определения «договорного» характера матча ч. 4 ст. 124.2 Дисциплинарного регламента РФС обязывает создавать специальную комиссию, представляющую в Контрольно-дисциплинарный комитет РФС (первую инстанцию по дисциплинарным спорам) заключение. Использование последнего, впрочем, не вступает в противоречие со ст. 67 названного регламента, гарантирующей, что «никакие доказательства не имеют для юрисдикционного органа заранее установленной силы», поскольку в ч. 4 ст. 124.2 определен процессуальный статус заключения – «одно из доказательств для принятия решений».

Юрисдикционные органы по дисциплинарным спорам (Контрольно-

[8] Vasilyev I.A. Legalization of ethics in sports and disciplinary liability for “disrepute” // Kutafin Law Review. 2023. Т. 10. № 2. С. 404–425.

[9] ДР РФС.

[10] Регламент по этике.

[11] Интересующимся рекомендуем обратить внимание на нормативное регулирование противоправного влияния в Дисциплинарном кодексе Белорусской федерации футбола (Chueshov, 2020: 61).

дисциплинарный комитет РФС и Апелляционный комитет) в отношении субъектов футбола-нарушителей, добровольно сообщивших РФС о попытке организации или об организации договорного матча и активно содействовавшим выявлению договорного матча и виновных лиц вправе: (а) назначить санкцию менее минимального размера; (б) по ходатайству Президента РФС освободить от наказания.

Регламент РФС по этике включает ст. 21 «Оказание прямого или косвенного воздействия с целью манипулирования результатом матча». Используемый термин «манипулирование результатом матча» является синонимом «противоправного влияния», как следует из положений ч. 1 ст. 26.2 Закона о спорте. Ст. 21 Регламента РФС по этике дополняет ст. 124.2 Дисциплинарного регламента РФС, устанавливая спортивную ответственность для субъектов футбола не в связи с организацией договорного матча, а за оказание прямого или косвенного противоправного влияния. Применение обеих статей основывается на доказанности вины соответствующих субъектов, и на них не распространяется так называемая строгая ответственность, применяемая в отсутствие вины субъектов футбола-юридических лиц (но к ней мы вернемся далее в нашем исследовании).

Проследим совпадения в нормотворческих подходах РФС и ФИФА к преследованию противоправного влияния.

1. Ст. 124.2 Дисциплинарного регламента РФС охватывает организацию договорных матчей, устанавливая ответственность за доказанный факт такого характера конкретного матча, тогда как ст. 21 Регламента РФС по этике дополняет регулирование и распространяется на любое прямое или косвенное воздействие с целью манипулирования результатом. При этом гипотезы обеих норм не создают правовую неопределенность содержания и круга субъектов противоправных действий и соответствуют принципу ne bis in idem. Спортивная ответственность распределена: за результат (договорный матч) наступает согласно приведенной норме Дисциплинарного регламента РФС; в отношении действий либо бездействий, направленных на результат (вне зависимости от достижения такового), применяется вышеназванная статья Регламента РФС по этике.

Проводя параллель, отметим, что ст. 20 Дисциплинарного кодекса ФИФА и ст. 30 Кодекса этики ФИФА между собой соотносятся иначе, чем регламенты РФС. Основой является ст. 20, которая закрепляет спортивную ответственность за поведение, направленное на манипулирование результатом матча, и за сам факт организации договорного матча. Ст. 30 Кодекса ФИФА этики, повторяя запрет участвовать в манипулировании футбольными матчами и соревнованиями, на первый взгляд, преследует другую цель – обязывание субъектов футбола «… сообщать Комитету ФИФА по этике о любых действиях и (или) информации, прямо или косвенно связанных с возможным манипулированием футбольным матчем или соревнованием». В то же время и Дисциплинарный кодекс ФИФА в п. 2 ст. 20 устанавливает идентичную дословно обязанность: «Лица, на которых распространяется действие настоящего Кодекса, должны всегда в полной мере сотрудничать с ФИФА в ее усилиях по борьбе с таким поведением и, следовательно, должны немедленно и добровольно сообщать в секретариат Дисциплинарного комитета о любых действиях и/или информацию, прямо или косвенно связанных с возможным манипулированием футбольным матчем или соревнованием». Кажется неизбежным вывод, что ст. 30 Кодекса этики ФИФА повторяет ст. 20 Дисциплинарного кодекса ФИФА и не является предметом самостоятельной правоприменительной практики.

2. Субъектами спортивной ответственности при применении ст. 124.2 Дисциплинарного регламента РФС и ст. 21 Регламента РФС по этике являются субъекты футбола физические и юридические лица[12], для ко-

[12] Заметим, что в отличие от регламентирующих норм ФИФА и РФС круг субъектов спорта в целях уголовной ответственности по ст. 184 Уголовного кодекса Российской Федерации сокращен законодателем, что вызывает дискуссию в научном сообществе (Popova, 2017: 178; Tsvetkov, 2020: 129–130; Kursaev, 2021: 62–63).

торых в обоих актах предусмотрены практически идентичные санкции. Обратим внимание, что п. 2 ст. 20 Дисциплинарного кодекса ФИФА закрепляет право Дисциплинарного комитета («может») привлекать футбольные клубы и национальные футбольные федерации при доказанности действий или бездействий их официальных лиц (то есть должностных лиц конкретного юридического лица) либо спортсменов, нарушающих п. 1 ст. 20 Дисциплинарного кодекса ФИФА. Ответственность для всех субъектов футбола, не исключая клубов и национальных футбольных федераций, определена и в ст. 30 Кодекса этики ФИФА. Установленная дискреция юрисдикционного органа означает его обязывание к обоснованному и мотивированному решению о необходимости применения спортивной ответственности к клубу либо футбольной ассоциации. Заметим, что приведенные регламентирующие нормы РФС и ФИФА определяют «строгую ответственность» юридических лиц, не предполагающую исследование вины клуба либо национальной федерации.

3. Виды и размеры спортивных санкций обозначают тенденцию к предоставлению широкой дискреции для юрисдикционных органов ФИФА и РФС, рассматривающих дисциплинарные и этические споры о противоправном влиянии.

Дисциплинарный кодекс ФИФА в п. 1 ст. 20 закрепляет санкции для физических лиц-нарушителей: «как минимум пятилетний запрет на участие в любых мероприятиях, связанных с футболом, а также штраф в размере не менее 100 000 швейцарских франков. В серьезных случаях может быть наложен более длительный запрет, включая пожизненный запрет на участие в любой деятельности, связанной с футболом». В положениях п. 2 ст. 20 кодекса перечисляются санкции для футбольных клубов и национальных футбольных федераций за нарушения их официальных лиц или игроков: техническое поражение в матче или отстранение от участия в соревновании, а также любые иные дисциплинарные меры, перечисленные в положениях п.п. 1, 3 ст. 6 кодекса.

В положениях ч. 2 ст. 124.2 Дисциплинарного регламента РФС перечислены: штраф для субъектов футбола-физических лиц от 1 000 до 10 000 000 рублей; дисквалификация футболистов, как того требует ч. 1 ст. 26.2 Закона о спорте, на срок от 1 года до 2 лет; запрет субъектам футбола-физическим лицам заниматься любой связанной с футболом деятельностью от 3 лет до пожизненного срока; штраф для субъектов футбола-юридических лиц в размере от 1 000 либо 5 000 (для клубов-участников РПЛ) до 50 000 000 рублей; снятие очков для субъектов футбола-юридических лиц в количестве до 15; лишение субъектов футбола-юридических лиц завоеванных наград; исключение субъектов футбола-юридических лиц из числа участников соревнования.

ФИФА в Кодексе этики придерживается иной нормотворческой политики, чем в своём Дисциплинарном кодексе, в отношении определения сферы усмотрения юрисдикционного органа в выборе видов и размеров санкций. Так, нарушение любого из двух запретов, названных в п. 1 ст. 30 Кодекса этики ФИФА, не влечет дискрецию в пределах предустановленных санкций, но позволяет правоприменителю выбирать любую из дисциплинарных мер согласно перечню в п. 1 ст. 7 Кодекса этики. Согласно п. 2 ст. 1 Кодекса этики, ФИФА указывает национальным футбольным федерациям использовать систему санкций «в качестве руководства по минимальным требованиям», что было осуществлено в Регламенте РФС по этике.

Ст. 21 Регламента РФС по этике предусматривает право выбора любой санкции из перечня, закрепленного в ч. 1 ст. 3 данного акта: замечание; штраф в размере до 1 000 000 рублей; лишение завоеванных наград; дисквалификация (отстранение) на определенное количество матчей, но не более 10 (десяти), или на определенный период, но не более двух лет, или пожизненно (применяется к игрокам и официальным лицам клубов, входящих в заявку согласно Регламенту соответствующего соревнования); запрет на осуществление любой связанной с футболом деятельности.

4. Регламент РФС по этике не содержит положений об освобождении от исполнения санкций, что корреспондирует с Дисциплинарным регламентом РФС – противоправное влияние включено в число нарушений, в отношении которых согласно ч. 4 ст. 36 последнего не допускается освобождение от дальнейшего исполнения спортивной санкции.

Различия в нормотворческих подходах к закреплению спортивной ответственности за противоправное влияние в Дисциплинарном регламенте РФС, Регламенте РФС по этике, Дисциплинарном кодексе ФИФА, Кодексе этики ФИФА также могут быть отмечены:

1. Ст. 30 Кодекса этики ФИФА распространяется на юридических лиц, являющихся субъектами футбола, не устанавливая модальности «может», в отличие от ст. 20 Дисциплинарного кодекса ФИФА. Как следствие, появляется пространство для возникновения парадоксальной ситуации: Дисциплинарный комитет ФИФА не вправе, а обязан в каждом случае привлекать клубы и национальные футбольные ассоциации, которые «вовлечены в манипулирование футбольными матчами и соревнованиями», к спортивной ответственности. При этом использование слова «вовлечены» (being involved) предполагает как прямую, так и косвенную вовлеченность. Представляется, что вряд ли ФИФА преследовала тем самым цель непременного применения санкций за «косвенную вовлеченность» юридических лиц в противоправное влияние, когда в спортивной юриспруденции существует пример разграничения негативного воздействия в зависимости от степени участия в манипулировании результатом[13].

2. Регламент РФС по этике согласно ч. 2 ст. 21 возлагает на субъектов футбола обязанность незамедлительно сообщать в Комитет РФС по этике (первая инстанция по этическим спорам) «о любой информации, прямо или косвенно связанной с возможным манипулированием результатом футбольных матчей или соревнований». В сравнение – Дисциплинарный регламент РФС не содержит нормы о спортивной ответственности субъектов за бездействие при владении информацией об организации договорного матча.

3. Широкая дискреция по выбору вида и размера санкции, предоставленная юрисдикционным органам, предопределила несколько дискуссионных возможностей:

Во-первых, Комитет РФС по этике вправе назначить в качестве санкции замечание.

Во-вторых, максимальный размер штрафа, предусмотренный Регламентом РФС по этике, ограничен 1 000 000 рублей, тогда как Дисциплинарный регламент РФС устанавливает 10 000 000 рублей для физических лиц и 50 000 000 рублей для юридических.

В-третьих, дисквалификация согласно Регламенту РФС по этике применяется к игрокам и официальным лицам клубов, входящих в заявку согласно Регламенту соответствующего соревнования. В сравнение – ч. 2 ст. 124.2 Дисциплинарного регламента РФС предусматривает дисквалификацию только для футболистов и без ограничения таких лиц перечнем заявки клуба.

В-четвертых, запрет на осуществление любой связанной с футболом деятельности при применении ч. 2 ст. 21 Регламента РФС по этике, в отличие от ч. 2 ст. 124.2 Дисциплинарного регламента РФС, не ограничен минимальной продолжительностью в 3 года.

В-пятых, ч. 3 ст. 124.2 Дисциплинарного регламента РФС предусматривает условия применения к субъектам футбола менее строгих санкций, чем указаны в ч. 2 приведенной статьи, либо освобождения их от таковых. Регламент РФС по этике не содержит положений, наделяющих юрисдикционные органы двумя названными правами.

[13] «Косвенная вовлеченность» является основанием для применения Союзом европейских футбольных ассоциаций (УЕФА) так называемой административной меры по отстранению клубов от участия в организованных УЕФА соревнованиях. Формально мера не признается спортивной санкцией, что, с нашей точки зрения, достаточно спорно. При этом применение спортивной санкции в отношении клуба регламентирующими нормами УЕФА не исключается (Vasilyev, Sheveleva, Vetrova, 2020: 31–43).

В качестве заключения отметим несколько неисключительных тезисов, вытекающих из рассмотренных нами положений Кодексов ФИФА и Регламентов РФС.

Регламентирующие нормы ФИФА и особенно РФС могут быть использованы в качестве примера для других международных и общероссийских спортивных федераций. Ценность нормативных примеров противодействия противоправному влиянию в футболе ранее осторожно выделялась в исследованиях (Veuthey, 2014: 111). Кажется, что проведенный нами анализ подтверждает потенциал использования наработок футбольных федераций для их аналогов в других видах спорта.

Сочетание дисциплинарных и этических норм об ответственности за противоправное влияние в Кодексах ФИФА не идеально, поскольку ставит под сомнение необходимость последних, не обладающих выраженным самостоятельным значением. Регламенты РФС предлагают качественно другой пример.

ФИФА и РФС распространяют свои регламентирующие нормы о спортивной ответственности за противоправное влияние на максимальный круг субъектов футбола. Думается, что такое решение оправданно. Подтверждение можно найти в других видах спорта, когда ограничения по кругу лиц создают сложности для преследования нетипичных случаев манипулирования: «конкретизировать ответственность, наказывая не только пилотов, но и, например, инженеров, стюардов и механиков» (Zaksaite, Radusevicius, 2017: 245).

Мы последовательно не являемся сторонниками введения в регулирование РФС и ФИФА так называемого двухстадийного процесса, используемого Союзом европейских футбольных ассоциаций (УЕФА) (Vasilyev, Sheveleva, Vetrova, 2020: 31–43), в отличие от мнения отдельных исследователей, что таковой «принес положительные результаты, когда речь заходит о защите, целостности и стабильности самых важных клубных соревнований в мире» (Silvero, 2018: 19). Процедура предусматривает обязательный первый этап «административной меры» по отстранению клуба сроком на один сезон за прямое или косвенное вовлечение в манипулирование результатами матчей от участия в организованных УЕФА соревнованиях, а возможная вторая стадия – привлечение клуба к спортивной ответственности.

Определение в Кодексах ФИФА и Регламентах РФС видов и размеров спортивных санкций обладает существенной спецификой, что влияет на пределы реализации юрисдикционными органами федераций права усмотрения в правоприменительной деятельности. С одной стороны, тем самым реализуется принцип автономии (в терминологии Закона о спорте – «саморегулирования») спортивных федераций. С другой стороны, на противоправное влияние как высокоуровневое в неюридифицированной иерархии нарушение спортивного правопорядка можно посмотреть через призму аналогично опасного нарушения антидопингового регулирования, в отношении которого унифицированные в глобальном масштабе антидопинговые правила всегда предусматривают только предупреждения, штрафа и дисквалификации. Как минимум идея ФИФА, закрепленная в Кодексе этики, использовать представленную в нём схему санкций национальными футбольными федерациями «в качестве руководства по минимальным требованиям» кажется заслуживающей внимания для масштабирования.

Применение к футбольным клубам и национальным федерациям спортивных санкций за противоправное влияние должно преследовать в первую очередь, как нам представляется, предупредительный характер: обязывать их к контролю за поведением своих официальных лиц и игроков[14]. Однако можно и обоснованно возразить: что является целью стимулирования клубов и федераций при помощи спортивной ответственности, не предполагающей

[14] Ранее мы обращали внимание на важность предупредительной функции спортивной санкции при «строгой ответственности» (Jun, Vasilyev, Izmalkova, Dongmei, Khalatova, 2019: 360).

установление их вины (так называемой строгой ответственности), тогда как к официальным лицам и футболистам ранее применены спортивные санкции? (Vasilyev, Kislyakova, Yurlov, 2019: 193). Наличие норм об ответственности юридических лиц в рассмотренных актах ФИФА и РФС должно формировать практику юрисдикционных органов с учетом обозначенной дискуссии целеполагания.

Список литературы / References

Alekseev S. V., Peskov A. N. Novoe zakonodatel'stvo o bor'be s dogovornymi matchami i problemy pravoprimenitel'noj praktiki [New legislation on combating match-fixing and problems of law enforcement practice]. In: *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and the State: theory and practice]*, 2016, 2 (134), 110–120.

Chueshov K. V. Specifika protivopravnyh deyanij po okazaniyu vliyaniya na rezul'taty sportivnyh sorevnovanij i napravleniya ih preduprezhdeniya [The specifics of illegal acts to influence the results of sports competitions and the directions of their prevention]. *In: Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii [Problems of strengthening law and order: science, practice, trends]*, 2020, 13, 57–64.

Diaconu M., Kuwelkar S., Kuhn A. The court of arbitration for sport jurisprudence on match-fixing: a legal update. In: *The International Sports Law Journal*, 2021, https://doi.org/10.1007/s40318–021–00181–3.

Dorskaia A. A., Dorskii A. Yu. Co-regulation as a way to improve the effectiveness of legal regulation in sports. In*: Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, 12 (2), 263–275.

Ivanov A. S. Okazanie protivopravnogo vliyaniya na rezul'tat oficial'nogo sportivnogo sorevnovaniya ili zrelishchnogo kommercheskogo konkursa kak prestuplenie korrupcionnoj napravlennosti [Exerting unlawful influence on the result of an official sports competition or a spectacular commercial competition as a crime of corruption]. In: *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika [Legal science and law enforcement practice]*. 2014. No. 2 (28). pp. 188–194.

Jun C., Vasilyev I. A., Izmalkova M. P., Dongmei P., Khalatova R. I. Problems of proof in football clubs' disciplinary liability for match-fixing: practice of the court of arbitration for sport (CAS) (2009–2014). In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2019, 12 (3), 343–362.

Kursaev A. V. Aktual'nye voprosy ugolovnoj otvetstvennosti za okazanie protivopravnogo vliyaniya na rezul'tat oficial'nogo sportivnogo sorevnovaniya [Current issues of criminal liability for exerting unlawful influence on the result of an official sports competition]. In: *Pravo: retrospektiva i perspektiva [Law: a retrospective and perspective]*, 2021, 1 (5), 56–63.

Popova Yu. P. Legal status of a sports agent [The legal status of a sports agent]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya [Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies]*, 2017, 3 (1), 172–186.

Rakhmanova E., Berestovoy A., Tsvetkov P. Criminological problems of Russian sports. In: *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2022, 2 (2), 211–218.

Rakhmanova E. N., Tsvetkov P. V. Obshchestvennaya nravstvennost' kak ob"ekt ugolovno-pravovoj ohrany rezul'tatov sportivnyh sorevnovanij [Public morality as an object of criminal law protection of the results of sports competitions]. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke [Criminal law: development strategy in the 21st century]*, 2024, 2, 161–170.

Silvero E. G. The Match-Fixing Eligibility Criteria in UEFA Competitions: An Overview of CAS Case Law. In: *Bulletin CAS*, 2018, 1, 6–21. https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Bulletin_2018_01.pdf (date of access: 29.01.2024).

Tsvetkov P. V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya ugolovnoj otvetstvennosti za okazanie protivopravnogo vliyaniya na rezul'tat sportivnogo sorevnovaniya [Problems of legislative regulation of criminal liability for exerting unlawful influence on the result of a sports competition]. In: *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2020, 3 (94), 121–133.

Vasiyev I. A., Kislyakova N. N., Yurlov S. A. Osobennosti ispol'zovaniya dokazatel'stv i specifika processa dokazyvaniya v Sportivnom arbitrazhnom sude (CAS) [Features of the use of evidence and the specifics of the evidentiary process in the Court of Arbitration for Sport (CAS)]. In: *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Pravo. Journal of the Higher School of Economics]*, 2019, S 5, 167–198.

Vasilyev I. A., Sheveleva N. A., Vetrova E. G. Administrativnaya mera UEFA po otstraneniyu kluba ot uchastiya v sorevnovanii za manipulirovanie rezul'tatom: yuridicheskaya priroda i osobennosti primeneniya [The UEFA administrative measure to suspend a club from participating in a competition for manipulating the result: the legal nature and application features]. In: *Zakon [Law]*, 2020, 8, 31–43.

Veuthey A. Match-fixing and governance in cricket and football: what is the fix? In: *The International Sports Law Journal*, 2014, 14, 82–114.

Zaksaite S., Radusevicius K. Manipulation of competitions in Formula-1: where policy ends and cheating begins. In: *The International Sports Law Journal*, 2017, 16, 240–246. https://doi.org/10.1007/s40318-016-0104-1.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1486–1496

EDN: XHDULN
УДК 316.776:328.185–049.5

Anti-Corruption Security and its Synergetic Potential

Vitalii A. Nomokonov[a] and Tatiana M. Sudakova[b*]
[a]*Siberian Federal University*
Krasnoyarsk, Russian Federation
[b]*Baikal State University*
Irkutsk, Russian Federation

Received 13.04.2025, received in revised form 14.05.2025, accepted 27.06.2025

Abstract. The article assesses the public's awareness of the real corruption situation in the country and analyzes the factors influencing anti-corruption security, not only from a legal and criminological perspective, but also from a broader perspective, considering that anti-corruption policy should include political, organizational, economic, ideological, educational, and other measures. The article proposes possible criteria for anti-corruption security. It suggests that a synergistic approach can serve as the basis for a concept for ensuring anti-corruption security. The article highlights the advantages of resonance-based approaches over force-based methods in anti-corruption practices. Synergetic interdisciplinarity and mathematical language should be evaluated as powerful tools for studying corruption and developing effective anti-corruption security measures, allowing for the development of optimal management theory and models by establishing conditions under which the spread of corruption can be minimized. This is supported by existing in science examples of numerical modeling, which reflect the basic criteria (numerical ones) for the reproduction of corruption, as well as the equilibrium points that are free of corruption in the system. Differential equations that reflect the patterns of growth or decline in corruption, as well as machine learning algorithms such as random forests, can be used to predict the levels of corruption in different countries, while identifying the most influential factors.

Keywords: corruption, anti-corruption security, anti-corruption strategies, anti-corruption policy, criteria for anti-corruption security, synergy.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

Citation: Nomokonov V.A., Sudakova T.M. Anti-Corruption Security and its Synergetic Potential. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1486–1496. EDN: XHDULN

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: krime@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5154-0408 (Nomokonov)

Антикоррупционная безопасность и её синергетический потенциал

В.А. Номоконов[а], Т.М. Судакова[б]
[а]*Сибирский федеральный университет*
Российская Федерация, Красноярск
[б]*Байкальский государственный университет*
Российская Федерация, Иркутск

Аннотация. Дана оценка информированности общества о реальной коррупционной ситуации в стране, анализируются факторы, влияющие на антикоррупционную безопасность, не только с правовых и криминологических, но и с более широких позиций, с учётом того что антикоррупционная политика должна включать в себя политические, организационные, экономические, идеологические, воспитательные и иные меры. Предложены возможные критерии антикоррупционной безопасности. Предполагается, что синергетический подход может выступить основой для концепции ее обеспечения. Отмечены преимущества резонансного воздействия перед силовыми методами антикоррупционной практики. Синергетическую междисциплинарность и математический язык следует оценивать как мощные инструменты исследования коррупции и основы выработки эффективных мер антикоррупционной безопасности, позволяющие разрабатывать теорию и модели оптимального управления путем установления условий, при которых распространение коррупции может быть снижено до минимума. Это подтверждается уже присутствующими в науке примерами численного моделирования, отражающими базовые критерии (численные) воспроизводства коррупции, а также точки равновесия, свободные от коррупции в системе. Дифференциальные уравнения, отражающие закономерности роста или спада коррупции, алгоритмы машинного обучения, такие как случайные леса, позволяют прогнозировать уровни коррупции в разных странах, выявляя при этом наиболее влиятельные факторы.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная безопасность, антикоррупционные стратегии, антикоррупционная политика, критерии антикоррупционной безопасности, синергетика.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Номоконов В. А., Судакова Т. М. Антикоррупционная безопасность и её синергетический потенциал. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1486–1496. EDN: XHDULN

Введение

Сегодня в литературе обоснованно поднимается вопрос о необходимости построения в рамках формирующейся антикоррупционной политики России системы антикоррупционной безопасности с её оптимальными показателями (Damm, 2024). Представляется, что такая система предполагает наличие более или менее достоверного знания о том, что реально происходит в стране, какова коррупционная ситуация и её динамика, каковы особенности детер-

минации коррупции в стране и её регионах и т.д. От этого зависит и эффективность противодействия коррупции. В своё время глава советского государства Ю. В. Андропов признавался: мы не знаем страны, в которой живём. Вот и сегодня применительно к коррупции можно сказать, что мы не знаем, каковы реальные масштабы коррупции, каков объём коррупционного рынка, какова вовлечённость чиновников и граждан в коррупционные отношения. Уже достаточно много лет (с 2006 г.) прошло с тех пор, как заместитель Генерального прокурора России Александр Буксман в интервью, опубликованном «Российской газетой», назвал астрономическую сумму коррупционного рынка страны – более 240 млрд дол. в год[1].

А что сейчас? Что изменилось? Почему мы не видим ежегодного, не ведомственного, а общего официального анализа о ситуации с коррупцией, нерешённых проблемах? Мы видим национальные планы противодействия коррупции, но не видим отчётов об их выполнении. Мы видим незавидное место России в международном рейтинге коррупции (в 2023 г. неправительственная организация Transparency International в нашей стране признана нежелательной)[2].

Эффективная система обеспечения антикоррупционной безопасности должна быть основана прежде всего на воздействии на коррупционные отношения и коррупционные детерминанты. Но каковы они конкретно в стране, регионах, муниципалитетах, едва ли выяснено, как и не исследуются эти криминогенные процессы в их постоянной динамике. Во всяком случае, коррупциогенные факторы в политической и экономической областях, насколько можно судить по открытым публикациям, специально практически не выявляются. Надо понимать, что самый изощрённый механизм противодействия коррупции останется имитацией, если он носит как бы рамочный, технический характер и не влияет непосредственно на сами коррупциогенные факторы. Надо также понимать, что проблема противодействия коррупции, проблема обеспечения антикоррупционной безопасности – это не только и не столько правовая или криминологическая, сколько политическая, экономическая, нравственная проблема.

Поэтому следует взглянуть на проблему обеспечения антикоррупционной безопасности не только с правовых и криминологических, но и с более широких позиций. Точно так же ведь и в целом антикоррупционная политика как система основных мер и приоритетов противодействия коррупции должна включать в себя не только правовые, но и политические, организационные, экономические, идеологические, воспитательные меры. Только правовые, самые совершенные инструменты будут бессильны без соответствующего сопровождения иными, не менее, а даже, скорее всего, более действенными средствами.

Задача обеспечения антикоррупционной безопасности не может быть выполнена без соответствующего антикоррупционного мониторинга, без анализа состояния, динамики, тенденций коррупции в стране, регионе и т.д., без выяснения особенностей причин коррупции. Кто у нас этим занимается и как?

В Национальной стратегии противодействия коррупции говорится о необходимости искоренять ее причины, но в официальных документах не найдется хотя бы их простого перечисления, не говоря уже об их установлении и анализе. В научной литературе этот вопрос не стал центральным и, насколько можно судить по имеющимся публикациям, он далеко не решен. А ведь суть профилактики как раз и заключается в выявлении и устранении/минимизации коррупциогенных факторов не только в ходе антикоррупционной экспертизы (этот вопрос более или менее решен), но и в целом в ходе реализации антикоррупционной политики.

Важно также определить целевую направленность формирующейся антикоррупционной политики государства. Известна классификация антикоррупционных

[1] https://lenta.ru/news/2006/11/07/bouxman/?ysclid=m648epg47241588177

[2] Генпрокуратура 6 марта признала нежелательной деятельность Transparency International в России// https://tass.ru/ekonomika/17205941

стратегий на три вида моделей: системная стратегия устранения причин, «стратегия войны» и стратегия сознательной пассивности. Также известно, что к началу 1990-х годов в России сложились все условия возникновения стратегии именно последнего типа: радикальный экономический либерализм уповал только на рынок, который якобы решит все проблемы. Мы должны понимать, что итогом стратегии сознательной пассивности является угроза перехода коррупции в принципиально новую стадию развития, при которой государство фактически превращается в клептократию (Parkhomenko, Golovshchinskii, 2003).

Многие исследования и практики грешат в своих работах наложением стандартного общего шаблона к разным ситуациям. Что происходит конкретно? Нередко сразу переходят к вопросам следующим, не ответив на предыдущие. Как можно говорить об антикоррупционной безопасности, не выяснив источники и масштабы угроз этой безопасности? Их следует сформулировать, измерить и оценить, определить некие пороговые значения социума, за пределами которых антикоррупционная устойчивость общества становится под вопросом. Каков реальный объём коррупционного рынка? Какая часть населения вовлечена в коррупционные отношения? Какова цена (ущерб) коррупции?

Не менее важным представляется формулирование ключевых критериев (показателей, принципов) антикоррупционной безопасности. Примером может служить Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года[3]. Здесь перечислены критерии экономической безопасности, только, к сожалению, не указаны пороговые значения и их измерение применительно к сегодняшней России.

Теоретические обоснования

К числу принципов антикоррупционной безопасности, на наш взгляд, можно было бы отнести следующие.

1. *Взаимная ответственность государства и населения*. И прежде всего ответственность государства, его федеральных, региональных, муниципальных органов перед гражданами. Речь идёт главным образом об ответственности в её позитивной форме – как необходимости подотчётности и подконтрольности государственных органов и служащих населению. Эта ответственность должна реализовываться не только в отчётах и «прямых линиях», но и открытом регулярном информировании граждан о реальном состоянии коррупции, принятых мерах, в том числе и к руководителям за невыполненные обещания и обязательства.

2. *Создание и сохранение прозрачной конкурентной среды*, и не только в экономике, но и в политической, да и в духовной сферах. Это предполагает выявление зон повышенного коррупционного риска, принятие мер по выведению экономики, особенно коррупционно ёмких отраслей, из тени, государственную поддержку независимых СМИ.

3. *Обеспечение принципа социальной справедливости* при решении всех практических вопросов – поощрения и наказания, кадровых перемещениях и т.п.

4. *Строжайшая законность*, без телефонного и командного права. Прозрачность в отправлении правосудия. Обеспечение реальной независимости судей.

5. *Безусловная и регулярная ротация* должностных лиц всех уровней власти.

6. *Обеспечение реального разделения властей и их взаимного контроля* (на всех без исключения уровнях) с участием гражданского общества. Сменяемость на всех уровнях и без каких бы то ни было исключений.

В предложенном нет «революционной» новизны. Задача лишь в том, чтобы желаемое, наконец, стало действительным.

Постановка проблемы

Формирование антикоррупционного мониторинга, определение принципов и критериев антикоррупционной безопасности и даже установление особенностей

[3] (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208) // http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Strategia_economic/

детерминации коррупционных проявлений не исчерпывают всей проблемы оптимизации антикоррупционной политики. На повестку дня встаёт вопрос об адекватном механизме противодействия коррупции. Представляется, что одним из неиспользуемых до сих пор резервов в арсенале антикоррупционных средств и базовых принципов таких средств является *синергетический подход.*

Синергетика как междисциплинарная область знаний изучает сложные системы и взаимодействия в них, акцентируя внимание на том, как простые элементы могут создавать сложные структуры и явления. О синергетическом видении мира в науке заявлено относительно недавно, и синергетический потенциал, его значимость являются сегодня предметом исследований и дискуссий среди представителей самых разных научных сфер, в том числе и в социальных науках. Привлекательность синергетики обусловлена спецификой ее методологии, ее междисциплинарностью, широтой ее предмета и универсальным языком (Sudakova, 2024). Синергетическая парадигма позволяет инкорпорировать ее принципы к измерению и оценке, в нашем случае коррупции как социального явления, предопределять и прогнозировать ее альтернативную динамику и возможность эту динамику регулировать.

Один из концептов синергетики – бифуркация, означающая изменение устойчивости системы в точке выбора, в которой предыдущая траектория теряет устойчивость и появляются новые возможные пути развития системы, при правильном использовании этой категории, обозначает пути эффективного, «малого воздействия» на систему. Теория «мягкого» управления или гармоничного воздействия на управляемую систему получила разработку в концепте социальной синергетики, а слабые воздействия через способы самоуправления и самоконтроля, соответствующие внутренним тенденциям системы, оцениваются как чрезвычайно эффективные (Malinezkii, 2015). Использование таких категорий в исследовании коррупционных отношений обладает потенциалом в адаптации этой теории к механизму управляющего воздействия.

Для объяснения коррупциогенных факторов может оказаться полезным также использование так называемого принципа подчинения. В синергетике данный принцип означает, что сложную задачу без риска впасть в упрощение можно свести к решению небольшого числа переменных («параметров порядка»), которые определяют все остальные. В познании причинного комплекса коррупции очень важно на постоянной основе выявлять те обобщающие показатели, которые играют в системе названного комплекса главную, определяющую роль. И в данном контексте приобретает важную роль «язык» синергетики.

Именно синергетические принципы обуславливают, по мнению специалистов, и целесообразность перемещения акцента исследований с общественно опасного поведения на общественную (антикоррупционную в данном случае) безопасность как социально-правовое явление (Tiugashev, 2008). Поскольку синергетика ориентирована на познание процессов самоорганизации и поддержания целостности социума и, соответственно, познания тех деформаций, которые эту целостность нарушают, то общественная (а в нашем случае – антикоррупционная) безопасность выступает в качестве такого состояния системы, которое эту целостность поддерживает и ограничивает коррупцию социально приемлемым уровнем (Tiugashev, 2008).

Синергетический подход к изучению социально-правовых явлений обладает целым рядом преимуществ по сравнению с использованием традиционных методов, принципов, философских оснований. Он не является единственно возможным способом оценки и измерения социальной действительности, и авторы не претендуют на такой посыл, однако наряду с иными методами и принципами выступает сегодня важным и, полагаем, неотъемлемым звеном в научной оценке криминологической реальности.

Наука о социальных явлениях оперирует вполне успешно синергетическими принципами для их исследования, при этом активно изучаются и развиваются те категории синергетики, которые позволяют с использованием современных технологических новаций и обусловленной ими трансформации общества изучать, описывать и измерять социальную действительность.

Обсуждение

Принципы синергетики как теории самоорганизации сложных систем являются достаточно разработанными на уровне создания их теоретических моделей и одновременно апробированными к исследованиям различных проявлений социальной реальности. Прикладная же значимость синергетического подхода в изучении социальных, криминологических явлений и процессов должна оцениваться как минимум в двух аспектах:

1. Оценка роли синергетического подхода при разработке теоретических основ изучения криминального явления коррупции и противостоящих ей элементов антикоррупционной безопасности 2. Значение методик и принципов синергетики при измерении и соответствующей интерпретации этих научных категорий.

Социальная синергетика в реализации – это прежде всего применение принципов междисциплинарных исследований в изучении социальной реальности. Познание коррупционных механизмов требует глубокой интеграции не только правовых стандартов, но и важных экономических категорий, политических регуляторов антикоррупционной политики, социологического фундамента этих процессов. И это лишь самый минимум среди перечисленных процессов. При этом данные сферы социальной действительности исследуются не сами по себе, а как элементы сложноорганизованной системы с помощью принципов научного подхода о сложных системах, требующих рассматривать их в динамике и определенной системно–структурной взаимосвязи, обладающей признаками целостности и согласованности.

Коррупция сегодня оценена не только как системное, но и как глубоко адаптивное явление, способное к самоорганизации. И именно синергетическая междисциплинарность со своими принципами и спецификой исследования сложноорганизованных систем, с применением современных методов интеллектуального анализа данных, методов машинного обучения и т.п. выступает важным аспектом исследования коррупционной преступности и механизмов ее детерминации, предоставляя более глубокое понимание ее динамики. А знания этих закономерностей выступают неотъемлемым элементом формирования механизма антикоррупционной безопасности.

Кроме того, синергетическая междисциплинарность закрепляется в исследуемом контексте и необходимостью использования языка математического моделирования. А на современном этапе технологических новаций – интеллектуального анализа данных. Математический язык в изучении социальных явлений необходим, поскольку объективность выводов о явлении коррупции обусловлена непосредственной адекватностью эмпирической основы такого исследования. Без современных методов сбора и анализа фактов о проявлении коррупции, о коррупционных схемах и механизмах получить объективные выводы достаточно сложно. Ограниченность инструментов анализа статистической информацией либо получаемыми выводами на базе применения качественных методов очевидна и требует развития применяемых методик, как и методологических оснований их применения.

Сегодня уже не является новшеством в науке об изучении коррупционной реальности использование математических моделей, которые способны оценить динамику коррупции, устойчивость коррупционных моделей и схем к различным мерам воздействия на это опаснейшее явление. При этом понимание неравновесности системы коррупционных отношений, наличие бифуркационных процессов как категорий синергетики позволяет оценивать роль и значение даже случайных и незначительных воздей-

ствий на систему, но обладающих при этом весомым влиянием на нее.

Кроме того, методы интеллектуального анализа выступают элементом изучения коррупционных рисков в анализе причинного комплекса, их стратегического потенциала и, соответственно, способствуют выработке соответствующих прогнозных моделей развития коррупционных отношений и эффективности реализуемых либо планируемых мер противодействия. А это основа выработки направленных адресных мер, актуальных и жизненно необходимых в создании и функционировании механизма антикоррупционной безопасности. Создаваемые модели выступают основой прогнозирования изменений коррупционных схем, а моделирование рисков выступает основой разработки адекватных мер антикоррупционной безопасности.

Синергетическую междисциплинарность и математический язык в этой связи следует оценивать как мощные инструменты исследования коррупции.

Таким образом, нехватка в традиционных сложившихся подходах аналитических инструментов исследования коррупционных отношений в их сложной взаимосвязи и взаимозависимости указывает на целесообразность применения эмпирического подхода с моделированием коррупции путем использования инструментов науки о сложноорганизованных системах, в его синергетическом проявлении (Issa Luna-Pla, Jose R. Nicolas-Carlock, 2020).

Математические модели рассматриваются не просто важным, а необходимым инструментом понимания закономерностей распространения коррупции, ее динамики и установления взаимосвязи этих процессов с различными мерами противодействия коррупции. Сегодня в науке о математическом языке изучения коррупции уже применены нелинейные детерминированные модели динамики коррупции с использованием теории устойчивости дифференциальных уравнений. Математические модели с анализом оптимального управления и расширения условий функционирования такой модели позволили получить обоснованные логикой моделирования выводы о необходимости использования стратегии комплексного контроля за коррупцией, где два активных элемента управления (переменных) – активное освещение средствами массовой информации борьбы с коррупцией, в том числе путем рекламы антикоррупционной кампании, и неотвратимость применения мер уголовной политики выступают ключевыми катализаторами такой эффективности (Haileyesus Tessena Alemneh, 2020). Таким образом, в результате численного моделирования на апробированных моделях было установлено, что для борьбы с коррупцией необходимо использовать стратегию комплексного контроля. Используя определение «нормализованной прямой чувствительности», были установлены параметры чувствительности коррупции. Все это ознаменовало, по мнению авторов исследований, начало разработки теории и модели оптимального управления для установления условий, при которых распространение коррупции может быть снижено до минимума.

Присутствуют в науке и примеры численного моделирования, отражающие базовые критерии воспроизводства коррупции, а также точки равновесия, свободные от коррупции в ее системе. Разработаны и модели, основанные на дифференциальных уравнениях, отражающих закономерности роста или спада коррупции. Использование теории и методологии больших данных в данном ключе способствует повышению объективности таких исследований. Алгоритмы машинного обучения на основе расширенных нелинейных моделей с высоким уровнем точности, такие как случайный лес, эффективно прогнозируют уровень коррупции в разных странах, выделяя наиболее весомые факторы, влияющие на коррупционные отношения (Marcio Salle Melo Lima, 2020).

Идеи синергетики, таким образом, могут быть полезны в противодействии коррупции в следующих аспектах:

1. *Системный подход*: коррупция – это сложное явление, которое невозможно решить только с помощью отдельных мер. Синергетика подчеркивает важность си-

стемного анализа, позволяющего выявить взаимосвязи между различными факторами, способствующими коррупции. Это может включать изучение экономических, социальных политических, культурных, образовательных, правоохранительных и иных условий.

2. *Междисциплинарное сотрудничество*: синергетика предполагает взаимодействие различных дисциплин для поиска необходимых решений. В противодействии коррупции можно объединить усилия юристов, экономистов, социологов и психологов для разработки комплексных стратегий.

3. *Создание устойчивых систем*: синергетика изучает, как системы могут самоорганизовываться и адаптироваться к изменениям. В контексте борьбы с коррупцией это может означать создание устойчивых институтов и механизмов контроля, которые будут способны адаптироваться к новым вызовам и угрозам.

4. *Инновационные технологии*: использование технологических новаций для мониторинга и анализа данных может помочь выявлять коррупционные схемы. Синергетический подход может включать в себя разработку платформ для обмена информацией между различными государственными и частными структурами.

5. У*частие общественности*: синергетика акцентирует внимание на важности взаимодействия различных участников системы. В противодействии коррупции активное вовлечение гражданского общества и общественных организаций может создать синергетический эффект, способствующий повышению прозрачности и подотчетности.

6. *Антикоррупционный мониторинг и антикоррупционное просвещение*: важным элементом является образование и повышение осведомленности о коррупции. Синергетический подход может включать в себя программы обучения для государственных служащих и граждан, направленные на формирование антикоррупционной культуры.

Систематический, то есть на постоянной основе с формальной регламентацией анализ результатов антикоррупционных мер с использованием синергетического подхода позволит выявлять эффективные практики и адаптировать существующие стратегии в зависимости от складывающихся, в том числе ситуационных обстоятельств.

Таким образом, идеи синергетики могут помочь создать более комплексный и интегрированный подход к обеспечению антикоррупционной безопасности, учитывающий множество факторов и взаимодействий в системе.

Для обеспечения же формирования модели антикоррупционной безопасности с использованием идей синергетики полагаем важным обозначить наличие нескольких ключевых параметров взаимодействия разнообразных компонентов в этой сложноорганизованной системе.

1. *Интеграция субъектов*: объединение различных заинтересованных сторон (государственные органы, бизнес, общественные организации) для совместной работы против коррупции. Их деятельность должна соответствовать критериям эффективности системы.

2. *Открытость и прозрачность всех структур, реализующих антикоррупционный потенциал общества и государства*: создание прозрачных механизмов управления и отчетности, что позволит снизить возможности для коррупции.

3. *Системное мышление*: анализ коррупционных процессов как сложных систем, выявление взаимосвязей между элементами системы и нахождение эффективных точек воздействия на них.

4. *Инициативы снизу*: поддержка основных инициатив и инициатив граждан для вовлечения общества в борьбу с коррупцией.

5. *Использование информационных технологий*: внедрение цифровых решений и платформ для повышения прозрачности и снижения коррупционных рисков.

В результате синергетический подход поможет создать устойчивую антикоррупционную культуру.

Возможно, что синергетический подход должен составить основу и для прин-

ципиально новой концепции обеспечения антикоррупционной безопасности в целом. Так, синергетические представления позволяют объяснить, почему нередко очень сильное внешнее воздействие на систему оказывается гораздо менее эффективным, чем в тысячи раз более слабое, и наоборот. Согласно традиционным подходам, управляющее воздействие на что-либо зависит главным образом от величины затраченных энергии и усилий. Но на самом деле оно должно быть не столько сильным, *сколько резонансным, т.е. в максимальной степени согласованным со свойствами управляемой системы.* Как известно, стремление к предельной управляемости, централизации, насильственной переделке всего и вся уже привело нашу страну в своё время к глубочайшему кризису. Усилия правящей власти оказались тщетными, так как шли вразрез с собственными тенденциями саморазвития общества.

Создание системы антикоррупционной безопасности предполагает непосредственным образом знание, выделение и систематический анализ тех рисков, которые потенциально существуют, вероятностны и реальны. Это элементарный подход, без которого невозможно формировать теоретическую основу противодействия коррупционным отношениям. И тут знание процессов детерминации коррупции и соотношение причинного комплекса и рискогенных факторов – важный элемент такой теории.

О роли и понятии резонанса в методологии системного подхода к изучению явлений и процессов в свете идей синергетики ученые говорят применительно к разным социальным сферам. Поскольку синергетический эффект имеет резонансную основу, он базируется на синтезе базисных исходных принципов и положений, таких как открытость цельность, связность, функциональность, организованность, упорядоченность и согласованность внутрисистемных взаимодействий.

К коррупционным отношениям такой подход должен иметь непосредственное отношение, поскольку его основная идея базируется на представлении о работоспособности (эффекте) системы в случае функционального соответствия друг другу и компоновки компонентов системы, обеспечивающей их эффективное взаимодействие, а не просто наличие определенного набора составных частей, что обеспечивает переход системы в новое качественное состояние либо изменение ее выходных параметров как за счет внутренних неуправляемых процессов, так и в результате коллективного воздействия внешних разнородных сил и механизмов, способных при некоторых условиях к направленному согласованному действию.

Синергетические принципы и их использование при изучении любой сложноорганизованной системы, к которой относится коррупция, дают возможность моделировать условия, при которых такие системы разрушаются. Поддерживаясь за счет постоянного притока ресурсов (к примеру, взяточничество во всех его проявлениях, злоупотребление полномочиями, коррупционные мошеннические схемы и т.д.), коррупция как система далека от равновесия и может резко изменить свое состояние при достижении каких-либо критических параметров.

Это может быть снижение уровня и сложности коррупционных отношений, к примеру, при усилении контрольно-надзорных механизмов государства (к примеру, активизация и важные изменения судебной практики и решений Конституционного суда (об исковой давности) по делам об изъятии имущества в доход государства в связи с нарушением требований законодательства о противодействии коррупции), либо, наоборот, усложнение коррупционных схем при ослаблении государственного и общественного контроля.

Не менее важным синергетическим потенциалом обладает понимание и выявление роли случайных факторов и критических состояний коррупции как сложноорганизованной динамической системы, когда незначительное по силе воздействие способно оказать резонансный эффект на всю систему коррупционных отношений. Кро-

ме того, именно комплексный подход к исследованию коррупции, базирующийся на учете не просто множества факторов, детерминирующих коррупцию, а множества уровней взаимодействия таких факторов и качество связей между этими уровнями, которые также имеют свою специфику, и их компоновка оказывают в таком сложном механизме взаимодействия тот либо иной продуцирующий коррупцию эффект. Устойчивость и способность системы коррупционных отношений адаптироваться к изменяющимся условиям существования анализируется именно с помощью методов синергетики.

Резонансный эффект в системе противодействия коррупции и формирования антикоррупционной безопасности, таким образом, должен достигаться через комплексный подход, включающий совокупность многочисленных и разнообразных мер в их взаимосвязи и, что не менее важно – уровней взаимодействия этих мер. К примеру, создание более прозрачной и подотчетной системы управления через совершенствование законодательной основы, повышение осведомленности граждан и их вовлеченности в активное неприятие коррупционных отношений становится более эффективным через их реализацию на уровне обыденного, профессионального сознания (корпоративного – антикоррупционнный комплаенс), на уровне индивидуального сознания (активная гражданская позиция), а эффект резонанса достигается через культурно–просветительскую, действующую на постоянной основе целенаправленную кампанию в социальных сетях, включающую в том числе освещение судебных процессов по привлечению к ответственности коррупционеров, строгости наказания, изъятия имущества коррупционеров в доход государства в соответствии с законодательной процедурой и практикой ее применения.

Воздействие на коррупцию с помощью резонанса как синергетического инструмента, таким образом, имеет несколько преимуществ по сравнению с методами силового воздействия.

1. *Долгосрочность эффекта*: резонанс способствует формированию общественного мнения и культуры, что приводит к устойчивым изменениям в сознании людей.

2. *Снижение конфликтности*: резонанс основан на сотрудничестве и диалоге, что позволяет снизить уровень конфронтации и создаёт более конструктивную атмосферу.

3. *Увеличение вовлеченности общества в формирование элементов антикоррупционной безопасности*: использование резонанса способствует участию более широкой аудитории, включая гражданское общество, что усиливает ответственность и поддержку антикоррупционных инициатив.

4. *Гибкость подходов*: резонанс позволяет адаптировать стратегии в зависимости от ситуации и контекста, что делает влияние реализуемых мер более эффективными.

5. *Привлечение ресурсов*: эффекты резонанса легко привлекают внимание медиа и инвесторов, что может привести к дополнительным финансированиям и поддержке.

Выводы

Определение резонанс-эффекта и оценка антикоррупционных явлений и процессов обусловливают формирование более устойчивой, комплексной стратегии борьбы с коррупцией и функционирование такой стратегии как системы согласованных элементов и уровней механизма антикоррупционной безопасности.

Таким образом, принципы синергетического подхода и их использование при исследовании коррупции представляют собой методологические основания исследования коррупции как сложноорганизованной системы, элементы которой находятся в постоянном взаимодействии между собой и определенной компоновке на разных уровнях такого взаимодействия. Теоретические основы понимания и воплощения принципов синергетики в изучение коррупционных отношений являются лишь основой разработки сложной теории антикоррупционной безопасности и требуют дальнейшего детального анализа применительно к каждой категории синергетики и их дальнейшей интерпретации в исследуемом контексте.

Список литературы / References

Damm I. A. Osnovnye elementy theorii antikorruptia bezopasmosti [Key Elements of the System of Anti-Corruption Criminological Security's Theory], In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian journal of criminology]. 2024 .18 (6). pp. 591–601. EDN: AIDNYZ. DOI: 10.17150/2500–4255.2024. 18(6). 591–601

Haileyesus Tessena Alemneh, Mathematical Modeling. Analysis, and Optimal Control of Corruption Dynamics. In: *Journal of Applied Mathematics.* 2020. 01 August. DOI: https://doi.org/10.1155/2020/5109841

Issa Luna-Pla, Jose R. Nicolas-Carlock Corruption and complexity: a scientific framework for the analysis of corruption networks. In: *Applied Network Science*, 2020. 5 (13). DOI: https://doi.org/10.1007/s41109–020–00258–2

Malinezkii G. Mezhdisziplinarnye idei v soziologii I vyzovy budushzhego [Interdisciplinary ideas in sociology and challenges of the future]. In: *Soziologicheskii zhurnal* [Sociological Research*]*. No. 4 (372), pp. 152–161

Marcio Salle Melo Lima, Dursun Delen Predicting and explaining corruption across countries: A machine learning approach. In: *Government Information Quarterly***,** 2020. 37 (1), 101407

Parkhomenko S.A, Golovshchinskii K.I, Sravnitelnyi analiz strategii po bor'be s korruptiei [Comparative analysis of anti-corruption strategies]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie* [Public administration]. Electronic bulletin. Issue No. 1.

Sudakova T. M. Sinergeticheskii potentsial kriminologii v period stanovlenia shestogo tekhnologicheskogo uklada [The Synergetic Potential of Criminology During the Transition to the Sixth Technological Paradigm]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2024, vol. 18, no. 6, pp. 579–590. EDN: EJEMIM. DOI: 10.17150/2500–4255.2024. 18(6).579–590

Tiugashev E. *Kriminologia i sinergetika [Criminology and synergetics]*. Moscow: Academia, 2008.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1497–1504

EDN: YZFURW
УДК 343.98

Fundamentals of the Concept of Anti-Corruption Security of Law Enforcement Officers

Yury P. Garmaev*
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 27.03.2025 received in revised form 14.05.2025, accepted 27.06.2025

Abstract. Based on the concept of anti-corruption security, the article considers the problems of corruption risks in law enforcement agencies, in particular, the issues of their classification into justified and unjustified. Without belittling the significance of the problem of corruption in the law enforcement system, objective arguments are offered that do not allow discrediting all employees, the entire system. The relevance of minimizing corruption risks is emphasized, taking into account the need for an expanded understanding of the latter. The possibility of adjusting the paradigm of combating corruption in law enforcement agencies in favor of the concept of anti-corruption security based on the idea of the balance of relevant measures is analyzed. The article describes the measures already being implemented and formulates conclusions on the need to create the said concept, apply cross-sectoral protection measures, including legal education, prevention of corruption, and protection of IAB officers from unfounded accusations and defamation.

Keywords: corruption risks, unjustified corruption risks, internal affairs bodies, anti-corruption security, balance of interests, bribe provocation, anti-corruption protection of internal affairs officers, anti-corruption, criminal prosecution, cross-sectoral measures.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

Citation: Garmaev Yu. P. Fundamentals of the Concept of Anti-Corruption Security of Law Enforcement Officers. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1497–1504. EDN: YZFURW

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: garmaeff1@mail.ru

Основы концепции антикоррупционной безопасности сотрудников правоохранительных органов

Ю.П. Гармаев
Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье на основе концепции антикоррупционной безопасности рассматриваются проблемы коррупционных рисков в правоохранительных органах, в частности, вопросы их классификации на обоснованные и необоснованные. Не умаляя значимости проблемы коррупции в правоохранительной системе, предлагаются объективные доводы, не позволяющие дискредитировать всех сотрудников, всей системы. Подчеркивается актуальность минимизации коррупционных рисков с учетом необходимости расширенного понимания последних. Анализируется возможность корректировки парадигмы противодействия коррупции в правоохранительных органах в пользу концепции антикоррупционной безопасности, основанной на идее баланса соответствующих мер. Описываются уже реализуемые меры и формулируются выводы о необходимости создания указанной концепции, применения межотраслевых мер защиты, включая правовое просвещение, предупреждение коррупции, а также защиту сотрудников ОВД от необоснованных обвинений и клеветы.

Ключевые слова: коррупционные риски, необоснованные коррупционные риски, органы внутренних дел, антикоррупционная безопасность, баланс интересов, провокация взятки, антикоррупционная защита сотрудников ОВД, противодействие коррупции, уголовное преследование, межотраслевые меры.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Гармаев Ю.П. Основы концепции антикоррупционной безопасности сотрудников правоохранительных органов. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1497–1504. EDN: YZFURW

Введение в проблему исследования

Задачи повышения эффективности противодействия коррупции в правоохранительных органах, особенно в органах внутренних дел, находятся на постоянном контроле со стороны государства и вызывают обостренное внимание всего российского общества. Как известно из официальных статистических данных, из общего количества ежегодно регистрируемых, расследованных коррупционных и сопутствующих им преступлений значительная доля относится к тем, что совершались в сфере деятельности правоохранительных органов. Так, председатель Следственного комитета РФ отмечает, что только за 9 месяцев 2023 года 37 % обвиняемых в коррупционных преступлениях относились к этой сфере (Bastrykin, 2023). Обычно больше всего обвинительных приговоров вступает в силу в отношении сотрудников органов внутренних дел (Ria, 2022).

Ситуация в целом не нова. По данным профильных исследований, например, в 2011–2013 гг. ежегодно выявлялись, изобличались примерно 1500 сотрудников ОВД, совершивших преступления коррупционной направленности. Бóльшую часть таких преступных деяний составляли: получение взятки (ст. 290

УК РФ) и мошенничество (ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). «Из года в год их совершают порядка 70 % от общего количества виновных в коррупционных деяниях лиц» (Vinogradova, 2014: 22). Современная статистика демонстрирует рост этих показателей. У всех на слуху «громкие» коррупционные уголовные дела в отношении отдельных недобросовестных сотрудников, чьи деяния и их негативные последствия, размеры полученных взяток поражают воображение и вызывают резко негативную реакцию у общества. СМИ смакуют подробности и зачастую вольно или невольно создают негативный образ защитника законности и правопорядка. То есть налицо проблема некой обвинительной акцентуации, дисбаланса оценок, даже некоторой демонизации образа правоохранителя, что, безусловно, необъективно и вредно для общества и государства.

Постановка проблемы и гипотезы

А между тем до общества не всегда доносятся важные и при том объективные и весомые аргументы в защиту репутации всех сотрудников ОВД и иных правоохранительных органов, не позволяющие дискредитировать всю систему.

Попробуем перечислить лишь некоторые такие аргументы. Во-первых, сотрудники преступают закон примерно в 100 раз реже обычных граждан (Kommersant, 2018). Во-вторых, установленная законодательством штатная численность МВД РФ – более 900 тыс. человек[1], что, например, выше штатной численности СК РФ более чем в 40 раз. Отсюда и значительная разница в ежегодных абсолютных показателях числа осужденных бывших сотрудников. В-третьих, большинство (порядка 70 %) коррупционных, служебных преступлений в своих рядах выявляются по инициативе и силами самих правоохранительных органов. Только профильные специалисты осознают, что статистика по делам о криминальной коррупции показывает не ее реальное состояние, а лишь результаты борьбы с ней со стороны тех же правоохранительных органов. Парадоксально, но чем эффективнее их работа, тем больше они же и дискредитируются в глазах общества и СМИ.

В-четвертых, весьма неоднозначна и противоречива роль самих граждан, населения относительно противодействия коррупции в правоохранительных органах. Более 60 % населения считают, что уважение общества к закону ослабло, граждане активно провоцируют, предлагают взятки и готовы «откупиться» от ответственности за совершенное правонарушение и преступление (Korrupcija v pravoohranitel'nyh organah, 2014). При этом ежегодно рассматриваются десятки тысяч заявлений и сообщений, жалоб на сотрудников по поводу совершения ими якобы преступлений на службе. И это не считая анонимок. В подавляющем большинстве ситуаций результаты проверок по обращениям приводят к выводам об отсутствии оснований для привлечения должностных лиц к какой-либо ответственности. При этом, как правило, заявителям и анонимщикам все сходит с рук. Их практически не привлекают к гражданско-правовой (ст. 152 ГК РФ), уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), клевету в отношении сотрудника (ч. 2. ст. 298.1 УК РФ).

В-пятых, если, зная об изложенном выше, более внимательно изучать статистику и реальные уголовные дела, приговоры судов, то нетрудно заметить, что подавляющее большинство уголовных дел в отношении сотрудников – это такие дела, которые в литературе принято называть проявлениями «бытовой», «низовой» коррупции (Solov'ev, 2024) с участием должностных лиц низового звена. Она проявляется в повседневной жизни при взаимодействии граждан с представителями правоохранительных органов. Одним из распространенных примеров такой криминальной коррупции является получение взятки сотрудниками госавтоинспекции и иных подразделений за непривлечение к адми-

[1] Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2022 № 878 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

нистративной ответственности (Cybul'skij, 2022).

Доводы и аргументы в защиту репутации и конкретных представителей правоохранительной системы можно продолжать. Но предварительные выводы, а точнее, даже гипотезы, очевидны: в целом вряд ли корректно говорить и писать о тотальной коррумпированности правоохранительных органов, равно как и об их неспособности эффективно бороться с коррупцией и необходимости в связи с этим создания отдельного антикоррупционного органа (Baskakova & Badojan, 2018).

Еще одна гипотеза заключается в том, что к решению комплекса обозначенных задач необходимо подходить системно и междисциплинарно, с применением принципа сбалансированности мер противодействия коррупции и антикоррупционной защиты объектов охраны – личности, общества, государства.

Методология

В контексте все того же баланса следует особо отметить, что изложенные выше доводы и аргументы не должны рассматриваться как попытка снизить значимость мер по противодействию коррупции в сфере деятельности ОВД. Нужны в том числе и адекватно жесткие средства по борьбе с ней. Проблема повышения эффективности борьбы с коррупцией в правоохранительной сфере существует, и она максимально остра. Поэтому ее решению посвящено множество теоретических и прикладных исследований из области криминологии, наук уголовного права, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Однако, как и в общественном дискурсе, в публикациях явно не хватает некой сбалансированности. Проведенный специалистами анализ причин коррупции, например в ОВД, показывает, что помимо низкой заработной платы и уровня социальных льгот, материально-технического обеспечения деятельности в детерминационном комплексе коррупционной преступности сотрудников ОВД значительную роль играют правовой нигилизм, трансформация профессиональных ценностных ориентаций. Отмечается снижение уровня личной ответственности руководителей ОВД за соблюдение в подчиненных коллективах служебной дисциплины и законности, недооценка роли кадровой работы и морально-психологического обеспечения служебной деятельности (Vinogradova, 2014: 23).

Обобщая изложенное, следует сделать вывод, что в системе мер антикоррупционной деятельности следует исходить из некой, по существу не новой, но все же обновленной парадигмы. Ее суть выражается в критической оценке термина «противодействие коррупции» и главное – его содержания[2]. Как верно отмечает И. А. Дамм, сам термин «противодействие» и обозначаемая им деятельность имеет векторную направленность воздействия только на сам источник опасности – коррупционную преступность. Соответственно, за рамками пресловутого противодействия коррупции остается значимое направление – защита системообразующих объектов от коррупционных угроз и источников опасности – личности, общества и государства*, в том числе граждан России – сотрудников правоохранительных органов (курсив мой – Ю. Г.).* Отсюда становится очевидной необходимость поиска сбалансированного сочетания охраны и защиты объектов антикоррупционной безопасности и противодействия коррупционным угрозам (Damm, 2024).

Иными словами, необходимо находить баланс между мерами противодействия коррупции (в том числе в органах внутренних дел, включая прежде всего меры профилактики) и мерами защиты сотрудников от клеветы, незаконного, необоснованного, несправедливого привлечения их к уголовной, равно как и любой иной юридической ответственности.

И здесь в методологическом аспекте ключевое значение приобретают научные категории «коррупционный риск» сотрудника и меры по минимизации такого рода рисков. В этой публикации рассмотрим не-

[2] О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Ст. 1, п. 2 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

которые аспекты теории и практики разрешения этой проблемы.

Обсуждение

В законодательстве отсутствует определение понятия коррупционного риска. В науке также нет единообразного подхода к этому определению. Доминирует понимание коррупционного риска как некой обобщенной оценки вероятности возникновения коррупции и ее угрозы общественным отношениям (Pomazuev, 2016: 112). В аналогичном ключе Минтруд России в своих Рекомендациях[3] обозначает коррупционный риск как возможность совершения работником организации, а также иными лицами от имени или в интересах организации коррупционного правонарушения. При всей научной обоснованности предложенного подхода он вряд ли отражает практико-ориентированное понимание соответствующих явлений и процессов. В цитируемых определениях коррупционного риска в основу положена некая парадигма, которую упрощенно можно обозначить так: «Нужно не совершать коррупционные преступления, иные правонарушения, и все будет хорошо». Понимание коррупционного риска на основе такой парадигмы не вполне реалистично, поскольку, во-первых, оно не учитывает неблагоприятные последствия как важный элемент риска. Во-вторых, не принимаются во внимание достаточно распространенные ситуации незаконного, необоснованного уголовного преследования по делам о коррупционных и сопутствующих им преступлениях. В-третьих, в определении не учтено, что в реальном правоприменении объекты охраны – граждане, в том числе сотрудники правоохранительных органов, часто наряду с коррупционной привлекаются к уголовной ответственности за сопутствующие преступления. Для сотрудников правоохранительных органов это чаще всего превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) из иной личной заинтересованности, ряд преступлений против правосудия (статьи 299–304 УК РФ и другие).

То есть под коррупционным риском необходимо понимать вероятность совершения лицом реально или мнимо коррупционного и иного (сопутствующего) преступления, а также вероятность привлечения его к ответственности, наступления иных неблагоприятных последствий.

Соответственно, минимизация криминальных коррупционных рисков, например в правоохранительных органах – это антикоррупционная деятельность, направленная на антикоррупционное и шире – правовое просвещение сотрудников, профилактику коррупционных и сопутствующих преступлений, а также на их защиту от клеветы, необоснованного и незаконного обвинения в соответствующих преступлениях.

Из этих определений вполне закономерным представляется выделение и тщательный анализ двух типов коррупционных рисков: обоснованного и необоснованного (Garmaev, Ivanov & Markuncov, 2020: 110). Ведущие российские ученые в области уголовного права указывают на тенденции и опасность необоснованных коррупционных рисков (Jani & Prohorov, 2018: 54–57; Zhalinskij, 2009). Отсюда задача граждан и организаций при ключевой роли государства в лице самих же правоохранительных органов по возможности исключить большинство коррупционных рисков, поскольку в заданном контексте полностью предотвратить их наступление невозможно.

Приведем обобщенный пример, подобных которому множество в практике. Сотрудник полиции, той же госавтоинспекции, в результате провокации со стороны водителя, действовавшего под контролем регионального подразделения СБ МВД РФ, был склонен к получению незаконного вознаграждения в виде денег за непривлечение к юридической ответственности того самого водителя (провокатора). В силу за-

[3] «Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации». Утв. Минтрудом России в ред. 19.09.2019 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

кона (ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД[4]) и разъяснений Пленума Верховного суда РФ[5] в действиях сотрудника ОВД отсутствует состав преступления. Благодаря принятию своевременных и основанных на законе мер защиты личности от обвинения, уголовное дело не будет возбуждено или возбужденное – прекращено. Не исключено, однако, что сотрудник будет привлечен к иной – дисциплинарной ответственности. Заметим, что в этом простом примере имеет место антикоррупционная деятельность. Но вряд ли она подпадает под понятие «противодействие коррупции». Это скорее защита такого важнейшего объекта, как личность, от коррупционных угроз и источников опасности.

Уже много лет коллектив нашей научной школы реализует предлагаемую концепцию на прикладном уровне и проводит занятия для сотрудников ОВД по тематике типа: «Предупреждение коррупционных преступлений (вариант: преступлений против правосудия) в органах внутренних дел и защита от незаконного обвинения в преступлении».

В соответствующем видеоконтенте на официальном RuTube-канале научной школы (Rutube, 2025) и в рамках занятий предлагается междисциплинарный анализ и конкретные инструменты минимизации коррупционных рисков сотрудников, включая профилактические, просветительские меры. Рассматриваются следующие вопросы:

– каковы криминальные коррупционные и иные риски руководителей, сотрудников ОВД;

– как выявляются и расследуются преступления;

– в чем заключаются типичные «уголовные» заблуждения сотрудников и какова «цена» этих заблуждений;

– и, наконец, как защититься от клеветы и незаконного, необоснованного обвинения.

На типичных практических примерах отрабатываются и внедряются алгоритмы действий руководителя и сотрудников в типичных рисковых ситуациях: провокации взяток, клеветы, ложных обвинений со стороны представителей криминального мира, особенно – участников организованных преступных формирований, и т.п.

Для участников интерактивных занятий проводятся индивидуальные консультации и передаются:

– PDF-памятки с алгоритмами действий в типичных криминальных и следственных ситуациях,

– доступ к просветительскому видеоконтенту,

– специальная подборка литературы и судебной практики.

Важно отметить, что в рамках этой профилактической и просветительской деятельности никогда не допускается раздача сомнительных советов типа: «Как совершить преступление и уйти от ответственности» или «Как противодействовать расследованию против сотрудников всеми возможными, в том числе незаконными способами». Не допускается также огульная критика, создание негативного имиджа тех представителей правоохранительной и судебной системы, кто осуществляет оперативно-розыскную и надзорную деятельность, расследует и рассматривает уголовные дела в отношении сотрудников ОВД. Это важные методологические и этические правила, рассмотрение которых заслуживает отдельного анализа.

Заключение

Смена парадигмы противодействия коррупции в целом и в правоохранительных органах в частности может заключаться в создании системы теоретических положений и прикладных мер антикоррупционной безопасности (согласно концепции И. А. Дамм), мер по минимизации коррупционных рисков. В основе этих мер должна лежать концепция баланса интересов.

[4] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[5] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24. П. 34 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Балансироваться должны межотраслевые меры:

– по противодействию коррупции в ОВД, включая прежде всего меры профилактики коррупционных и сопутствующих противоправных посягательств, правового просвещения сотрудников;

– по защите личности – сотрудника и коллективов подразделений от коррупционных угроз, включая угрозы клеветы, применения незаконных, необоснованных, а также, пожалуй, и чрезмерных, несбалансированных мер борьбы с коррупцией и иными преступлениями.

Список литературы / References

Baskakova V.E. & Badojan V.D. Prichiny vozniknovenija i sovremennoe sostojanie korrupcii v pravoohranitel'nyh organah [Causes of occurrence and current state of corruption in law enforcement agencies]. In: *Marijskij juridicheskij vestnik [Mari legal bulletin]*, 2018, 2(25), 28–30.

Bastrykin 2023 – Bastrykin: *pochti 8 tys. del o korrupcii napravleno v sudy za devjat' mesjacev 2023 goda [Bastrykin: Almost 8 thousand corruption cases were sent to courts in the first nine months of 2023.].* Available at: https://tass.ru/interviews/19484225 (accessed March 18, 2025).

Cybul'skij V.V. *Metodika rassledovanija korrupcionnyh prestuplenij, sovershjonnyh sotrudnikami GIBDD [Methodology for investigating corruption crimes committed by traffic police officers*]: dis. …cand. legal sciences, Saransk, 2022. 250 p.

Damm I.A. Osnovnye jelementy sistemy teorii antikorrupcionnoj kriminologicheskoj bezopasnosti [The main elements of the system of anti-corruption criminological security theory]. In: *Vserossiĭskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2024, 18 (6), 591–601.

Garmaev Ju.P., Ivanov Je.A. & Markuncov S.A. *Antikorrupcionnyj komplaens v Rossijskoj Federacii: mezhdisciplinarnye aspekty. [Anti-corruption compliance in the Russian Federation: interdisciplinary aspects].* Moscow, Jurisprudencija, 2020. 240 p.

Jani P.S. & Prohorov N.V. Antikorrupcionnyj komplaens v ugolovno-pravovoj sfere: soderzhatel'nyj jelement [Anti-corruption compliance in the criminal law sphere: a substantive element]. In: Rossijskaja justicija *[Russian justice]*, 2018, 9, 54–57.

Kazachenkova O.V. Antikorrupcionnyj mehanizm uregulirovanija konflikta interesov na gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhbe [Anti-corruption mechanism for resolving conflicts of interest in state and municipal service]. In: Gosudarstvo i pravo. *[State and law],* 2012, 3, 112.

Kommersant 2018 – *U pravoohranitelej stabil'naja prestupnost'. [Law enforcement officers have stable crime].* Available at: https://www.kommersant.ru/doc/3786325 (accessed March 18, 2025).

Korrupcija v pravoohranitel'nyh organah: sbornik nauchnyh dokladov. M.: Akademija General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2014. S. 26.

Pomazuev A.E. Korrupcionnye riski: ponjatie i znachenie dlja mehanizma protivodejstvija korrupcii [Corruption risks: concept and significance for the mechanism of combating corruption]. In: *Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu» [In: Electronic supplement to the Russian Law Journal]*, 2016, 2, 64–65.

Ria 2022 – *V Rossii v 2022 godu 1400 pravoohranitelej otvetili v sude za korrupciju [In Russia in 2022, 1,400 law enforcement officers were prosecuted for corruption].* Available at: https://ria.ru/20221208/korruptsiya-1837112111.html (accessed March 18, 2025).

Ria 2022 – *Policejskih v 2021 godu chashhe drugih pravoohranitelej osuzhdali za korrupciju. [Police officers were convicted of corruption more often than other law enforcement officers in 2021].* Available at: https://ria.ru/20211209/korruptsiya-1762876118.html (accessed March 18, 2025).

Rutube 2025 – *Yuriy Garmaev [Yuri Garmayev].* Available at: https://rutube.ru/u/yurygarmaev (accessed March 18, 2025).

Solov'ev A.A. Ponjatie, klassifikacija i priznaki korrupcii kak javlenija, vlijajushhego na jekonomicheskuju bezopasnost' gosudarstva [The concept, classification and characteristics of corruption as a phenomenon affecting the economic security of the state]. In: Sovremennoe parvo *[Modern law]*, 2024, 7, 28–32.

Vinogradova A. D. Korrupcionnaja prestupnost' v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Corruption crime in the internal affairs bodies of the Russian Federation] In: Korrupcija v pravoohranitel'nyh organah: sbornik nauchnyh dokladov. M.: Akademija General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii *[Corruption in law enforcement agencies: collection of scientific reports. Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]*, 2014, 21–33.

Zhalinskij A. Je. *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz [Criminal Law in Expectation of Change: Theoretical and Instrumental Analysis].* Moscow, Prospekt, 2009. Available at: SPS «Konsul'tant Pljus».

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1505–1513

EDN: ZLADBX
УДК 343.851.3

Criminal Identity in the Context of Anti-Corruption Security: A Regional Study

Nadezhda A. Krainova*
Sevastopol State University
Sevastopol, Russian Federation

Received 15.05.2025, received in revised form 27.06.2025, accepted 30.06.2025

Abstract. The investigation of the criminal's identity is of interest in order to build an anti-corruption security system. Taking into account the regional specifics of corruption crime, the study was conducted in several subjects of the Russian Federation included in the Southern Federal District (SFD): Sevastopol, Republic of Crimea, Krasnodar Territory, Astrakhan Region, Volgograd Region, Rostov region. As a result, the typical characteristics of the socio-demographic and moral-psychological characteristics of the personality of a corrupt criminal were identified. It has been established in which areas of activity corruption crimes are committed. It is noted that the full-scale implementation of the principle of the inevitability of criminal liability for corruption crimes in the regions of the Southern Federal District is to some extent hampered by the specifics of the local mentality. It is proposed to take this circumstance into account when building an anti-corruption security system, and specific practical proposals are formulated.

Keywords: crime, corruption, criminal identity, anti-corruption security.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law Sciences (Legal Sciences).

Citation: Krainova N. A. Criminal Identity in the Context of Anti-Corruption Security: A Regional Study. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1505–1513. EDN: ZLADBX

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: nakraynova@sevsu.ru
ORCID: 0000-0002-4443-6709

Личность преступника в контексте антикоррупционной безопасности: региональное исследование

Н.А. Крайнова
Севастопольский государственный университет
Российская Федерация, Севастополь

Аннотация. Исследование личности преступника представляет интерес в целях выстраивания системы антикоррупционной безопасности. С учетом региональной специфики коррупционной преступности исследование было проведено в нескольких субъектах РФ, входящих в Южный федеральный округ (ЮФО): г. Севастополь, Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области. В результате были выявлены типичные для ЮФО характеристики социально-демографической и нравственно-психологической характеристики личности преступника-коррупционера. Установлено, в каких сферах деятельности совершаются коррупционные преступления. Отмечено, что полномасштабная реализация принципа неотвратимости уголовной ответственности за коррупционные преступления в регионах ЮФО до некоторой степени затрудняется в силу специфики местного менталитета. Предложено учитывать данное обстоятельство при выстраивании системы антикоррупционной безопасности, сформулированы конкретные практические предложения.

Ключевые слова: преступность, коррупция, личность преступника, антикоррупционная безопасность.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Крайнова Н. А. Личность преступника в контексте антикоррупционной безопасности: региональное исследование. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1505–1513. EDN: ZLADBX

Введение
в проблему исследования

Проблема личности преступника и реализация присущих такой личности свойств в причинном комплексе преступности является достаточно исследованной, что обусловлено естественной и неразрывной связью между деянием и его деятелем. Попытки проникнуть в глубины личностных детерминант преступности в свое время предпринимали как зарубежные специалисты (Г. Тард, И. Ланге, Б. Скиннер, Э. Дюркгейм, Ж. Пинатель, Э. Фромм, Р. Мертон, Т. Селлин, Э. Саттерленд, Р. Бюргесс, Р. Аскерс, Р. Кларк, Д. Корниш, Д. Мессершмидт[1] и др.), так и отечественные исследователи (Ю.М. Антонян, К.Е. Игошев, В.Н. Бурлаков, Н.Ф. Кузнецова, Г.А. Аванесов, А.С. Тарарухин, И.С. Ной, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев и др.)[2]. Однако личность преступника так и остается непознанной до конца. В последнее время в отечественной научной литературе увеличилось количество публикаций, содер-

[1] Тит А.А. Развитие криминологической мысли о личности преступника за рубежом // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 3. С. 89.

[2] Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений. Дис. …д-ра юрид. наук, М., 2003. С. 5.

жащих результаты исследований личности преступника, совершающего отдельные виды преступлений. В частности, ученые обратились к личности коррупционера, имея в виду особую вредоносность коррупции и необходимость выстраивания системы профилактики[3]. Значительный вклад в исследование личности преступника-коррупционера внесли А. И. Долгова, И. М. Мацкевич, П. А. Кабанов, М. П. Клейменов, В. А. Номоконов, Н. В. Щедрин, Н. А. Лопашенко, П. С. Яни, И. А. Дамм и др.). Тем не менее научные изыскания в данной сфере остаются востребованными. Об актуальности исследования проблемы коррупции вопиют и данные статистики: по информации МВД РФ, в 2024 году было зарегистрировано 38503 преступления коррупционной направленности, что на 5,8 % больше, чем в 2023 году. При этом увеличение показателя произошло за счет роста «крупного взяточничества», в то время как показатели мелкого взяточничества и мелкого коммерческого подкупа демонстрировали снижение[4].

Концептологические основания исследования

Концептуальная структура исследования базируется на основных положениях теории социального взаимодействия М. Вебера, согласно которым в контексте антикоррупционной безопасности первостепенным является осмысление всего, что связано с человеком: его мотивы, цели, интересы и сознание. Именно «осознанность, осмысленность есть ключ к теории социального действия Макса Вебера»[5]. Поведение человека, обусловленное индивидуальными характеристиками личности, определяет его место в социальной стратификации, в свою очередь, предопределяющее наличие или отсутствие возможности реализовать коррупциогенный потенциал. В этой связи востребованными настоящим исследованием явились положения теории социальной аномии Роберта Мертона[6], согласно которым социальные нарушения следует рассматривать в тесном взаимодействии со структурным состоянием общества[7].

Постановка проблемы

За последние пять лет в России наблюдается устойчивый рост коррупционных преступлений (в 2020 году было зарегистрировано 30813 преступлений, в 2021 году – 35051, в 2022 году – 35340, в 2023 году – 36407, в 2024 году – 38503 преступления). Принимаемые законодательные, организационные, технические меры противодействия на федеральном и региональном уровне значительны, однако статистические показатели свидетельствуют об отсутствии положительного результата. Сложившаяся ситуация требует разработки качественно нового подхода к решению проблемы минимизации коррупционных преступлений, основанного на выстраивании системы антикоррупционной безопасности[8] с акцентом на личность преступника. В этой связи необходимой представляется криминологическая оценка свойств личности преступника в контексте антикоррупционной безопасности с учетом региональной специфики.

Методология

Исследование личности преступника в контексте антикоррупционной безопасности опирается на диалектический метод познания, основанный на понимании кор-

[3] Фарахиев Д. М. Криминологический портрет личности современного преступника-коррупционера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 220–225; Стебенева Е. В. Криминологическая характеристика коррупционной преступности сотрудников ОВД России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 23. С. 69–72.

[4] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. Общие сведения о состоянии преступности. М. https://мвд.рф/reports/item/60248328/

[5] Кравченко Е. И. От Макса Вебера к феноменологии // Социологический журнал. 2001. № 3. С. 123.

[6] Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.

[7] Плотников В. В. Перспективы применения теории социальной аномии Р. Мертона в исследовании проблем современного общества // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 177.

[8] Дамм И. А. Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое направление научных исследований // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 6. С. 734.

рупции как содержащего в себе внутренние противоположности явления. Коррупция рассматривается в развитии и сопоставлении с внутренними характеристиками человека, склонного совершать преступления коррупционного характера, в целях определения верного пути профилактического воздействия. В работе используется эмпирический и сравнительный методы, дающие возможность анализировать и сопоставлять полученные в ходе регионального исследования данные о личности преступника-коррупционера и о совершаемых им преступлениях.

Обсуждение

Исследование личности преступника в контексте познания причин преступного поведения позволяет индивидуализировать наказание и иные меры уголовно-правового воздействия, выявить криминогенные внутренние и внешние факторы и определить средства для их нейтрализации. Однако постановка вопроса в таком ключе не позволяет в полной мере реализовать противопреступный потенциал исследования. Представляется целесообразным проанализировать личность преступника в контексте обеспечения безопасности, чтобы акцентировать внимание на долгосрочной перспективе реализации противопреступных мер. Личность преступника-коррупционера представляет особый интерес в целях выстраивания системы антикоррупционной безопасности, позволяющей снизить риски будущих коррупционных проявлений.

В научной среде уж достаточно давно продвигается тезис о целесообразности «познания резервов предупреждения коррупции сквозь призму теории безопасности»[9], разрабатываются концептуальные положения теории антикоррупционной безопасности. Значимый вклад в ее становление внес основоположник красноярской криминологической научной школы профессор Н. В. Щедрин, который под антикоррупционной безопасностью понимал «состояние защищенности закрепленных в Конституции РФ системообразующих ценностей социума (объектов охраны) от опасностей, исходящих от противоправных деяний физических лиц и организаций, выполняющих публичные функции или оказывающих публичные услуги вопреки интересам государства и общества, для извлечения противоправной выгоды как для себя, так и для других лиц (источники опасности), а также от деяний всех других лиц и организаций, подкупающих лиц, имеющих публичный статус (источники опасности)»[10].

Соглашаясь с пониманием антикоррупционной безопасности как состояния защищенности традиционных социальных ценностей, как представляется, следует акцентировать внимание на том, что защиту предлагается выстраивать от «опасностей, исходящих от противоправных деяний физических лиц и организаций…». Сказанное видится верным в отношении коррупционных правонарушений, а точнее, коррупционных деликтов, за совершение которых может наступить административная и/или гражданско-правовая ответственность. Однако если вести речь о коррупционных преступлениях, то, основываясь на принципе субъективного вменения как основополагающем для отечественного уголовного права, следует дифференцировать опасности, исходящие от физических лиц и от юридических лиц. Важнейшим звеном в цепочке криминологического познания является исследование личности преступника (которым всегда является физическое лицо), его свойств и качеств, мотивов и целей, направленности воли и т.д., в совокупности приводящих к совершению преступлений. В отрыве от познания личности невозможно понять детерминанты преступности, а следовательно, выстроить эффективную систему предупреждения преступлений. Сказанное представляется верным и в отношении антикоррупционной безопасности.

С учетом наблюдаемого за последние 5 лет в РФ прироста коррупционной преступности с дифференциацией по регионам представляет определенный научный

[9] Дамм И. А. Там же. С. 735.

[10] Антикоррупционные меры безопасности / под ред. Н. В. Щедрина, И. А. Дамм. М.: Проспект, 2020. С. 64.

интерес анализ личности преступника-коррупционера в отдельно взятом регионе. Автором для проведения криминологического исследования были выбраны несколько субъектов РФ, входящих в Южный федеральный округ (ЮФО): г. Севастополь, Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области. Показатель общего количества совершенных преступлений, в том числе коррупционной направленности, в большинстве обозначенных регионов в 2024 году продемонстрировал рост, за исключением Астраханской области, где наблюдалось некоторое снижение. В целом это объяснимая с учетом геополитической ситуации тенденция для южных регионов, экономика которых ориентирована на производство сельскохозяйственной продукции, туризм и рекреацию. Исследователи отмечают наличие в макрорегионе мощного многоотраслевого промышленного и энергетического комплекса[11], что предопределяет и специфичность структуры преступности, большую часть которой составляют корыстные преступления.

Статистические показатели коррупционной преступности за 2024 год в анализируемых регионах ЮФО демонстрируют рост[12]. Количество возбужденных уголовных дел и количество привлеченных к уголовной ответственности лиц различается в зависимости от размера территории и численности населения субъекта РФ, но наблюдается устойчивая тенденция роста по сравнению с аналогичными показателями прошлого года (табл. 1).

В числе коррупционных преступлений южных регионов заметно увеличение так называемых громких уголовных дел. Так, в Ростовской области по подозрению в получении взятки были задержаны заместитель губернатора – министр транспорта В. Кушнарев, заместитель министра спорта С. Гайдарова, руководитель следственного отдела по Таганрогу СУ СК полковник Р. Багмут[13]. В Волгоградской области направлено в суд уголовное дело по обвинению в совершении преступлений коррупционного характера в отношении экс-главы администрации Михайловского района С. Кошелева[14]. В г. Севастополе в 2024 г. вступил в законную силу приговор в отношении экс-руководителя Госжилнадзора г. Севастополя Д. Янькова, продолжается следствие по делу вице-губернатора города Е. Горлова[15]. Все это является не только следствием кропотливой работы правоохранительных органов, но и результатом реализации профилактических мероприятий, направленных на упорядочивание процессов выполнения полномочий в публичной сфере, просветительской антикоррупционной работе.

В результате проведенного исследования были выявлены типичные для ЮФО характеристики социально-демографической характеристики личности преступника-коррупционера. По данным опроса сотрудников правоохранительных органов и прокуратуры, среди коррупционеров преобладают мужчины (90 % респондентов) в возрастной группе от 30 до 50 лет (70 % респондентов), имеющие высшее образование (85 % респондентов). Некоторые из отвечавших на вопросы анкеты обращали внимание на то, что женщины также вовлечены в коррупцию, но в силу существующего некоторого гендерного неравенства в занятии должностей большинство из них чаще всего выступают в роли взяткодателя. Возрастные особенности коррупционеров также обусловлены соответствующим цензом, который установлен для занятия должностей.

[11] Дубская О.С., Чернов М.В., Кольцова С.С. Основные факторы и тенденции экономического развития Южного федерального округа РФ на современном этапе // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 5 (55). С. 116.

[12] Информация о статистических показателях взята из официальных сайтов прокуратур анализируемых субъектов Российской Федерации.

[13] Громкие дела: чиновников на Дону в 2024 г. задерживали за взятки и оружие. URL: https://rostov.rbc.ru/rostov/30/12/2024/676ffc2d9a794709850e5282.

[14] Прокуратура Волгоградской области. Новости. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_34/mass-media/news?item=16174703.

[15] В Севастополе рассказали о самых громких коррупционных делах. URL: https://sevastopol.su/news/v-sevastopole-rasskazali-o-samykh-gromkikh-korrupcionnykh-delakh.

Таблица 1
Table 1

№ п/п	Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности	Прирост/снижение
1.	г. Севастополь	570	+30 %
2.	Республика Крым	416	+30 %
3.	Краснодарский край	1200	+10 %
4.	Астраханская область	344	+15 %
5.	Волгоградская область	570	+10 %
6.	Ростовская область	127	+23 %

Таблица 2
Table 2

№ п/п	Субъект РФ	Сфера деятельности						
		Землепользование и землеустройство	Градостроительство	Промышленность	Туризм и сфера услуг	Сельское хозяйство	Сфера ЖКХ	Ресурсоснабжение
1.	г. Севастополь	30 %	25 %	-	5 %	-	20 %	20 %
2.	Республика Крым	40 %	15 %		5 %	-	20 %	20 %
3.	Краснодарский край	30 %	5 %	5 %	20 %	20 %	15 %	15 %
4.	Астраханская область	10 %	5 %	30 %	10 %	15 %	20 %	10 %
5.	Волгоградская область	10 %	5 %	20 %	10 %	25 %	20 %	20 %
6.	Ростовская область	10 %	10 %	15 %	10 %	35 %	10 %	10 %

Большинство преступников-коррупционеров, по мнению опрошенных сотрудников правоохранительных органов, достаточно социализированы: находятся в зарегистрированном браке, обеспечены жильем, имеют уровень дохода на одного члена семьи выше среднего по региону проживания (95 % опрошенных). В целом общий портрет преступника-коррупционера выглядел примерно одинаково по всем проанализированным нами регионам ЮФО[16].

Проведенное нами исследование не позволило установить существенных различий между сферами деятельность коррупционеров. Небольшие различия были отмечены между г. Севастополем, Республикой Крым и «материковыми» субъектами РФ, относящимися к ЮФО, где с небольшим перевесом преобладают коррупционные преступления в сфере промышленности и сельского хозяйства (табл. 2).

Данная ситуация обусловлена особенностями геополитической ситуации в ЮФО, оказывающей влияние на экономические и организационно-политические различия в регионах.

В рамках исследования нравственно-психологической характеристики коррупционеров респондентам из числа сотрудников правоохранительных органов был задан вопрос: что именно, на Ваш взгляд, побуждает человека совершать коррупционные преступления?». Полученные

[16] Где и почему в Крыму цветет коррупция. URL: https://sevastopol.su/news/gde-i-pochemu-v-krymu-cvetyot-korrupciya.

ответы также продемонстрировали региональные различия между проанализированными субъектами ЮФО. Так, опрошенные в г. Севастополе и Республике Крым сотрудники в качестве основного мотива указывали на свойственные личности жадность и склонность к стяжательству (90 % респондентов). В то время как сотрудники правоохранительных органов и прокуратуры Астраханской, Волгоградской и Ростовской областей чаще указывали на пробелы в законодательстве, несовершенство организационно-технического инструментария противодействия коррупции. Респонденты Краснодарского края обращали внимание на недостаточную реализацию принципа неотвратимости наказания за коррупционные преступления, что способствует формированию ложного ощущения безнаказанности.

К сожалению, коррупционные преступления высоколатентны. Это отмечали все опрошенные в ходе проведения настоящего исследования специалисты. Однако неотвратимость наказания за совершение данных деяний представляется важнейшим элементом антикоррупционной безопасности. В научной литературе неотвратимость наказания зачастую рассматривается исключительно с точки зрения пенологии. Так, некоторые специалисты утверждают, что «в России принцип неизбежности ответственности, тем более наказания, не реализован в полной мере в целях декриминализации социума», что подтверждается наличием в УК РФ главы 11[17]. Однако, как представляется, вопрос может быть рассмотрен и значительно шире. С одной стороны, осознание неизбежности привлечения к уголовной ответственности за коррупционное деяние способно выступить действенным сдерживающим фактором. Еще Марк Туллий Цезарь утверждал, что безнаказанность является величайшим поощрением преступления. В то же время вся история развития человечества свидетельствует о том, что неотвратимость наказания – это мощный сдерживающий фактор для потенциальных преступников. Кроме того, ощущение неизбежности наказания за содеянное формирует состояние защищенности общества, уверенность в том, что закон будет соблюдаться.

Анализ личности преступника в контексте антикоррупционной безопасности в субъектах РФ ЮФО показывает, что именно в этих регионах в силу сложившихся традиций взятка-благодарность является некоей данью местным традициям, устоявшемуся в веках укладу. Отчасти этим объясняется и повышенный по сравнению с другими субъектами Федерации уровень латентности взяточничества и коммерческого подкупа. Полномасштабная реализация принципа неотвратимости уголовной ответственности затруднительна, однако это не означает, что от достижения поставленных перед антикоррупционными мероприятиями целей в данном регионе нужно отказаться. Наоборот, антикоррупционную политику следует выстраивать с учетом особенностей личности преступника-местного жителя, ориентируясь на обеспечение антикоррупционной безопасности. Эффективными мерами представляется назначение на руководящие должности опытных сотрудников из других регионов, жесткий контроль за реализацией функций публичной власти в наиболее коррупциогенных сферах экономики и управления, массированная антикоррупционная пропаганда, правовое воспитание и просвещение.

Заключение

Проведенное исследование региональной специфики оценки личности преступника в контексте антикоррупционной безопасности продемонстрировало значимость постановки вопроса именно в данном ключе. В результате криминологического анализа были выявлены типичные для ЮФО характеристики социально-демографической характеристики личности преступника-коррупционера. Это мужчина в возрастной группе от 30 до 50 лет, имеющий высшее образование, состоящий

[17] Стрилец О.В., Семененко Г.М., Пахомов А.Н. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 38.

в зарегистрированном браке, обеспеченный жильем, с уровнем дохода на одного члена семьи выше среднего по региону проживания. В целом общий портрет преступника-коррупционера выглядел примерно одинаково по всем проанализированным регионам ЮФО. Отмечен прирост количества «громких уголовных дел», когда за коррупционные преступления привлекаются к уголовной ответственности руководители высшего звена. В основном коррупционные преступления в ЮФО совершают лица, задействованные в сфере градостроительства, землепользования и землеустройства, туризма и сферы услуг, сельского хозяйства, сферы ЖКХ и ресурсоснабжения. Исследованием установлено, что полномасштабная реализация принципа неотвратимости уголовной ответственности за коррупционные преступления в регионах ЮФО до некоторой степени затрудняется в силу специфики местного менталитета. Данное обстоятельство следует учитывать, выстраивая систему антикоррупционной безопасности с учетом особенностей личности преступника-местного жителя: назначать на руководящие должности опытных сотрудников из других регионов, контролировать реализацию функций публичной власти в наиболее коррупциогенных сферах экономики и управления, осуществлять массированную антикоррупционную пропаганду, правовое воспитание и просвещение.

Список литературы / References

Antikorrupcionnye mery bezopasnosti [Anti-corruption security measures] / pod red. N. V. Shchedrina, I. A. Damm, M.: Prospekt, 2020. 496 p.

Damm I. A. Antikorrupcionnaya kriminologicheskaya bezopasnost' kak novoe napravlenie nauchnyh issledovanij. *[Anti-corruption criminological security as a new area of scientific research*] In: Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. [*All-Russian Journal of Criminology*]. 2021. T.15, (6), 734–743.

Dubskaya O. S., Chernov M. V., Kol'cova S. S. Osnovnye faktory i tendencii ekonomicheskogo razvitiya Yuzhnogo federal'nogo okruga RF na sovremennom etape/ [*The main factors and trends of economic development of the Southern Federal District of the Russian Federation at the present stage*] In: Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. [*Natural Sciences and humanities research*].2024, (5 (55)), S.116.

Farahiev D. M. Kriminologicheskij portret lichnosti sovremennogo prestupnika-korrupcionera. [*Criminological portrait of the personality of a modern criminal-corrupt official*].V Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. [*Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russi*a]. 2022. (4), 220–225.

Gde i pochemu v Krymu cvetet korrupciya. [*Where and why corruption flourishes in Crimea*]. URL: https://sevastopol.su/news/gde-i-pochemu-v-krymu-cvetyot-korrupciya.

Gromkie dela: chinovnikov na Donu v 2024 g. zaderzhivali za vzyatki i oruzhie. [*High-profile cases: officials on the Don in 2024 were detained for bribes and weapons*]. URL: https://rostov.rbc.ru/rostov/30/12/2024/676ffc2d9a794709850e5282.

Kravchenko E. I. Ot Maksa Vebera k fenomenologii. [*From Max Weber to Phenomenology]. In:* Sociologicheskij zhurnal. [*The Sociological Journal*]. 2001. (3), 122–124.

Kurguzkina E. B. Teoriya lichnosti prestupnika i problemy individual'noj profilaktiki prestuplenij. [Criminal personality theory and problems of individual crime prevention]. Dis. …d.yu.n., M., 2003. 432 p.

Merton R. K. Social'naya teoriya i social'naya struktura. [*Social theory and social structure*.]. M., 2006. 873 p.

Plotnikov V. V. Perspektivy primeneniya teorii social'noj anomii R. Mertona v issledovanii problem sovremennogo obshchestva. [*Prospects for the* application of R. Merton's theory of social anomie in the study of the problems of modern society]. In: Obshchestvo i pravo. [*Society and law*]. 2018. (4 (66)), 177.

Prokuratura Volgogradskoj oblasti. Novosti. [*The Prosecutor's Office of the Volgograd region. News*]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_34/mass-media/news?item=16174703

Stebeneva E. V. Kriminologicheskaya harakteristika korrupcionnoj prestupnosti sotrudnikov OVD Rossii. [*Criminological characteristics of corruption crimes of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia*]. In: Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. [*Criminology: yesterday, today, tomorrow*]. 2011. (23), 69–72.

Tit A. A. Razvitie kriminologicheskoj mysli o lichnosti prestupnika za rubezhom. [*The development of criminological thinking about the identity of a criminal abroad*]. In: Vestnik BelYuI MVD Rossii. [*Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia*]. 2022. (3), 88–92.

V Sevastopole rasskazali o samyh gromkih korrupcionnyh delah. [In Sevastopol, they talked about the most high-profile corruption cases]. URL: https://sevastopol.su/news/v-sevastopole-rasskazali-o-samykh-gromkikh-korrupcionnykh-delakh.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1514–1523

EDN: ZMWZKC
УДК 340.12.343.35(47+57)"18"

On the Influence of L. G. Yakob's Views on the Formation of the Most Soft (Liberal) Approach to Combating Corruption in the History of Russian Criminal Legislation

Sergei A. Markuntsov*[a] and Martin P. Wassmer[b]
[a]*National Research University Higher School of Economics*
Moscow, Russian Federation
[b]*University of Cologne*
Cologne, Federal Republic of Germany

Received 11.03.2025, received in revised form 02.06.2025, accepted 27.06.2025

Abstract. In the article, based on the proposed periodization of the main stages of L. G. Yakob's scientific activity, his most significant achievements in the field of philosophy and economic sciences are considered in more detail. These views, as it seems, had a direct influence on a number of provisions of the draft of the Criminal Code for the Russian Empire prepared by L. G. Yakob, which became one of the main things in the life of the scientist. In particular, the said draft, taken as a basis for the preparation of the Draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813, realized a very controversial attempt to introduce the most soft (liberal) in the history of Russian criminal legislation approach to counteracting corruption, which largely contradicted the vector of the fight against this socially negative phenomenon that had been established by that time.

Keywords: L. G. Yakob's Draft Criminal Code, Draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813, countering corruption, bribery, abuse of authority.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Countering Corruption; Criminal Law Sciences.

Citation: Markuntsov S. A., Wassmer M. P. On the Influence of L. G. Yakob's Views on the Formation of the Most Soft (Liberal) Approach to Combating Corruption in the History of Russian Criminal Legislation. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1514–1523. EDN: ZMWZKC

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: sam.hse@mail.ru; smarkuntsov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8473-7314 (Markuntsov); 0000-0003-0695-0130 (Wassmer)

О влиянии воззрений Л.Г. Якоба на формирование наиболее мягкого (либерального) подхода к противодействию коррупции в истории российского уголовного законодательства

С.А. Маркунцов[а], М.П. Вассмер[б]
[а] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
Российская Федерация, Москва
[б] *Кельнский университет*
Федеративная Республика Германия, Кельн

Аннотация. В статье исходя из предложенной периодизации основных этапов научной деятельности Л.Г. Якоба детально рассматриваются его наиболее значительные достижения в сфере философии и экономических наук. Указанные воззрения, как представляется, оказали непосредственное влияние на ряд положений составляемого Л.Г. Якобом проекта Уголовного уложения для Российской империи, ставшего одним из главных дел в жизни ученого. В частности, в указанном проекте, взятом за основу при подготовке проекта Уголовного уложения Российской империи 1813 г., была реализована весьма дискуссионная попытка внедрения наиболее мягкого (либерального) в истории российского уголовного законодательства подхода противодействия коррупции, который во многом противоречил устоявшемуся к тому времени вектору борьбы с этим социально негативным явлением.

Ключевые слова: проект уголовного уложения Л.Г. Якоба, проект Уголовного уложения Российской империи 1813 г., противодействие коррупции, взяточничество, злоупотребление властью.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Маркунцов С.А., Вассмер М.П. О влиянии воззрений Л.Г. Якоба на формирование наиболее мягкого (либерального) подхода к противодействию коррупции в истории российского уголовного законодательства. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1514–1523. EDN: ZMWZKC

Введение

В начале XX в. в кратком библиографическом описании об ученом было указано: «Людвиг Кондратьевич Якоб – экономист обществовед, пользующийся европейской известностью…» (Yurovskiy fakul'tet Khar'kovskogo universiteta, 1908: 275). В современных российских открытых источниках Людвиг Генрих (Людвиг Кондратьевич) фон Якоб (1759–1827) упомянут как «экономист, философ, филолог, член-корреспондент РАН с 17 января 1810 г.» (Jacob Ludwig Kondratievich (Ludwig Heinrich) von, 2024). В связи с этим неудивительно, что встречаются публикации, в которых анализируется, например, «трактат немецкого философа Людвига Генриха фон Якоба (1759–1827) «Испытание Мендельсоновых Утренних часов или всех спекулятивных доказательств в пользу бытия Бога»… особый интерес в данном контексте представляет вступительная статья И. Канта, которую тот прислал Л.Г. Якобу перед выходом трактата» (Shevtsov, 2022: 835).

При этом сравнительно ограниченный круг отечественных ученых-юристов знает, какое влияние оказали идеи этого незаурядного немецкого ученого на формирование российского уголовного законодательства. Для широкого круга немецких ученых в области уголовного права также малоизвестным был тот факт, что Л.Г. Якоб активно участвовал в создании проекта Уголовного уложения Российской империи. Многое о его жизни и деятельности стало известно благодаря публикации в 2011 г. издательством университета Галле-Виттенберг его автобиографии (Jakob, 2011). В действительности изданная работа Л.Г. Якоба, представляющая собой по сути дневник ученого, была написана исключительно для «семьи и верных друзей». Однако его последний потомок в 1931 г. решил передать рукопись в университетскую библиотеку в Галле и таким образом сделать ее доступной для общественности.

О формировании философских, экономических и правовых воззрений Л.Г. Якоба

Не ставя перед собой задачу детального описания биографии Людвига Генриха фон Якоба, вместе с тем для понимания масштаба личности ученого, направления его философских, социально-экономических и, как следствие, правовых воззрений, кратко остановимся на основных вехах его научной деятельности, которую можно условно разделить на три этапа. Первый этапа (до 1806 г.), в рамках которого ученым проводились преимущественно философские, а несколько позже – и экономические исследования в Галле. Второй этап (1807–1816) связан с его пребыванием в Российской империи после закрытия Галльского университета в соответствии с декретом Наполеона I, работа в Харьковском университете, затем в Санкт-Петербурге, где основное внимание уделялось составлению проекта Уголовного уложения. Последний период (1816–1827) связан с возвращением ученого в Галле, где он продолжил во вновь открытом, уже объединенном Галле-Виттенберг университете свою преподавательскую, а также издательскую деятельность. Именно в этот период, в частности в 1818 г., Л.Г. Якобом на немецком языке был опубликован вышеупомянутый проект Уголовного уложения (Jakob, 1818). В том же году сыном Л.Г. Якоба Людевигом Адольфом Якобом на немецком языке был опубликован в Галле проект Уголовного уложения Российской империи 1813 г. в целях информирования немецкой научной общественности о «духе и направлении» нового российского уголовного законодательства, которое «в некоторых частях отклоняется от того, что принято в европейских государствах» (Criminal Code for the Russian Empire, 1818).

Прежде всего кратко охарактеризуем первый, условно назовем его философско-экономический, этап его научного творчества, так как представляется, что именно в этот период сформировались воззрения ученого, проявившиеся впоследствии при формировании наиболее мягкого (либерального) подхода противодействия коррупции при работе над проектом Уголовного уложения Российской империи.

Итак, Л.Г. Якоб рано познакомился с философским учением И. Канта, особенно сильное влияние оказала на становление его мировоззрения «Критика чистого разума» (Рига, 1781 г.). В философских работах Л.Г. Якоба и в «Анналах философии и философского духа» (1795–1797 гг.), издававшихся под его редакцией, философские воззрения И. Канта имели столь существенное проявление, что современники прозвали его «Кант-Якоб» (Stiehler, 2014: 77, 78). Вместе с тем Л.Г. Якоб не являлся бездумным подражателем или полным последователем великого философа, но проявлял себя как «самостоятельный мыслитель», который часто занимал противоположную позицию (Cattaneo, 1998: 175). Так, например, в своем труде «Антимакиовелли или о пределах гражданского послушания» (Jakob, 1794: XXI) ученый подверг резкой критике отрицание И. Кантом права граждан на сопротивление (Kant, 1793), указав на противоречие между идеей абсолютной обязанности подчиняться любому волеизъ-

явлению суверена и моральной философией И. Канта, основанной на абсолютном примате морального закона (Cattaneo, 1998: 177). Кроме этого в целом под влиянием кантовской философии ученый разработал собственную философию права. При этом работа Л. Г. Якоба «Пролегомены практической философии» (1787 г.) не только предшествовала «Критике практического разума» (1788 г.) И. Канта, но и философия права Л. Г. Якоба, которую он изложил в своем труде «Философский трактат о природе» (1795 г.), также была опубликована за два года до «Метафизики нравов» И. Канта (1797 г.) (Cattaneo, 1998: 178).

С 1798 г. в сферу научных интересов Л. Г. Якоба вошла экономическая доктрина: он стал читать лекции по камеральной, финансовой и коммерческой наукам, а также по политической экономии. Его переводы экономических работ Дэвида Юма и Жана-Батиста Сэя, а также ряд собственных трактатов в данной сфере, только способствовали этому. В своих трудах он стремился создать основу для немецких либеральных экономических учений и одновременно устранить опасность их «одностороннего доктринального восприятия», подчеркивая необходимость комплексных управленческих, экономических и социальных реформ (Vopelius, 2024). В работе «Принципы национальной экономики или теория национальной экономики» (Jakob, 1805) Л. Г. Якоб не только показал себя как наиболее значительный немецкий последователь учения Адама Смита (1723–1790), но, по оценкам немецких ученых, он заложил основы национальной экономики Германии.

После переезда в Российскую империю Л. Г. Якоб в 1807 г. был избран на кафедру дипломатии и политической экономии Императорского Харьковского университета, официально открытого в начале 1805 г., где «читает введение в политико-камеральные науки и государственное всеобщее право» и остается профессором кафедры до 1811 г, когда переходит на службу в Дерптский университет (Yurovskiy fakul'tet Khar'kovskogo universiteta, 1908: 9). В 1809 г. на немецком языке в Харькове он издал работу «Принципы полицейского законодательства и полицейских учреждений» (Jakob, 1809). В том же году ученый представил императору Александру I свое сочинение «О российских бумажных деньгах и способах поддержания их неизменной стоимости», которое вызвало интерес у графа М. М. Сперанского (впоследствии оно было опубликовано в 1817 г. после отъезда Л. Г. Якоба из Российской империи в Галле (Jakob, 1817)). Л. Г. Якобу было поручено подготовить предложение по совершенствованию денежной системы (Jakob, 2011: 216), а в 1810 г. по рекомендации М. М. Сперанского он был включен во второе отделение Комиссии составления законов при Государственном совете, которое составляло Уголовное уложение, Установление судебных обрядов, Устав полиции судебной, вело устройство уголовных судов (The Commission for the Drafting of Laws, 2024).

И. Я. Фойницкий весьма неоднозначно отзывался о Л. Г. Якобе, отмечая, что он «кабинетный чиновник-систематик с предвзятыми общими началами естественного права, с *большим запасом юридической эрудиции того времени, выражавшейся в знакомстве со многими кодексами* (курсив наш – С.М., М.В.), без знания исторических основ каждого из них, не сомневавшийся в возможности создать кодекс законов для любого народа, не будучи его членом и не живя его жизнью, в возможности бесследно вырвать все прежние начала права, жившие сотни лет, и заменить их курсом в форме кодекса, – таков был человек, понадобившийся Сперанскому для создания русского уголовного уложения в первый, революционный период его деятельности» (Foynitskiy, 1871: 63).

Из истории составления проекта Уголовного уложения Российской империи

Изначально Л. Г. Якоб считал, что его взяли для разработки полицейского законодательства, но вскоре выяснилось, что он должен составить проект Уголовного уложения. По его собственному признанию, он даже предпочел взяться за составление Уго-

ловного кодекса, «ибо если в какой-либо области законодательства можно достичь чего-то цельного и законченного, то в области уголовного законодательства это, несомненно, можно сделать легче всего». Идея Л. Г. Якоба заключалась в том, чтобы «из материалов российских законов составить целое, дополнить то, чего недоставало по аналогии с существующими законами, отсечь то, что противоречило» (Jakob, 2011: 229, 233).

Длительный разговор между Л. Г. Якобом и М. М. Сперанским, которому он представил свой проект в виде трех трактатов, подтолкнул ученого к составлению «идеального» кодекса, который в определении преступлений следовал бы только разуму и природе дела и сохранял бы наказания, принятые в России, но определял бы их более точно. Чтобы компенсировать недостатки русских переводчиков, М. М. Сперанский предложил совместное окончательное редактирование проекта. Якоб немедленно приступил к работе и менее чем за два года подготовил обширный черновик и русский перевод. Однако запланированному окончательному совместному редактированию не суждено было состояться, так как в марте 1812 г. М. М. Сперанский попал в опалу: он был «обвинен в измене, арестован, уволен со всех должностей и сослан в Пермь, откуда вскоре переведен под надзор полиции в свое небольшое имение Великополье Новгородской губернии». Это имело неблагоприятные последствия для Л. Г. Якоба, который вспоминал, что «со М. М. Сперанским я потерял своего единственного покровителя среди великих русских, от которого я мог ожидать прочного основания для своего счастья в этой стране» (Jakob, 2011: 233, 235, 246).

После опалы М. М. Сперанского Комиссия составления законов была преобразована, оставаясь при Государственном совете, она была передана в непосредственное ведение министра юстиции, а вместо должности директора учрежден особый совет из трех членов, среди которых особое влияние имел Густав Адольф (Андреевич) фон Розенкампф (Baranowski, 2003: 168, 177), ставший по сути основным руководителем работ Комиссии.

По воспоминаниям Л. Г. Якоба, проекты комиссии под руководством М. М. Сперанского в целом были ориентированы на новые французские правовые кодексы, появившиеся при Наполеоне Бонапарте… относительно уголовного уложения, он смог убедить М. М. Сперанского не следовать французской модели (Jakob, 2011: 247). В этом отношении вполне справедливой выглядит оценка В. В. Есипова о том, что «проект Якоба следовал общему духу современной ему германской доктрины» (Yesipov, 1894: 44). Несмотря на это, по инициативе Г. А. Розенкампфа проект Уголовного уложения был представлен на рассмотрение особого совета, который решил, что, хотя проект имел «много положительного», он местами был «плохо переведен», а частично содержал «слишком много новых идей», неприемлемых для России (Jakob, 2011: 253). Г. А. Розенкампфу было поручено переработать его. Поскольку кодекс должен был быть составлен быстро, Л. Г. Якоб и Г. А. Розенкампф договорились переработать предыдущий проект. Новый проект должен был быть короче, в большей степени учитывать российский менталитет и по возможности использовать существующую терминологию (Jakob L. H., 2011: 254). Л. Г. Якоб последовательно доработал проект уложения на немецком языке и вместе с переводами передал его Г. А. Розенкампфу, который изменил части текста и представил их в законодательный отдел Государственного совета. Черновик был настолько изменен, что Л. Г. Якоб позже оценил его как «совершенно чужое произведение» (Jakob, 1818: XIII). В. В. Есипов кратко описал указанную историю следующим образом: «Пересмотренный им (Л. Г. Якобом – С.М., М.В.) проект был внесен в Государственный совет, где подвергся весьма значительным изменениям. В таком измененном виде он известен под названием проекта 1813 года, в противоположность первоначальному проекту Якоба. Различие этих двух проектов в немногих словах таково. Проект Якоба следовал общему духу

современной ему германской доктрины. Проект 1813 года был верен историческим традициям русского права» (Yesipov, 1894: 44). В качестве официального законопроекта в 1813 г. проект Уголовного уложения был опубликован в трех книгах (Proyekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiyskoy imperii, 1813), он должен был быть вынесен на рассмотрение общего собрания Государственного совета и после одобрения представлен императору для утверждения, но этого не произошло.

Л. Г. Якоб был озлоблен и раздражен тем, как обошлись с его проектом. Как указывалось ранее, уже после отъезда в 1818 г. из России ученый опубликовал свой проект Уголовного кодекса, который он передал Г. А. Розенкампфу для дальнейшей работы. Тем самым он хотел решительно дистанцироваться от сильно измененного проекта Уголовного уложения 1813 г. В приложении к работе содержались обширные «Критические замечания на проект Уголовного уложения Российской империи» (Jakob, 1818: 229–344), где раскрываются многочисленные упущения, противоречия и несоответствия, от которых, по мнению Л. Г. Якоба, страдал указанный законопроект.

Однако даже беглое сравнение двух законопроектов показывает, что между ними много общего. Проекты имеют схожий объем и структуру. Если проект Л. Г. Якоба содержит 613 параграфов, то проект 1813 г. – немного меньше, 585 параграфов. В обоих законопроектах выделяется Первая часть «Общие принципы» или «Основания уголовного права» (§ § 1–169 проекта Л. Г. Якоба; § § 1–111 проекта 1813 г.). Проект Якоба включал все преступления во Второй части (§ § 170–613), разделяя их на «общие публичные преступления», «специальные публичные преступления государственных чиновников» и «частные преступления». Проект 1813 г. действительно содержал помимо Второй и Третью часть, но обе части также посвящены регулированию – государственных и общественных преступлений (§ § 112–331) и частных преступлений (§ § 331–585) соответственно. Более детальное сравнение двух редакций проекта Уголовного уложения Российской империи показывает, что наибольшие изменения, безусловно, претерпели положения Особенной части уголовного закона. На наш взгляд, несмотря на существенную переработку, базовые идеи и «дух» проекта Л. Г. Якоба прослеживаются в проекте Уголовного уложения 1813 г.

О мягком подходе противодействия коррупции в проектах Уголовного уложения Российской империи

Представляется, что во многом либеральные экономические и философские воззрения Л. Г. Якоба проявились, в частности, в закреплении наиболее мягкого в истории Российского государства с периода, когда этому социально негативному явлению стали активно противодействовать, подхода противодействия коррупции в его проекте Уголовного уложения.

Как известно, активная борьба с коррупцией началась при Петре I, в период его правления была установлена весьма строгая уголовная ответственность за дачу и получение взятки, а также иные деяния коррупционной направленности. В частности, согласно указу от 21 декабря 1714 г. «О лихоимстве» было установлено: «Понеже многие лихоимства умножались… кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован, и из числа добрых людей извержен, или и смертью казнен будет. Тоже следовать будет и тем, кто ему в том служили, и чрез кого делано, и кто ведали, а не известили…» (Ukazy blazhennyya i vechnodostoynyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago, 1780: 26–27). В соответствии, например, со ст.ст. 184 и 194 Артикула Воинского 1715 г. установлено, что «Ежели кто подарков, прибыли или пользы себе ради, чрез караул кого пропустит, где не надлежит пропускать, онаго надлежит повесить», и соответственно: «Кто Его Величества или государственные деньги в руках имея, из оных несколько утаит, украдет, и к своей пользе употребит, и в расход меньше записано и сочтено будет, нежели что он получил, оный

живота лишится, и имеет быть повешен. Тую же казнь чинить и тем, кои ведая про то, а не известят» (Artikul voinskiy, 1757: 43, 45–46). Начиная с правления Петра I, государство стало активно противодействовать коррупции, устанавливая весьма строгие санкции за различные преступления коррупционной направленности.

В этом смысле во многом «абсолютной противоположностью» выглядит подход противодействия коррупции, заложенный в проекте Уголовного уложения Л.Г. Якоба. Так, в главе 3 «О преступлениях государственных чиновников против правительства или общества» содержались, в частности, нормы о разновидностях взяточничества. Так, согласно § 321, «Тот, кто злоупотребляет своим служебным положением для получения несанкционированных выгод для себя, подлежит наказанию в соответствии со следующими законами: (1) Если он принимает санкционированное вознаграждение за служебные действия, совершенные в соответствии с его обязанностями, он наказывается штрафом в четырехкратном размере стоимости того, что он должен был удержать или получить; 2. В дополнение к этому штрафу (1) он также подлежит отстранению от должности, если он пытался вымогать подарок путем затягивания дела или другими незаконными способами, противоречащими его долгу» (Jakob, 1818: 77). А в соответствии с § 322, «Если, однако, подарки или обещания имеют своей целью нарушение служебного долга, и должностное лицо заявляет о своей готовности сделать это путем прямого или косвенного принятия подарков или иным образом, то такое взяточничество подлежит наказанию: I. Должностное лицо, принявшее взятку, наказывается третьей степенью наказания чести (§ 39) и четырехкратной стоимостью взятки; 2. Взяткодатель наказывается штрафом в размере четырехкратной стоимости взятки» (Jakob, 1818: 77). Таким образом, в отношении взяткодателя предусматривалось наказание в виде штрафа, в отношении взяткополучателя в зависимости от вида состава соответствующего преступления – наказание в виде штрафа с отстранением от должности либо третьей степени наказание чести (т.е. лишение навсегда всех достоинств, почестей, должностей и преимуществ, приобретенных после рождения, с сохранением дворянского статуса за благородными преступниками) со штрафом. Весьма интересным представляется тот факт, что в сущности одним из наказаний в любом варианте является штраф, исчисление которого осуществлялось в виде кратности стоимости взятки. При этом размер штрафа не дифференцировался ни в зависимости от вида преступного деяния, ни от состава преступления, а его размер был сравнительно небольшой («четырехкратной стоимостью взятки»). Напомним, что, согласно действующему УК РФ, за получение взятки (по ч. 1 ст. 290) наказание в виде штрафа предусмотрено «в размере от десятикратной до пятидесятикратной суммы взятки», а за дачу взятки (по ч. 1 ст. 291) – «в размере от пятикратной до тридцатикратной суммы взятки». Вместе с тем за совершение указанных преступлений соответствующими санкциями альтернативно предусмотрены и более тяжкие наказания – вплоть до лишения свободы до трех и двух лет соответственно. Весьма интересным представлялся и тот факт, что взяткодатель исходя из положения § 324 мог избежать и этого наказания: «Взяткодатель освобождается от всякого наказания, ему возвращаются его подарки и он получает законные преимущества, если он заявит и докажет факт взяточничества в течение четырнадцати дней после его совершения» (Jakob, 1818: 78). Аналогичные крайне мягкие наказания предусматривались в сущности и за злоупотребление властью. Так, в § 327 было установлено, «кто делает это из корысти, ненависти, пристрастия или злобы и использует свою должность для получения незаконного вторичного дохода путем притеснения своих подданных, помимо двойной компенсации (§ 326), должен быть наказан третьей степенью чести (§ 39)» (Jakob, 1818: 78–79). В соответствии с положением § 328, «Аналогичным образом (§ 327) должен быть наказан тот, кто пытается вымогать для себя какую-либо частную выгоду или удовольствие, угрожая своей официальной вла-

стью». Таким образом, в проекте Уголовного уложения Л.Г. Якоба был заложен наиболее мягкий (либеральный) подход противодействия коррупции, что наиболее очевидно в сравнении с предшествующими нормами, устанавливающими наказания за базовые преступления коррупционной направленности. Представляется, что такой подход во многом стал следствием либеральных экономических воззрений Л.Г. Якоба, его философско-правового осмысления сущности коррупции.

Весьма интересным представляется тот факт, что такой мягкий (либеральный) подход к противодействию коррупции, заложенный в проекте Л.Г. Якоба, нашел определенное отражение и в проекте Уголовного уложения 1813 г. Так, например, в соответствии с положениями § 325 последнего из указанных проектов: «Кто даже при соблюдении справедливости дела, обличен будет в принятии подарков и взяток; то и сей сверх взыскания взятого, подвергается позорным наказаниям на основании § § 50 до 52, по мере вины» (Proyekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiyskoy imperii. Chast' vtoraya, 1813: 108). Так называемые позорные наказания, исходя из указанных параграфов, состояли: «в одном токмо отрешении от должности», «в строжайшем публичном выговоре» или «в простом письменном выговоре» (Proyekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiyskoy imperii. Chast' vtoraya, 1813: 22) соответственно. Согласно § 326 проекта Уголовного уложения 1813 г., «с тех же, кто дают подарки или взятки, изыскивают против данного вдвое, в пользу Богоугодных заведений» (Proyekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiyskoy imperii. Chast' vtoraya, 1813: 108). Вместе с тем справедливости ради отметим, что за некоторые преступления коррупционной направленности по указанному законопроекту устанавливались значительно более строгие наказания. В частности, в соответствии с § 320: «Кто обличен будет в несправедливом решении дел из корыстолюбия, тот наказывается лишением свободы и чести и даже всех прав § 34 или 38, по мере вины» (Proyekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiyskoy imperii. Chast' vtoraya, 1813: 106). В рамках указанных параграфов закреплены следующие виды наказаний: «преступник присуждается к лишению чинов и дворянства и к вечной ссылке на поселение… простолюдины же, присуждаются к меньшему числу ударов кнутом и также к менее тяжкой работе», «в разжаловании и отобрании знаков отличий без лишения дворянства с назначением навсегда жительства в отдаленных Губерниях… для тех, кои не имеют знаков отличия и дворянства, в телесном наказании кнутом и отсылке на вечное поселение без заклеймения» (Proyekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiyskoy imperii. Chast' vtoraya, 1813: 16, 18). Таким образом, очевидно, что мягкий (либеральный) подход к противодействию коррупции, заложенный еще в проекте Уголовного уложения Л.Г. Якоба, проявился и в санкциях ряда статей, устанавливающих ответственность за некоторые преступления коррупционной направленности, содержащихся в проекте Уголовного уложения 1813 г.

Впрочем, в Своде законов Российской империи от указанного подхода уже не осталось и следа, что очевидно из анализа санкций норм, устанавливающих ответственность за лихоимство. В ст.ст. 308–313 гл. 6 «О лихоимстве» раздела V «О преступлениях чиновников по службе» Свода законов уголовных предлагается детальное описание видов лихоимства, дается понятие взятки, ее вымогательства, ряд других общих понятий и разъяснений об ответственности за лихоимство (Svod zakonov Rossiyskoy imperii, 1833: 107–109). Согласно ст. 314, «За излишние поборы в податях и нарядах в повинностях, за вымогательство денег, припасов и какой-либо выгоды страхом притеснения и за взятки (перечислены все три вида лихоимства исходя из ст. 308 – С.М., М.В.) виновные подвергаются, смотря по степени преступления и происходящих от того последствий, *лишению всех прав состояния, отдаче в солдаты или ссылке на поселение или же в каторжную работу* (здесь и далее по тексту курсив наш – С.М., М.В.). Лица, подлежащие телесному наказанию, *прежде ссылки наказываются кнутом или плетьми*

по той же соразмерности» (Svod zakonov Rossiyskoy imperii, 1833: 109).

Заключение

Людвиг Генрих (Кондратьевич) фон Якоб остался в истории как экономист, обществовед, философ и филолог. Однако, как представляется, составление проекта Уголовного уложения для Российской империи стало, пожалуй, одним из главных дел его жизни. Косвенно это подтверждается его публикациями в последний этап его научного творчества и собственными воспоминаниями, о которых мы узнали из недавно опубликованного дневника ученого. Проект Уголовного уложения Л.Г. Якоба, взятый за основу при подготовке проекта Уголовного уложения Российской империи 1813 г., подвергшийся в этом процессе существенным изменениям, безусловно, привнес много нового и положительного для дальнейшего развития отечественного уголовного законодательства. Вместе с тем с указанным проектом связана и весьма дискуссионная попытка внедрения наиболее мягкого (либерального) подхода противодействия коррупции в истории российского уголовного законодательства, который во многом противоречил устоявшемуся к тому времени подходу, который действительно во многом противостоял «историческим традициям русского права» в части противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами.

Список литературы / References

Artikul voinskiy: s kratkim tolkovaniyem [Military article: with a brief interpretation]. St. Petersburg, Akademiya nauk, 1757. 51 p.

Baranowski G. *Feuerbach P.J. A. and the work of the "Law Commission" of the Russian Empire [Feuerbach P.J. A. und die Arbeit der „Gesetzkommission" des Russischen Reiches]*. In: The significance of P.J.A. Feuerbach (1775–1833) for the present day [Die Bedeutung P.J.A. Feuerbach (1775–1833) für die Gegenwart]. Ed. by Gröschner R., Haney G. Stuttgart, 2003, 168–185.

Cattaneo M.A. *Enlightenment and criminal law [Aufklärung und Strafrecht]*. Baden-Baden, Nomos-Verlag-Ges., 1998. 308 p.

Criminal Code for the Russian Empire, drafted by the Imperial Legislative Commission and sent to print after approval by the legislative branch of the Imperial Council: Translated from the Russian [Criminal-Codex für das Russische Reich, von der Kaiserlichen Gesetzgebungskommission entworfen und nach erfolgter Genehmigung der gesetzgebenden Abtheilung des Reichsrathes zum Druck befördert: Aus dem Russischen ubersetzt]. Halle, Hemmerde and Schwetschke, 1818. IV, 344 p.

Foynitskiy I.YA. *Moshennichestvo po russkomu pravu: sravnitel'noye issledovaniye [Fraud under Russian law: a comparative study]*. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestv. pol'za», 1871. VIII, 256, 289 p.

Jacob Ludwig Kondratievich (Ludwig Heinrich) von [Yakob Lyudvig Kondrat'yevich (Lyudvig Genrikh) fon]. In: *Official website of the Russian Academy of Sciences.* URL: https://new.ras.ru/staff/chlen-korrespondent-ran/yakob-lyudvig-kondratevich-lyudvig-genrikh-fon/ (date of access: 01.03.2025).

Jakob L.H. *About Russia's paper money and the means the same with one [Ueber Rußlands Papiergeld und die Mittel dasselbe bey einem]*. Halle, Hemmerde und Schwetschke, 1817. 168 p.

Jakob L.H. *Antimachiavel, or on the limits of civic obedience [Antimachiavel, oder über die Grenzen des bürgerlichen Gehorsams]*. Halle, Renger, 1794. XXVIII, 164 p.

Jakob L.H. *Draft of a Criminal Code for the Russian Empire, with appendices on the existing Russian criminal laws [Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches für das russische Reich, mit Anhängen über die bestehenden russischen Criminalgesetze]*. Halle, Hemmerde and Schwetschke, 1818. XLVIII, 287 p.

Jakob L.H. *Memorabilia from my life [Denkwürdigkeiten aus meinem Leben]*. Halle, Halle-Wittenberg University Press, 2011. 320 p.

Jakob L.H. *Principles of national economics or national economic theory [Grundsätze der National-Oekonomie oder National-Wirthschaftslehre]*. Halle, Ruff., 1805. XVI, 549 p.

Jakob L. H. *Principles of police legislation and police institutions, first volume [Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten, Erster band]*. Charcow, Beym, 1809. 363 p.

Kant I. *On the common proverb: This may be correct in theory, but is not suitable for practice [Ueber den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis]*. In: Berlinische Monatsschrift [Berlinischen Monatsschrift], September 1793, 201–284.

Proyekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiyskoy imperii. Chast' pervaya. Osnovaniya ugolovnogo prava [Draft Criminal Code of the Russian Empire. Part one. Foundations of criminal law]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1813. 49, IV, V p.

Proyekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiyskoy imperii. Chast' tret'ya. O nakazaniyakh za chastnyye prestupleniya [Draft Criminal Code of the Russian Empire. Part three. On punishments for private crimes]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1813. 115, XII p.

Proyekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiyskoy imperii. Chast' vtoraya. O nakaza-niyakh za gosudarstvennyye i obshchestvennyye prestupleniya [Draft Criminal Code of the Russian Empire. Part two. On punishments for state and public crimes]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1813. 110, XII p.

Shevtsov A. V. *Lyudvig Genrikh fon Yakob i yego traktat [Ludwig Heinrich von Jacob and his treatise]*. In: Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya [Bulletin of RUDN University. Series: Philosophy], 2022, 4, 835–850. https://doi.org/10.22363/2313–2302–2022–26–4–835–850

Stiehler J. *Natural law and liberal political science. Ludwig Heinrich von Jakob – philosopher, economist and political scientist in Halle and Russia [Naturrecht und liberale Staatswissenschaft. Ludwig Heinrich von Jakob – Philosoph, Ökonom und Staatswissenschaftler in Halle und Russland]*. In: Reason, you alone know what my duties are. Natural law doctrine in Halle [Vernunft, du weißt allein, was meine Pflichten sind. Naturrechtslehre in Halle]. Ed. by Recknagel D., Wöller S. Halle, Mitteldeutscher Verlag, 2014, 77–91.

Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniyem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy [T. 15]: Svod zakony ugolovnyye [The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of the sovereign Emperor Nikolai Pavlovich [T. 15]: Code of Criminal laws]. St. Petersburg, Tipografiya II-go Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1833. 565 p.

The Commission for the Drafting of Laws under the State Council was established [Obrazovana Komissiya sostavleniya zakonov pri Gosudarstvennom sovete]. In: *Official website of the Official website of the Presidential Library named after B. N. Yeltsin*. URL: https://www.prlib.ru/history/618940 (date of access: 01.03.2025).

Ukazy blazhennyya i vechnodostoynyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago samoderzhtsa vse-rossiyskago: sostoyavshiyasya s 1714, po konchinu yego imperatorskogo velichestva, genvarya po 28 chis-lo 1725 godu [Decrees of the blessed and ever-worthy memory of the Sovereign Emperor Peter the Great, Autocrat of All the Russias: taking place from 1714, after the death of his imperial majesty, on the 28th of January, 1725]. St. Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk, 1780. 1096 p.

Vopelius M.-E. Jakob, Ludwig Heinrich von. In: *website Neue Deutsche Bibliographie (NDB).* URL: https://www.deutsche-biographie.de/sfz53300.html#ndbcontent (date of access: 01.03.2025).

Yesipov V. V. *Ocherk russkogo ugolovnogo prava. Chast' Obshchaya. Prestupleniye i prestupniki. Nakazaniye i nakazuyemyye [Essay on Russian criminal law. Part General. Crime and criminals. Punishment and those punished]*. Warsaw, Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1894. VI, 419 p.

Yurovskiy fakul'tet Khar'kovskogo universiteta v pervom polugodii sushchestvovaniye (1805–1905) [Yurovsky Faculty of Kharkov University in the first half of its existence (1805–1905)]. Ed. by M. P. Chubinskogo, D. I. Bagaleya. Khar'kov, Tipografiya «Pechatnoye delo», 1908. VIII, 310 p.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1524–1531

EDN: ITSRBY
УДК 343

About Corruption as a Social Phenomenon

Sergey A. Drobyshevsky*
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 29.06.2025 received in revised form 03.07.2025, accepted 07.07.2025

Abstract. The ideas that are useful for understanding corruption and conducting anti-corruption work are proposed. First, corruption is the abuse of official powers for the benefit of the one who abuses them, as well as people close to him, and not the use of public opportunities for private interests. The second definition is incorrect, as it does not highlight the specifics of corruption so clearly that, using it, it would be possible to accurately separate corruption manifestations in society from everything else. Secondly, corruption did not arise with the emergence of the state after the disintegration of primitive society, but earlier. Corruption, as the above facts demonstrate, is already present in the primitive social organism of the hunter-gatherers of the Cheyenne of North America. Thirdly, corruption can be inherent within a society not only to the bodies that govern it entirely (in the state – to state bodies). Corruption is also possible in other governing structures within the society (in the state – in non-governmental organizations). This is the case due to the same manifestation of its essence both in the governing bodies of the whole society and in other governing structures within the society. Fourth, corruption is necessarily harmful to society. When confronted with a certain phenomenon that is legally recognized as corrupt but does not harm society, the law should be changed to eliminate such a situation. Fifth, one of the reasons that the majority of society members need to be persuaded rather than coerced in the anti-corruption fight is this. Convincing this majority is difficult, but it is not dangerous for the sovereign government. But there is such a danger, including even the overthrow of the existing political system, when attempts are made to force the specified majority by the sovereign power.

Keywords: corruption, corruption manifestations, society, state, law, sovereign power, anti-corruption work, persuasion, coercion.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical and Historical Legal Sciences.

Citation: S.A. Drobyshevsky S. A About Corruption as a Social Phenomenon. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1524–1531. EDN: ITSRBY

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: sdrobischevski@sfu-kras.ru

О коррупции как о социальном явлении

С.А. Дробышевский
Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Предложены идеи, полезные для постижения коррупции и ведения антикоррупционной работы. Во-первых, коррупция есть злоупотребление должностными полномочиями ради выгоды того, кто ими злоупотребляет, а также близких к нему людей, а не использование в частных интересах публичных возможностей. Второе приведенное определение некорректно, так как не выделяет специфику коррупции настолько ясно, чтобы, используя его, можно было бы точно отделить коррупционные проявления в обществе от всего остального. Во-вторых, коррупция возникла не с появлением государства после разложения первобытного общества, а раньше. Коррупционные проявления, как демонстрируют приведенные факты, присутствуют уже в условиях первобытности в социальном организме охотников-собирателей шайеннов Северной Америки. В-третьих, коррупция может быть свойственна в обществе не только органам, управляющим им целиком (в государстве – государственным органам). Коррупция возможна и в руководящих структурах подразделений общества (в государстве – в негосударственных организациях). Так обстоят дела в силу одинакового проявления ее сути как в органах управления всем обществом, так и в остальных руководящих структурах в пределах общества. В-четвертых, коррупция обязательно вредоносна для общества. При столкновении с определенным феноменом, юридически признанным коррупционным, но не приносящим обществу вреда, следует менять право для исключения такого положения. В-пятых, одна из причин того, что в антикоррупционной борьбе нужно убеждать, а не принуждать большинство членов общества, такова. Убеждать это большинство хотя и трудно, но не опасно для суверенной власти. Но такая опасность есть, включая даже ниспровержение существующего политического строя, при попытках принуждения суверенной властью указанного большинства.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные проявления, общество, государство, право, суверенная власть, антикоррупционная работа, убеждение, принуждение.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Цитирование: Дробышевский С. А. О коррупции как о социальном явлении. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1524–1531. EDN: ITSRBY

Введение
в проблему исследования

Коррупция изучается давно. Например, в древности она привлекла внимание греческих мыслителей (Johnston, 2014: 7). Во времена средневековья коррупцию постигал Фома Аквинский (Foma Akvinskij, 2002–2016: 214, 216). В эпоху Возрождения коррупционные проявления познавал Н. Макиавелли (Chechurov, 2010: 159). Последующие мыслители также приложили немалые усилия для уяснения проблематики коррупции.

Однако несмотря на все эти познавательные труды, которые реализовались в действиях по борьбе с коррупционными проявлениями, последние во многих совре-

менных обществах широко распространены. Социальные же организмы, где коррупции нет, не существуют вообще (Wathne, 2021: 5). Так что познание коррупционных проявлений выступает общечеловеческим делом.

Концептологические основания исследования

Коррупция есть общественная проблема. Отсюда все науки, которые изучают общество, призваны вносить вклад в ее решение. В настоящей работе о коррупции предпринята попытка использовать достижения этих наук без какого-либо исключения.

Безусловно, велика роль правоведения в познании рассматриваемой проблематики. Поэтому в последующем изложении немало внимания уделено познанию трудов юристов о коррупции.

Постановка проблемы

В науке, если исходить из опубликованных учеными суждений, пока остается неясным, во-первых, что такое коррупция, во-вторых, когда она существует, в-третьих, каким управляющим органам в обществе коррупция свойственна, в-четвертых, как следует поступать, если в праве названы проявлениями коррупции вещи, которые не приносят обществу вреда; в-пятых, почему к большей части членов общества, если она совершает коррупционные деяния, следует применять убеждение, а не принуждение. В настоящей работе сделана попытка дать ответы на эти вопросы.

Методология

Применены все методы, которые пригодны для того, чтобы указанная попытка была успешной. Они свойственны наукам, изучающим коррупцию. Использованные методы образовали совокупность. Ее специфика обусловлена изучаемыми феноменами.

Что касается конкретики исследования, то во всех случаях научное наблюдение позволило получить сведения о познаваемой проблематике. Эта информация подвергнута анализу, сравнению, синтезу, применению иных общенаучных методов познания, а также специальных средств познания отдельных изучающих коррупцию наук для получения обоснованных выводов. Последние аргументированы логически и подкреплены фактами.

Обсуждение

Актуальность исследуемой темы очевидна. Как уже отмечено, в современном мире коррупционные проявления повсеместны и в ряде государств коррупции немало. Причем она приносит вред обществу. С ней нужно бороться. Но этого не сделать без глубоких знаний о коррупции. Так что необходимость успешной борьбы с ней требует научного осмысления всего комплекса многообразных коррупционных проявлений.

Вот почему множество работ опубликовано о коррупции. И, как обычно в науке, их авторы расходятся во мнениях относительно рассматриваемой ими проблематики.

Прежде всего идут споры о том, что такое коррупция. Чаще всего она рассматривается как злоупотребление должностными полномочиями ради выгоды злоупотребляющего ими лица. И такая выгода понимается как включающая выгоду лично близких к нему людей (Bondar', 2020: 151).

Вот примеры подобного рода определения. Коррупция – «использование субъектом… своего должностного положения вопреки интересам общества и государства с целью получения выгоды имущественного и (или) неимущественного характера для себя или для третьих лиц» (Ishchuk, 2018: 47). Точно так же коррупция – «злоупотребление вверенной властью для частной выгоды» (Wathne, 2021: 2).

Но есть и другое определение коррупции. Оно гласит: «Коррупция – это использование в частных интересах публичных возможностей» (Pashencev, Dorskaya, 2020: 47). Эта дефиниция есть перефразирование более давней. Согласно последней коррупция есть «использование публичных возможностей в частных интересах» (Chechurov, 2010: 159).

Приведенное перефразированное определение, да и указанное более давнее едва ли удовлетворительны. Дело в том, что каждое

из них не выделяет специфику коррупции настолько ясно, чтобы, используя обсуждаемые дефиниции, можно было бы точно отделить коррупционные проявления в обществе от всего остального в нем.

Время в истории, когда существует коррупция, также выступает предметом научных споров. Одна точка зрения такова: «Общеизвестно, что коррупция как социально опасное явление появилось с возникновением государства» (Babenko, 2009: 44). Но есть и иная теоретическая позиция: «Коррупция – одно из… явлений, возникшее одновременно с формированием социальных порядков и структур, направленных на организацию и управление жизнью людей» (Nisnevich, 2015: 90).

Если исходить из ранее приведенного чаще всего используемого определения коррупции, то ее проявления видны уже в истории первобытного общества. Причем они очевидны еще до перехода людей к земледелию и скотоводству.

В качестве иллюстрации возможно обратиться к существовавшему в прериях Северной Америки еще во второй половине XIX века первобытному обществу охотников-собирателей шайеннов. Управлял этим коллективом в качестве высшей руководящей структуры совет сорока четырех выборных вождей. Самым главным из них являлся «Сладкое лекарство», один из четырех вождей-жрецов в этом совете. В задачи всех сорока четырех вождей входила борьба с имевшими место среди шайеннов убийствами друг друга. В случае совершения кем-либо из шайенной такого деяния совет сорока четырех вождей был обязан изгнать убийцу из племени на срок в пять лет. Так обычно и обстояли дела. Однако когда «Сладкое лекарство» по имени «Маленький волк» убил другого шайенна, совет сорока четырех вождей никак не отреагировал, так как члены совета ради сохранения хороших личных отношений со своим начальником «не заметили» совершения им убийства. Правда, у «Маленького волка» хватило ума объявить о своем добровольном уходе из общества шайеннов на пять лет (Lowie, 1948: 19).

В этом социальном организме была еще одна руководящая всем им структура, подчинявшаяся совету сорока четырех вождей. Она именовалась военной ассоциацией. В обществе шайеннов имелось несколько военных ассоциаций. В них входили все способные к войне шайеннские мужчины. Однажды, когда зимой в глубоком снегу шайенны перебирались с одного места стоянки на другое, зрелого возраста солдат военной ассоциации «Собака» по имени «Птичье лицо», ехавший на коне, увидел, что его племянница по имени «Лосиха» с трудом бредет в снегу, стараясь сильно не отстать от своего мужа-члена совета сорока четырех вождей по имени «Спящий кролик», который передвигался на лошади далеко впереди супруги. В этой ситуации Птичье лицо подвез Лосиху к Спящему кролику и сделал ему замечание, заявив, что негоже самому ехать верхом, оставляя жену пешком пробираться по глубокому снегу. В ответ, не говоря ни слова, Спящий кролик выстрелил из лука в Птичье лицо, так что последнему пришлось ампутировать руку. Казалось бы, за это нужно было Спящего кролика серьезно наказать, и были предложения изгнать его из общества шайеннов. Но случилось по-другому. Спящий кролик подарил пять хороших коней военной ассоциации, в которую обратился через посредника Птичье лицо за помощью в наказании виновника своего увечья. Эта военная ассоциация продала коней и устроила на вырученные средства пир для всех военных ассоциаций шайеннов. В итоге Спящий кролик никак не возместил ущерб Птичьему лицу и продолжал в последующем исполнять обязанности члена совета сорока четырех (Hoebel,1954: 156; Hoebel, 1936: 437–438).

Если в свете приведенных данных о первобытном обществе оценивать два ранее выделенных мнения о времени в истории, когда существует коррупция, то есть основания для такого вывода. Коррупционные проявления в человеческом обществе возникли вместе с ним самим.

Еще одно разногласие среди ученых о понимании коррупции состоит в том,

что одни исследователи считают ее свойственной только государственным органам (Fisman, Golden, 2017: 24–25). Другие же полагают: она присуща как государственным, так и негосударственным управляющим структурам в обществе (Johnston, 2014: 6). Причем если вести речь об условиях первобытной жизни людей, при которых, как доказано, есть политика и право (Almond, 1960: 5–6, 17, 39, 47, 52), то это разногласие сводится к дилемме: присуща коррупция лишь органам управления всем первобытным обществом, либо она свойственна и им, и остальным управляющим структурам, здесь присутствующим.

Верна вторая из только что изложенных теоретических позиций. Объяснение просто. В цивилизованном обществе для человека не имеет разницы, кому приносить подношения, чтобы его хорошо обслуживали при заранее полностью оплаченных услугах, которые он хочет получить, – представителю частной компании или работнику, состоящему на государственной службе. Подобная картина и в первобытном обществе, где человек разве что имеет дело вместо указанных лиц с представителем либо органа управления всем первобытным обществом, либо иной организационной структуры.

Не случайно именно защищаемая теоретическая позиция воспринята при правовом регулировании в современной РФ. Как известно, российское право требует от негосударственных организаций, а не только от государственных бороться с коррупцией в этих объединениях.

Согласно ранее обоснованному приемлемому определению коррупции она непременно приносит вред обществу. Имеются в виду разнообразные формы такого ущерба. В частности, в государстве коррупция «признана преградой для устойчивого развития… усиливает неравенство [людей. – С. Д.], препятствует [экономическому. – С. Д.] росту, подрывает легитимность правительств и ослабляет доверие членов общества к демократии» (Wathne, 2021: 29).

При этом «коррупция обыкновенно приносит пользу “имущим” и их клиентам за счет “неимущих”, предлагая выгоды, которые ощутимы, предоставляются немедленно, сильно сконцентрированы и иногда довольно большие. Вред (в противоположность выгодам) часто широко распространяется, долгосрочен и… неосязаем. Коррупция вредит большинству людей преобладающую часть времени» (Johnston, 2014: 10).

Однако к коррупционным проявлениям нередко относят вещи, которые не вредят социальному организму, где присутствуют. Скажем, опубликована точка зрения о необходимости «рассмотрения функциональности коррупции» (Kubbe, Baez-Camargo, Scharbatke-Church, 2024: 428). Согласно этой теоретической позиции «коррупция представляет собой решение проблем, она служит, например, для ускорения доступа к срочно необходимым государственным услугам, для продления лицензий на ведение бизнеса или для обхода обременительной бюрократической волокиты. В таких случаях коррупция чаще всего полезна, потому что формальные системы не функциональны» (Kubbe, Baez-Camargo, Scharbatke-Church, 2024: 428).

Едва ли феномены, которые не наносят ущерба обществу, где существуют, следует считать коррупцией. И если в праве они именуются коррупционными проявлениями, то нужно исключить из юридических норм подобного рода наименования. В противном случае борьба общества с такими феноменами, в том числе юридическими средствами, сама по себе принесет ему вред. Ведь она выступит бесполезным расходованием общественных ресурсов, которым можно найти полезное применение.

Чтобы дать конкретный ответ на вопрос, как поступать при столкновении с определенным феноменом, юридически признанным коррупционным, но не приносящим обществу вреда, следует вести рассуждение на основе признания верности двух идей, сформулированных исследователями. Во-первых, не должно быть «разрыва между тем, что правильно, этично и приемлемо, с одной стороны, и тем, что предписано правом» (Baez-Camargo, Passas,

2017: 17) – с другой. Во-вторых, «распространенность и укоренившаяся природа неформальных практик [признаваемых коррупцией – С. Д.], указывают на их эвристический потенциал: они могут нам рассказать, чего нам не хватает в официальной политике, информировать о сопротивлении и способны раскрыть пути к стратегическим устойчивым реформам» (Baez-Camargo, Passas, 2027: 18).

Например, по-видимому, именно исходя из этих двух идей, возможно найти выход из ситуаций следующего типа. «Государственные служащие на передовой линии предоставления услуг часто получают настолько низкую заработную плату, что прожить на нее невозможно. Неофициальные платежи часто являются решением, позволяющим указанным работникам свести концы с концами. В таком сценарии жесткое наказание поставщиков услуг, которые принимают неофициальные платежи, вряд ли положит конец проблеме; это накажет как работников, которые изо всех сил пытаются выжить, так и пользователей» (Kubbe, Baez-Camargo, Scharbatke-Church, 2024: 428) их услугами.

При столкновении же со случаями коррупции в собственном смысле этого слова, то есть с вредоносными деяниями, с ней нужно бороться. Притом такая борьба неизменно выступает как усилия обеспечить общее благо в социальном организме, где она предпринимается.

В каждом обществе ее следует вести своеобразным набором средств, ибо относительно «хороших идей для контроля коррупции» (Johnston, 2014: 3) дела обстоят так. «То, что могло бы казаться хорошей реформаторской идеей в стране А, вполне может быть невозможным в Б, неуместным в В и явно вредным в Г» (Johnston, 2014: 3).

При этом структуры, борющиеся против коррупции за общее благо, весьма ограничены в предпринимаемых ими мерах в силу следующего обстоятельства. Политика таких органов, в том числе антикоррупционная, едва ли может включать принудительный запрет деятельности, которую большинство членов общества считают для себя нужной и поэтому осуществляют.

Объяснение необходимости воздерживаться от такого рода запретов очевидно. Суверенная власть, опираясь на согласие с ней большинства членов общества, в состоянии принудить их меньшинство. И это максимум того, что она может сделать в деле принуждения. Принудить большинство обычно добровольно подчиняющихся ей людей, составляющее количественно преобладающую часть членов общества, эта власть не в состоянии. При попытках так поступать для нее лучший вариант – неповиновение. Но есть и худший вариант – свержение власти недовольными ее политикой массами. Вот почему только суверенная власть, объявляющая в праве коррупцией вещи, которые считает вредными большинство членов общества, и юридически принуждающая за эти деяния, проводит эффективную политику.

Когда люди не понимают, что поступки, которые они считают полезными, вредны для общества, суверенной власти следует дать этим лицам такое понимание, предварительно, разумеется, проверив, права ли она сама, считая отмеченные деяния приносящими зло социальному организму. Ведь упомянутая власть может ошибаться в ее оценках действительности. И если обсуждаемые деяния обнаруживают признаки коррупции, то указанная работа суверенной власти выступает антикоррупционным воспитанием.

В Российской Федерации оно настоятельно необходимо. Сфера и объем его использования в современном отечественном обществе должны быть значительны. Ведь нередко немало из того, что структуры российской суверенной власти считают коррупцией, рассматривает не вредным, а полезным или хотя бы безвредным часть людей.

Не случайно исследователи отметили два обстоятельства. Первое характеризует историческую подоплеку современного положения дел. «Явление российской жизни, позволяющее коррупции не только существовать на протяжении веков, но даже

эволюционировать, – это отсутствие морального осуждения взяточников… Большую часть истории российское общество достаточно нейтрально относилось к фактам проявления коррупции» (Pashencev, Dorskaya, 2020: 46, 56). Второе описывает как отечественную историю, так и нынешнюю ситуацию в Российской Федерации. «Сегодняшнее правительство России, как и правители прошлых эпох, пытается… противостоять мощной коррупции, но пока в массовом сознании народа и особенно чиновников коррупция, взятки, подношения будет восприниматься как нормальное и неизбежное явление, ничего не изменится. И пока взятки будут предлагать, их будут брать, какие бы суровые наказания за это ни грозили» (Kazdym).

Деятельность посредством убеждения, а не принуждения должна признаваться в качестве одного из основных средств борьбы с коррупцией. Обоснование этого, скорее всего, включает такую идею.

Убеждать людей в верных суждениях о коррупции хотя и трудно, но не опасно для суверенной власти. По крайней мере, ее подрыва при таком убеждении не присутствует. Совсем другая ситуация, как уже отмечено, при принуждении суверенной властью людей воздерживаться от деяний, которые они считают приемлемыми для осуществления, а руководство всего общества объявило коррупционными.

Заключение

Уместно изложить несколько выводов этого исследования. Прежде всего коррупция есть злоупотребление должностными полномочиями ради выгоды злоупотребляющего ими лица. И такая выгода понимается как включающая выгоду лично близких к нему людей. Другое определение, в соответствии с которым коррупция – это использование в частных интересах публичных возможностей, является некорректным, так как не выделяет специфику коррупции настолько ясно, чтобы, используя его, можно было бы точно отделить коррупционные проявления в обществе от всего остального.

Время в истории, когда существует коррупция, начинается с момента возникновения человеческого общества. Во всяком случае, в пользу этого вывода свидетельствуют фактические данные из первобытного социального организма охотников-собирателей шайеннов Северной Америки.

Коррупция может быть свойственна в обществе не только органам, управляющим им целиком. Она возможна и в руководящих структурах подразделений этого социального организма. Так обстоят дела в силу одинакового проявления ее сути как в первых, так и во вторых.

Коррупция обязательно вредоносна для общества. При столкновении с определенным феноменом, юридически признанным коррупционным, но не приносящим обществу вреда, следует, по крайней мере, исходить из того, что не должно быть «разрыва между тем, что правильно, этично и приемлемо, с одной стороны, и тем, что предписано правом» – с другой.

Антикоррупционная борьба неизменно выступает как усилия обеспечить общее благо в социальном организме, где она предпринимается. При этом структуры, борющиеся против коррупции за общее благо, весьма ограничены в предпринимаемых ими принудительных мерах. В частности, суверенная власть принудить большинство членов общества не в состоянии. При попытках это сделать для нее лучший вариант – неповиновение. Но есть и худший вариант – свержение власти недовольными ее политикой массами.

Когда люди не понимают, что поступки, которые они считают полезными, вредны для общества, суверенной власти следует дать этим лицам такое понимание. И если обсуждаемые деяния обнаруживают признаки коррупции, то указанная работа суверенной власти выступает антикоррупционным воспитанием.

Деятельность посредством убеждения, а не принуждения должна признаваться в качестве одного из основных средств борьбы с коррупцией. Одна из причин есть то, что убеждать людей хотя и труд-

но, но не опасно для суверенной власти. По крайней мере, ее подрыва при рассматриваемом убеждении не присутствует. Но такая опасность есть при принуждении суверенной властью людей воздерживаться от деяний, которые они считают приемлемыми для осуществления, а указанная власть объявила коррупционными в праве и проводит соответствующие юридические нормы в жизнь.

Список литературы / References

Almond G. A. Introduction: a Functional Approach to Comparative Politics. In: *The Politics of the Developing Areas.* Ed by G. A. Almond, J. S. Coleman. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1960. 591 p.

Babenko V. N. Korrupciya v Rossii: ot obychaev i tradicij k obrazu zhizni. In: *Rossiya i sovremennyj mir: Problemy. Mneniya. Diskussii. Sobytiya,* 2009, 4(65), 44–61.

Baez-Camargo C., Passas N. Hidden Agendas, Social Norms and Why We Need to Re-Thing Anti-Corruption. In: *Bazel Institute on Governance. Working Paper Series No.22*. June, 2017. 25 p.

Bondar' A. G. Retrospektivnyj analiz zakonodatel'noj i pravoprimenitel'noj praktiki protivodejstviya korrupcii. In: *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 2020, 1, 151–156.

Chechurov A. V. Korrupciya: istoriko-filosofskaya retrospektiva. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, 2010, 2 (912),158–163.

Fisman R., *Golden M. Corruption: What Everyone Needs to Know.* N. Y.: Oxford University Press, 2017. 316 p.

Foma Akvinskij. *Summa teologii:* v 12 tt. Kiev, 2002–2016. T. VIII. 858 s.

Hoebel E. A. Associations and the State in the Plains. In: *American Anthropologist. New Series,* 38(3), Part 1 (Jul. – Sept. 1936), 433–438.

Hoebel E. A. *The Law of Primitive Man. A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, Massachusetts, 1954. 357 p.

Ishchuk Ya. G. Korrupciya: voprosy teoreticheskogo osmysleniya. In: *Akademicheskaya mysl',* 2018, 1(2), 45–50.

Johnston M. *Corruption, Contention, and Reform. The Power of Deep Democratization.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 296 p.

Kazdym A. A. *Istoriya korrupcii*. URL: https://culturolog.ru/content/view/1446/ (data obrashcheniya 22 06 2025).

Kubbe I., Baez-Camargo C., Scharbatke-Church C. Corruption and Social Norms: A New Arrow in the Quiver. In: *Annuel Review of Political Science*, 2024, 27, 423–444.

Lowie R. H. Some Aspects of Political Organization Among the American Aborigines. In: *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1948, 76(1/2), 11–24.

Nisnevich Yu. A. Korrupciya v istoricheskoj retrospektive s utochneniyami i dopolneniyami. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, 3, 90–100.

Pashencev D. A., Dorskaya A. A. Razvitie zakonodatel'stva o protivodejstvii korrupcii v Rossii: tendencii i istoricheskie etapy. In: *Zhurnal rossijskogo prava*, 2020, 4, 42–58.

Wathne C. Understanding Corruption and How to Curb It. In: *Chr. Michelsen Institute, Bergen.* U4 Issue. 2021: 3. 67 p.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1532–1539

EDN: DZNOQL
УДК 343.35:327.7

Formation of Anti-Corruption Environment in International Legal Framework of the BRICS in Conditions of Digital Reality

Anatoly Ya. Kapustin[a], Rimma N. Kliuchko[b] and Marina A. Molchanova[c*]
[a]*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Moscow, Russian Federation*
[b]*Yanka Kupala State University of Grodno Grodno, Belarus*
[c]*Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov Belgorod, Russian Federation*

Received 24.06.2025 received in revised form 02.07.2025, accepted 07.07.2025

Abstract. The article examines strategic approaches to defining organizational and legal mechanisms for combating corruption in the BRICS countries in the context of new global challenges of digital transformation of all spheres of life, taking into account the growing geopolitical tensions and the declining level of global economic integration. The organizational and legal mechanisms for combating corruption that are relevant in the context of the development of the digital economy, applied at the domestic level in the five BRICS member states, are analyzed. It is concluded that it is necessary to form unified approaches to the definition of international legal mechanisms for combating corruption. It is proposed to develop a unified BRICS Anti-Corruption strategy within the framework of the formation of the BRICS anti-corruption digital agenda, taking into account the national specifics of the legal regulation of the prevention of corruption risks of the participating states and digital challenges and threats.

Keywords: anti-corruption environment, BRICS, anti-corruption legislation, anti-corruption standards, transnational corruption crimes, anti-corruption strategy.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Law.

Citation: Kapustin A. Ya., Kliuchko R. N., Molchanova M. A. Formation of Anti-Corruption Environment in International Legal Framework of the BRICS in Conditions of Digital Realit. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1532–1539. EDN: DZNOQL

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: mol4anowa.m@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9221-3609 (Kapustin); 0000-0002-6592-3709 (Molchanova)

Формирование антикоррупционной среды в международно-правовом пространстве БРИКС в условиях цифровой реальности

А.Я. Капустин[а], Р.Н. Ключко[б], М.А. Молчанова[в]
[а]*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации*
Российская Федерация, Москва
[б]*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы*
Беларусь, Гродно
[в]*Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова*
Российская Федерация, Белгород

Аннотация. В статье исследуются стратегические подходы к определению организационно-правовых механизмов противодействия коррупции в странах БРИКС в условиях новых глобальных вызовов цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности с учетом нарастания геополитической напряженности и снижения уровня мировой экономической интеграции. Проанализированы актуальные в условиях развития цифровой экономики организационно-правовые механизмы противодействия коррупции, применяемые на внутригосударственном уровне в пяти государствах-участниках БРИКС. Предложено в рамках формирования антикоррупционной цифровой повестки БРИКС разработать единую Антикоррупционную стратегию БРИКС с учетом национальных особенностей правового регулирования предупреждения коррупционных рисков государств-участников и цифровых вызовов и угроз.

Ключевые слова: БРИКС, антикоррупционное законодательство, антикоррупционные стандарты, транснациональные коррупционные преступления, антикоррупционная стратегия.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки). 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.

Цитирование: Капустин А.Я., Ключко Р.Н., Молчанова М.А. Формирование антикоррупционной среды в международно-правовом пространстве БРИКС в условиях цифровой реальности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1532–1539. EDN: DZNOQL

Introduction

On the global stage, in conditions of globalization and subjective politicization of international venues, the interstate association of the Federative Republic of Brazil, the Russian Federation, the Republic of India, the People's Republic of China and the Republic of South Africa – the BRICS – rises to a new geopolitical level. Since January 1, 2024, the BRICS was joined by Belarus, Egypt, Iran, UAE, Saudi Arabia and Ethiopia[1]. Taking into consideration that the efficient anti-corruption measures are one of the conditions for providing national and regional security, the interstate cooperation, aimed at coordinating efforts in countermeasures against transnational corrupt practices, and, in

[1] BRICS. – Available at: https://brics-russia2024.ru/about/. – Accessed: 07.08.2024.

the first place, in terms of forming effective organizational and legal mechanisms for countering them, would facilitate realization of the stated goals of the BRICS (Ivanov, 2015).

Theoretical framework

It should be noted that nowadays corruption as a social phenomenon is an object of interdisciplinary scientific analysis with regard to its transnational character. The issues of improving legal mechanisms of countering corruption have been touched upon by many Russian and foreign scientists: V.V. Astanin, G.A. Vasilevich, I.A. Damm, P.A. Kabanov, I.M. Matskevich, V.I. Mikhailov, V.A. Nomokonov, Yu.V. Truntsevskii, A.M. Tsirin, A.V. Fedorov, T. Ya. Khabrieva, N.V. Shchedrin etc. The legal issues of international cooperation in countering transnational corruption-related crimes are considered in the studies by A.G. Volevodz, A. Ya. Kapustin etc. Naturally, within the framework of this study, the works, considering the peculiarities of regional partnership of the BRICS countries, such as works by A.V. Vinogradov, A.D. Voskresensky, S.I. Lunev and others, are of special interest. Of special academic interest, in our opinion, is the study of international cooperation issues in consolidating efforts for fighting corruption in the BRICS countries and of the opportunities of using artificial intelligence tools for preventing and detecting corruption offences, conducted by Brazilian experts Cássius Guimarães Chai and Francisco Campos da Costa (Cássius Guimarães Chai, Francisco Campos da Costa, 2023: 18–29).

Statement of the problem: a specific problem, considered by the author in the paper and being a logical derivation from the Introduction

The UN Convention against Corruption (henceforth referred as the Convention) is for now the only universal agreement, which comprehensively regulates the international cooperation in fighting corruption (Mikhailov, 2023: 59). The BRICS countries were among the first states that joined it in 2003, having ratified it in 2006 (South Africa in 2004, Brazil in 2005, Russia in 2006, China in 2006, and India in 2011). Meanwhile, recently some Western countries have been making every effort to politicize the mechanisms of the Convention. Russia advocates filling the gaps in the standards of international law and achieving specific agreements concerning the mechanisms of implementation of the Convention provisions with the purpose of providing the efficient functioning of international legal regime of asset recovery, based on principles of justice and with due regard to the interests of developing economies. The rationality of creating the Anti-Corruption Strategy within the framework of the BRICS becomes a topical question.

In conditions of the multipolar world formation, the interstate association of BRICS rises to a new geopolitical level[2], expanding the sphere of cooperation in key areas: politics and security, economy and finance, culture and humanitarian aspects. Interstate cooperation in fighting corruption in conditions of digital transformation of all the spheres of human life becomes a self-consistent factor of providing regional anti-corruption security (N.V. Shchedrin, I.A. Damm (ed.), 2025) and the efficient implementation of the BRICS stated goals.

Methods: list of specific (particular) methods of research

The study of the legal anti-corruption landscape, undergoing changes in the era of global digitalization, requires using interdisciplinary approach, which combines the methods of legal, sociological, politological and economic analysis.

Methodological framework is presented with a set of cognitive principles of social reality, customary in legal science, as well as norms of their development, interaction and interrelation in the context of theory and practice. The study uses both general scientific (dialectical method of cognition, analysis and synthesis, comparison etc.), and special juridical methods of research such as, formal logical, comparative legal analysis etc. Special attention is paid to comparison of legal norms, approaches, forms and methods of legal, regulatory and organizational regulation of the activity of law enforcement authorities in countering corruption in

[2] BRICS // https://brics-russia2024.ru/about/

the international environment of the BRICS. The dialectical method of cognition is aimed at studying corruption as a phenomenon of social-legal nature, which transforms in conditions of digital reality, undergoing changes and assuming new forms and structures. Using special methods of legal analysis allows researching the transformation under digitalization conditions of main legal mechanisms, defined in legal enactments, which form the anti-corruption environment in international legal area and in certain BRICS countries.

Discussion

In the age of globalization and digitalization, corruption passes to a new transnational level (Khabrieva, Chernogor, 2017), which requires joint coordinated efforts from the world community with the use of all the potential of the latest information technologies.

It is worthy of special mention that leaders of the BRICS countries have emphasized repeatedly at international venues the importance of development and rational use of digital technologies with the purpose of countering corruption. In particular, in April 2024, the annual meeting of the Anti-Corruption working group of the BRICS in Moscow considered the problem of implementing the efficient cooperation in preventing corruption at virtual assets recovery[3].

The BRICS countries signed the memorandum of understanding, aimed at the joint study of blockchain technology back in 2018. It has been noted that despite the fact that every party is already working on their own blockchain projects, this agreement «would allow the banks of the BRICS countries studying the innovation technologies implementation to optimize the infrastructure of banking and financial products»[4].

A notable result of the BRICS Summit in 2024 is adoption of the Kazan Declaration, in which corruption control is one of the key focus areas of cooperation. Paragraph 53 of this document states that heads of the BRICS member states define corruption control as one of their venues of cooperation[5].

In conditions of digital reality, which creates possibilities for the cross-border interaction of different level factors, an important role for increasing the efficiency of countering corruption in the BRICS area is played by the efforts, taken lately by each country for improving the legal and organizational framework of anti-corruption activity with the use of innovative information technologies potential.

In recent years, in **the Federative Republic of Brazil (**hereinafter **Brazil)** special attention has been paid to anti-corruption measures, which were preceded with high-profile corruption scandals in the top echelons of power. Thus, on May 31, 2023, the Federal Supreme Court of Brazil sentenced the ex-president of the country Fernando Collor de Mello to 8 years 10 months of imprisonment on charges of corruption and money laundering[6]. What adds zest to this situation is that the incumbent president of Brazil has been repeatedly accused of corrupt practices in public contracts. In 2017, Luiz da Silva was sentenced to 12 years of imprisonment. In March 2021, the sentences, passed on Mr. da Silva, were reversed in the Supreme Court. In January 2023, he assumed the post of the incumbent President of Brazil[7].

Admittedly, during this time considerable anticorruption reforms were conducted in Brazil. Particularly, on April 11, 2019, the

[3] Zasedanie Antikorruptsionnoy rabochey gruppy BRIKS proshlo v Moskve [The meeting of the anti-corruption work group of the BRICS was held in Moscow] // https://www.brics-russia2024.ru/news/zasedanie-antikorruptsionnoy-rabochey-gruppy/

[4] Strany BRIKS podpisali soglashenie o sovmestnom izuchenii vozmozhnostey blockchain [The BRICS countries signed an agreement about joint studying of blockchain opportunities]. https://www.it-world.ru/it-news/market/140633.html

[5] The Kazan Declaration «The strengthening of multilateralism for the equitable global development and security». XVI Summit of the BRICS. Kazan, Russian Federation. October 23, 2024 // http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf

[6] Eks-prezidenta Brazilii prigovorili pochti k devyati godam tyurmy za korruptsiyu [The ex-president of Brazil is sentenced to almost nine years of imprisonment for corruption]. – Available at: https://iz.ru/1521770/2023–06–01/eks-prezidenta-brazilii-prigovorili-pochti-k-deviati-godam-tiurmy-za-korruptciiu. – Accessed: 07.08.2024.

[7] Lula da Silva izbran novym presidentom Brazilii [Lula da Silva is elected the new President of Brazil]. – Available at: https://rg.ru/2022/10/31/lula-lend.html. – Accessed: 07.08.2024.

Interagency Anti-Corruption Committee was founded, with the purpose of providing advisory support to the President of Brazil on the matter of development, implementation and efficiency evaluation of anti-corruption policy. Economy digitalization is one of the key focus areas in Brazil**.** At the end of May 2022, the Accounts Chamber of Brazil (TCU) and the Brazilian Development Bank (BNDES) announced creation of the joint blockchain ecosystem – the Brazilian Blockchain Network (RBB). Its purpose is to eliminate corruption in public procurement; to this effect, it would be monitoring all the public expenditures[8].

In 2022, the Interagency Anti-Corruption Committee developed and published the National Anti-Corruption Strategy 2021 to 2025. This Strategy gives special attention to using digital technologies. This project implies creating a platform, which would contain statistic data about susceptibility to corruption of individuals and entities, as well as officials etc.

In the **Russian Federation** the National Anti-Corruption Plan of the Russian Federation for 2021–2024 is approved and is being implemented. This plan underscores the necessity of «using digital technologies both for counteracting the corrupt practices and for developing measures to counteract the new forms of corruption, which are committed by means of using digital technologies»[9].

It should be pointed out that corruption-related crimes also undergo qualitative changes (Damm, 2021). It has become a widely spread practice to use digital currency and digital financial assets as an object of bribery or influence peddling. Thus, law enforcement authorities uncovered the first cases of bribetaking with cryptocurrency back in 2022. In particular, in Khakassia the head of the department of the Drug Control Service was sentenced to 5 years of imprisonment for taking a bribe in bitcoins in return for settling an issue about criminal prosecution of an illicit substances stealer from an illegal online store.

In this regard, in 2024 the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation suggested developing a state digital platform for confiscated cryptocurrency[10].

It is worth noting that, by the instruction of the President of the Russian Federation, digital technologies are actively used in counteracting any corrupt practices. A sort of confirmation of the above-mentioned is the creating on April 25, 2022, of the state information system for counteracting corruption «Poseidon»[11] (hereinafter – SIS «Poseidon»), which is intended for providing the usage of information and communications technologies for performing anti-corruption measures.

Scientists and practitioners emphasize the importance of detailed systematization and improvement of legislative framework, with account of tendencies of digital transformation of social relations in order to overcome the drawbacks of digital reality (Zaytsev (ed.), 2023: 160–161). In connection with the above, the suggestion of scientists and practitioners about developing and approving the Digital Code, within the framework of implementing the federal project «Regulatory control of digital environment», looks timely and appropriate. To solve the problem of creating the framework for regulatory control of digital financial assets is the aim of the Federal Law of July 31, 2020, № 259-FZ «On digital financial assets, digital currency and alterations to some legislative acts of the Russian Federation»[12].

There is no doubt that for the effective use of digital technologies in countering corruption, highly qualified personnel is needed.

Recently, **India** has traveled the path of rapid digitalization. Thus, in 2015 the «Digital In-

[8] Brazilian Blockchain Network (RBB) // https://www.tadviser.ru/index.php

[9] Executive Order of the President of the Russian Federation of 16.08.2021 № 478 "On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024" // http://www.kremlin.ru/acts/bank/47119

[10] Kolokoltsev V.A. V Rossii sozdadut platformu dlya konfiskovannoy kriptovalyuty [A platform for confiscated cryptocurrency will be created in Russia]. Available at: https://ekuzbass.ru/news/20240318/710429/ (accessed 18.03.2024).

[11] Executive Order of the President of the Russian Federation of 25.04.2022 № 232 "On the State Information System for Counteracting Corruption "Poseidon" and Making Alterations to Some Orders of the President of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, 02.05.2022, N 18, 3053.

[12] Federal Law 31.07.2020 № 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Alterations to Some Legislative Acts of the Russian Federation". Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/ 0001202007310056

dia» campaign started, which included a number of important state-led initiatives, dealing with improving the level of digital literacy of population, infrastructure development, establishing the online government. Among the most notable achievements of this course is completing the creation and launching a state system of digital identification of citizens «Aadhaar», a unified digital taxation system, embracing all the states, which earlier had their own individual tax regulations, as well as development and implementation by the Reserve Bank of India together with the Indian Banks Association of a faster payments system, similar to the system, created by the Central Bank of Russia[13].

An important legislative act in the sphere of fighting corruption in India is the Whistle Blowers Protection Act, 2011. It provides for the mechanisms of investigation of corrupt practices and misuse of authority by government employees, including protection of the persons, who reveal alleged offences in government agencies. Besides, the Parliament of India enacted the Black Money (Undisclosed Foreign Income and Assets) and Imposition of Tax Act, 2015. The intentional attempts to avoid paying taxes on foreign incomes and assets are subject to imprisonment term from 3 months to 10 years, as well as a fine (Kobets P. N., Brazhnikov & Bryukhnov, 2022: 180–187).

The anti-corruption policy of the **People's Republic of China** (hereinafter – PRC) is of special interest (Klyuchko, Molchanova, Lu & Wang, 2023: 36). Countering corruption has been lately one of the key focus areas of the reforms, carried out in the country.

Digitalization achievements are of particular significance in China in terms of fighting corruption (Troshinsky, 2021). Thus, the PRC Academy of Sciences created and launched a pilot program of artificial intelligence Zero Trust in 2012. This neural network has access to databases of the state significance. It monitors the work and social life of government employees, figures out suspicious transactions and compares the expenditures and the works performed. The system informs the law enforcement authorities if a state employee has bought a luxury car or registered the expensive real estate, which does not correlate with his income level.

In recent years, Chinese transnational companies have made the anti-corruption education on digital platforms a compulsory course for their employees, who work abroad, and consider it an important starting point for prevention and control of moral hazard and for countering commercial bribery.

Of great potential, is the digital detecting and forecasting of corruption with the use of artificial intelligence by means of drawing self-organizing corruption diagrams and charts (Kravchenko, Ovchinnikov, Mamychev & Vorontsov, 2020).

Of considerable importance for Chinese citizens is the Social Credit System, which by means of structured digital mechanisms (special algorithms) collects multifaceted personal information on each citizen and awards (or removes) certain points, which allow enjoying certain privileges and social benefits.

All the above mentioned demonstrates the uniqueness of the PRC legal system (Troshinsky, 2012: 134–135), urging the researchers to more thoughtfully analyze the anti-corruption legislation with account of the Chinese cultural authenticity.

South Africa is a country with a great potential for intensive development due to rapid growth and implementation of digital technologies. In June 2024, at the joint meeting of heads of prosecution services of the BRICS countries, the National Director of the RSA Prosecution Service Shamila Batohi said that "the government authorities of the RSA are still dealing with the consequences of prolonged usurpation of power (from 2009 to 2019), when a group of businesspeople in collusion with politicians were involved in corrupt practices with public procurement"[14]. The actively developing digital environment transforms the legislative

[13] Kulik L. V. Tsifrovizatsiya Indii: bolshie dannye – novaya neft [Digitalization of India: big data as the new oil]. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovizatsiya-indii-bolshie-dannye-novaya-neft/

[14] Batohi Sh. Glava sluzhby ugolovnogo presledovaniya YUAR rasskazala o posleuzurpatsionnom periode [Head of the RSA Prosecution Service told about the post-usurpation period]. – Available at: https://iz.ru/1715192/2024–06–20/glava-sluzhby-ugolovnogo-presledovaniia-iuar-rasskazala-o-posleuzurpatcionnom-periode. – Accessed: 07.08.2024.

framework, which in its turn influences the digital environment (Mokofe, 2023).

As transnational corruption has no geographical boundaries, a South African law enforcer encountered jurisdictional problems in fighting against transnational crime. To provide the efficient countermeasures to corrupt practices, which take place under foreign jurisdictions, it is necessary to have international cooperation, extradition treaties, as well as the thoughtful approach to gathering and storage of digital evidence of corruption schemes in the digital space.

Conclusion / Results

In connection with the above, we can make the following conclusions. Leaders of the BRICS countries advocate the enhancement of collaboration in fighting corruption with the purpose of strengthening the common economic area, deepening the economic cooperation within the BRICS and reducing economic risks of international cooperation. The digital agenda, formed nowadays by virtually all the international organizations, is bound to develop within the framework of the BRICS for achieving the stated goals and coordinating the joint efforts in the sphere of forming international-legal anti-corruption mechanisms.

The BRICS countries can make use of the advanced expertise of the association members to form the common transnational anti-corruption standards for government employees and representatives of business communities, applied on the BRICS common area. The development of unified anti-corruption standards of the BRICS would facilitate the formation of various concerted and synergized anti-corruption legal practices. The first step to solving the stated problems is studying the advanced experience of strategic partners in assessing corruption risks and detecting suspicious transactions with account of peculiarities of legal environment in each of the BRICS countries.

The development of Anti-Corruption Strategy of the BRICS as a strategic planning document would allow, by taking into consideration anti-corruption policy strategies and advanced digital practices of the countries, which are part of the BRICS organizational structure, to determine the goals, principles, objectives, formation mechanisms of the unified anti-corruption standards of conducting economic activity and the anti-corruption environment for economic interaction in the BRICS space.

References

Cássius Guimarães Chai, Francisco Campos da Costa. Strengthening the BRICS Anti-Corruption Framework through Technology and International Cooperation. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, 19(4), 18–29. DOI: 10.61205/jzsp.2023.046

Damm I. A., Prerequisites for the formation of the anti-corruption security theory in the Russian Federation. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2021, 14(11), 1690–1709. DOI 10.17516/1997–1370–0850.

Ivanov E. A. *Antikorruptsionnyi komplaens-kontrol v stranakh BRIKS*: monografiya [*Anti-corruption compliance control in the BRICS countries*: monograph]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2015. 133 p.

Khabrieva T. Ia., Chernogor N. N. Ukreplenie pravoporiadka i protivodeistvie korruptsii v usloviiakh evraziiskoi integratsii [Strengthening the rule of law and combating corruption in the conditions of Eurasian integration]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost [Social sciences and modernity]*, 2017, 1, 5–19.

Klyuchko R. N., Molchanova M. A., Lu S., Wang Y. Protivodeystviye delovoy korruptsii v usloviyakh sopryazheniya Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti i Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Counteracting business corruption in conditions of connecting the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union]. In: *Mezhdunarodnoye publichnoe i chastnoe pravo [International public and private law]*, 2023, 2, 33–37. DOI: 10.18572/1812–3910–2023–2–33–37

Kobets P. N., Brazhnikov D. A., Bryukhnov A. A. Sovremennye pravovye osnovy borby s korruptsiey v Indii [Modern legal fundamentals of fighting corruption in India]. In: *Yurist-Pravoved*, 2022, 1(100), 180–187.

Kravchenko A. G., Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Yu., Vorontsov S. A. Ispolzovaniye tsifrovykh tekhnologiy v sfere protivodeystviya korruptsii [The usage of digital technologies in anti-corruption

sphere]. In: *Administrativnoye i munitsipalnoe pravo [Administrative and municipal law]*, 2020, 6, 52–63. DOI: 10.7256/2454–0595.2020.6.33458

Mikhailov V. I. Konventsiya OON protiv korruptsii i ee mesto v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii [The UNO Convention Against Corruption and its place in the legal system of the Russian Federation]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya [Journal of foreign legislation and comparative law]*, 2023, 19(6), 58–68. DOI: 10.61205/jzsp.2023.081

Mokofe U. M. Tsifrovye preobrazovaniya yuzhnoafrikanskogo pravovogo landshafta [Digital transformations of the South African legal landscape]. In: *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, 1(4), 1087–1104. DOI: 10.21202/jdtl.2023.47

Molchanova M. A. *Deyatelnost pravookhranitelnykh organov po protivodeystviyu korruptsii v chastnom sektore ekonomiki*: monografiya [*Law enforcement activities for counteracting corruption in the private sector of economy*: monograph]. Ed. by Doctor of Economics, Prof. O. A. Zaytsev. Moscow, Yurlitinform, 2023. 200 p.

Shchedrin N. V., Damm I. A. (ed.) *Antikorruptsionnye mery bezopasnosti [Anti-corruption security measures]*. Moscow, Prospekt, 2025. 496 p.

Troshinsky P. V. Osobennosti sotsialisticheskoy pravovoy sistemy s kitayskoy spetsifikoy [Peculiarities of socialistic legal framework with the Chinese specifics]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya [Journal of foreign legislation and comparative law],* 2012, 6, 125–135.

Troshinsky P. V. Tsifrovoy Kitay do i v period koronavirusa: osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya [Digital China before and during the coronavirus pandemic: peculiarities of legal and regulatory framework]. In: *Pravo i tsifrovaya ekonomika [Law and digital economy]*, 2021, 1, 44–58. DOI: 10.17803/2618–8198.2021.11.1.044–058

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1540–1551

EDN: BDNCVC
УДК 343

Corruption Crime as a Source of Danger in the Theory of Anti-Corruption Criminological Security

Irina A. Damm*
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 02.07.2025 received in revised form 03.07.2025, accepted 07.07.2025

Abstract. Counteracting corruption crime represents a significant objective of contemporary state policy in the Russian Federation. The steadily increasing detection rate of corruption offenses highlights the growing need for effective anti-corruption prevention. However, current theoretical and practical approaches to the prevention of corruption crime have not demonstrated sufficient effectiveness. This article emphasizes the importance of examining the properties of corruption crime and the mechanisms of its self-determination as targets for preventive measures. The established theoretical approaches to understanding crime have largely exhausted their explanatory potential, which necessitates the search for alternative theoretical and methodological foundations for the study of corruption crime. Theories of security, national security, and criminological security, which are actively developing in modern science, offer new perspectives for exploring the phenomenon of corruption crime. The dialectical nature of the key categories in these theories – threat and security – creates a multidimensional framework for analyzing corruption crime in both dynamic and static aspects. For the emerging theory of anti-corruption criminological security, corruption crime is considered a major source of criminal danger, and the main directions of research in this area are discussed in the article.

Keywords: corruption crime, source of corruption-related criminal danger, anti-corruption security, anti-corruption criminological security, counteracting corruption, corruption threats.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law Sciences.

Citation: Damm I.A. Corruption Crime as a Source of Danger in the Theory of Anti-Corruption Criminological Security. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1540–1551. EDN: BDNCVC

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: idamm@yandex.ru

Коррупционная преступность как источник опасности в теории антикоррупционной криминологической безопасности

И.А. Дамм
Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Противодействие коррупционной преступности представляет собой значимую задачу современной государственной политики Российской Федерации. В условиях поступательно повышающегося уровня выявляемости коррупционных преступлений усиливается потребность в обеспечении антикоррупционной профилактики. Сложившиеся в теории и практике подходы к профилактическому воздействию на коррупционную преступность не обнаруживают необходимой эффективности. В этой связи актуализируется познание свойств коррупционной преступности и механизмов ее самодетерминации как объектов профилактического воздействия. Устоявшиеся теоретические подходы к пониманию преступности практически исчерпали свои познавательные возможности, что обусловливает поиск иных теоретико-методологических основ для познания коррупционной преступности. Потенциал для выявления новых теоретических граней коррупционной преступности содержат в себе такие активно развивающиеся направления научного знания, как теория безопасности, теория национальной безопасности и теория криминологической безопасности. Диалектичность ключевых категорий данных теорий (опасность и безопасность) ставит новые поисковые задачи и создает многомерное пространство для исследования коррупционной преступности, как в динамических, так и статических аспектах. В свою очередь, для формирующейся теории антикоррупционной криминологической безопасности коррупционная преступность выступает одним из основных источников коррупционной криминальной опасности, ключевые направления исследований которого рассмотрены в данной работе.

Ключевые слова: коррупционная преступность, источник коррупционной криминальной опасности, антикоррупционная безопасность, антикоррупционная криминологическая безопасность, противодействие коррупции, коррупционные угрозы.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Дамм И. А. Коррупционная преступность как источник опасности в теории антикоррупционной криминологической безопасности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1540–1551. EDN: BDNCVC

Введение
в проблему исследования

В ранее действовавшей Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, коррупция рассматривалась в качестве одной из основных угроз государственной и общественной безопасности наравне с такими деструктивными явлениями, как терроризм, экстремизм, деятельность преступных организаций и др. (п. 43). В новой Стратегии национальной безопасности, утвержденной

Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, отмечается потребность общества в усилении борьбы с коррупцией (п. 45). При этом предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности указаны среди приоритетных задач государственной политики (пп. 13 п. 47).

Усиливающаяся потребность в обеспечении безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств привела к появлению нового научного направления – криминологической безопасности. Идея криминологической безопасности заключается в том, подчеркивают М. М. Бабаев и В. А. Плешаков, что «понятия “криминологическая безопасность” и “обеспечение криминологической безопасности” переносят смысловой акцент с объекта “нападения” (преступность) на объект защиты (личность, общество, государство), то есть на те ценности, которым, собственно, и должна быть гарантирована криминологическая безопасность» (Babaev & Pleshakov, 2022: 317). По мнению М. М. Бабаева, «криминологическая безопасность как концепция – это не очередное новое слово, а новая парадигма уголовной политики» (Babaev, 2008: 55). М. М. Бабаев полагает, что уголовная политика, основанная на концепции криминологической безопасности, способна радикально изменить сложившуюся ситуацию, поскольку при таких обстоятельствах «давление» на преступность (борьба, противодействие, кара, предупреждение и т.д.) перестает быть главной целью и переходит в разряд промежуточных. Генеральной целью является «достижение состояния безопасности личности, общества и государства от криминальных угроз» (Babaev, 2008: 56).

С. Я. Лебедев придает криминологической безопасности статус теории и полагает, что «актуальность и прогрессивность теории криминологической безопасности вызваны необходимостью формирования новой идеологии противодействия преступности, переориентации правоохранительной системы с поисков криминологических угроз (что, по мнению С. Я. Лебедева, вторично. – И. А. Дамм) на реальное выполнение основной задачи – обеспечение безопасности людей от преступных посягательств» (Lebedev, 2000: 14).

Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое научное направление является своего рода вызовом устоявшимся подходам к воздействию на коррупционную преступность, позволяя актуализировать имеющиеся теоретико-прикладные проблемы обеспечения защиты личности, общества и государства от коррупционных преступных посягательств, а также предлагая качественно новую систематизацию устоявшихся разноотраслевых подходов к воздействию на коррупционную преступность и защиту от ее проявлений в единое масштабное структурированное знание (Damm, 2024: 593).

В теории антикоррупционной криминологической безопасности источник коррупционной криминальной опасности выступает новой значимой терминологической единицей. Определение природы и содержания источников коррупционной криминальной опасности, а также их взаимосвязи с объектами антикоррупционной криминологической безопасности имеют ключевое гносеологическое и методологическое значение для оформления целостного научного знания о содержании антикоррупционной криминологической безопасности и ее надлежащем научном и практическом обеспечении.

В системе антикоррупционной криминологической безопасности источники коррупционной криминальной опасности и угрозы выступают единым взаимосвязанным и взаимозависимым самостоятельным элементом, в содержании которого объединяются новые идеальные объекты: «коррупционная криминальная опасность» и «коррупционная криминальная угроза». Познание и соотношение названных идеальных объектов имеют важное теоретико-прикладное значение не только для формирования теории антикоррупционной криминологической безопасности, но также и развития вышестоящей теории криминологической безопасности. Особую значи-

мость для достижения поставленных задач приобретает исследование коррупционной преступности в качестве источника опасности (Damm, 2024: 597).

Концептологические основания исследования

Исследование коррупционной преступности в качестве источника опасности образует качественно новое междисциплинарное пространство, объединяющее в себе достижения философии, культурологии, психологии, политологии, военных наук, теории государства и права, уголовного права, криминологии, гражданского права, теории национальной безопасности, теории криминологической безопасности и других направлений научного знания.

Значимый вклад в познание и соотношение понятий «опасность» и «угроза» внесли А. В. Возженников, Д. В. Ирошников, И. Б. Кардашева, Н. Н. Рыбалкин, А. Л. Романович, В. И. Ярочкин и А. В. Бузанова и другие. Источник опасности предметно исследовался А. А. Тер-Акоповым, Н. В. Щедриным и другими, а источник повышенной опасности – Б. С. Антимоновым, А. М. Беляковой, В. В. Долинской, О. А. Красавчиковым и другими.

Преступность в различных ее аспектах рассматривалась в криминологии в работах Ю. М. Антоняна, М. М. Бабаева, В. Н. Бурлакова, Г. Н. Горшенкова, А. И. Долговой, С. М. Иншакова, П. А. Кабанова, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, М. П. Клейменова, В. В. Лунеева, И. М. Мацкевича, В. А. Номоконова, А. Л. Репецкой и других, а коррупционная преступность – в диссертационных исследованиях О. Р. Абрамовской, Е. А. Акунченко, М. А. Волковой, Р. Р. Газмзянова, С. В. Плохова и других. Взаимосвязь преступности и преступлений раскрывается на страницах учебной и научной криминологической литературы. Вместе с тем преступность в аспекте источника криминальной опасности, равно как и коррупционная преступность в аспекте источника коррупционной криминальной опасности, пока еще не становились предметом фундаментальных научных исследований.

Постановка проблемы

Традиционное понимание преступности по своей сути выступает прикладным и отражает функциональные потребности общества и государства в обеспечении анализа показателей официальной уголовно-правовой статистики, прогнозирования развития криминальной ситуации, а также оценки эффективности деятельности правоохранительной системы. Такой подход информативен для исследования низколатентных преступлений. Однако качественные и количественные показатели высоколатентных преступлений (прежде всего коррупционной преступности) не отражают объективную картину таких видов преступности, соответственно, познание феномена преступности, как и способов его количественно-качественной оценки, трудно признать завершенным.

Для теории безопасности, теории национальной безопасности и теории криминологической безопасности краеугольной категорией выступает опасность. В научной уголовно-правовой и криминологической литературе опасность представляет собой весьма сложную и противоречивую конструкцию. Понятия «опасность» и «угроза» используются на грани содержательного смешения, что препятствует познанию механизмов эскалации опасности.

В контексте теории криминологической безопасности особый научный интерес представляет исследование преступности и преступления сквозь призму характеристик категорий «опасность» и «угроза». Определение свойств преступности как источника опасности позволит заложить основы для познания коррупционной преступности как источника коррупционной криминальной опасности. Исследование коррупционной преступности как источника коррупционной криминальной опасности дает возможность отойти от традиционных методологических приемов и взглянуть на данный вид преступности как в статическом, так и динамическом аспектах, обнаружить ее новые свойства и характеристики, а также механизмы взаимодействия с объектами криминологической безопасности.

Обсуждение

Коррупцию не случайно сравнивают с раковой опухолью, когда поврежденные клетки начинают служить не на пользу организма, а причинять вред, вплоть до его гибели. Так и человек, выступая элементом социально-политического организма, восстает против ареала своего обитания, совершая коррупционное преступление. В свою очередь, широкое распространение коррупционных преступлений может привести к существенной деформации социума и даже гибели государства. Вместе с тем вопросы о том, в чем именно проявляется опасность коррупции и ее различных форм, каков механизм трансформации коррупционной опасности в коррупционную угрозу и последующего причинения вреда, в научной литературе практически не поднимались. За этими, на первый взгляд, общими вопросами скрывается глубинная природа коррупции, механизмов ее воспроизводства и причинения вреда. Решение обозначенных вопросов имеет фундаментальное значение для формирования научных знаний об источнике коррупционной криминальной опасности как элементе системы теории антикоррупционной криминологической безопасности, а также для выделения типов и видов таких источников.

Категория «источник опасности» используется в различных отраслях научного знания, что обусловило разность подходов к ее пониманию. Так, в философии А. Л. Романович полагает, что источником опасности могут быть «стихийное явление неживой или живой природы, человек или определенная группа людей, а также разного рода человеческие сообщества» (Romanovich, 2003: 60). С позиций политологии, по мнению А. В. Возженикова, «источником опасности могут быть как явления, процессы, так и действия субъектов. Но действия субъектов – не направлены на конкретного адресата, т.е. не персонифицированы» (Vozzhenikov, 2002: 71).

В праве понимание источника опасности, а также источника повышенной опасности неоднозначно. Опасными могут быть различные предметы и объекты, как пишет А. А. Тер-Акопов, это «технические средства и устройства, производственные и иные технологические процессы, отдельные вещества и предметы, природные явления и т.д.» (Ter-Akopov, 1995: 25). При этом не все объекты «обладают одинаковой способностью причинения вреда, среди них можно выделить объекты повышенной опасности для окружающих. Они являются предметами преступлений типа нарушения правил на взрывоопасных предприятиях…» (Ter-Akopov, 1995: 25).

Понятие «источник повышенной опасности» обстоятельно исследуется в гражданском праве, поскольку владение и пользование источником повышенной опасности обуславливает возникновение обязательства по возмещению вреда, причиненного таким источником. В теории гражданского права сложились два основных подхода к пониманию источника повышенной опасности. Представители первого подхода раскрывают источник повышенной опасности через деятельность, которая связана с использованием определенных вещей, не поддается непрерывному и всеобъемлющему контролю человека, вследствие чего обуславливает высокую степень вероятности причинения вреда (теория деятельности). Представители второго подхода под источником повышенной опасности понимают свойства вещей или силы природы (теория объекта) (Sergeev & Tolstoi (eds.), 2005: 48–49; Sukhanov (ed.), 2011: 1119–1120). Следует отметить, что представители ведущих отечественных цивилистических школ на уровне учебной литературы сходятся во мнении, что «приведенные позиции не исключают друг друга» (Sukhanov (ed.), 2011: 1120), а различия между ними «в значительной степени сглаживаются тем, что и сторонники деятельности, и приверженцы теории “объекта” не абсолютизируют свои позиции, а, напротив, стараются связать “деятельность” и “объект” воедино» (Sergeev & Tolstoi (eds.), 2005: 49).

Н. В. Щедрин полагал, что «категории “источник опасности” следует придать статус общеправовой и криминологической. Источниками опасности могут быть

не только свойства объектов и деятельности, но и свойства *субъектов*, которые создают повышенную вероятность причинения вреда себе и окружающим – общественную или социальную опасность. Признаками, обнаруживающими социальную опасность личности или организации, могут быть инфекционное или психическое заболевание, алкоголизм, наркомания, несовершеннолетие, преклонный возраст, систематическое совершение правонарушений, преступление или преступная деятельность. Именно социальной опасностью можно объяснить наличие в законодательстве любых государств ограничений для физических лиц или организаций, обладающих указанными свойствами» (Shchedrin & Damm (eds.), 2020: 27).

Недостаточная развитость общетеоретического понимания категории «источник опасности» неизбежно создает сложности в определении сущностных характеристик его отраслевых проявлений. Однако, как известно, процесс познания видовых проявлений нередко способствует приращению общего научного знания.

Опасность преступности в криминологической литературе многими авторами при раскрытии понятия «преступность» вообще не упоминается. Лишь немногие криминологи в рамках его определения непосредственно указывают на общественную опасность. Например, А. И. Долгова полагала, что «преступность – массовое, системно-структурное, социальное явление, оцениваемое законодателем как наиболее общественно опасное» (Dolgova (ed.), 2022: 86). М. П. Клейменов считает, что «преступность – это общественно опасное, социально-патологическое, целеустремленное, противоправное, относительно скрытое явление, выражающееся в статистической совокупности преступлений, совершенных на данной территории за определенный период» (Kleymenov, 2024: 46). Общественная опасность преступности, по мнению М. П. Клейменова, во-первых, характеризуется вредом, который она непосредственно причиняет общественным отношениям, государству, обществу, личности; во-вторых, общественная опасность преступности выражается в косвенном вреде, который она причиняет общественным отношениям; в-третьих, общественная опасность преступности определяется теми угрозами, которые она создает жизненно важным интересам личности, общества, государства, международного сообщества (Kleymenov, 2024: 46–47). В учебной литературе ряд авторов рассматривает общественную опасность не самой преступности, но преступлений ее образующих (Malkov (ed.), 2006: 33–34; Kozachenko & Korsakov, 2011: 101–102). Другие исследователи упоминают об общественной опасности преступности при ее общей характеристике или характеристике ее негативных последствий (Kuznetsova, 1969: 178; Varygin (ed.), 2024: 45).

«Общественная опасность преступности – это свойство последней причинять существенный вред общественным отношениям (предметно – личности, обществу, государству) либо создавать угрозу причинения такого вреда и одновременно основанная на объективных критериях субъективная оценка обществом характера и меры этого вреда», – полагают М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин (Babaev & Pudovochkin, 2017: 33). Обобщая ряд исследований отечественных и зарубежных криминологов, С. С. Босхолов и В. А. Номоконов предметно анализируют сквозь призму общественной опасности не только преступность, но также и личность преступника, социум, властные структуры (Bosholov & Nomokonov, 2024; Nomokonov, 2024). Кроме того, в своих трудах П. А. Кабанов указывает на виктимологический аспект общественной опасности преступности, а именно констатирует изменение ее степени в зависимости от категории жертв (Kabanov, 2015: 570). Следует отметить, что Н. В. Щедрин обращал внимание на использование в российской юриспруденции и криминологии понятия «общественная опасность», подчеркивая при этом, что именно «“опасность” является глубинной предпосылкой, социально-криминологическим основанием превентивно-ограничительных мер

и ограничительных санкций. А вот от прилагательного “общественная”, возможно, следует отказаться, заменив этот термин на производный от социума – “социальная”» (Shchedrin, 2013: 28).

Представленный краткий обзор основных позиций позволяет сделать вывод о том, что сущность опасности преступности как ее атрибутивного свойства или же специфика преступности как источника криминальной опасности подлежат дополнительным исследованиям. Вместе с тем уже на данном этапе следует отметить смешение содержательных характеристик понятий «опасность» и «угроза» применительно к преступности и образующим ее преступлениям.

С позиций семантики термин «опасность» определяется через прилагательное «опасный», то есть способный вызвать какой-нибудь вред, несчастье. Во втором значении опасность понимается как угроза бедствия, несчастья, катастрофы (Ozhegov & Shvedova, 1999: 388). Ранее проведенное нами исследование позволило установить, что в научной литературе вопросы понимания и соотношения опасности и угроз предметно рассматриваются представителями различных гуманитарных наук. Сложившиеся подходы в целом не противоречат друг другу. Исследователи едины в том, что опасность имеет безадресный характер, а угроза, напротив, имеет адресный характер и направлена на определенный объект или их совокупности. Данные характеристики позволяют вычленять угрозы и опасности в их статичном состоянии в окружающей среде. Вместе с тем нерешенным остается вопрос о характере взаимодействия опасности и угрозы, их изменениях в динамике развития. Из авторских позиций следует, что опасность генерирует угрозу, в свою очередь, угроза выступает формой опасности, ее «качественным уровнем» или «крайней степенью». Соответственно, сущностной характеристикой опасности является потенциальная возможность причинения вреда неопределенному кругу объектов, а угроза представляет собой реальную возможность причинения вреда уже вполне определяемому кругу объектов, угроза выступает производной опасности, ее формой в определенной степени возможности причинения вреда (Damm, 2025).

Таким образом, к источникам опасности относятся различные по своей природе объекты, субъекты и виды деятельности, которые обладают возможностью причинения вреда. Свойства угрозы такие источники обретают в результате эскалации присущих им свойств опасности до степени реальной возможности адресного причинения вреда. В этой связи возникают вопросы о том, обладает ли преступность свойством причинения вреда или же вред причиняется образующими ее конкретными преступлениями? Иными словами, представляет ли преступность реальную угрозу или же такую угрозу образуют преступные посягательства. Сказанное актуализирует необходимость углубленного междисциплинарного исследования свойств преступности в качестве источника опасности в контексте категорий «опасность» и «угроза».

Преступность как источник криминальной опасности образует новый объект научного познания. Методологическую значимость в процессе исследования преступности в качестве источника криминальной опасности имеет не столько определение статических, сколько динамических ее свойств. В этой связи особый интерес представляет свойство самодетерминации преступности. В.В. Макаров обосновывает положения о том, что «самодетерминация, или способность к самовоспроизводству, является одним из ключевых системных качеств преступности и представляет собой обусловленность преступности присущими ей внутренними репродуктивными свойствами, которые проявляются при наличии благоприятной внешней среды» (Makarov, 2014: 9). Способность преступности воспроизводить общественно опасные деяния позволяет выдвинуть идею о том, что преступность, а также ее видовые проявления (например, коррупционная преступность) относятся к *источникам криминальной опасности*. Организованная преступность

как еще более опасный вид преступности представляет собой *источник повышенной криминальной опасности.*

Коррупционная преступность выступает одним из ключевых источников коррупционной криминальной опасности. Однако нельзя признать состоявшимся теоретико-прикладное познание коррупционной преступности как самостоятельного вида преступности, несмотря на внушительное количество защищенных диссертаций по коррупционной проблематике. В диссертационных исследованиях, посвященных изучению коррупционной преступности и противодействию ей, определения данного вида преступности встречаются нечасто. В авторских определениях коррупционной преступности (Gazimzyanov, 2005; Abramovskaya, 2011 et al.), а также ее отраслевых проявлений (Plokhov, 2013; Akunchenko, 2018 et al.) отражаются основные признаки родового объекта – преступности в классическом ее понимании, что вполне закономерно. При этом не во всех определениях коррупционной преступности содержится указание на то, что данное явление обладает свойством опасности.

В научной литературе опасность коррупции, преступности и коррупционной преступности признается скорее априорной. И нет рациональных оснований это оспаривать. Полагаем, что столь редкое указание на опасность коррупционной преступности обусловлено сложившимися в криминологии традициями, а также ранее не возникавшей необходимостью познания опасности коррупции и коррупционной преступности как их атрибутивного свойства. Однако сущность опасности коррупционной преступности, а также различных форм ее проявлений представляется не столь очевидной и требует дополнительного осмысления в следующих основных направлениях.

Опасность коррупционной преступности следует познавать в многообразии ее взаимосвязей с объектами антикоррупционной криминологической защиты и охраны. Коррупционные преступления причиняют таким объектам как непосредственный, так и косвенный вред. Особый интерес представляет косвенный вред, который может проявляться в нарушении естественных процессов развития объекта антикоррупционной охраны, его деградации. В авангарде исследовательских задач находится актуализация исследований стадии зарождения мотивации коррупционного преступного поведения, когда начинает проявляться опасность и последовательно в механизме преступного поведения повышается вероятность угрозы реального причинения вреда. Соответственно, актуализируется познание свойств источников опасности, а также эскалация опасности до степени ее трансформации в угрозу причинения вреда под воздействием объективных и субъективных криминогенных детерминант. В связи с этим исследованию подлежат основные угрозы антикоррупционной криминологической безопасности. В качестве научной гипотезы представляется допустимым предположить, что коррупционная преступность как самодетерминирующийся источник опасности обладает устойчивой возможностью причинения вреда (коррупционная криминальная опасность), а конкретная преступная деятельность образует реальную возможность причинения вреда охраняемым объектам (коррупционная криминальная угроза).

Коррупционная преступность образует основной источник коррупционной криминальной опасности для личности, общества и государства. В свою очередь, личность, общество и государство также могут выступать источниками коррупционной опасности. Представленный тезис может показаться несколько сумбурным, но он вовсе не лишен оснований. Традиционно в уголовном праве субъект и объект преступления не совпадают. Не является уголовно наказуемым самоубийство. Однако с позиций теории безопасности, психологии и социологии человек представляет опасность как для самого себя, так и для окружающих лиц и коллективных субъектов. Аналогичным образом можно провести параллель с обществом и государством, которые представ-

ляют опасность не только для самих себя, но также и других обществ и государств.

Опасность коррупционной преступности в темпоральном аспекте триедина, поскольку она издревле причиняла (ретроспективный аспект), причиняет (текущий аспект) и будет причинять (перспективный аспект) вред своим массовым самовоспроизводством. При этом ретроспектива коррупционного поведения образует стереотип преступного поведения, который устойчиво воспроизводится в социуме и имеет тенденции к расширению без принятия мер пресечения его развития.

Особое значение в познании коррупционной преступности как источника коррупционной криминальной опасности имеет определение специфики ее самодетерминации. Однако в диссертациях, посвященных проблемам противодействия коррупционной преступности, анализ данного механизма практически не осуществляется. Авторы, как правило, ограничиваются общей характеристикой причинного комплекса коррупционной преступности в целом. Соответственно, особенности самодетерминации коррупционной преступности, а также специфики механизма коррупционного поведения остаются за рамками научных исследований.

Современная коррупционная преступность приобретает свойства и характеристики организованной преступности. Являясь специалистом в области криминологического прогнозирования, М. П. Клейменов (совместно с И. М. Клейменовым) выделяют служебную организованную преступность, выступившую, по их мнению, «источником появления должностного (служебного) криминалитета, который в данном случае понимается как совокупность лиц, осуществляющих организованную преступную деятельность в органах власти (государственной, муниципальной, административной)» (Kleymenov & Kleymenov, 2024: 560). На устойчивость коррупционных связей обращают внимание и другие исследователи, отмечающие, что «большое влияние на российскую экономику оказывают различные неформальные, зачастую родственные кланы, имеющие своих представителей среди государственных служащих. Деятельность таких кланов способствует получению значительных противоправных доходов, каждая положительная инициатива государства в сфере экономики, соприкасаясь с криминальной действительностью, искажается и превращается в орудие получения незаконной прибыли» (Zhubrin (ed.), 2019: 23). На тесную взаимосвязь организованной экономической и организованной коррупционной преступности обращала внимание И. А. Долгова, по мнению которой их нельзя разграничивать или сводить к общеуголовной преступности, поскольку «легализация преступных доходов, как правило, сочетается с их приумножением» (Dolgova (ed.), 1998: 5). В связи с этим В. А. Номоконов справедливо подчеркивает, что «эффективное противодействие коррупции невозможно без реального выведения экономики из тени» (Nomokonov, 2023: 110).

Такие устойчивые организованные формы коррупционных отношений следует относить к источникам повышенной криминальной коррупционной опасности, образующим еще один новый пласт для исследований коррупционной организованной преступности, которая, в силу своих поражающих свойств, может получить статус коррупционной криминальной угрозы.

Заключение

Познание коррупционной преступности в качестве источника опасности закладывает основы для формирования новых методологических походов к исследованию механизмов ее детерминации во взаимосвязи с рисками причинения вреда объектам охраны. Смена методологических подходов предполагает также перенос центра исследовательского интереса со стадии совершения преступления на стадию зарождения мотивации, когда начинает проявляться опасность и повышается вероятность образования угрозы реального причинения вреда. Соответственно, актуализируется познание свойств источников опасности, а также трансформации опасных свойств таких источников в угрозу причинения вре-

да под воздействием криминогенных детерминант.

Коррупционная преступность в иерархии источников опасности для национальной безопасности занимает высшие позиции, поскольку искажает процессы управления, вплоть до их парализации. Управляемость выступает одним из свойств системы, утрата которого может привести к частичной или полной гибели такой системы. В свою очередь, высокий уровень коррупционной пораженности управленческих процессов может привести к деформации функционирования значимых для общества и государства систем (экономика, образование, здравоохранение, обороноспособность и других), а чрезвычайно высокий уровень – к утрате государственности. В этой связи использование достижений теории безопасности, теории национальной безопасности и теории криминологической безопасности во взаимосвязи с фундаментальными положениями криминологии образуют принципиально новую концептуально-методологическую основу для смены фокуса в познании преступности и коррупционной преступности в качестве источников опасности.

Список литературы / References

Abramovskaya O.R. Protivodeystvie korruptsionnoi prestupnosti v organakh gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya (kriminologicheskii aspekt): dis. … kand. yurid. nauk [Counteraction to corruption crime in state and municipal authorities (criminological aspect): PhD (Law) thesis]. Chelyabinsk, 2011. 195 p.

Akunchenko E.A. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie korruptsionnoi prestupnosti v izbiratel'nom protsesse Rossiiskoi Federatsii: dis. … kand. yurid. nauk [Criminological characteristics and prevention of corruption crime in the electoral process of the Russian Federation: PhD (Law) thesis]. Krasnoyarsk, 2018. 205 p.

Babaev M.M. Ugolovnaya politika i kriminologicheskaya bezopasnost' [Criminal policy and criminological security]. In: *Nauchnyi portal MVD Rossii* [*Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*], 2008, 3, 53–58.

Babaev M.M., Pleshakov V.A. Teoreticheskie i prikladnye problemy obespecheniya kriminologicheskoi bezopasnosti [Theoretical and applied problems of ensuring criminological security]. In: *Izbrannye trudy po kriminologii* [*Selected works on criminology*], comp. and introd. by Yu.E. Pudovochkin. Moscow, Yurlitinform, 2022, 308–324.

Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Problemy rossiiskoi ugolovnoi politiki [Problems of Russian Criminal Policy]*. Moscow, Prospekt, 2017, 296 p.

Bosholov S.S., Nomokonov V.A. Ontological and Metaphysical Foundations of the Social Danger of Crimes: On the Dead End in Neocriminology. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2024, 18(2), 128–136. DOI: 10.17150/2500–4255.2024.18(2).128–136.

Damm I.A. Kategorii "opasnost'" i "ugroza" v kontekste kriminologicheskoi bezopasnosti [The categories "danger" and "threat" in the context of criminological security]. In: *Sibirskyi antropologicheskii zhurnal* [*Siberian Anthropological Journal*], 2025, 9 (2), 92–97.

Damm I.A. Osnovnye elementy sistemy teorii antikorruptsionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti [Main elements of the theory of anti-corruption criminological security]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [*All-Russian Criminological Journal*], 2024, 18 (6), 591–601. DOI: 10.17150/2500–4255.2024.18(6).591–601.

Dolgova A.I. (ed.) *Kriminologiya: uchebnik* [*Criminology: textbook*]. 4th ed., rev. and enl. Moscow, Norma: INFRA-M, 2022, 960 p.

Dolgova A.I. (ed.) *Organizovannaia prestupnost' – 4: monografiia [Organized Crime – 4: Monograph]*. Moscow, Kriminologicheskaia assotsiatsiia, 1998, 280 p.

Gazimzyanov R.R. Korruptsionnaya prestupnost' v Respublike Tatarstan na rubezhe vekov (kriminologicheskoe issledovanie): dis. … kand. yurid. nauk [Corruption crime in the Republic of Tatarstan at the turn of the centuries (criminological study): PhD (Law) thesis]. Nizhny Novgorod, 2005. 183 p.

Kabanov P. A. Viktimologicheskaia otsenka sostoianiia sovremennoi rossiiskoi prestupnosti [Victimological assessment of the state of modern Russian crime]. In: *Pravo i politika [Law and Politics]*, 2015, 4, 568–574. DOI: 10.7256/1811–9018.2015.4.13464.

Kleymenov M. P. *Kriminologiya: uchebnik* [*Criminology: textbook*]. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, Norma: INFRA-M, 2024. 496 p.

Kleymenov M. P., Kleymenov I. M. Kriminalitet: ponyatie i struktura [Criminality: concept and structure]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [*All-Russian Criminological Journal*], 2024, 18 (6), 556–565. DOI: 10.17150/2500–4255.2024.18(6).556–565.

Kozachenko I. Ya., Korsakov K. V. *Kriminologiya: uchebnik* [*Criminology: textbook*]. Moscow, Norma: INFRA-M, 2011. 656 p.

Kuznetsova N. F. *Prestuplenie i prestupnost': monografiya* [*Crime and criminality: monograph*]. Moscow, MGU im. M. V. Lomonosova, 1969, 207 p.

Lebedev S. Ya. Kriminologicheskaya bezopasnost' lichnosti, obshchestva, gosudarstva [Criminological security of the individual, society, state]. In: *Pravovaya nauka na rubezhe XXI stoletiya: sb. nauch. tr.* [*Legal science at the turn of the 21st century: collection of scientific works*]. Omsk, 2000, 13–22.

Makarov V. V. Kriminologicheskoe issledovanie samodeterminatsii prestupnosti: dis. … kand. yurid. nauk [Criminological study of self-determination of crime: PhD (Law) thesis]. Moscow, 2014. 186 p.

Malkov V. D. (ed.) *Kriminologiya: uchebnik* [*Criminology: textbook*]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Yustitsinform, 2006, 608 p.

Nomokonov V. A. Tenevaia ekonomika i korruptsiia [Shadow Economy and Corruption]. In: *Prokurorskaia deiatel'nost': aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik statei [Prosecutorial Activity: Topical Issues of Theory and Practice: Collection of Article].* Vladivostok, Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet, 2023, 101–110.

Nomokonov V. A. Obshchestvennaia opasnost' v triade "lichnost'-obshchestvo-gosudarstvo" [Social danger in the triad "individual-society-state"]. In: *Obshchestvennaia opasnost' v ugolovnom, ugolovno-ispolnitel'nom prave i kriminologii: materialy XIV Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava [Social danger in criminal, penal law and criminology: proceedings of the XIV Russian Congress of Criminal Law].* Moscow, Yurlitinform, 2024, 402–405.

Ozhogov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [*Explanatory dictionary of the Russian language*]. Moscow, Azbukovnik, 1999, 944 p.

Plokhov S. V. Protivodeystvie korruptsionnoi prestupnosti v sotsial'noi sfere: na primere zdravookhraneniya i obrazovaniya Volgogradskoi i Saratovskoi oblastei: dis. … kand. yurid. nauk [Counteraction to corruption crime in the social sphere: on the example of health care and education in Volgograd and Saratov regions: PhD (Law) thesis]. Saratov, 2013. 192 p.

Romanovich A. L. Razvitie i bezopasnost' sotsioprirodnykh sistem: filosofsko-metodologicheskii analiz: dis. … dokt. filosof. nauk [Development and security of socio-natural systems: philosophical and methodological analysis: Dr. of Philosophy thesis]. Moscow, 2003. 364 p.

Sergeev A. P., Tolstoi Yu.K. (eds.) *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 3. 4-e izd., pererab. i dop. [Civil Law: Textbook: In 3 Vols. Vol. 3. 4th ed., revised and enlarged].* Moscow, Velbi, Prospekt, 2005, 784 p.

Shchedrin N. V. Kontseptual'no-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti [Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of security measures]. In: *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [*Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*], 2013, 4 (31), 26–35.

Shchedrin N. V., Damm I. A. (eds.) *Antikorruptsionnye mery bezopasnosti: monografiya* [*Anti-corruption security measures: monograph*]. Moscow, Prospekt, 2020, 224 p.

Sukhanov E. A. (ed.) *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. II: obyazatel'stvennoe pravo [Russian Civil Law: Textbook: in 2 vols. Vol. II: Obligations Law].* 2nd ed., stereotyped. Moscow, Statut, 2011, 1208 p.

Zhubrin R. V. (ed.) *Lichnost' korruptsionnogo prestupnika: monografiya* [*The personality of a corruption offender: monograph*]. Moscow, Prospekt, 2019, 176 p.

Ter-Akopov A. A. *Otvetstvennost' za narushenie spetsial'nykh pravil povedeniya* [*Responsibility for violation of special rules of conduct*]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1995. 143 p.

Varygin A. N. (ed.) *Kriminologiya: uchebnik* [*Criminology: textbook*]. Saratov, Izd-vo Saratovskoi gos. yurid. akad., 2024, 496 p.

Vozzhenikov A. V. Natsional'naya bezopasnost' v kontekste sovremennogo politicheskogo protsessa Rossii: teoriya i politika obespecheniya: dis. … dokt. polit. nauk [National security in the context of the modern political process of Russia: theory and policy of provision: Dr. of Political Sciences thesis]. Moscow, 2002. 394 p.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1552–1562

EDN: FKZFIF
УДК 343.9

Legal Problems of Unauthorized Access to Confidential Information Due to Corruption

Ellada V. Shamehina*, Sergey I. Gutnik and Pavel V. Teplyashin
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 25.06.2025 received in revised form 30.06.2025, accepted 07.07.2025

Abstract. The article examines the legal problems associated with corruption risks due to access to confidential official information. It is pointed out that the current legislation of the Russian Federation governing official activity has discrepancies with the information legislation regarding the formulation of the concept of confidential official information. The materials of iudicial practice in corruption-related criminal cases related to the unlawful disclosure of confidential official information are analyzed, and a conclusion is drawn about the ambiguous approach of the courts to the legal assessment of these criminal acts. The role of information technologies in countering corruption risks in connection with the misuse of confidential official information is investigated. It is proposed to use the Poseidon anti-corruption system as one of the technical means of countering the misuse of confidential official information.

Keywords: confidentiality, official information, anti-corruption.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

Citation: Shamehina E. V., Gutnik S. I., Teplyashin P. V. Legal Problems of Unauthorized Access to Confidential Information Due to Corruption. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1552–1562. EDN: FKZFIF

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: eshamekhina@sfu-kras.ru

Правовые проблемы неправомерного доступа к конфиденциальной информации вследствие коррупционного воздействия

Э.В Шамехина, С.И. Гутник, П.В. Тепляшин
Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье исследуются правовые проблемы, связанные с коррупционными рисками вследствие получения доступа к конфиденциальной служебной информации. Указывается, что действующее законодательство Российской Федерации, регулирующее служебную деятельность, имеет расхождения с информационным законодательством в части формулировки понятия конфиденциальной служебной информации. Проанализированы материалы судебной практики по уголовным делам коррупционной направленности, связанным с неправомерным разглашением конфиденциальной служебной информации, и сделан вывод о неоднозначном подходе судов к правовой оценке указанных преступных деяний. Исследована роль информационных технологий в вопросах противодействия коррупционным рискам в связи с неправомерным использованием конфиденциальной служебной информации. Предложено использовать систему противодействия коррупции «Посейдон» в качестве одного из технических средств противодействия неправомерному использованию конфиденциальной служебной информации.

Ключевые слова: конфиденциальность, служебная информация, противодействие коррупции.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Шамехина Э.В., Гутник С.И., Тепляшин П.В. Правовые проблемы неправомерного доступа к конфиденциальной информации вследствие коррупционного воздействия. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1552–1562. EDN: FKZFIF

Введение

Современный уровень информатизации повседневной жизни характеризует общество как информационное, в котором производство и потребление информации является важнейшим видом деятельности, а информация признается наиболее значимым ресурсом. Особую ценность представляет информация, использование и распространение которой не является свободным процессом, – так называемая конфиденциальная информация. Вопросы доступа к этой информации, в том числе неправомерного, и её использования в личных целях занимают важное место в проблематике информационного права. В то же время представляется оправданным рассматривать указанные проблемы также и с точки зрения противодействия коррупции. Ведь именно коррупционное воздействие способно усугублять вредоносные последствия неправомерного доступа к конфиденциальной информации.

Методология исследования

Исследование строилось на основе диалектического познания окружающей социально-правовой действительности и проводилось в соответствии с принципом

системно-структурного анализа средств и форм антикоррупционного противодействия неправомерному доступу к конфиденциальной информации. Реализовывались методологические подходы к изучению неправомерного доступа к конфиденциальной информации вследствие коррупционного воздействия как общенаучной, так и отраслевой направленности. В качестве основных методов исследования выступили формально-юридический, герменевтический, социологический (в контексте контент-анализа правоприменительной практики), прогностический, а также метод моделирования (в части предложений по использованию автоматизированной аналитики данных).

Концептологические основания исследования

Изучению отдельных аспектов регулирования конфиденциальной информации посвящены диссертационные исследования М. В. Бундина (Bundin, 2017), С. Н. Бурдова (Burdov, 2015), А. А. Дворникова (Dvorkin, 2007), М. А. Ершова (Ershov, 2010), М. А. Ефремовой (Efremova, 2018), Г. Г. Камаловой (Kamalova, 2020), А. А. Караваева (Karavaev, 2015), А. В. Семашко (Semashko, 2008), И. В. Строгановой (Stroganova, 2004), Л. К. Терещенко (Tereshchenko, 2011), М. А. Хурум (Hurum, 2019), И. А. Юрченко (Yurchenko, 2000) и других авторов. Работы были изучены с целью обнаружения ключевых концептуальных идей, имеющих значение для обоснования проблемы неправомерного доступа к конфиденциальной информации вследствие коррупционного воздействия. Вместе с тем вопрос использования конфиденциальной служебной информации в контексте изучения коррупционных проявлений в настоящее время крайне актуален, но он не получил должного рассмотрения со стороны исследователей, что подчёркивает научную состоятельность настоящего исследования.

Постановка проблемы

Современное информационное законодательство не содержит определения конфиденциальной информации. Однако Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ раскрывает содержание конфиденциальности информации, под которой понимается «обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя». Таким образом, конфиденциальность информации выступает «правовым режимом информации, который устанавливается на основании федерального закона и заключается в применении ограничений и запретов в отношении свободного обмена конкретным видом информации» (Gutnik, 2017: 37).

Ряд ограничений и запретов в отношении свободного обмена конфиденциальной информацией установлен федеральным антикоррупционным законодательством.

Согласно статье 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79, в связи с прохождением гражданской службы гражданскому служащему запрещается разглашать или использовать в целях, не связанных с гражданской службой, сведения, отнесенные в соответствии с федеральным законом к сведениям конфиденциального характера, или служебную информацию, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей. Аналогичный запрет установлен статьей 14 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации».

Запрет на разглашение или использование конфиденциальной служебной информации является одним из антикоррупционных стандартов поведения, поскольку представляет собой один из элементов совокупности «обязанностей, запретов, ограничений и рекомендаций, возлагаемых на лиц, замещающих государственные (муниципальные) должности, государственных (муниципальных) служащих, работников организаций в целях предупреждения коррупции» (Damm, 2018: 114).

Полагаем, что данный антикоррупционный стандарт поведения целесообраз-

но рассматривать в концепции мер безопасности, предложенной Н.В. Щедриным (Shchedrin, 1999). Согласно данному им определению, меры безопасности представляют собой «меры принудительного ограничения поведения физических и деятельности юридических лиц, применяемые при наличии указанных в законе оснований и имеющие целью предотвращения вредоносного воздействия определенного источника опасности либо ограждения объекта защиты от вредного влияния источников опасности» (Shchedrin, 1999: 63). Полагаем, что запрет на разглашение или использование конфиденциальной служебной информации соответствует приведенной характеристике, и потому в настоящей статье будет рассмотрен в рамках данной правовой теории.

Поскольку в определенной части запрет на разглашение и использование конфиденциальной служебной информации является частью антикоррупционного законодательства, использование, разглашение или предоставление неправомерного доступа к такой информации следует оценивать как коррупционное проявление.

Указом Президента от 06.03.1997 № 188 утвержден Перечень сведений конфиденциального характера. В соответствии с данным Перечнем к сведениям конфиденциального характера относятся:

– сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные);

– сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства, сведения о лицах, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, а также сведения о мерах государственной защиты указанных лиц;

– служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами (служебная тайна);

– сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений и так далее);

– сведения, связанные с коммерческой деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами (коммерческая тайна);

– сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них;

– сведения, содержащиеся в личных делах осужденных, а также сведения о принудительном исполнении судебных актов, актов других органов и должностных лиц.

Как следует из системного толкования представленного Указа Президента, служебные сведения (служебная тайна) включены в состав сведений конфиденциального характера. В то же время в статьях Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» сведения, отнесенные в соответствии с федеральным законом к сведениям конфиденциального характера, и служебная информация упоминаются как два самостоятельных вида информации. Представляется, что такая рассогласованность правового регулирования связана с недостаточной разработанностью понятийно-категориального аппарата в исследуемой сфере.

Данное обстоятельство детерминирует и отсутствие системности в употреблении терминологии. На уровне федерального законодательства и подзаконных правовых актов используются такие конструкции, как «служебная информация», «служебные сведения», «служебная тайна». Следует отметить, что ни один из указанных терминов не получил легального определения, что также является осложняющим фактором для эффективного действия правовых норм.

В связи с этим в научной литературе отмечаются недостатки в изложении антикоррупционного стандарта о запрете

разглашения или использования в целях, не связанных с гражданской службой, сведений, отнесенных в соответствии с федеральным законом к сведениям конфиденциального характера, или служебной информации, ставших известными служащему в связи с исполнением должностных обязанностей. С. Н. Братановский отмечает, что «если понимать данную норму буквально, то указанный запрет относится к любой информации, ставшей известной гражданскому или муниципальному служащему в связи с прохождением службы. Утрируя, можно сказать, что к подобной информации относится, например, цвет обоев в кабинете гражданского служащего» (Bratanovskii, 2013: 14). Очевидно, что запрет на разглашение и использование служебной информации должен быть ориентирован на сохранение в тайне не деталей интерьера служебных кабинетов, а служебной информации, не предназначенной для свободного обращения. Как отмечает О. Р. Уторов, «всю обрабатываемую информацию в органах власти можно отнести к служебной по тому основанию, что она вообще циркулирует там, где преимущественно (но не обязательно) имеется государственная или муниципальная служба, а лица, ее обрабатывающие, являются служащими» (Utorov, 2019: 58). Следует согласиться с Ю. В. Пономаревой, что понятие «служебная информация» «охватывает весь объем информации, образующийся в результате деятельности, в том числе информацию, входящую в категорию «открытые данные» (Ponomareva, 2018: 111).

Исходя из обозначенных выше позиций, полагаем, что использование и предоставление неправомерного доступа к служебной информации вследствие коррупционного воздействия имеет место только в тех случаях, когда речь идет о служебной информации, не являющейся общедоступной, то есть о конфиденциальной служебной информации.

В связи с существующей рассогласованностью правового регулирования в вопросе ограничения обращения служебной информации, считаем целесообразной унификацию понятийно-категориального аппарата в исследуемой сфере. В частности, в Федеральных законах «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и «О муниципальной службе в Российской Федерации» конфиденциальная информация и служебная информация не должны употребляться как две самостоятельные однопорядковые категории, разглашение или использование которых в целях, не связанных со службой, будет являться равнозначным нарушением. Полагаем, что данная норма может быть изложена следующим образом: «В связи с прохождением гражданской службы гражданскому служащему запрещается разглашать или использовать в целях, не связанных с гражданской службой, сведения, отнесенные в соответствии с федеральным законом к сведениям конфиденциального характера, в том числе конфиденциальную служебную информацию, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей». Аналогичным образом может быть сформулирован запрет для муниципальных служащих.

Подобное изложение правовой нормы отражает родовидовое отношение конфиденциальной информации и служебной информации ограниченного доступа, а также акцентирует внимание на запрете разглашения именно конфиденциальной, а не любой служебной информации. Полагаем, что такой подход к правовому регулированию в наибольшей степени соответствует целям установления запрета на разглашение или использование в личных целях служебной информации, а также успешно встраивается в систему информационного законодательства.

Анализ правоприменительной практики

Анализ судебной практики по уголовным делам коррупционной направленности показывает неоднозначный подход судов к правовой оценке преступных деяний, которые связаны с неправомерным использованием конфиденциальной служебной информации, её разглашением или предоставлением к ней неправомерного доступа. Вероятно, это связано с неоднозначностью

ситуаций, которые содержат в себе состав соответствующего коррупционного преступления.

В подавляющем большинстве случаев, которые имеются в судебной практике, речь идёт о коррупционном стимулировании различных должностных лиц, имеющих доступ к конфиденциальной служебной информации либо обладающих полномочиями по запросу соответствующей конфиденциальной информации из других источников. Причём зачастую происходит нарушение правового режима служебной тайны либо другого режима конфиденциальной информации, предусмотренных действующим информационным законодательством.

Так, приговором Железнодорожного районного суда г. Красноярска по уголовному делу № 1–16/2019 от 03.06.2019 г. Л. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ. Судом было установлено, что Л., который являлся начальником отдела по борьбе с организованными преступными формированиями, преступными сообществами и разработке «воров в законе» ГУ МВД России, с целью получения необходимой информации предложил взятку должностному лицу, исполняющему обязанности начальника другого отдела ГУ МВД России, за предоставление информации о проведении сотрудниками указанного отдела оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, причастных к организации занятия проституцией, то есть за совершение заведомо незаконных действий. В дальнейшем Л. передал двумя частями взятку, после чего был задержан. Судом отмечено, что информация, которую стремился получить подсудимый Л., не могла быть им получена в связи с занимаемой им должностью, и он обратился к начальнику другого отдела в рамках служебных отношений, зная, что тот может в силу своих полномочий иметь к данной информации доступ. При этом предполагалось, что информация будет предоставлена ему в нарушение пункта 8 части 1 статьи 27 Федерального закона «О полиции», а также пунктов 18, 19, 28 должностной инструкции начальника отдела ГУ МВД России.

Указанный случай иллюстрирует попытку вступления в коррупционные отношения с целью получения необходимой информации. Судом данное деяние было квалифицировано как дача взятки в значительном размере за совершение заведомо незаконных действий. Незаконность действий могла выразиться в неправомерном разглашении сведений, составляющих служебную тайну, но этого не произошло, так как должностное лицо исполнило предусмотренную служебным законодательством обязанность о сообщении представителю нанимателя о ситуации, связанной со склонением его к совершению коррупционного правонарушения.

Другой случай, который довольно часто встречается в судебной практике в разных регионах Российской Федерации, связан с коррупционным раскрытием другим лицам служебной информации со стороны сотрудников органов внутренних дел.

Так, приговором Первомайского районного суда г. Ижевска от 25.07.2024 г. по уголовному делу № 1–40/2024 В. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 290 УК РФ. Как установлено судом в ходе рассмотрения уголовного дела, В., замещая должность начальника смены дежурной части отдела полиции № 5 УМВД России по г. Ижевску, договорился с директором коммерческой организации, оказывающей услуги по организации похорон умерших, о передаче ему на систематической основе взяток в виде денег за совершение действий, входящих в его служебные полномочия, а также за незаконные действия. Имея в силу занимаемой должности доступ к служебной информации о случаях смертей граждан на территории г. Ижевска, местонахождении тел умерших, их данных и данных их родственников, В. осуществлял сбор служебной информации, связанной с фактами обнаружения трупов на территории г. Ижевска, в том числе о местах обнаружения трупов, их персональных данных и персональных данных их родственников.

После этого посредством мессенджеров «WhatsApp» и «Telegram», принимая меры конспирации, в нарушение Федерального закона «О полиции», Федерального закона «О персональных данных», своего служебного контракта, он незаконно систематически сообщал руководителю коммерческой организации указанные сведения. В дальнейшем руководитель коммерческой организации использовала полученную от В. служебную информацию с целью обращения к родственникам умерших граждан и заключения с ними договоров от имени представляемой ею организации на оказание ритуальных услуг. Кроме того, данная информация использовалась ею также для внеочередного и незамедлительного прибытия на место происшествия по фактам обнаружения трупов и последующего обращения к родственникам умерших граждан, заключения с ними договоров на оказание ритуальных услуг и извлечения прибыли.

Примечательно, что в рассматриваемом случае органы следствия вменяли подсудимому получение взятки за совершение законных действий, так как возможность доступа у В. к указанной информации была в силу занимаемого служебного положения. Однако суд указал в приговоре, что законность действий в ходе рассмотрения дела не нашла своего подтверждения, а незаконность, напротив, выразилась в совершении им как должностным лицом действий, связанных с передачей служебной информации в нарушение прямого запрета на такую передачу. В связи с изложенным указание на «совершение законных действий» было из квалификации деяния В. исключено.

В рассматриваемом случае опасность такого разглашения, на наш взгляд, выразилась в создании на рынке ритуальных услуг неравного положения субъектов предпринимательской деятельности, поскольку в силу известности данной информации взяткодатель получил преимущество перед конкурентами, имея возможность быстрее остальных, практически незамедлительно заключить договоры и оказать услуги, чего не могло быть, если бы указанная информация не была им получена.

Незаконное получение конфиденциальной служебной информации может также осуществляться, как показывает практика, и в связи с желанием не допустить выявления со стороны должностных лиц контрольно-надзорных органов нарушений в деятельности субъектов-предпринимателей, что также довольно часто встречается в разных регионах Российской Федерации.

Приговором Промышленного районного суда г. Оренбурга от 04.07.2024 г. по уголовному делу № 1–160/2024 О. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, то есть в совершении дачи взятки должностному лицу через посредника в значительном размере за совершение заведомо незаконных действий. Преступное деяние О. выразилось в том, что он, будучи лицом, оказывающим услуги по организации выполнения строительных работ, в том числе с использованием труда наёмных рабочих из числа иностранных граждан и лиц без гражданства, договорился с должностным лицом подразделения по вопросам миграции МУ МВД России «Оренбургское» о систематическом своевременном предоставлении необходимой служебной информации о проведении сотрудниками миграционных подразделений мероприятий, направленных на выявление нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, а также о его возможном бездействии по непроведению контрольно-надзорных мероприятий в указанной сфере. Как было установлено судом, должностное лицо подразделения по вопросам миграции на регулярной основе предоставляло О. в ходе телефонных переговоров и личных встреч полученную от иных сотрудников миграционного подразделения информацию о планируемых мероприятиях. В свою очередь, О. периодически осуществлял выплату указанному должностному лицу незаконных вознаграждений путём перечислений на его банковскую карту.

Похожий случай был предметом рассмотрения уголовного дела Свердловским районным судом г. Красноярска (дело № 1–79/2018), по которому была осуждена

Н. за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ. Будучи начальником правового отдела Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы, за вознаграждение имущественного характера от руководителя подконтрольной коммерческой организации она предоставляла информацию, составляющую служебную тайну, о планируемых к проведению инспекцией в отношении организации конкретных мероприятиях налогового контроля, ставшую ей известной в связи с исполнением служебных обязанностей.

Обсуждение

Риски предоставления неправомерного доступа к конфиденциальной служебной информации вследствие коррупционного воздействия возрастают в связи с цифровой трансформацией государства. Централизованное хранение больших объёмов данных в электронных системах обеспечивает удобство не только для осуществления деятельности государственных органов и получения государственных услуг гражданами, но и для их неправомерного использования в личных целях недобросовестными служащими. Кроме того, расширение каналов передачи информации и увеличение числа пользователей государственных информационных систем объективно повышает вероятность злоупотребления конфиденциальными данными.

В этой части необходимо также отметить технологическую сложность работы современных информационных систем. По словам председателя Национального антикоррупционного комитета член СПЧ Кирилла Кабанова, «информационные технологии (IT) остаются сферой с самыми высокими коррупционными рисками» (Glava antikorrupcionnogo komiteta zayavil o vysokikh riskakh korrupcii v IT, 2020), поскольку эта отрасль непрозрачна. Данная «непрозрачность», а также сложность и отсутствие у большинства пользователей понимания алгоритмов работы современных технологий создает потенциально криминогенную сферу. Это позволяет лицам, имеющим доступ к данным информационным системам в силу должностного или служебного положения использовать хранящуюся в них конфиденциальную служебную информацию в личных целях, в том числе предоставляя третьим лицам неправомерный доступ к ней за материальное или иное вознаграждение. При этом риски наступления ответственности за совершенное деяние будут относительно не высокими, поскольку для установления факта злоупотребления требуется наличие определенных компетенций у сотрудников службы безопасности или контроля государственного органа или же у сотрудников правоохранительных органов. Тем самым следует констатировать, что сложность и непрозрачность работы ряда информационных технологий создает условия для успешного их использования в коррупционных целях.

Перевод конфиденциальной служебной информации «в цифру» детерминирует и расширение субъектного состава возможных коррупционеров. Активными участниками коррупционных схем могут стать технические специалисты, обладающие доступом и необходимыми знаниями для противоправного использования информационных систем, и лица, ответственные за обеспечение безопасности и защищенности данной сферы. К потенциальным инсайдерам конфиденциальной служебной информации могут относиться системные администраторы, специалисты по информационной безопасности и другие IT-сотрудники, имеющие доступ к информационным системам и предоставляющие его третьим лицам за коррупционное вознаграждение. В связи с этим такие лица «требуют особого контроля со стороны правоохранительных органов» (Ovchinnikov, 2019: 165). Особую опасность представляет возможность сговора технических специалистов с представителями управленческого звена, что существенно повышает эффективность противоправной деятельности и затрудняет её выявление.

В то же время следует отметить, что современные информационные технологии одновременно могут выступать не только источником коррупционных рисков,

но и средством их минимизации. Злоупотребление доступом к служебной информации и ее использование в противоправных целях обусловлено личной заинтересованностью служащего и возможностью извлечь выгоду от передачи сведений третьим лицам. В установлении факта наличия такой личной заинтересованности или нахождения в контакте с теми лицами, кто потенциально может извлечь выгоду от получения доступа к конфиденциальной служебной информации, значимое место отводится системам искусственного интеллекта и аналитики больших данных.

Данные разработки уже нашли успешное применение в самых различных областях государственного управления и коммерческом секторе. Автоматизированная аналитика данных из различных источников информации позволяет «вскрывать» те связи явлений, которые крайне затруднительно было бы установить посредством использования ограниченных человеческих возможностей.

Новейшим отечественным антикоррупционным проектом, основанным на анализе информации из различных баз данных, стала система противодействия коррупции «Посейдон». Данная система составляет цифровые портреты чиновников, анализируя данные из баз ФНС, Росфинмониторинга и Росимущества, а также информацию из социальных сетей и персональные данные. Преимуществом системы «Посейдон» является ее направленность как на предупреждение коррупционных проявлений путем своевременного фиксирования и отслеживания необходимых фактов и обстоятельств, так и возможность ее эффективного применения в установлении уже совершенного противоправного деяния. Представляется, что «Посейдон» может быть эффективно использован и для противодействия такой форме коррупционного поведения, как противоправное использование конфиденциальной служебной информации, в том числе и путем предоставления неправомерного доступа к ней третьим лицам.

Технологии искусственного интеллекта также могут быть применены при оценке потенциальной коррупциогенности кандидатов на те должности, которые предполагают доступ к конфиденциальной служебной информации. Благодаря своей способности «улавливать необычные закономерности и «красные флаги», искусственный интеллект может провести оценку рисков и определить наиболее «безопасного» с точки зрения обеспечения сохранности служебной информации кандидата. В частности, отдельное внимание может быть уделено наличию или отсутствию в окружении кандидата на службу таких лиц, которые потенциально могли бы извлекать выгоду от получения доступа к конфиденциальной служебной информации.

Заключение

Таким образом, следует констатировать, что нарушение режима конфиденциальности служебной информации довольно часто происходит умышленно вследствие коррупционного воздействия в отношении должностных лиц, которые имеют доступ к данной информации. Подобного рода деяния представляют собой серьёзную угрозу и однозначно должны учитываться законодателем и правоприменителем при разработке антикоррупционных стандартов поведения государственных и муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, а также иных лиц, которые могут быть подвержены различным коррупционным рискам. Существенную роль в оптимизации антикоррупционных правовых инструментов, используемых для профилактики противоправного использования конфиденциальной служебной информации, занимает автоматизированная аналитика соответствующих данных. Следует также обратить внимание на проблемы недостаточной разработанности правового регулирования в данной сфере, а также риски, связанные с цифровизацией государственной и муниципальной службы и развитием информационных технологий.

Список литературы / References

Bratanovskii S. N. Pravovye rezhimy i sootnoshenie sluzhebnoi i professional'noi tainy [Legal regimes and the relationship between official and professional secrecy]. In: *Grazhdanin i parvo [Citizen and law]*, 2013, 1, 13–23.

Bundin M. V. *Personal'nye dannye v sisteme informacii ogranichennogo dostupa: dis. ... kand. yurid. nauk [Personal data in the restricted access information system: diss. ... candidate of legal sciences]*, Moscow, 2017, 218 p.

Burdov S. N. *Administrativno–pravovye rezhimy konfidencial'noi informacii: dis. ... kand. yurid. nauk [Administrative and legal regimes of confidential information: diss. ... candidate of legal sciences]*, Saint-Petersburg, 2015, 196 p.

Damm I. A. Antikorrupcionnye standarty povedeniya rabotnikov obrazovatel'nykh organizacii vysshego obrazovaniya [Anti-corruption standards of conduct for employees of educational institutions of higher education]. In: *Lex Russica*, 2018, 8–141, 113–129.

Dvornikov A. A. *Ugolovno-pravovaya okhrana gosudarstvennoi i sluzhebnoi tainy v organakh vnutrennikh del: dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal law protection of state and official secrets in law enforcement agencies: diss. ... candidate of legal sciences]*, 2007, Tyumen', 197 p.

Ershov M. A. *Otvetstvennost' za posyagatel'stva na konfidencial'nuyu informaciyu po rossiiskomu ugolovnomu pravu: problemy pravoprimeneniya i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva: dis. ... kand. yurid. nauk [Responsibility for encroachments on confidential information under Russian criminal law: problems of law enforcement and improvement of legislation: diss. ... candidate of legal sciences]*, 2010, Nizhnii Novgorod, 237 p.

Efremova M. A. *Ugolovno–pravovaya okhrana informacionnoi bezopasnosti: dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminal law protection of information security: diss. ... doctor of legal sciences]*, 2018, Moscow, 427 p.

Glava antikorrupcionnogo komiteta zayavil o vysokikh riskakh korrupcii v IT [The head of the Anti-Corruption Committee stated the high risks of corruption in IT]. 2020. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/4604902 (accessed 20 March 2025).

Gutnik S. I. *Ugolovno–pravovaya harakteristika prestupnykh posyagatel'stv v otnoshenii personal'nykh dannykh: dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal and legal characteristics of criminal encroachments on personal data: diss. ... candidate of legal sciences]*, Krasnoyarsk, 2017, 241 p.

Hurum M. A. *Prestupleniya, svyazannye s polucheniem i (ili) razglasheniem konfidencial'noi informacii: kriminalizaciya, sistematizaciya i optimizaciya zakonodatel'nogo opisaniya: dis. ... kand. yurid. nauk [Crimes related to obtaining and (or) disclosing confidential information: criminalization, systematization and optimization of legislative description: diss. ... candidate of legal sciences]*, 2019, Krasnodar, 220 p.

Iurchenko I. A. *Informaciya konfidencial'nogo kharaktera kak predmet ugolovno-pravovoi okhrany: dis. ... kand. yurid. nauk [Confidential information as a subiect of criminal law protection: diss. ... candidate of legal sciences]*, 2000, Moscow, 205 p.

Kamalova G. G. *Pravovoe obespechenie konfidencial'nosti informacii v usloviyakh razvitiya informacionnogo obshchestva: dis. ... d-ra yurid. nauk [Legal protection of information confidentiality in the context of information society development: diss. ... doctor of legal sciences]*, 2020, Moscow, 472 p.

Karavaev A. A. *Administrativno–pravovoe regulirovanie oborota i zashchity konfidencial'noi informacii v organakh vnutrennikh del: dis. ... kand. yurid. nauk [Administrative and legal regulation of the turnover and protection of confidential information in the internal affairs bodies: diss. ... candidate of legal sciences]*, 2015, Voronezh, 220 p.

Ovchinnikov A. I. Protivodeistvie korrupcii v usloviyakh cifrovizacii: vozmozhnosti, perspektivy, riski [Countering corruption in the context of digitalization: opportunities, prospects, risks]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava [Iournal of Russian Law]*, 2019, 11, 158–170.

Ponomareva IU. V. *Pravovoi rezhim sluzhebnoi tainy: dis. ... kand. yurid. nauk [The legal regime of official secrecy: diss. ... candidate of legal sciences]*, 2018, Chelyabinsk, 253 p.

Semashko A. V. *Pravovye osnovy oborota informacii s ogranichennym dostupom (konfidencial'noi informacii) v Rossiiskoi Federacii: dis. … kand. yurid. nauk [Legal basis for the circulation of information with limited access (confidential information) in the Russian Federation: diss. … candidate of legal sciences]*, 2008, Moscow, 242 p.

Shchedrin N. V. *Vvedenie v pravovuiu teoriiu mer bezopasnosti [Introduction to the Legal Theory of Security Measures]*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet, 1999. 180 p.

Stroganova I. V. *Pravovoi rezhim konfidencial'noi informacii: grazhdansko–pravovoi aspekt: dis. … kand. yurid. nauk [Legal regime of confidential information: civil law aspect: diss. … candidate of legal sciences]*, 2004, Ekaterinburg, 210 p.

Tereshchenko L. K. *Pravovoi rezhim informacii: dis. … d-ra yurid. nauk [Legal regime of information: diss. … doctor of legal sciences]*, 2011, Moscow, 415 p.

Utorov O. R. Sluzhebnaya informaciya i sluzhebnaya taina: osnovnye podkhody i problemy sootnosheniya ponyatii [Official information and official secrecy: the main approaches and problems of correlation of concepts]. In: *Vestnik URFO [Bulletin of Urfu]*, 2019, 1–31, 57–63.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1563–1573

EDN: RUNNFC
УДК 343

Main Directions of Anti-Corruption Protection in Higher Education Institutions

Evgenii A. Akunchenko* and Timofei V. Kukin
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 02.07.2025 received in revised form 03.07.2025, accepted 07.07.2025

Abstract. This article examines the prevention of corruption in higher education within the framework of anti-corruption security theory. The focus is shifted from counteracting corruption as such to the protection of objects of anti-corruption security and their interaction with sources of corruption threats. Anti-corruption protection is considered as a separate element of the anti-corruption security system, aimed at reducing the vulnerability of higher education institutions to corruption risks. The article identifies the main directions of anti-corruption protection in higher education institutions, including anti-corruption education and awareness for staff and students, assessment of corruption risks, ensuring transparency, implementation of standards of conduct, and review of internal regulations. It is concluded that these directions constitute the basis of anti-corruption protection, but do not exhaust its possible measures. The study emphasizes the need for further theoretical and practical development of anti-corruption protection in higher education.

Keywords: corruption, corruption prevention, anti-corruption activities, anti-corruption security, anti-corruption protection, higher education, educational institutions.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law Sciences.

Citation: Akunchenko E.A., Kukin T.V. Main Directions of Anti-Corruption Protection in Higher Education Institutions. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1563–1573. EDN: RUNNFC

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: eakunchenko@sfu-kras.ru

Основные направления антикоррупционной защиты образовательной организации высшего образования

Е.А. Акунченко, Т.В. Кукин
Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Предупреждение коррупции в сфере образования исследуется в аспекте теории антикоррупционной безопасности, в которой смысловой акцент смещается с объекта противодействия (коррупция) на объекты антикоррупционной безопасности и их функциональное взаимодействие с источниками коррупционной опасности. В свою очередь, антикоррупционная защита рассматривается как отдельный элемент системы обеспечения антикоррупционной безопасности, направленный на снижение уязвимости объектов антикоррупционной безопасности перед негативным коррупционным воздействием. Образовательные организации высшего образования имеют большой потенциал для реализации комплекса мер антикоррупционной защиты, включая меры стимулирующего и ограничительного характера. В числе основных направлений антикоррупционной защиты образовательных организаций высшего образования выделяются: антикоррупционное просвещение и антикоррупционное образование работников и обучающихся; оценка коррупционных рисков; обеспечение антикоррупционной открытости; внедрение и обеспечение соблюдения антикоррупционных стандартов поведения; проведение антикоррупционной экспертизы локальных нормативных актов. Авторы приходят к выводу, что указанные направления составляют основу, но не исчерпывают возможный арсенал мер антикоррупционной защиты. Дальнейшее теоретическое познание и практическое воплощение данного элемента системы обеспечения антикоррупционной безопасности требует активного включения образовательных организаций высшего образования в антикоррупционную деятельность.

Ключевые слова: коррупция, предупреждение коррупции, антикоррупционная деятельность, антикоррупционная безопасность, антикоррупционная защита, высшее образование, образовательные организации.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Акунченко Е. А., Кукин Т. В. Основные направления антикоррупционной защиты образовательной организации высшего образования. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1563–1573. EDN: RUNNFC

Введение
в проблему исследования

Коррупция представляет собой сложный социальный феномен, имеющий мультидисциплинарную природу, многоуровневую структуру и очевидные негативные последствия в подавляющем большинстве сфер общественной жизни. Будучи особо адаптивным и крайне инвазивным явлением, коррупция насчитывает множество форм и видов, существование которых предопределяет проведение непрерывных научных изысканий для повышения эффективности прикладной антикоррупционной деятельно-

сти. Одним из таких таксонов выступает коррупция в сфере образования. В силу аксиологического характера процессов воспитания и обучения граждан она создает серьезную угрозу национальной безопасности. Массовая повторяемость псевдообразовательных результатов, полученных с использованием коррупционной выгоды, имеет накопительный эффект и в отсутствие своевременных и действенных антикоррупционных мер со стороны общества и государства может привести к критическому снижению квалификации представителей социально значимых профессий. Более того, коррумпированная образовательная среда способна успешно воспроизводить молодое поколение работников, толерантных к коррупционному поведению и воспринимающих его как норму, а не как отклонение. В конечном итоге происходит самодетерминация коррупции, которая усиливает разрушающее воздействие данного явления на базовые социальные институты. В условиях цифровой трансформации традиционной образовательной среды предупреждение коррупции в сфере образования приобретает особое значение и требует переосмысления на новых методологических началах в контексте теории антикоррупционной безопасности.

Концептологические основания исследования

Вопросам понимания и предупреждения коррупции в сфере образования посвящены труды ведущих российских ученых. На сегодняшний день накоплены научные знания о понятии и признаках рассматриваемого вида коррупции (Morozov, 2010; Osipian, 2010; Makarova & Vakhrushev, 2014; Damm, 2016; Bukharina, 2016; Liubkina & Lubskii, 2018 et al.), ее основных формах, типах и видах (Leont'eva, 2008; Yukhachev, 2008; Koval', 2014; Damm, 2018b et al.), показателях (Donetskaia, 2015; Sidorenko, 2017; Damm, Akunchenko & Volkova, 2018 et al.), детерминантах и негативных последствиях (Groshev & Grosheva, 2010; Zinnatullin, 2013; Kleimenov, 2019; Nomokonov, 2019; Shchedrin, 2019 et al.), а также особенностях предупреждения данного негативного социального явления (Poliakov, 2016; Alekseev, Sergeeva & Shaidullin, 2018; Bukalerova & Iastrebov, 2018; Damm, 2019 et al.), в том числе в аспекте внедрения и унификации антикоррупционных стандартов (Kirilovykh, 2015; Damm, 2017; Plugina & Gaunova, 2019 et al.), проведения антикоррупционной экспертизы (Plugina, 2016; Tolstikova, 2018; Damm, 2021b et al.), обеспечения антикоррупционной транспарентности (Shishko & Damm, 2018; Soloviev & Khurshudian, 2020; Komissarov, 2022 et al.), антикоррупционного просвещения, образования, воспитания и пр. (Khairutdinova, 2017; Pavlinov, 2018; Damm & Akunchenko, 2020; Poliakov & Migachev, 2020; Kabanov, 2022 et al.).

Постановка проблемы

Следует отметить, что значительная часть из упомянутых выше работ основывается на устоявшемся подходе к организации предупредительной деятельности, в рамках которого приоритет отдается источнику коррупционной опасности. В свою очередь, проблематика укрепления защитных свойств объектов антикоррупционной безопасности либо отодвигается на второй план, либо вовсе остается без внимания. Как отмечает И. А. Дамм, «на современном этапе теоретико-прикладную и методологическую основу воздействия на общественно опасные формы коррупционных проявлений составляет противодействие коррупционной преступности. Однако противодействие как коррупции в целом, так и коррупционной преступности в частности имеет векторную направленность воздействия только на источник опасности – коррупцию и коррупционную преступность. Соответственно, собственный защитный потенциал объектов охраны в сложившейся парадигме воздействия на коррупционную преступность остается нереализованным и пока еще недостаточно исследованным» (Damm, 2024a: 80). В условиях наметившейся трансформации парадигмы антикоррупционной деятельности (SibFU, 2024) особую познавательную перспективу приобретает теория антикоррупционной безопасности, в рамках которой

происходит смещение смыслового акцента с объектов противодействия коррупции на объекты антикоррупционной безопасности (Damm, 2022). Полагаем, что в качестве отдельного элемента системы обеспечения антикоррупционной безопасности в сфере образования может рассматриваться антикоррупционная защита образовательных организаций высшего образования как инициативная деятельность, направленная на снижение их уязвимости перед негативным коррупционным воздействием.

Обсуждение

Антикоррупционная безопасность – относительно новое направление междисциплинарных исследований, которое на сегодняшний день находится на стадии оформления в независимую теоретическую единицу. Одним из первых ее понятие сформулировал Н. В. Щедрин, по мнению которого антикоррупционная безопасность – «это состояние защищенности закрепленных в Конституции РФ системообразующих ценностей социума (объектов охраны) от опасностей, исходящих от противоправных деяний физических лиц и организаций, выполняющих публичные функции или оказывающих публичные услуги вопреки интересам государства и общества, для извлечения противоправной выгоды как для себя, так и для других лиц (источники опасности), а также от деяний всех других лиц и организаций, подкупающих лиц, имеющих публичный статус (источники опасности)» (Shchedrin & Damm, 2021: 64). В ходе дальнейшего познания антикоррупционной безопасности обосновано существование таких ее типов, как антикоррупционная девиантологическая безопасность, антикоррупционная деликтологическая безопасность и антикоррупционная криминологическая безопасность (Damm, 2021a: 737). Рассмотрение последнего из названных типов (антикоррупционная криминологическая безопасность) имеет важное значение для формирования нового подхода к предупреждению коррупции в сфере образования и определения основных направлений антикоррупционной защиты образовательных организаций высшего образования.

В системе теории антикоррупционной криминологической безопасности в качестве основных элементов выделяются сам феномен антикоррупционной криминологической безопасности, ее объекты, коррупционные угрозы и источники опасности, а также обеспечение антикоррупционной криминологической безопасности (Damm, 2024b: 596). В качестве отдельной подсистемы «объект антикоррупционной криминологической безопасности» подразделяется на две взаимообусловленные категории – «объект антикоррупционной криминологической охраны» и «объект антикоррупционной криминологической защиты». Как отмечает И. А. Дамм, «антикоррупционной криминологической охране объекты подлежат непрерывно в силу их особой ценности. В свою очередь, статус объекта антикоррупционной криминологической защиты такие объекты приобретают в связи с причинением или возникновением реальной угрозы причинения им вреда» (Damm, 2022: 563).

Полагаем, что образовательные организации высшего образования в полной мере могут рассматриваться в качестве объектов антикоррупционной криминологической защиты. С одной стороны, они выполняют социально значимую функцию по воспроизводству квалифицированных кадров для различных отраслей народного хозяйства, а также играют важнейшую роль в патриотическом воспитании молодого поколения и укреплении нравственных основ российского общества. С другой – по своей природе образовательная деятельность подвержена колоссальному коррупционному давлению, поскольку непосредственно связана с диспозитивным усмотрением должностных лиц при принятии решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (от предоставления общежития до выставления оценки на государственной итоговой аттестации). Поэтому руководство образовательных организаций высшего образования должно осознавать социальную от-

ветственность как за качество реализации образовательных программ, так и за эффективность осуществляемой антикоррупционной деятельности.

Понятие и содержательное наполнение антикоррупционной защиты в качестве самостоятельного элемента системы обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности еще предстоит определить сторонникам рассматриваемой нами теории. Вместе с тем уже сейчас И. А. Дамм подчеркивает, что «меры антикоррупционной защиты имеют смешанный характер и объединяют как стимулы, так и ограничения» (Damm, 2024b: 598). Стимулы и ограничения широко представлены в системе обеспечения антикоррупционной безопасности и играют в ней важнейшую роль. Антикоррупционные меры стимулирования лежат в основе деятельности по формированию нетерпимости к коррупционному поведению и имеют междисциплинарную природу. В свою очередь, антикоррупционные меры ограничения состоят из запретов, обязанностей и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции в отношении различных категорий физических, должностных и юридических лиц, а также санкций за их нарушение. Синергия антикоррупционных мер стимулирования и ограничения формирует комплексное предупредительное воздействие на субъективные и объективные детерминанты коррупционного поведения, тем самым способствуя обеспечению антикоррупционной безопасности публичного и корпоративного управления (Damm, Tarbagaev, Kopceva, Akunchenko & D'iachenko, 2024: 538). Видится, что образовательные организации высшего образования имеют достаточный потенциал для реализации в своей деятельности антикоррупционных мер защиты как стимулирующего, так и ограничительного характера.

С учетом современного состояния теории и практики предупреждения коррупции в сфере образования антикоррупционная защита образовательной организации высшего образования может включать следующие основные направления.

1. Антикоррупционное просвещение и антикоррупционное образование работников и обучающихся организации. Данное направление антикоррупционной защиты преимущественно основано на мерах стимулирования и традиционно отождествляется с такой мерой по профилактике коррупции, как формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению (п. 1 ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции»). К числу ключевых задач, решаемых в рамках антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования, относится преодоление базовых коррупциогенных стереотипов, распространенных среди представителей определенной социальной группы (в данном случае – работников и обучающихся образовательных организаций высшего образования), а также формирование антикоррупционных компетенций, необходимых в повседневной жизни и профессиональной деятельности.

Антикоррупционные просветительские мероприятия разнообразны по формам проведения и содержательному наполнению. Вместе с тем общим критерием их эффективности должно выступать соответствие распространяемой антикоррупционной информации положениям действующего законодательства и практике его применения. Поэтому образовательным организациям высшего образования целесообразно привлекать к сотрудничеству основных субъектов противодействия коррупции в соответствующем регионе (например, представителей органа субъекта РФ по профилактике коррупционных и иных правонарушений), а также использовать передовой опыт по вопросам антикоррупционного просвещения в сфере образования, представленный в актуальной научной и учебно-методической литературе.

Антикоррупционное образование должно быть ориентировано как на работников, так и на обучающихся образовательной организации. Если для первой группы целевой аудитории применима реализация программ повышения квалификации в области противодействия коррупции, то для

второй – внедрение в образовательные программы высшего образования отдельных дисциплин антикоррупционного цикла либо разработка специализированных направлений подготовки (например, программы магистратуры «Антикоррупционная деятельность»). При этом для обучающихся не исключается возможность повышения квалификации в области противодействия коррупции в период освоения основной образовательной программы, а для работников – получения высшего образования по антикоррупционному профилю.

Примечательно, что антикоррупционное образование также может осуществляться с использованием мер ограничительного характера. Так, работники Сибирского федерального университета, претендующие на замещение по конкурсу должностей профессорско-преподавательского состава на максимальный срок (5 лет), обязаны пройти повышение квалификации по программе «Противодействие коррупции в сфере образования» в объеме 72 ак.ч. С одной стороны, данный критерий ограничивает продолжительность трудовых отношений с работником, который не имеет необходимого дополнительного профессионального образования, с другой – стимулирует к освоению данной программы повышения квалификации и получению антикоррупционных компетенций. В этом проявляется упомянутая выше синергия мер стимулирования и ограничения в рамках антикоррупционной защиты образовательной организации высшего образования.

2. Оценка коррупционных рисков в деятельности организации. Коррупционные риски в деятельности организации варьируются в зависимости от сферы, целей и видов ее деятельности, участия государства в создании и (или) финансировании организации, а также характера и степени влияния ее деятельности на состояние национальной безопасности. На основе указанных критериев в научной литературе проведена типология организаций в аспекте противодействия коррупции, по результатам которой выделены публичные, публично-частные, частно-публичные и частные организации (Damm & Kostrykina, 2023: 376–377). Образовательные организации высшего образования в рамках рассматриваемой типологии относятся к числу публично-частных организаций, а значит, к их деятельности должны предъявляться повышенные требования по выявлению и снижению коррупционных рисков.

Основы проведения оценки коррупционных рисков в организации изложены в рекомендациях Минтруда России (Mintrud, 2019). Вместе с тем их содержание в большей степени ориентировано на деятельность коммерческих организаций, поскольку предполагает выявление ключевых бизнес-процессов, обладающих коррупциогенными свойствами. Представляется, что подобная терминология не применима к деятельности образовательных организаций высшего образования с учетом выполняемых ими публичных функций. В перспективе методика оценки коррупционных рисков в сфере образования должна получить свою спецификацию, а также ее следует дополнить типовым перечнем процессов и процедур в образовательной деятельности, отличающихся высокими коррупционными рисками. К числу таковых могут быть отнесены осуществление закупочной деятельности, ресурсное обеспечение мероприятий по реализации программы развития, переход обучающихся с платного обучения на бесплатное, назначение повышенной государственной академической стипендии и пр.

3. Обеспечение антикоррупционной открытости организации. В аспекте противодействия коррупции обеспечение открытости имеет важное значение, поскольку беспрепятственный доступ общественности к информации о деятельности органов власти и организаций «является фактором, который, с одной стороны, затрудняет целенаправленное противоправное поведение должностных лиц, а с другой – способствует повышению качества принимаемых управленцами решений» (Shchedrin, Damm & Ron'zhina, 2020: 11). В научной литературе выделяется три основные формы открытости: информационная (т.е. возможность

доступа граждан к социально значимой информации о принятых публичных решениях); процедурная (т.е. возможность наблюдения граждан за процессом подготовки и принятия публичных решений); партисипативная открытость (т.е. возможность непосредственного участия граждан в процессе принятия публичных решений) (Shchedrin, Damm & Ron'zhina, 2020: 57).

Открытость деятельности образовательных организаций высшего образования может быть реализована во всех указанных выше формах. Однако если информационной открытости уделяется большое внимание в силу прямого предписания в ст. 29 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», то процедурная и партисипативная открытости представлены не так широко. Полагаем, что в целях антикоррупционной защиты образовательных организаций высшего образования следует расширить возможность доступа граждан к информации о процессе подготовки и принятия публичных решений (например, обеспечение онлайн-трансляции заседаний ученого совета и иных органов управления), а также создать условия для учета мнения граждан при разработке проектов локальных нормативных актов или принятии социально значимых решений (например, проведение общественных слушаний по вопросам благоустройства кампуса).

4. Внедрение и обеспечение соблюдения антикоррупционных стандартов поведения в организации. Под антикоррупционными стандартами поведения понимается «совокупность обязанностей, запретов, ограничений и рекомендаций, возлагаемых на лиц, замещающих государственные (муниципальные) должности, государственных (муниципальных) служащих, работников организаций в целях предупреждения коррупции» (Damm, 2017: 15). Данные меры ограничения широко представлены в сфере образования и имеют уровневую структуру, то есть зависят от того, на какую категорию работников они распространяются. Вместе с тем отличительной чертой правового регулирования антикоррупционных стандартов поведения в сфере образования является ярко выраженное отсутствие единообразия по вопросам установления объема и содержания запретов, обязанностей и ограничений, а также процедур их соблюдения в различных образовательных организациях (Damm, 2018a).

Применительно к сфере высшего образования в 2024 г. сделан большой шаг на пути унификации антикоррупционных стандартов поведения в связи с изданием приказа Минобрнауки от 13.09.2024 № 601, которым утверждены система и типовые формы антикоррупционных локальных нормативных актов подведомственных организаций. Реализация комплекса мероприятий по унификации подходов к регламентации антикоррупционных стандартов поведения призвана активизировать данное направление антикоррупционной защиты. Однако далеко не в каждой образовательной организации высшего образования имеются достаточные кадровые и организационные ресурсы, которые необходимы для надлежащего обеспечения соблюдения работниками возложенных на них антикоррупционных обязанностей, запретов, ограничений. В связи с этим представляется перспективной возможность скоординированной подготовки должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений в сфере высшего образования, на базе ведущих образовательных и научных организаций, в которых уже сформированы центры антикоррупционных компетенций.

5. Проведение антикоррупционной экспертизы локальных нормативных актов организации. Дискуссия о том, является ли антикоррупционная экспертиза обязательной для локальных нормативных актов и их проектов, продолжает быть актуальной для научно-практического сообщества. Независимо от ответа на данный вопрос, необходимо отметить, что предупредительный потенциал антикоррупционной экспертизы не вызывает сомнений. Выявление и устранение коррупциогенных факторов из содержания действующих или проектируемых локальных нормативных актов, проводи-

мое в образовательных организациях на системной основе, будет способствовать «не только снижению коррупционных рисков, но и повышению качества локального нормотворчества» (Damm, 2021b: 113). Поэтому инициативное осуществление антикоррупционной экспертизы в образовательных организациях высшего образования следует рассматривать как положительный пример опережающего развития локальной антикоррупционной защиты в сфере образования.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что рассмотренные направления деятельности образовательных организаций высшего образования составляют основу, но далеко не исчерпывают содержание их антикоррупционной защиты. Насколько разнообразными могут быть источники коррупционной опасности и объекты антикоррупционной безопасности, настолько нетривиальной должна быть защитная реакция на их потенциальное взаимодействие. При этом особенно важно, что ведущая роль в реализации антикоррупционных мер, направленных на защиту образовательных организаций высшего образования, принадлежит им самим. Полагаем, что дальнейшее развитие антикоррупционной защиты непосредственно связано с активностью образовательных организаций высшего образования в вопросах обнаружения новых коррупционных угроз, а также разработки действенных способов и средств их устранения в целях достижения состояния антикоррупционной безопасности сферы образования.

Список литературы / References

Alekseev S. L., Sergeeva Iu.S., Shaidullin R. N. Preventsiia korruptsii cherez obrazovanie kak osnova obespecheniia natsional'noi bezopasnosti Rossii [Corruption Prevention through Education as the Basis for Ensuring Russia's National Security]. In: *Vestnik NCBZhD* [*Bulletin of NCBZhD*], 2018, 1(35), 80–86. EDN NUFKTH.

Bukalerova L. A., Iastrebov O. A. Protivodeistvie korruptsii v sisteme obrazovaniia [Countering Corruption in the Education System]. In: *Legal Bulletin* [*Legal Bulletin*], 2018, 3(1–2), 18–23. EDN YZGKXZ.

Bukharina N. P. Korruptsiia v obrazovatel'nykh organizatsiiakh: poniatie i priznaki [Corruption in Educational Organizations: Concept and Features]. In: *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [*Actual Problems of Russian Law*], 2016, 12(73), 133–144. DOI 10.17803/1994–1471.2016.73.12.133–144. EDN YHBZED.

Damm I. A. Antikorruptsionnaia kriminologicheskaia bezopasnost' kak novoe napravlenie nauchnykh issledovanii [Anti-Corruption Criminological Security as a New Direction of Scientific Research]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [*All-Russian Criminological Journal*], 2021a, 15(6), 734–743. DOI 10.17150/2500–4255.2021.15(6).734–743. EDN ABQPJZ.

Damm I. A. Antikorruptsionnaia profilaktika v sfere obrazovaniia: voprosy teorii i praktiki [Anti-Corruption Prevention in Education: Issues of Theory and Practice]. In: *Pravo i politika* [*Law and Politics*], 2019, 8, 89–100. DOI 10.7256/2454–0706.2019.8.30324. EDN YPLPJT.

Damm I. A. Antikorruptsionnye standarty povedeniia lits, osushchestvlaiushchikh upravlencheskie funktsii v obrazovatel'noi organizatsii [Anti-Corruption Standards of Conduct for Persons Performing Managerial Functions in an Educational Organization]. In: *Pravo i politika* [*Law and Politics*], 2017, 12, 14–26. EDN YMJXYD.

Damm I. A. Antikorruptsionnye standarty povedeniia rabotnikov obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniia [Anti-corruption standards of conduct for employees of higher education institutions]. In: *Lex Russica*, 2018a, 8(141), 113–129.

Damm I. A. Korruptsiia v sfere obrazovaniia: poniatie, kharakternye cherty, formy i vidy [Corruption in Education: Concept, Main Features, Forms and Types]. In: *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [*Actual Problems of Economics and Law*], 2016, 4, 5–17. EDN XDDCVR.

Damm I. A. Ob antikorruptsionnoi ekspertize lokal'nykh normativnykh aktov obrazovatel'nykh organizatsii [On Anti-Corruption Expertise of Local Regulatory Acts of Educational Organizations]. In:

Pravovye problemy ukrepleniia rossiiskoi gosudarstvennosti: sbornik nauchnykh statei [*Legal Issues of Strengthening Russian Statehood: Collection of Scientific Articles*], Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskij gosudarstvennyi universitet, 2021b, 112–113. EDN EYCWJK.

Damm I. A. Ob idee antikorruptsionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti [On the Idea of Anti-Corruption Criminological Security]. In: *Eniseiskie politiko-pravovye chteniia: sbornik nauchnykh statei* [*Yenisei Political and Legal Readings: Collection of Scientific Articles*], Krasnoyarsk: Krasnoiarskoe regional'noe otdelenie Assotsiatsii iuristov Rossii, 2024a, 78–82.

Damm I. A. Ob"ekt antikorruptsionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti: osnovnye napravleniia issledovaniia [The Object of Anti-Corruption Criminological Security: Main Research Directions]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [*All-Russian Criminological Journal*], 2022, 16(5), 555–565. DOI 10.17150/2500–4255.2022.16(5).555–565. EDN ABQPJZ.

Damm I. A. Osnovnye elementy sistemy teorii antikorruptsionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti [Main Elements of the System of the Theory of Anti-Corruption Criminological Security]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [*All-Russian Criminological Journal*], 2024b, 18(6), 591–601. DOI 10.17150/2500–4255.2024.18(6).591–601. EDN AIDNYZ.

Damm I. A. Tipologizatsii i klassifikatsii korruptsii v sfere obrazovaniia: kriminologicheskii aspekt [Typologies and Classifications of Corruption in Education: Criminological Aspect]. In: *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka* [*Legal Education and Science*], 2018b, 6, 7–17. DOI 10.18572/1813–1190–2018–6–7–17. EDN USQCBZ.

Damm I. A., Akunchenko E. A. O sisteme antikorruptsionnykh kompetentsii v sfere obshchego i professional'nogo obrazovaniia [On the System of Anti-Corruption Competencies in General and Vocational Education]. In: *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka* [*Legal Education and Science*], 2020, 4, 34–40. DOI 10.18572/1813–1190–2020–4–34–40. EDN SXFFTK.

Damm I. A., Akunchenko E. A., Volkova M. A. Monitoring otnosheniia k korruptsii v obrazovatel'noi organizatsii [Monitoring Attitudes towards Corruption in Educational Organizations]. In: *Aktual'nye problemy antikorruptsionnogo prosveshcheniia i antikorruptsionnogo obrazovaniia: sbornik nauchnykh statei* [*Topical Issues of Anti-Corruption Education: Collection of Scientific Articles*], Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2018, 128–136. EDN YZPKNV.

Damm I. A., Kostrykina V. V. Tipologiia organizatsii v aspekte protivodeistviia korruptsii v Rossiiskoi Federatsii [Typology of Organizations in the Aspect of Counteracting Corruption in the Russian Federation]. In: *Russian Journal of Economics and Law*, 2023, 17 (2), 367–384. DOI: 10.21202/2782–2923.2023.2.367–384. EDN: BQVAVG.

Damm I. A., Tarbagaev A. N., Kopceva N. P., Akunchenko E. A., D'iachenko A. E. Stimuly i ogranicheniia v sisteme obespecheniia antikorruptsionnoi bezopasnosti (obzor VII Sibirskogo antikorruptsionnogo foruma) [Incentives and Constraints in the System of Anti-Corruption Security (Review of the VII Siberian Anti-Corruption Forum)]. In: *Russian Journal of Economics and Law*, 2024, 18(2), 535–553. DOI 10.21202/2782–2923.2024.2.535–553.

Donetskaia S. S. Sostoianie i struktura korruptsii v rossiiskikh vuzakh (analiz mnenii studentov) [State and Structure of Corruption in Russian Universities (Analysis of Students' Opinions)]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [*Higher Education in Russia*], 2015, 8–9, 68–77. EDN VBBWJZ.

Groshev I. L., Grosheva I. A. Kliuchevye faktory korruptsii v rossiiskoi sisteme obrazovaniia [Key Factors of Corruption in the Russian Education System]. In: *Terra Economicus*, 2010, 8(3), 113–121. EDN NBJQSH.

Kabanov P. A. Innovatsii antikorruptsionnogo obrazovaniia v Rossii: problemy i perspektivy [Innovations in Anti-Corruption Education in Russia: Problems and Prospects]. In: *Aktual'nye problemy gosudarstvenno-pravovykh preobrazovanii v Rossii: istoriia i sovremennost': sbornik materialov konferentsii* [*Current Issues of State-Legal Transformations in Russia: History and Modernity: Conference Proceedings*], Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2022, 71–75. EDN HOMMOC.

Khairutdinova L. R. Antikorruptsionnoe obrazovanie v obrazovatel'noi sisteme Rossii [Anti-Corruption Education in the Russian Educational System]. In: *Sankt-Peterburgskii obrazovatel'nyi vestnik* [*St. Petersburg Educational Bulletin*], 2017, 6–7(10–11), 4–7. EDN ZDECYV.

Kirilovykh A. A. Publichnaia sluzhba i konflikt interesov v sfere vysshego obrazovaniia: problemnye voprosy [Public Service and Conflict of Interest in Higher Education: Problematic Issues]. In: *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [*Legislation and Economics*], 2015, 2, 29–43. EDN UDRCCF.

Kleimenov M. P. Kommercializatsiia obrazovaniia i korruptsiia [Commercialization of Education and Corruption]. In: *Aktual'nye voprosy protivodeistviia korruptsii v sfere obrazovaniia: Sbornik nauchnykh statei [Topical Issues of Countering Corruption in Education: Collection of Scientific Articles]*. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2019, 28–32. EDN: GXUSOM.

Komissarov A. E. Znachenie (rol') printsipov otkrytosti i glasnosti v protsesse preduprezhdeniia vziatochnichestva v obrazovatel'nykh organizatsiiakh vysshego obrazovaniia Rossii [The Role of Openness and Transparency Principles in Preventing Bribery in Russian Higher Education Institutions]. In: *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal* [*Eurasian Law Journal*], 2022, 2(165), 282–283. DOI 10.46320/2073–4506–2022–2–165–282–283. EDN FCUNDC.

Koval' Iu.A. K voprosu o situatsiiakh konflikta interesov v sfere obrazovaniia [On the Issue of Conflict of Interest Situations in Education]. In: *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [*Theory and Practice of Social Development*], 2014, 4, 253–255. EDN SAKONJ.

Leont'eva E. Neformal'nye otnosheniia v sfere vysshego obrazovaniia (iz opyta mezhdunarodnykh issledovanii korruptsii) [Informal Relations in Higher Education (from the Experience of International Corruption Studies)]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [*Higher Education in Russia*], 2008, 3, 99–107. EDN IJEKMV.

Liubkina N. A., Lubskii R. A. Korruptsiia v sfere vysshego obrazovaniia: osnovnye problemy i sposoby ikh razresheniia v sovremennom rossiiskom obshchestve [Corruption in Higher Education: Main Problems and Ways of Their Resolution in Modern Russian Society]. In: *Iurist-Pravoved* [*Lawyer-Legist*], 2018, 3(86), 64–69. EDN YHISCD.

Makarova M. N., Vakhrushev R. V. Korruptsiia v vysshem obrazovanii i akademicheskaia etika [Corruption in Higher Education and Academic Ethics]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [*Higher Education in Russia*], 2014, 12, 55–63. EDN TEJQID.

Mintrud Rossii. Rekomendatsii po poriadku provedeniia otsenki korruptsionnykh riskov v organizatsii [Recommendations for the procedure for assessing corruption risks in an organization]. In: *Solidarnost' [Solidarity]*, 2019, 36.

Morozov G. B. Korruptsiia v obrazovanii: mify i realii normativnogo pravovogo kharaktera [Corruption in Education: Myths and Realities of Legal Regulation]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [*Pedagogical Education in Russia*], 2010, 2, 149–159. EDN MSUJEB.

Nomokonov V. A. Korruptsiogennye faktory v sfere obrazovaniia [Corruptogenic Factors in Education]. In: *Aktual'nye voprosy protivodeistviia korruptsii v sfere obrazovaniia: sbornik nauchnykh statei* [*Topical Issues of Combating Corruption in Education: Collection of Scientific Articles*], Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2019, 42–47. EDN TQARLW.

Osipian A. L. Korruptsiia v poslevuzovskom obrazovanii [Corruption in Postgraduate Education]. In: *Terra Economicus*, 2010, 8(3), 48–63. EDN NBJQQJ.

Pavlinov A. V. Antikorruptsionnoe vospitanie podrastaiushchego pokoleniia kak osnovnoe sredstvo profilaktiki korruptsii [Anti-Corruption Education of the Younger Generation as the Main Means of Preventing Corruption]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [*Journal of Russian Law*], 2018, 5(257), 156–166. DOI 10.12737/art_2018_5_15. EDN XNAETR.

Plugina I. V. Pravovye mekhanizmy preduprezhdeniia korruptsii v sfere obrazovaniia [Legal Mechanisms for Preventing Corruption in Education]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [*Journal of Russian Law*], 2016, 12(240), 123–133. DOI 10.12737/22730. EDN XBDQFV.

Plugina I. V., Gaunova Zh. A. Lokal'noe regulirovanie voprosov predotvrashcheniia i uregulirovaniia konflikta interesov v obrazovatel'nykh organizatsiiakh [Local Regulation of Issues of Prevention and Settlement of Conflicts of Interest in Educational Organizations]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [*Journal of Russian Law*], 2019, 11, 171–181. DOI 10.12737/jrl.2019.11.13. EDN SOIJJA.

Poliakov M. M. Protivodeistvie korruptsii v sfere vysshego obrazovaniia i nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti [Countering Corruption in Higher Education and Research Activities]. In: *Aktual'nye prob-*

lemy rossiiskogo prava [*Actual Problems of Russian Law*], 2016, 11(72), 54–62. DOI 10.17803/1994–1471.2016.72.11.054–062. EDN XQTMNB.

Poliakov M. M., Migachev Iu. I. Antikorruptsionnoe prosveshchenie i propaganda v sfere vysshego obrazovaniia Rossiiskoi Federatsii [Anti-Corruption Education and Propaganda in Higher Education of the Russian Federation]. In: *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [*Actual Problems of Russian Law*], 2020, 15, 12(121), 65–72. DOI 10.17803/1994–1471.2020.121.12.065–072. EDN JWTAXR.

Shchedrin N. V. Korruptsiia v sfere obrazovaniia i ee negativnye posledstviia [Corruption in Education and Its Negative Consequences]. In: *Aktual'nye voprosy protivodeistviia korruptsii v sfere obrazovaniia: sbornik nauchnykh statei* [*Topical Issues of Combating Corruption in Education: Collection of Scientific Articles*], Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2019, 55–64. EDN AZUDLB.

Shchedrin N. V., Damm I. A. (eds) *Antikorruptsionnye mery bezopasnosti [Anti-corruption security measures]*. Moscow, Prospekt, 2021, 496 p. DOI: 10.31085/9785392336746–2020–496.

Shchedrin N. V., Damm I. A., Ron'zhina O.V. (eds) *Munitsipal'noe pravotvorchestvo v IT-merakh antikorruptsionnoi transparentsii [Municipal Lawmaking in IT Measures of Anti-Corruption Transparency]*. Moscow, Prospekt, 2021, 352 p. DOI: 10.31085/9785392309566–2020–352. EDN: ZSFZFD.

Shishko I. V., Damm I. A. Realizatsiia printsipa otkrytosti pri prieme na obuchenie v obrazovatel'nye organizatsii vysshego obrazovaniia: antikorruptsionnyi aspekt [Implementation of the Principle of Openness in Admission to Higher Education Institutions: Anti-Corruption Aspect]. In: *Soiuz kriminialistov i kriminologov* [*Union of Criminalists and Criminologists*], 2018, 3, 65–78. DOI 10.31085/2310–8681–2018–3–192–65–78. EDN YYKHSG.

SibFU – V SFU proshel VIII Sibirskij antikorruptsionnyj forum [The VIII Siberian Anti-Corruption Forum Was Held at SFU]. In: *Ofitsial'nyi sait Sibirskogo federal'nogo universiteta* [*Official Website of Siberian Federal University*], 16 December 2024. Available at: https://sfu.ru/ru/media/news/3d8e123c-2685–426c-bf7e-11c4c31afc74 (accessed 14 May 2025).

Sidorenko E. L. Sostoianie i dinamika bytovoi korruptsii v Rossiiskoi Federatsii [State and Dynamics of Everyday Corruption in the Russian Federation]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [*Journal of Russian Law*], 2017, 6(246), 154–167. DOI 10.12737/article_59240d4b35c386.05320634. EDN YPLVWV.

Soloviev A. A., Khurshudian A. L. Kompleks mer antikorruptsionnoi napravlennosti v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uchrezhdeniiakh [A Set of Anti-Corruption Measures in State and Municipal Institutions]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [*All-Russian Criminological Journal*], 2020, 14(2), 256–267. DOI 10.17150/2500–4255.2020.14(2).256–267. EDN HNMEVS.

Tolstikova I. N. Ob obiatzatel'nosti provedeniia antikorruptsionnoi ekspertizy proektov lokal'nykh normativnykh pravovykh aktov organizatsii [On the Necessity of Conducting Anti-Corruption Expertise of Draft Local Regulatory Acts of Organizations]. In: *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [*Administrative and Municipal Law*], 2018, 3, 43–51. EDN UTLVRQ.

Yukhachev S. P. Korruptsiia v sisteme obrazovaniia: tipologiia i posledstviia [Corruption in the Education System: Typology and Consequences]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy* [*Socio-Economic Phenomena and Processes*], 2008, 3(11), 110–113. EDN KWTARL.

Zinnatullin N. Z. Determinanty korruptsii v sfere vysshego professional'nogo obrazovaniia [Determinants of Corruption in Higher Professional Education]. In: *Iuridicheskaia nauka* [*Legal Science*], 2013, 1, 55–59. EDN PYUAMX.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1574–1581

EDN: ZRYRMS
УДК 343

Subordination and Accountability as Qualifying Criteria for Restrictions on the Joint Employment of Relatives

Svetlana P. Basalaeva*
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 01.07.2025 received in revised form 03.07.2025, accepted 07.07.2025

Abstract. The article explores the legal regulation of restrictions on the joint employment of close relatives in situations involving subordination and accountability, considering these restrictions as anti-corruption measures within labor and public service relations. The legal definitions and interrelation of the concepts of subordination and accountability are analyzed, with emphasis on their practical application. The study highlights contradictions between anti-corruption restrictions and constitutional principles such as freedom of labor, equality, and non-discrimination. Special attention is paid to the risks associated with the broad interpretation of accountability in law enforcement practice, which may result in excessive limitations on labor rights. The necessity of a differentiated approach to imposing restrictions is substantiated, taking into account the level of corruption risk and the role of professional dynasties in specific sectors. The article proposes recommendations for legislative improvement, including the clarification of key terms, the development of clear criteria for prohibiting joint employment of relatives, and the implementation of conflict of interest management mechanisms as alternatives to strict preventive bans. The findings may be useful for lawmakers and practitioners seeking to enhance the effectiveness of anti-corruption measures while maintaining the constitutional rights of citizens.

Keywords: subordination, accountability, restriction on joint employment, joint service of relatives, conflicts of interest, corruption risks, professional dynasties, anti-corruption legislation, discrimination.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Public Law Sciences.

Citation: Basalaeva S. P. Subordination and Accountability as Qualifying Criteria for Restrictions on the Joint Employment of Relatives. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1574–1581. EDN: ZRYRMS

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: s.p.b@mail.ru

Подчиненность и подконтрольность как квалифицирующие признаки ограничения совместной работы (службы) родственников

С.П. Басалаева
Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье исследуется проблема ограничения совместной работы (службы) близких родственников в условиях подчиненности и подконтрольности как меры противодействия коррупции. Анализируется правовая природа данных понятий, их соотношение и влияние на трудовые и служебные правоотношения. Рассматриваются противоречия между антикоррупционными ограничениями и конституционными принципами свободы труда, равенства прав и запрета дискриминации. Особое внимание уделяется критике расширительного толкования подконтрольности в правоприменительной практике, ведущего к несоразмерным ограничениям. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода, учитывающего степень коррупционных рисков и значение профессиональных династий в отдельных сферах деятельности. Предлагаются пути совершенствования законодательства, включая уточнение терминологии, критериев запрета и внедрение механизмов регулирования конфликта интересов вместо его жесткого превентивного запрета.

Ключевые слова: подчиненность, подконтрольность, ограничение совместной работы, совместная служба родственников, конфликт интересов, коррупционные риски, профессиональные династии, антикоррупционное законодательство, дискриминация.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

Цитирование: Басалаева С.П. Подчиненность и подконтрольность как квалифицирующие признаки ограничения совместной работы (службы) родственников. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1574–1581. EDN: ZRYRMS

Введение
в проблему исследования

Совместная работа близких родственников в одной организации или в подчинённых структурах традиционно рассматривается как фактор коррупционных рисков. Это обусловлено тем, что родственные связи могут создавать предпосылки для необъективного кадрового администрирования, злоупотреблений в распределении ресурсов, формирования клановых структур, подрывающих принципы меритократии. В связи с этим в России и многих других странах вводится запрет совместной работы (службы) родственников на определенных должностях, который относится к числу антикоррупционных мер безопасности (Shchedrin & Damm, 2020: 94) и призван исключить или минимизировать конфликт интересов.

Однако такой запрет может вступить в противоречие с конституционными принципами свободы труда и равенства прав граждан. Конституция РФ в ст. 37 провозглашает: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятель-

ности и профессию». В ст. 32 Конституции РФ установлено, что граждане РФ имеют право на равный доступ к государственной службе.

Трудовой кодекс РФ (ст. 3) определяет, что каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав и запрещает дискриминацию в сфере труда. Вместе с тем в ч. 3 ст. 3 ТК РФ указывается, что не являются дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, которые определяются свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом, либо обусловлены целями обеспечения национальной безопасности и решения иных задач внутренней и внешней политики государства. Это дифференциация правового регулирования.

Тем самым дифференциация правового регулирования – это обоснованное различие в правовых нормах, направленное на достижение законных целей (например, предотвращение коррупции), при условии соблюдения принципов соразмерности и необходимости. В отличие от дискриминации, которая представляет собой неоправданное ограничение прав по признакам, не связанным с деловыми качествами или объективными требованиями работы. Тонкую грань между ними можно охарактеризовать через целевую пропорциональность ограничений. Например, запрет на совместную работу устанавливается только в условиях подчинённости и подконтрольности, а не для всех должностей. Дискриминация возникает, если устанавливаются избыточные ограничения или правоприменитель расширительно их толкует. Например, широкое толкование понятия подконтрольности в отношении руководителя организации, в результате которого запрет распространяется на всех работников организации, являющихся его родственниками.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между противодействием коррупции и защитой трудовых прав, недопущения их дискриминации по признаку семейного положения. Профессиональные династии, особенно в медицине, образовании, культуре, правоохранительных органах, исторически играли важную роль в сохранении преемственности знаний и навыков. Жёсткие запреты могут разрушать этот положительный социальный феномен без достаточных оснований. Немалое значение принцип соразмерности ограничения совместной работы (службы) родственников имеет для сохранения и развития кадрового потенциала государственной и муниципальной службы, а также моногородов и сельской местности, где наиболее остро стоит проблема дефицита квалифицированных кадров.

Концептологические основания исследования

Исследование правовых ограничений совместной работы (службы) родственников в условиях подчиненности и подконтрольности формирует комплексное научное поле, интегрирующее достижения теории государства и права, трудового и административного права, антикоррупционного регулирования, социологии управления. Данная проблематика находится на стыке публично-правового и частноправового регулирования, что обусловливает необходимость междисциплинарного подхода к анализу соответствующих правовых конструкций.

Значительный вклад в разработку концепции конфликта интересов и антикоррупционных ограничений внесли С.В. Максимов, А.В. Куракин, В.И. Михайлов, Н.М. Колосова, И.А. Дамм, исследовавшие институциональные механизмы противодействия коррупции в системе государственной службы и в трудовых отношениях. Проблемы правовой дифференциации в трудовых отношениях получили развитие в работах К.Н. Гусова, М.В. Лушниковой, А.М. Лушникова, Э.Г. Тучковой. Теоретико-правовые аспекты ограничений прав граждан в контексте конституционных принципов разрабатывались в трудах Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, В.Д. Зорькина.

Ключевые понятия «подчиненность» и «подконтрольность» как юридические категории исследовались в административном

праве (Д.Н. Бахрах, Ю.Н. Старилов), в теории управления (Г.В. Атаманчук, В.С. Пронин) и корпоративном праве (Е.П. Губин). При этом специальных исследований, посвященных соотношению данных понятий в контексте антикоррупционных ограничений для родственников, в отечественной правовой доктрине недостаточно.

Коррупциогенные факторы семейно-родственных связей в системе государственного управления анализировались в работах В.В. Астанина, А.Г. Братко, А.И. Долговой, О.Г. Бобровой. Социокультурные аспекты профессиональных династий и их влияние на кадровую политику исследовали Т.И. Заславская, В.А. Мансуров, И.П. Попова, Ж.Т. Тощенко.

Несмотря на значительный массив научных работ, посвященных смежным проблемам, комплексное исследование подчиненности и подконтрольности как квалифицирующих признаков ограничения совместной работы родственников с учетом баланса антикоррупционной эффективности и защиты трудовых прав остается актуальной научной задачей. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, предложив системное видение проблемы на стыке юридической догматики и прикладных управленческих решений.

Постановка проблемы

Ограничение совместной службы родственников установлено законодательством о государственной службе. Так, Закон «О государственной гражданской службе РФ» от 27.07.2004 № 79-ФЗ в п. 6 ст. 16 указывает на невозможность нахождения на гражданской службе в случае близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с гражданским служащим, если замещение должности гражданской службы связано с *непосредственной подчиненностью или подконтрольностью* одного из них другому.

Аналогичные формулировки содержат законы об иных видах службы. Это п. 5 ст. 13 Закона «О муниципальной службе в РФ» от 02.03.2007 № 25-ФЗ, п. 6. ст. 14 Закона «О службе в органах внутренних дел РФ» от 30.11.2011 № 342-ФЗ, п. 6 ст. 14 Закона «О службе в органах принудительного исполнения РФ» от 01.10.2019 № 328-ФЗ, п. 4 ст. 7 Закона «О службе в таможенных органах РФ» от 21.07.1997 № 114-ФЗ и другие.

Такое ограничение совместной работы родственников установлено не только в служебных, но и в трудовых правоотношениях – для определенных категорий должностей, на которые распространяются антикоррупционные стандарты поведения. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 05.07.2013 № 568 к ним относятся определенные должности в Социальном фонде РФ, Фонде обязательного медицинского страхования РФ, госкомпаниях. Госкорпорациях, иных организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными органами власти. Так, например, в федеральных государственных учреждениях и в федеральных государственных унитарных предприятиях это должности руководителя организации, главного бухгалтера и должности, связанные с осуществлением финансово-хозяйственных полномочий. Запрет совместной работы родственников в сфере трудовых правоотношений сформулирован таким же образом, как и на государственной службе – при условии непосредственной подчиненности и подконтрольности замещаемых ими должностей.

Таким образом, ключевой характеристикой ограничения совместной работы (службы) родственников является «непосредственная подчиненность или подконтрольность».

В правоприменительной практике сложилось понимание, что непосредственная подчиненность у работника наличествует по отношению к непосредственному, то есть *ближайшему руководителю.* Непосредственную подчиненность следует отграничить от подчиненности, не носящей непосредственного характера. Таковая имеет место в случаях, когда один работник подчиняется другому не непосредственно,

а через другое должностное лицо (должностных лиц). Этот подход подтверждается и судебной практикой (решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска № М-1885/2013 2–2393/2013 от 26 сентября 2013 г.; определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.05.2021 по делу № 8Г-3085/2021; определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2020 по делу № 8Г-2690/2019 или 88–1490/2020).

Кроме того, в отношении отдельных видов государственной службы законодатель определил понятие непосредственного руководителя. Так, например, в ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ» установлено, что «ближайший к сотруднику прямой руководитель (начальник) является его непосредственным руководителем (начальником)».

Тем самым понятие подчиненности благодаря признаку «непосредственности» не вызывает больших проблем в понимании запрета: если между должностями родственников нет промежуточной руководящей должности – совместная работа (служба) не допускается, если есть – то такое ограничение отсутствует. Сложнее обстоит дело с понятием подконтрольности. На это указывается и в научной литературе (Kolevatova, 2013: 155; Kogol', 2021: 73).

Во-первых, неясно, как понятие подконтрольности соотносится с понятием подчиненности, и относится ли признак непосредственности не только к подчиненности, но и подконтрольности.

Во-вторых, в правоприменительной практике складывается широкое понимание подконтрольности. Так, Минтруд РФ в Письме от 16.05.2017 № 18–2/В-297 «О применении отдельных положений постановления Правительства РФ от 05.07.2013 № 568» представляет следующую правовую позицию.

Исходя из положений Трудового кодекса РФ, содержащих определение понятий «трудовые отношения» (ст. 15), «трудовой договор» (ст. 56), «рабочее место» (ст. 209), работники, заключившие трудовой договор с работодателем, обязаны лично выполнять определенную этим договором трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя. Таким образом, все работники подконтрольны работодателю.

Работодатель (юридическое лицо) действует в трудовых правоотношениях через своего представителя – руководителя организации. Означает ли это, что все работники, тем самым, подконтрольны руководителю организации? Минтруд полагает, что это именно так. И последовательно выражает эту позицию и в других письмах. Так, например, по аналогичному вопросу для организаций, находящихся в ведении Минтруда РФ, (Письмо Минтруда России от 07.07.2016 № 10–9/10/В-4600), руководителям организаций, находящихся в ведении Минтруда России, разъяснено следующее: «Данный запрет означает, что в организации не могут работать родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей руководителя организации независимо от непосредственной подчиненности, *поскольку все работники организации подконтрольны руководителю организации*». Этот подход может быть спроецирован и на служебные правоотношения.

Но обоснован ли такой подход? Отвечает ли он принципу соразмерности ограничений? Не ущемляет ли права граждан на равенство в сфере труда и равный доступ к государственной службе?

Эти вопросы и являются предметом обсуждения в рамках настоящей статьи.

Обсуждение

Для понимания содержания запрета совместной работы (службы) родственников полагаем необходимым соотнести понятия подчинённости и подконтрольности. Законодатель применяет конструкцию дизъюнкции, тем самым наводя нас на мысль, что это различные и непересекающиеся понятия. Однако это не так. Подконтрольность является частью подчиненности. Теоретически подчиненность без подконтрольности возможна, например, в матричных структурах управления, где сотрудник

подчиняется одному руководителю, а контролируется другим или при реализации принципа двойного подчинения: административного и функционального. Однако такие организационные модели встречаются редко.

В российской системе государственной службы и корпоративного управления сложилась управленческая культура, предполагающая единство распорядительных и контрольных функций. В квалификационных характеристиках, профессиональных стандартах, типовых должностных регламентах контроль обычно входит в компетенцию руководителя. Тем самым всякий руководитель может контролировать своих подчиненных.

Теперь посмотрим с другой стороны: возможна ли подконтрольность без подчиненности в традиционных управленческих моделях? Полагаем, что это возможно в тех случаях, когда у работника (служащего) отсутствуют прямые распорядительные полномочия, но есть возможность влиять на ключевые параметры профессиональной деятельности других работников (служащих). Это можно назвать асимметрией полномочий при формальном равенстве статусов. Например, проверочные функции (ревизор, внутренний аудитор), экспертно-оценочные полномочия (методист в образовании), финансовый контроль (бухгалтер при проверке отчетности работника).

Полагаем, что в этом случае целесообразнее использовать термин не «подконтрольность», дабы не путать его с контролем, как частью властных полномочий, а, допустим, «координационная зависимость» или «функционально-нормативная зависимость». Такая терминология указывает на отсутствие в этой ситуации иерархической зависимости и противопоставляет ее ситуации подчиненности.

Для полной характеристики понятия подконтрольности следует еще ответить на вопрос о ее характере: всякая ли подконтрольность попадает под запрет совместной работы или только непосредственная? Полагаем, что термин «непосредственная» в конструкции запрета: «при непосредственной подчиненности или подконтрольности» должен относиться к обеим ситуациям. Ибо подконтрольность – это меньшая зависимость, чем подчиненность, и если прямая, но не непосредственная, подчинённость уже не подпадает под запрет, то тем более не должна в него входить опосредованная подконтрольность. Формальное подтверждение такому толкованию находим в Положении о порядке прохождения военной службы, утвержденном Указом Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 (пп. «з» п. 10 ст. 11). Там содержится формулировка «непосредственная подчиненность или непосредственная подконтрольность». Такая позиция разделяется и учеными-правоведами (Presnyakov, 2019: 37; Zaikov, 2014: 6).

Как следствие, под запрет должны попадать только ситуации прямого влияния: непосредственная иерархическая зависимость (подчиненность) и непосредственная координационная (функциональная) зависимость (подконтрольность). В случаях опосредованной зависимости имеет место ситуация конфликта интересов, который может и должен быть урегулирован. При этом совместная работа не запрещается. Потому что прямое влияние – это явный конфликт интересов, опосредованное влияние требует индивидуальной оценки рисков. Прямые связи проще доказуемы, они очевидным образом следуют из штатного расписания и должностных инструкций (регламентов), опосредованные – требуют экспертизы организационных процессов. Поэтому в первом случае возможно применение жесткого запрета, во втором – требуется более гибкое регулирование.

В свете этого подхода посмотрим на обозначенную выше позицию регулятора в отношении руководителя организации (органа власти). Под запрет будет попадать совместная работа (служба) только на должностях непосредственного подчинения. Например, на должностях заместителей руководителя. Непосредственного функционального контроля руководитель не осуществляет, его контрольные полномочия поглощаются властно-распорядительными. Следовательно, родственники руководите-

ля вправе замещать все другие должности в организации (органе власти), кроме находящихся у него в непосредственном подчинении, с обязательным декларированием и последующим регулированием конфликта интересов.

По нашему мнению, можно поставить под сомнение безусловный запрет совместной работы родственников в непосредственном подчинении. Возможно выделение сфер профессиональной деятельности, где не стоит презюмировать коррупционный вред при совместной работе родственников и не устанавливать превентивный запрет, а рассматривать совместную работу родственников как ситуацию конфликта интересов, требующую регулирования. Это сферы традиционного существования профессиональных династий: медицина, образование, культура, полиция, армия. В этих сферах руководителями, как правило, становятся работники (служащие) из профессиональной среды. Как следствие, члены их семей, которые занимали должности, непосредственно подчиненные руководителю, подлежат безусловному увольнению. А между тем все работники и служащие имеют право на повышение по службе, карьерный рост. Кроме того, работники, находящиеся на соподчиненных должностях, могут вступить в брак, и это опять основание для увольнения. Насколько оправдана коррупционная презумпция в таких случаях? Ведь она становится дискриминационной и разрушает профессиональные династии.

Профессиональные династии – это социокультурное явление, при котором представители одной семьи из поколения в поколение работают в одной сфере. Династийность способствует сохранению профессиональных традиций. Член династии стремится поддерживать семейную репутацию, что снижает риски ненадлежащего исполнения обязанностей. Причем, как отмечают социологи, преемственность поколений представляет собой не только способ трансляции уникального семейно-профессионального опыта, но и фактор, значительно снижающий риск ухода специалистов из отрасли (Aranovich, 2024: 415). В творческих профессиях династии формируют уникальные школы мастерства.

Быть может, законодателю стоит вообще отказаться от жесткого запрета и перейти к гибкому регулированию, например, установив запрет только для должностей с высокими коррупционными рисками, а в остальных случаях ввести регулируемую допустимость. Но оставим этот вопрос для дальнейших исследований.

Заключение

Ввиду отсутствия содержания понятий «подчиненность» и «подконтрольность» в рамках ограничения совместной работы (службы) родственников возникает избыточно расширительное толкование их в правоприменительной практике. Особую сложность составляет понятие подконтрольности. Позиция регулятора, согласно которой все работники организации считаются подконтрольными ее руководителю, ведет к необоснованному ограничению трудовых прав и дискриминации по признаку семейного положения.

Полагаем, что подконтрольность имеет двойное понимание. С одной стороны, она включается в подчиненность, поскольку контроль традиционно является неотъемлемой частью распорядительных полномочий. С другой стороны, подконтрольность может иметь самостоятельное значение – в тех случаях, когда один работник (служащий) наделен полномочиями контролировать другого без прямого подчинения и может влиять на профессиональную деятельность лица, не являясь его руководителем.

Предлагаем для таких ситуаций использовать термин «функционально-нормативная зависимость». Признак «непосредственности» должен распространяться на оба понятия: и подчиненности, и подконтрольности (в смысле функциональной зависимости).

Такое терминологическое решение позволяет, на наш взгляд, сохранить смысловую строгость юридических конструкций, избежать расширительного толкования запрета, обеспечить баланс между профилактикой коррупции и защитой трудовых прав. В частности, в отношении руководителя ор-

ганизации (органа власти) запрет совместной работы (службы) родственников будет распространяться только на ситуации непосредственного подчинения, во всех остальных случаях имеет место конфликт интересов, который может быть урегулирован. В свою очередь, это позволит сохранить социально значимую династийность, а также обеспечить предупреждение коррупционных проявлений (Damm, 2021: 27).

В сферах с традиционно высокой долей профессиональных династий (медицина, образование, культура, правоохранительные органы) жесткий запрет может наносить ущерб преемственности и кадровому потенциалу.

Целесообразно рассмотреть переход от абсолютного запрета к гибкому регулированию, предусматривающему ограничение совместной работы (службы) только для должностей с высокими коррупционными рисками, а в остальных случаях – механизмы декларирования и урегулирования конфликта интересов.

Такой подход создает, по нашему мнению, перспективы дальнейших исследований. В частности, требуется более детальная проработка критериев «непосредственной подконтрольности» (в предлагаемой терминологии «функционально-нормативной зависимости») с учетом организационных структур различных ведомств. Возможна разработка отраслевых исключений для профессиональных династий, сочетающих антикоррупционные гарантии с защитой трудовых прав.

Список литературы / References

Aranovich L. M. Professional'naya dinastiinost' kak predmet sotsial'no-psikhologicheskikh issledovanii [Professional dynasticity as a subject of socio-psychological research]. In: *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, 24 (4), 414–420.

Damm I. A. Nekotorye voprosy osushchestvleniia trudovoi deiatel'nosti v sluchae blizkogo rodstva ili svoistva v usloviiakh neposredstvennoi podchinennosti ili podkontrol'nosti rabotnikov publichnykh organizatsii [Some issues of labor activity implementation in case of close kinship or affinity under conditions of direct subordination or controllability of public organization employees]. In: *Dialektika protivodeistviia korruptsii: materialy konferentsii [Dialectics of anti-corruption: conference proceedings]*. Kazan, Poznanie, 2021, 22–27.

Kogol' T. N. Sovmestnaya sluzhba rodstvennikov (svoistvennikov) v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: sootnoshenie i predely *[Joint service of relatives (in-laws) in the penal system: correlation and limits]. In: Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti: Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Legal problems of strengthening Russian statehood: Collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference]*. Vol. 89. Tomsk, 2021, 72–74.

Kolevatova V. S. Pravovoe ogranichenie sovmestnoi sluzhby rodstvennikov [Legal restriction on joint service of relatives]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. «Ekonomika i pravo» [Bulletin of Udmurt University. Series «Economics and Law»]*, 2013, 3, 154–156.

Presnyakov M. V. Blizkoe rodstvo i svoistvo kak ogranichenie sovmestnoi sluzhby (raboty): problemy normativnogo zakrepleniya i praktiki primeneniya [Close kinship and affinity as a restriction on joint service (work): problems of legal regulation and enforcement]. In: *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*, 2019, 12, 35–42.

Shchedrin N. V., Damm I. A. (eds.) *Antikorruptsionnye mery bezopasnosti: monografiya* [*Anti-corruption security measures: monograph*]. Moscow, Prospekt, 2020, 224 p.

Zaikov D. E. Nesovershenstvo pravovogo pravoprimenitel'noi praktiki [Imperfections in legal enforcement practice]. In: *Pravo v Vooruzhennykh Silakh* [Law in the Armed Forces], 2014, 2, 2–11.

Zaikov D. E. Protivodeistvie nepotizmu v trudovykh otnosheniyakh: pravovoe regulirovanie i problemy pravoprimeneniya [Counteracting nepotism in labor relations: legal regulation and enforcement issues]. In: *Pravo. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics],* 2017, 2, 102–115.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1582–1593

EDN: EMTUXH
УДК 343

On the Unity of Preventive and Combating Measures Against Corruption in the Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation

Anna N. Starzhinskaia[a,b], Galiia R. Novikova[c, d*] and Andrei A. Maslov[c, d]

[a]*Main Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation*
Moscow, Russian Federation
[b]*The All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation)*
Moscow, Russian Federation
[c]*Main Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Krasnoyarsk Region and the Republic of Khakassia*
Krasnoyarsk, Russian Federation
[d]*Siberian Federal University*
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 07.07.2025 received in revised form 08.07.2025, accepted 10.07.2025

Abstract. Corruption is a complex socio-legal phenomenon with a long historical background. Despite centuries of efforts, no state has succeeded in establishing a governance system that fully eradicates corruption. Corruption undermines political stability and national security, significantly hinders economic development, impedes efforts to combat organized crime, poverty, unemployment, and low living standards, and negatively affects environmental protection and the rational use of natural resources. In recent years, despite a challenging geopolitical context, the Russian Federation has allocated substantial budgetary resources to address social issues, develop healthcare and education, and enhance the productivity of both civilian and defense industries. In this regard, the effective implementation of anti-corruption criminal law prohibitions and the inevitability of punishment for their violation are of particular importance. At the same time, there is a clear trend towards strengthening the preventive aspect of anti-corruption activities carried out by law enforcement agencies. This article argues that ensuring the unity of corruption prevention and combating measures can significantly improve the effectiveness of anti-corruption efforts. The study analyzes key indicators of the detection and investigation of corruption-related crimes, with a focus on the practices of the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia. The

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: halilowagalia1992@mail.ru

article also discusses challenges in prosecuting certain categories of individuals for receiving illegal remuneration and presents regional experience in preventive anti-corruption work achieved through interdepartmental cooperation.

Keywords: crime, criminal policy, counteraction to corruption crime, corruption prevention, combating corruption, anti-corruption activities, crime investigation.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law Sciences.

Citation: Starzhinskaia A.N., Novikova G.R., Maslov A.A. On the Unity of Preventive and Combating Measures Against Corruption in the Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1582–1593. EDN: EMTUXH

О единстве профилактики коррупции и борьбы с ней в деятельности органов Следственного комитета Российской Федерации

А.Н. Старжинская[а, б], Г.Р. Новикова[в, г], А.А. Маслов[в, г]
[а]*Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации*
Российская Федерация, Москва
[б]*Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)*
Российская Федерация, Москва
[в]*Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия*
Российская Федерация, Красноярск
[г]*Сибирский федеральный университет*
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Коррупционная преступность представляет собой сложный социально-правовой феномен, имеющий многовековую историю. Однако за столь длительный период ни одно государство не создало такой системы управления, которая бы позволила полностью искоренить коррупцию. Помимо значительного пагубного влияния на политическую стабильность и национальную безопасность коррупция наносит разрушительный вред экономическому развитию страны, способности бороться с организованной преступностью, бедностью, безработицей и низким уровнем жизни населения, обладает негативным воздействием на сферу охраны окружающей среды и препятствует рациональному использованию природных ресурсов. За последние годы, несмотря на сложную геополитическую ситуацию, в Российской Федерации из бюджета выделены значительные средства на решение социальных вопросов, развитие медицины и образования, увеличение производительности гражданской и оборонной промышленности, а также иные стратегически важные задачи. В этих условиях эффективное применение антикоррупционных уголовно-правовых запретов и обеспечение неотвратимости наказания за их нарушение как никогда актуальны.

Вместе с тем в настоящее время отмечается тенденция к усилению профилактической составляющей антикоррупционной деятельности правоохранительных органов. Представляется, что обеспечение единства профилактики коррупции и борьбы с ней способно вывести противодействие коррупции на качественно иной уровень. В рамках указанной проблематики в настоящем исследовании рассмотрены некоторые показатели работы по выявлению и расследованию преступлений коррупционной направленности с обзором следственной практики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия. Отражены возникающие проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности определенной категории лиц за получение незаконного вознаграждения. Кроме того, представлен опыт антикоррупционной профилактической работы, полученный в рамках межведомственного взаимодействия с основными субъектами противодействия коррупции на региональном уровне.

Ключевые слова: преступность, уголовная политика, противодействие коррупционной преступности, профилактика коррупции, борьба с коррупцией, антикоррупционная деятельность, расследование преступлений.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Старжинская А. Н., Новикова Г. Р., Маслов А. А. О единстве профилактики коррупции и борьбы с ней в деятельности органов Следственного комитета Российской Федерации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1582–1593. EDN: EMTUXH

Введение
в проблему исследования

Исследование проблем понимания и противодействия коррупции традиционно остается в фокусе внимания ученых различных отраслей права. Данное негативное социальное явление затрагивает значительное количество сфер общественных отношений, которые выступают фундаментом или несущими конструкциями социума. Коррупция создает экономическое неравенство, способствует формированию безработицы, отрицательно влияет на количество и качество государственной инфраструктуры, уменьшает объем налоговых поступлений в бюджеты различного уровня, снижает устойчивость финансовой системы, препятствует развитию человеческого капитала и др. Принимая во внимание то, насколько важна реализация антикоррупционных мер для обеспечения устойчивого экономического и социального роста, укрепления внутреннего и внешнего суверенитета государства, повышения уровня жизни населения и увеличения демографических показателей, искоренение коррупции небезосновательно отнесено к числу национальных интересов на современном этапе (пп. 3 п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации).

Выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности представляет собой важную работу, которую осуществляют многие правоохранительные органы. Для следственных органов борьба с коррупцией выступает приоритетным направлением деятельности, что неоднократно отмечал Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин. При этом подчеркивается, что следственная работа в сфере противодействия коррупции «осуществляется последовательно, системно и наступательно» (Bastrykin, 2020). Об этом красноречиво свидетельствует количество уголовных дел о коррупции, переданных в суд, а также размер ущерба,

возмещенного государству и потерпевшим гражданам, в результате их успешного расследования.

В условиях сложной геополитической обстановки и нестабильной финансово-экономической ситуации задача защиты национальных интересов Российской Федерации требует консолидации усилий общества и государства по вопросам эффективного противодействия коррупции. В связи с этим необходимость обеспечения неотвратимости наказания за преступления коррупционной направленности во взаимосвязи с выявлением и устранением причин и условий, способствующих их совершению, способна раскрыть синергетический потенциал комплексного предупредительного воздействия (Sudakova, 2023: 233). Опыт антикоррупционной деятельности подразделений Следственного комитета Российской Федерации свидетельствует о большом потенциале развития в указанном направлении.

Концептологические основания исследования

Коррупция в современной России, выступая многоплановым явлением, приобретает, по мнению ряда исследователей, статус институционального феномена (Menshenina, 2014: 4). При этом вполне обоснованным можно назвать тезис о том, что появление легального определения коррупции как в международных конвенциях, так и в актах внутреннего законодательства неизбежно становится целью обширной и весьма заслуженной критики (Sheverdyaev, 2016: 78).

За последние пять лет по вопросам борьбы с коррупцией подготовлено около 30 диссертаций на соискание ученой степени кандидата или доктора наук. Ряд из них связан с уголовно-процессуальными аспектами (например, Р.И. Бардачевский «Роль следственных ситуаций в планировании расследования коррупционных преступлений» (2023), В.А. Данько «Оперативно-розыскные меры как средство уголовного преследования лиц, причастных к взяточничеству» (2024), А.А. Пальцев «Тактическая операция “Задержание с поличным” при расследовании взяточничества» (2024) и др.).

В качестве самостоятельного направления можно выделить исследования, посвященные вопросам познания коррупции в отдельных сферах, таких как миграция (Е.И. Гайнутдинова «Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в миграционной сфере» (2021)), деятельность органов местного самоуправления (Э.В. Коробов «Специальная профилактика преступлений коррупционной направленности в органах местного самоуправления» (2021)), деятельность органов внутренних дел (Е.А. Ширшанова «Взяточничество в органах внутренних дел: криминологический анализ» (2024)), осуществление государственных закупок (О.В. Синчурин «Служебные преступления коррупционной направленности, совершаемые в сфере государственных (муниципальных) закупок, и их предупреждение» (2025)).

В свою очередь, вопросам разработки понятийно-категориального аппарата, а также детальному изучению таких элементов состава преступления, как объект и субъект коррупционных деяний, посвящены единичные исследования. Среди них можно выделить докторскую диссертацию Р.А. Сорочкина «Теоретико-правовые основы учения о субъекте коррупционного преступления» (2022), в которой автором сформулированы понятие, признаки и виды коррупционного преступления и его субъекта.

Несмотря на значительное количество проводимых исследований в сфере понимания и противодействия коррупции, многие теоретические и прикладные проблемы продолжают оставаться без должного внимания со стороны ученых. Одной из тем, которая на сегодняшний день вызывает растущий интерес научно-практического сообщества, является трансформация парадигмы антикоррупционной деятельности, предполагающая смещение акцента с репрессивного направления в системе противодействия коррупции на профилактическое.

Постановка проблемы

В современном научном дискурсе относительно перспектив нормотворчества в уголовно-правовой сфере отмечаются бессистемность и некоторая противоречивость, которые не позволяют выработать совершенный подход к законодательной деятельности. Более того, некоторые авторы указывают на «композиционный хаос», который царит в пояснительных записках к проектам вторичных (текущих) уголовных законов и приводит к их «безграничной содержательной вариативности» в уголовно-правовой сфере (Tikhonova, 2022: 43).

Н. А. Лопашенко последние несколько лет проводит предметные исследования основных тенденций реформирования уголовного законодательства и отдельных изменений уголовного закона, давая им общую оценку и выделяя проблемы, которые могут возникнуть при применении таких новелл. Отмечая, что ежегодно уголовная и криминологическая политика значительно корректируется, развивается и совершенствуется, Н. А. Лопашенко все же приходит к выводу, что расширение криминализации не всегда обосновано, а с отклоняющимся поведением возможно бороться не только уголовным законом, в том числе ужесточением наказания (Lopashenko, 2023; Lopashenko, 2024).

Аналогичной позиции придерживается и Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин. Так, в 2024 г. в интервью в связи с Международным днем борьбы с коррупцией он отметил, что «коррупционных преступлений стало расследоваться больше. Но одними только силовыми и законодательными методами не получится снизить число коррупционных преступлений. Для полноценной борьбы с этим явлением необходимо придавать особое значение антикоррупционному воспитанию личности» (Bastrykin, 2024).

Рассматривая ресурсный потенциал взаимодействия общества и государства по вопросам развития политики противодействия коррупции, И. А. Дамм отводит особую роль научной политике (уголовной и криминологической), поскольку «пренебрежение научной обоснованностью в вопросах реформирования уголовного законодательства имеет далеко не благоприятные последствия, выражающиеся в первую очередь в выхолащивании его предназначения и системности содержания» (Damm, 2023: 110). При этом «обеспечение гарантированного взаимодействия научной общественности и публичных органов власти – необходимое условие формирования научно обоснованной политики противодействия преступности» (Damm, 2024: 23).

Соглашаясь с мнением И. А. Дамм, позволим себе высказать позицию, что выработка государственной политики в сфере противодействия коррупции, на наш взгляд, должна основываться на результатах научных исследований обозначенной проблематики, сложившейся судебно-следственной практики, а также на глубоком и всеохватывающем анализе статистических данных. Кроме того, необходимо учитывать не только практику борьбы с коррупций со стороны следственных органов, но также опыт организации и проведения разнообразных антикоррупционных мероприятий профилактического толка. В этом смысле единство профилактики и борьбы как ключевых направлений противодействия коррупции должно обеспечить переход на качественно новый уровень рассматриваемой деятельности.

Обсуждение

Коррупция как негативное социальное явление находится в непрерывном развитии. Она успешно адаптируется под интенсивно меняющиеся условия среды и активно включается в новые общественные отношения, которые ранее не были подвержены ее пагубному влиянию. Коррупционеры используют весь доступный им арсенал технических средств и иных достижений цифровой революции для того, чтобы скрыть факт коррупционного деяния, избежать юридической ответственности за его совершение, а также легализовать доход, полученный преступным путем. Тот факт, что разработка новых криминалистических методик расследования преступле-

ний не успевает в своем развитии за динамически и стремительно развивающейся криминогенной обстановкой, уже длительное время обсуждается в научном сообществе (Volynskii, 2018). Вместе с тем совместными усилиями Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, ФСБ России, ФТС России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и судов судебной системы Российской Федерации борьба с коррупцией продолжается, и достигнуты существенные результаты.

Так, анализ структуры преступности коррупционной направленности (табл. 1) позволяет проследить рост количества зарегистрированных преступлений с 2019 по 2024 г. – с 30 991 до 38 503 (+24,2 %). При этом отмечается заметное падение таких показателей в период с 2015 по 2018 г., а именно с 32 455 до 30 495 (–6 %).

При этом стабильно основную массу коррупционных уголовных дел с 2015 по 2024 г. составляют взяточничество, мошенничество, коммерческий подкуп. Отметим, что за анализируемый период именно в 2024 г. зафиксировано максимальное количество преступлений, предусмотренных ст. ст. 159, 204, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ.

На примере работы органов Следственного комитета Российской Федерации в отдельно взятых регионах – Красноярском крае и Республике Хакасия – также отмечается существенное увеличение показателей зарегистрированных коррупционных преступлений с 215 преступлений в 2019 г. до 465 в 2024 г.

Данная тенденция, на наш взгляд, будет сохраняться. Полагаем, что во многом она свидетельствует об эффективности работы органов Следственного комитета Российской Федерации в сфере борьбы с коррупцией, в том числе в результате действенного межведомственного взаимодействия с другими ведомствами правоохранительного блока.

Таблица 1. Состояние и динамика коррупционных правонарушений в Российской Федерации, по данным ГИАЦ МВД России

Table 1. Status and dynamics of corruption offenses in the Russian Federation, according to the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia

		Количество зарегистрированных преступлений									
		2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Всего		32455	32924	29634	30495	30991	30813	35051	35340	36407	38503
159 УК РФ		5600	6356	7235	7591	7335	7315	7544	7084	7174	6052
174.1 УК РФ		85	121	139	210	170	148	143	114	82	122
201 УК РФ		528	309	215	233	150	122	88	81	56	48
204 УК РФ		1802	1165	840	740	990	1162	1216	1270	1571	2039
285 УК РФ		1125	1054	837	825	837	814	734	626	552	435
286 УК РФ		757	686	689	697	686	608	762	681	471	687
290 УК РФ		6495	5344	3188	3499	3988	4174	5020	5540	5960	7610
291 УК РФ		6816	4640	2272	2612	3174	3649	4499	4716	5657	6749
291.1 УК РФ		627	774	810	979	1297	1451	2041	1881	2256	2634
291.2 УК РФ		–	–	5841	5437	5408	5274	7031	7353	6406	6247
из них:	получение взятки 291.2 УК РФ	–	–	2126	1864	1838	1769	2920	2784	2588	2249
	дача взятки 291.2 УК РФ	–	–	3715	3573	3570	3505	4111	4569	3818	3998

Так, в 2024 г. Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия в суд направлено уголовное дело по ч. 6 ст. 290 УК РФ по факту получения генеральным директором Регионального фонда капитального ремонта многоквартирных домов на территории Красноярского края П. лично от представителя ООО Ю. взятки на сумму 12 млн руб. Суд квалифицировал действия П., признанного виновным по ч. 8 ст. 204 УК РФ, назначено наказание в виде 7 лет лишения свободы со штрафом в размере 24 млн руб. с конфискацией суммы коммерческого подкупа – 1,6 млн руб. Приговор суда вступил в законную силу.

Следует отметить, что традиционно коррупционные преступления характеризуются высокой степенью латентности, обусловленной тем, что отдельные виды деяний представляют собой форму сделки с замкнутой системой коррупционных связей. При этом мы придерживаемся позиции, согласно которой довод о том, что о коррупционной сделке никто ничего никогда не узнает, является несостоятельным. Согласно народной мудрости, если знают двое – значит, знают все. Ключевой принцип работы органов Следственного комитета Российской Федерации состоит в том, что виновное в совершении преступления лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности, невзирая на статус, высокую должность или чин.

В 2024 г. Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия в суд направлено уголовное дело по ч. 6 ст. 290, ч. 3 ст. 159 УК РФ по факту получения министром лесного хозяйства Красноярского края М. взятки через посредника (родного брата) на сумму более 7 млн руб. за покровительство организации, занимавшейся рубкой лесных насаждений в Енисейском районе Красноярского края, а также совершения мошеннических действий. Судом М. признан виновным в совершении инкриминируемых ему преступлений. Назначено наказание в виде 12 лет лишения свободы со штрафом 10,7 млн руб., лишением права занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления на срок 12 лет. Приговор суда вступил в законную силу.

Если обратиться к статистике результатов рассмотрения уголовных дел о коррупционных преступлениях, то она выглядит следующим образом (табл. 2). С 2016 по 2024 г. зафиксирован рост числа лиц, осужденных за совершение преступлений в сфере взяточничества, с 6 255 до 6 893, при этом примечательным является факт, что даже при отмечаемом росте показатель в 2024 г. не достиг количества осужденных за коррупционные преступления в 2015 г.– 7 073 лиц.

Однако следует отметить, что количество лиц, осужденных к реальному лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных ст. 290 и 291 УК РФ, составило в 2015 г.– 970, а в 2024 г.– 1134.

Обращает на себя внимание и небольшая разница в данных статистических показателях, учитывая рост общего количества зарегистрированных с 2015 по 2024 г. преступлений коррупционной направленности. Отмеченное может свидетельствовать о том, что необходимость ужесточения наказания за коррупционные преступления, о чем неоднократно говорится представителями законодательной власти, всего лишь формальный подход для решения проблем, связанных с коррупцией. На данном этапе лишение свободы на длительный срок не является преобладающим видом наказания для коррупционеров.

Как уже отмечено выше, приведенные показатели свидетельствуют о преимущественном применении судами наказаний, не связанных с лишением свободы, за совершение указанной категории преступлений, к примеру, в 2015 г.– 5 963 против 970, в 2024 г.– 3 020 против 1 134. На наш взгляд, данный подход к практике назначения наказания лицам, совершившим преступления коррупционной направленности, может быть компенсирован посредством проработки более точечных мер «экономической репрессии».

Такие преступления, как взяточничество и хищение государственных средств, обычно совершаются с целью получения личной выгоды. Коррупция и отмывание денег – это две стороны одной медали, которые неразрывно связаны между собой. Коррупция приводит к получению огромных преступных доходов, что требует создания системы их отмывания и размещения. В свою очередь, легализация способствует дальнейшему распространению коррупции, поскольку такие доходы являются материальной базой для организованной преступности и финансирования терроризма, а также для подкупа должностных лиц (Chikhanchin, 2016: 253–254). Поэтому при расследовании преступлений коррупционной направленности особое внимание также уделяется выявлению фактов легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления. Касаясь практики выявления и расследования преступлений этой категории, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин отметил, что результаты работы в данном направлении наглядно свидетельствуют о достижении положительных итогов, несмотря на известные сложности сбора доказательств. Так, в 2024 г. увеличилось количество сообщений о преступлениях, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов, с 242 до 280 (+15,7 %). Возбуждено 202 уголовных дела по фактам легализации преступных доходов (в 2023 г.– 146, +38 %),

Таблица 2. Основные статистические показатели состояния судимости в России за коррупционные преступления за период 2015–2024 гг., по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ

Table 2. Key statistical indicators of the state of conviction in Russia for corruption crimes for the period 2015–2024, according to data from the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation

		Число осужденных									
		2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Всего осуждено по ст. 290–291.2 УК РФ		7073	6255	5056	5135	5009	4248	5508	6485	6738	6893
из них: по ст. 290 УК РФ		1702	1334	1097	1068	1245	981	1119	1367	1628	1633
в том числе по ч. 1, 2 ст. 290 УК РФ		257	199	192	161	211	151	168	161	187	207
из них:	к лишению свободы	22	25	31	25	33	25	29	25	35	34
	условно с испытательным сроком	25	28	51	38	75	57	68	61	66	79
	другим видам наказания	210	146	110	98	103	69	71	75	86	94
по ч. 3–6 ст. 290 УК РФ		1445	1135	905	907	1034	830	951	1206	441	1426
из них:	к лишению свободы	379	364	422	421	506	365	408	553	728	676
	другим видам наказания	1066	771	483	486	528	465	543	653	713	750
по ст. 291 УК РФ		5231	3589	1230	1383	1595	1409	1936	2234	2170	2521
из них:	к лишению свободы	569	489	249	250	236	191	227	269	276	424
	другим видам наказания	4662	3100	981	1133	1359	1218	1709	1965	1894	2097

в суд направлено 72 уголовных дела такой категории (65, +11 %) (Bastrykin, 2025).

Вместе с тем приведенные выше статистические данные об увеличении выявляемости коррупционных преступлений и положительная практика их расследования не должны быть причиной переноса фокуса внимания с решения имеющихся проблем правоприменительной практики, вызванных несовершенством антикоррупционного законодательства. В частности, как отмечается в научной литературе, существующая трактовка организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций (как и функций представителей власти) не отражает в полной мере круг лиц, наделенных управленческой функцией, присущей должностному лицу (Sorochkin, 2021: 79–87). В качестве примера приведем обстоятельства, установленные в ходе расследования уголовного дела по факту получения взяток заведующим хирургическим отделением КГБУЗ «Красноярская межрайонная клиническая больница № 20 имени И. С. Берзона». Анализ должностных инструкций сотрудников указанного медицинского учреждения позволил установить, что при общей численности сотрудников больницы в 1997 человек под понятие должностного лица подпадают только 69 лиц, что составляет 3,4 % от штата учреждения. Следовательно, большинство медицинских работников (за исключением лиц из числа руководства, а также лиц, осуществляющих выдачу листков нетрудоспособности) не подлежат уголовной ответственности за получение взятки, так как не являются должностными лицами. Аналогичная картина складывается и в иных государственных и муниципальных учреждениях, где должностными лицами фактически являются только руководители.

Предметом дискуссии также выступает проблема привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений при выполнении управленческих функций в коммерческой или иной организации (преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях), где понятие субъекта еще более сужено. Например, к числу субъектов преступлений, предусмотренных гл. 23 УК РФ, не относятся лица, непосредственно обеспечивающие транспортную безопасность на объектах железнодорожного и авиационного транспорта, при этом выполняя функции, имеющие стратегическое значение как для коммерческой организации, так и обеспечения безопасности транспортной инфраструктуры в целом. В связи с этим назрела острая необходимость более точной регламентации понятий «должностное лицо» и «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации» путем проработки соответствующих законодательных изменений.

В данном аспекте особую актуальность приобретает активное обсуждение выявляемых в ходе оперативно-следственной деятельности прикладных проблем, имеющих глубокие теоретические основания, с представителями ведущих научных и образовательных организаций. Как отметил в своем докладе на пленарном заседании VIII Сибирского антикоррупционного форума заместитель руководителя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия А. Г. Зюбанов, «взаимодействие науки и практики – важная составляющая эффективного противодействия коррупции. Решение сложных вопросов квалификации отдельных преступлений коррупционной направленности требует не только глубокой погруженности в тонкости актуальной судебной практики, но и фундаментальной теоретической подготовки. Поэтому повышение интенсивности взаимодействия с ведущими антикоррупционными научными школами является необходимым компонентом обеспечения неотвратимости наказания». Несмотря на то что выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности занимает приоритетное место в антикоррупционной деятельности следственных органов, через взаимодействие практических работников с научным сообществом реализуется не ме-

нее важная составляющая противодействия коррупции – формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению путем проведения различных профилактических мероприятий. В данном аспекте Красноярский край имеет передовой опыт эффективного межведомственного взаимодействия.

Так, в 2024 г. Губернатор Красноярского края утвердил план мероприятий по антикоррупционному просвещению молодежи, приуроченных к Международному дню борьбы с коррупцией. Подобный план является уникальным в масштабах страны, поскольку закрепил организационную основу для проведения разноформатных мероприятий, учитывающих специфику молодежи как целевой аудитории антикоррупционного просвещения. В свою очередь, реализация плана была возложена на ключевых субъектов предупреждения коррупции в регионе: Сибирский федеральный университет, Администрацию Губернатора Красноярского края, прокуратуру Красноярского края, Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия, Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Красноярскому краю, Красноярское региональное отделение Ассоциации юристов России и Совет ректоров вузов. Это позволило консолидировать усилия представителей исполнительной власти, правоохранительных органов, общественных и образовательных организаций по формированию нетерпимости к коррупционному поведению среди молодых граждан (Krskstate, 2024).

Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия приняло активное участие в реализации антикоррупционных мероприятий, предусмотренных указанным планом. В течение второго полугодия 2024 г. в образовательных организациях высшего образования, расположенных в г. Красноярске, прошел «Открытый антикоррупционный диалог со следователем», в ходе которого обсуждались стандарты антикоррупционного поведения государственных служащих, рассматривались вопросы правоприменительной практики, ответственности за совершение административных правонарушений и дисциплинарных проступков в результате конфликта интересов, а также основания наступления уголовной ответственности за должностные и коррупционные преступления. Особое внимание уделялось порядку действий должностных лиц при попытках склонения их к совершению коррупционного правонарушения. На примерах расследуемых уголовных дел коррупционной направленности следователи делились своим практическим опытом с аудиторией – студентами и курсантами вузов (Sledcom, 2024). Кроме того, управление выступило соорганизатором Недели молодежных инициатив Красноярского края, в рамках которой прошли профилактические мероприятия, основанные на инновационных формах антикоррупционного просвещения: антикоррупционный диктант, антикоррупционный квиз, конкурс лучших антикоррупционных инициатив и др.

Ключевым антикоррупционным научно-практическим событием 2024 г. для Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия стал VIII Сибирский антикоррупционный форум «Трансформация парадигмы антикоррупционной деятельности», на котором состоялась не только оживленная дискуссия с участием представителей основных субъектов противодействия коррупции по актуальным теоретико-прикладным вопросам повышения эффективности профилактики коррупции и борьбы с ней, но была продемонстрирована специфика антикоррупционной деятельности, осуществляемой различными ведомствами, в рамках тематической интерактивной выставки (SibFU, 2024).

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, подчеркнем, что коррупция представляет собой одну из угроз национальной безопасности, и только объединение усилий

правоохранительных органов и научного сообщества позволит на должном уровне обеспечить реализацию поставленных задач в сфере противодействия. Детальный анализ статистических параметров коррупционных проявлений дает возможность не только оценить качество оперативно-следственной работы в рамках борьбы с коррупцией, но и выявить актуальные факторы трансформации коррупции как негативного социально-правового явления, понимание которых требуется для реализации действенных профилактических мероприятий. Полагаем, что представители ведущих антикоррупционных научных школ могут оказать посильную помощь в интерпретации большого массива данных, а также разработке предложений в области оптимизации прикладной антикоррупционной деятельности.

Достижение синергии профилактики коррупции и борьбы с ней выступает одним из перспективных направлений развития антикоррупционной теории и практики. Неотвратимость наказания за преступления коррупционной направленности – важный, но не единственный компонент эффективного противодействия коррупции. Устранение причин и условий коррупционного поведения, в том числе посредством антикоррупционного воспитания подрастающего поколения граждан, должно получить приоритет в работе следственных органов. Высокий социальный авторитет и профессионализм следователей в глазах целевой аудитории антикоррупционного просвещения – это инструмент, который необходимо использовать при проведении профилактических мероприятий. Поэтому активное включение представителей территориальных органов Следственного комитета Российской Федерации в работу по формированию в обществе антикоррупционного иммунитета востребовано на региональном уровне в целях повышения эффективности противодействия коррупции.

Список литературы / References

Bastrykin A. I. O zashchite natsional'nykh interesov strany [On the Protection of National Interests of the Country]. In: *Finansovaya bezopasnost' [Financial Security]*, 2025, 45, 19–22.

Aleksandr Bastrykin: dlya nas net raznitsy mezhdu chinovnikami i biznesmenami [Aleksandr Bastrykin: For Us, There Is No Difference Between Officials and Businessmen]. In: *Informatsionnyi portal "RIA Novosti" [Information Portal "RIA Novosti"]*, 2024. Available at: https://ria.ru/20241209/bastyrkin-1988125443.html.

Bastrykin: Protivodeistvie korruptsii idet sistemno i nastupatel'no [Bastrykin: Anti-Corruption Efforts Are Systematic and Proactive]. In: *Rossiiskaya gazeta [Russian Newspaper]*, 2020. Available at: https://rg.ru/2020/11/10/bastrykin-protivodejstvie-korrupcii-idet-sistemno-i-nastupatelno.html.

Chikhanchin Yu. A. Obespechenie finansovoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii kak faktor preduprezhdeniya korruptsii [Ensuring the financial security of the Russian Federation as a factor in preventing corruption]. In: *Protivodeystvie korruptsii: novye vyzovy [Countering corruption: new challenges]* / ed. by T. Ya. Khabrieva. Moscow, INFRA-M, 2016, 253–267.

Damm I. A. Politika protivodeistviya prestupnosti kak napravlenie sovmestnoi deyatel'nosti obshchestva i gosudarstva [Crime Prevention Policy as a Direction of Joint Activity of Society and the State]. In: *Eniseiskie politiko-pravovye chteniya: sbornik nauchnykh statei [Yenisei Political and Legal Readings: Collection of Scientific Articles]*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Regional Public Organization "Public Committee for the Protection of Human Rights", 2023, 107–113. EDN: ZMYXKY.

Damm I. A. Politika protivodeistviya prestupnosti kak novaya paradigma vzaimodeistviya obshchestva i gosudarstva [Crime Prevention Policy as a New Paradigm of Interaction Between Society and the State]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 2024, 17 (1), 12–27. EDN: ERTPXU.

Krskstate – V Krasnoyarskom krae startoval kompleks meropriyatii po antikorruptsionnomu prosveshcheniyu molodezhi [A Series of Anti-Corruption Educational Events for Youth Started in Krasnoyarsk

Krai]. In: *Ofitsial'nyi portal Krasnoyarskogo kraia [Official Portal of Krasnoyarsk Krai]*, 2024. Available at: http://www.krskstate.ru/korrup/events/0/id/71465.

Lopashenko N. A. Osnovnye itogi reformirovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva v 2023 g. [Main Results of the Reform of Criminal Legislation in 2023]. In: *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka [Russian Law: Education, Practice, Science]*, 2024, 1, 69–81. DOI: 10.34076/2410–2709–2024–139–1–69–81. EDN: NQBBYR.

Lopashenko N. A. Osnovnye itogi reformirovaniia ugolovnogo zakonodatel'stva v 2022 g.: analiticheskii obzor [Main results of criminal law reform in 2022: analytical review]. In: *Lex Russica*, 2023, 76(4), 115–135. DOI: 10.17803/1729–5920.2023.197.4.115–135. EDN: BJPGBV.

Menshenina N. N. (ed.). *Korruptsiia v Rossiiskoi Federatsii: genezis, formy, tekhnologii, protivodeistvie [Corruption in the Russian Federation: genesis, forms, technologies, counteraction]*. Ekaterinburg, UrFU, 2014, 200 p.

Sheverdyaev S. N. Konstitutsionno-pravovoe protivodeistvie korruptsii: opredelenie mesta i znacheniia v sisteme antikorruptsionnoi politiki [Constitutional and legal counteraction to corruption: defining the place and significance in the system of anti-corruption policy]. In: *Protivodeistvie korruptsii: konstitutsionno-pravovye podkhody [Countering corruption: constitutional and legal approaches]* / ed. by S. A. Avakyan. Moscow, Iustitsinform, 2016, 76–207.

SibFU – V SFU proshel VIII Sibirskij antikorruptsionnyj forum [The 8th Siberian Anti-Corruption Forum Was Held at SFU]. In: *Ofitsial'nyi sait Sibirskogo federal'nogo universiteta [Official Website of Siberian Federal University]*, 2024. Available at: https://sfu.ru/ru/media/news/3d8e123c-2685–426c-bf7e-11c4c31afc74.

Sledcom – Predstavitel' Glavnogo sledstvennogo upravleniya prinyal uchastie v profilakticheskom meropriyatii po protivodeistviyu korruptsii [A Representative of the Main Investigative Directorate Took Part in an Anti-Corruption Preventive Event]. In: *Ofitsial'nyi sait Glavnogo sledstvennogo upravleniya Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii po Krasnoyarskomu kraiu i Respublike Khakasiya [Official Website of the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia]*, 2024. Available at: https://krk.sledcom.ru/news/item/1928894.

Sorochkin R. A. Upravlencheskie funktsii i ponyatie dolzhnostnogo litsa kak sub"ekta korruptsionnogo prestupleniya [Managerial Functions and the Concept of an Official as a Subject of a Corruption Offense]. In: *Prolog: zhurnal o prave [Prolog: Journal of Law]*, 2021, 1(29), 79–87. DOI: 10.21639/2313–6715.2021.1.8. EDN: KMIDHA.

Sudakova T. M. Sinergeticheskie printsipy v metodologii kriminologicheskogo myshleniya i dialektika: sovremennye podkhody [Synergetic Principles in the Methodology of Criminological Thinking and Dialectics: Contemporary Approaches]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2023, 17 (3), 225–235. DOI: 10.17150/2500–4255.2023.17(3).225–235. EDN: QMXTMP.

Tikhonova S. S. Znachenie pravookhranitel'noi praktiki dlya razrabotki kontseptsii vtorichnykh (tekushchikh) ugolovnykh zakonov [The Importance of Law Enforcement Practice for the Development of Concepts of Secondary (Current) Criminal Laws]. In: *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: sbornik materialov konferentsii / Pod obshch. red. E. N. Rakhmanovoi [Criminal Policy and Law Enforcement Practice: Collection of Conference Materials / Ed. by E. N. Rakhmanova]*. St. Petersburg, Asterion, 2022, 42–50.

Volynskii A. F. Strategicheskaya problema ugolovnogo protsessa i kriminalistiki: posle differentsiatsii znanii neobkhodima ikh integratsiya [The Strategic Problem of Criminal Procedure and Forensics: After Differentiation of Knowledge, Their Integration Is Necessary]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2018, 1, 75–79. EDN: XTGHUD.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1594–1604

EDN: UXVHVP
УДК 343.35:341.24:340.132

Harmonization of Anti-Corruption Legislation of the Commonwealth of Independent States Member States: International Standards and National Legal System Specifics

Ida L. Goloborodko*, Ivan A. Kolpakov and Vitalii A. Fudashkin
Interstate Educational Organization of Higher Education First President of Russia Boris Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University
Bishkek, Kyrgyz Republic

Received 24.06.2025 received in revised form 02.07.2025, accepted 07.07.2025

Abstract. the research article addresses current issues related to the harmonization of legislation in the post-Soviet space in the field of combating corruption. The concept and essence of legal harmonization are examined, and a comparative legal analysis of national anti-corruption regulatory frameworks in several member states of the Commonwealth of Independent States is conducted. Special attention is given to international anti-corruption standards and their influence on the convergence of approaches. The study identifies conflicts, gaps, and discrepancies in national approaches to defining and suppressing corruption offenses, and analyzes institutional mechanisms for combating corruption in the examined countries. Existing legal and organizational barriers to harmonization are highlighted, and forward-looking measures are proposed to enhance intergovernmental cooperation and unify anti-corruption norms. The study concludes that further coordination among CIS member states is essential for the development of common legal standards to increase the effectiveness of anti-corruption efforts in the region.

Keywords: anti-corruption legislation, Commonwealth of Independent States, anti-corruption efforts, anti-corruption institutions, anti-corruption policy, criminal law provisions on corruption, criminal liability for corruption-related offenses, extradition of corrupt officials, cross-border corruption offenses, confiscation of corruption-related assets.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; International Legal Sciences.

Citation: Goloborodko I. L., Kolpakov I. A., Fudashkin V. A. Harmonization of Anti-Corruption Legislation of the Commonwealth of Independent States Member States: International Standards and National Legal System Specifics. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1594–1604. EDN: UXVHVP

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: goloborodkoida@gmail.com
ORCID: 0009-0008-4663-5681 (Goloborodko); 0009-0002-9022-9476 (Fudashkin)

Гармонизация антикоррупционного законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств: международные стандарты и особенности национальных правовых систем

И.Л. Голобородько*, И.А. Колпаков, В.А. Фудашкин
Межгосударственная образовательная организация высшего образования Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина
Кыргызская Республика, Бишкек

Аннотация. В научной статье рассматриваются актуальные вопросы гармонизации законодательства стран постсоветского пространства в сфере противодействия коррупции. Проанализированы понятие и сущность гармонизации законодательства, проведен сравнительно-правовой обзор национальных нормативных правовых баз противодействия коррупции в ряде государств-членов Содружества Независимых Государств. Особое внимание уделяется международным антикоррупционным стандартам и их влиянию на сближение подходов. Выявлены коллизии, пробелы и различия в национальных подходах к определению и пресечению коррупционных правонарушений, а также проанализированы институциональные механизмы борьбы с коррупцией в рассматриваемых странах. Обозначены существующие барьеры на пути правового сближения и предложены перспективные меры по совершенствованию межгосударственного взаимодействия и унификации антикоррупционных норм. Сделан вывод о необходимости дальнейшей координации усилий государств-членов Содружества Независимых Государств для выработки единых правовых стандартов с целью повышения эффективности противодействия коррупции в регионе.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, Содружество Независимых Государств, противодействие коррупции, антикоррупционные институты, антикоррупционная политика, нормы уголовного законодательства о коррупции, уголовная ответственность за коррупционные преступления, экстрадиция коррупционеров, трансграничные коррупционные преступления, конфискация коррупционных активов.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Голобородько И.Л., Колпаков И.А., Фудашкин В.А. Гармонизация антикоррупционного законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств: международные стандарты и особенности национальных правовых систем. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1594–1604. EDN: UXVHVP

Введение

Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции от 14 октября 2022 года устанавливает, что коррупция представляет собой серьезную угрозу верховенству права, экономическому развитию и безопасности государств.

Данное явление особенно актуально для стран постсоветского пространства, где переходные экономики и государственные институты подвержены рискам коррупционных проявлений.

Страны Содружества Независимых Государств (далее по тексту – СНГ) разделяют общую правовую и историческую базу, что создает предпосылки для сотрудничества в борьбе с коррупцией. Вместе с тем необходимо заметить, что коррупция носит транснациональный характер, и эффективно противостоять ей в отдельной стране невозможно без тесного международного сотрудничества.

Как отмечается в Информации «О законодательном опыте противодействия коррупции в государствах-участниках Содружества Независимых Государств», опубликованной Исполнительным комитетом СНГ, «одним из ведущих направлений противодействия коррупции является тесное международное сотрудничество, неотъемлемой составляющей которого были и остаются выработка и использование в законодательстве и юридической практике государств общих международно-правовых стандартов».

Для стран СНГ выработка общих подходов к борьбе с коррупцией особенно актуальна. С момента создания СНГ в соответствии с Соглашением о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года государствами предпринимаются усилия по сближению и гармонизации национальных законодательств. Под гармонизацией понимается процесс сближения правовых норм разных государств на основе согласованных принципов и стандартов без установления полностью единообразного регулирования, в отличие от унификации, которая предполагает создание идентичных норм права (Levakin, 2015: 168).

Главное отличие гармонизации от более жесткой унификации состоит в отсутствии строгих международно-правовых обязательств принимать одинаковые нормы; гармонизация строится на добровольном принятии государствами согласованных правил.

Тем не менее в рамках СНГ закрепляются договоренности о приведении национальных законов в соответствие с лучшими международными практиками. Так, еще 3 апреля 1999 года Межпарламентской Ассамблеей СНГ был принят Модельный Закон «О борьбе с коррупцией» № 13–4, за которым последовали другие модельные акты (Модельный Закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» от 15 ноября 2003 года № 22–15, новая редакция Модельного Закона «О противодействии коррупции» от 25 ноября 2008 года № 31–20 и др.).

Данные документы заложили основы для разработки национальных мер по противодействию коррупции с учетом международных обязательств, закрепленных в таких международных нормативных правовых актах, как Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года.

Актуальность темы гармонизации антикоррупционного законодательства определяется тем, что различия в подходах стран СНГ могут затруднять сотрудничество в связи с тем, что несоответствие определений коррупционных преступлений, различия в полномочиях государственных органов, пробелы в правовой регламентации отдельных аспектов противодействия коррупции снижают эффективность совместных усилий.

Гармонизация национальных законодательств и выработка общих стандартов призваны устранить эти разрывы, облегчить взаимную правовую помощь, экстрадицию коррупционеров, совместное расследование и возвращение незаконно приобретенных активов.

14 октября 2022 года главы ряда государств СНГ (Россия, Казахстан, Беларусь, Армения, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) подписали новое Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции, прямо предусматривающее совершенствование и гар-

монизацию национальных законодательств в данной сфере. Факт данного события свидетельствует о политической воле стран СНГ укреплять правовое взаимодействие.

Цель данной научной статьи – проанализировать существующие проблемы гармонизации антикоррупционного законодательства государств-участников СНГ и определить перспективы его сближения. Для этого последовательно рассматриваются: понятие и сущность гармонизации антикоррупционного законодательства; сравнительно-правовые аспекты антикоррупционных законов отдельных стран СНГ; влияние международных норм (Конвенции ООН, стандартов ГРЕКО и др.) на национальные правовые системы; институциональные механизмы противодействия коррупции; барьеры на пути сближения правовых систем; а также предложения по совершенствованию межгосударственного сотрудничества и унификации антикоррупционных норм.

Постановка проблемы

Современный этап развития государств-участников СНГ характеризуется усилением внимания к вопросам противодействия коррупции как ключевому элементу обеспечения верховенства права. Несмотря на декларируемую приверженность международным стандартам и принятие соответствующих нормативных правовых актов, антикоррупционные законодательства государств-участников СНГ остаются фрагментированными, различаются по терминологическим подходам, институциональным моделям и механизмам правового регулирования.

Отсутствие должной гармонизации норм антикоррупционного законодательства в указанных государствах порождает сложности в трансграничном сотрудничестве, снижает эффективность реализации совместных антикоррупционных инициатив и препятствует формированию единого правового пространства в рамках СНГ. Кроме того, правовые системы государств-участников СНГ развиваются в условиях разной политико-правовой динамики, что усложняет унификацию подходов к пониманию коррупционных правонарушений, мер ответственности, а также к институтам предупреждения и профилактики коррупции.

Таким образом, возникает объективная необходимость в научном осмыслении существующих противоречий и пробелов, выработке теоретико-правовых оснований и практических рекомендаций по гармонизации антикоррупционного законодательства в рамках СНГ. Исследование данной проблемы приобретает особую актуальность в контексте интеграционных процессов, происходящих между государствами-участниками СНГ, и требует комплексного анализа как международных обязательств государств, так и внутренней правовой политики по противодействию коррупции.

Методология

Методологическую основу настоящего научного исследования составили частнонаучные методы познания, адаптированные к специфике правового анализа в сфере антикоррупционного регулирования.

Ключевым методом познания выступает сравнительно-правовой метод, посредством которого осуществлено сопоставление антикоррупционного законодательства государств-участников СНГ. Применение данного метода позволило выявить степень нормативного и институционального сходства и различия в подходах к определению понятийного аппарата, классификации коррупционных правонарушений, а также в построении механизмов предупреждения, пресечения и ответственности за коррупционные деяния.

Формально-юридический метод применён для анализа содержания нормативных правовых актов, регламентирующих антикоррупционную деятельность в различных правовых системах СНГ. С помощью данного метода исследованы юридико-технические особенности нормотворчества, определена внутренняя согласованность норм, уровень их конкретизации и соответствие международным антикоррупционным стандартам.

Историко-правовой метод позволил проследить генезис антикоррупционного законодательства на постсоветском пространстве, выявить источники правовых заимствований, а также установить тенденции институционального сближения или, напротив, правовой дивергенции государств СНГ.

Системно-структурный метод использован для анализа антикоррупционного законодательства как сложной правовой системы, включающей в себя нормы административного, уголовного, трудового и иных отраслей права. Данный подход позволил определить внутреннюю логику построения системы антикоррупционного регулирования и установить место соответствующих норм в правовых системах государств-участников СНГ.

Метод правового прогнозирования применён для определения возможных направлений и перспектив дальнейшей гармонизации антикоррупционного законодательства, с учётом как существующих интеграционных процессов, так и правовой специфики отдельных государств.

Совокупное применение указанных частных методов позволило обоснованно сформулировать научные выводы и предложения, направленные на повышение эффективности и согласованности антикоррупционного законодательства в рамках СНГ.

Обсуждение

Гармонизация законодательства представляет собой процесс сближения и согласования правовых норм разных государств с целью устранения существенных противоречий и обеспечения совместимости правовых систем. В результате гармонизации достигается взаимное соответствие национальных правовых положений, при этом государства сохраняют суверенное право на особенности правового регулирования. Иными словами, гармонизация стремится упорядочить законодательство на основе общих принципов, не требуя механического копирования норм. В правовой доктрине отмечается, что гармонизация отличается от унификации отсутствием жестко обязательной договорной формы, предписывающей одинаковые нормы всем участникам (Orlova, 2021: 147).

Если унификация (например, в рамках Союзного государства России и Беларуси или Евразийского экономического союза) могла бы предполагать единый законодательный акт для всех, то гармонизация в СНГ реализуется путем разработки модельных законов, рекомендаций и многосторонних соглашений, которые государства внедряют в свои национальные правовые системы по мере готовности.

В сфере борьбы с коррупцией, гармонизация законодательства особенно важна, поскольку коррупционные схемы нередко выходят за национальные рамки, и расхождение правовых норм создает своеобразные «правовые лазейки» для лиц, задействованных в коррупционных действиях. Гармонизация предполагает выработку единых подходов к определению коррупции и коррупционных правонарушений, схожих мер ответственности за них, сопоставимых требований к должностным лицам, единых стандартов прозрачности и подотчетности. Например, в рамках СНГ были согласованы основные дефиниции в данной области. Модельным Законом «О противодействии коррупции» 2008 года были закреплены определения коррупции, коррупционных преступлений и правонарушений, принципы их профилактики и пр.

В новом Соглашении о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции 2022 года страны прямо обязались принимать меры для развития и гармонизации законодательства с учетом международных договоров в сфере борьбы с коррупцией. Таким образом, гармонизацию можно определить как цель и средство углубления сотрудничества.

Следует отметить, что гармонизация не устраняет полностью специфику национального законодательства. Каждая страна СНГ обладает собственной правовой системой и особенностями антикоррупционной политики, вытекающими из ее политиче-

ских, экономических и социальных условий. Исходя из этого, процесс гармонизации носит двусторонний характер. С одной стороны, учитываются международные стандарты и зарубежный опыт, с другой – национальные правовые традиции. Гармонизация в идеале приводит к тому, что законы разных стран, оставаясь самостоятельными, «сочетаются» как друг с другом, так и с международными принципами.

Для этого широко используются инструменты «мягкого права» (soft law) – модельные законы СНГ, рекомендации Межпарламентской Ассамблеи СНГ, типовые нормы, которые страны могут имплементировать в национальное законодательство. Как показывает практика, указанные выше модельные акты 1999, 2003 и 2008 годов заложили основу для модернизации национальных правовых систем многих участников объединения. В то же время принятие 25 октября 2013 года Соглашения об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции (МСПК), равно как и упомянутое Соглашение 2022 года свидетельствуют о стремлении придать гармонизации более обязательный характер через многосторонние договоры и координационные органы.

Таким образом, гармонизация антикоррупционного законодательства стран СНГ – это целенаправленный процесс сближения их правовых норм на базе международно-признанных стандартов и взаимных соглашений. Ее сущность заключается в создании совместимой правовой среды, устраняющей противоречия и пробелы между национальными режимами борьбы с коррупцией, но не отменяющей суверенных правовых решений каждого государства.

Гармонизация законодательства невозможна без опоры на общепризнанные международные нормы в сфере противодействия коррупции. Для государств-участников СНГ ключевыми ориентирами стали конвенции ООН, региональные европейские соглашения и рекомендации специализированных межправительственных организаций.

Все государства-члены СНГ являются участниками Конвенции ООН против коррупции 2003 года (UNCAC), которая представляет собой универсальный правовой инструмент, охватывающий широкий комплекс мер борьбы с коррупцией . Она устанавливает основные обязательства для государств: криминализировать подкуп национальных должностных лиц, иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц международных организаций; принять меры против отмывания коррупционных доходов; обеспечить ответственность юридических лиц; ввести эффективные механизмы предотвращения коррупции (антикоррупционные органы, этические кодексы, прозрачность государственного управления); развивать международное сотрудничество и возврат активов.

Данные стандарты стали базовыми для реформирования законодательства в странах СНГ. Например, в соответствии с UNCAC многие государства ввели ответственность за коммерческий подкуп и другие коррупционные действия в частном секторе, усилили контроль за финансами должностных лиц, создали специальные уполномоченные органы в данной сфере.

Вместе с тем внедрение положений UNCAC осуществлено неравномерно. Конвенция предусматривает, в частности, принятие статьи о незаконном обогащении (ст. 20) – уголовной ответственности должностного лица за существенное увеличение активов, происхождение которых он не может обоснованно объяснить. Однако ряд стран СНГ изначально не внедрили данную норму в национальное законодательство. Так, Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН в 2006 году, но не стала криминализировать незаконное обогащение, ссылаясь на противоречие данного института принципу презумпции невиновности. Были введены лишь косвенные механизмы – взыскание по иску прокурора в пользу государства имущества госслужащих, законность происхождения которого не подтверждена, регламентированное Федеральным Законом «О противодействии

коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ и Федеральным Законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ.

В то же время некоторые партнеры по СНГ пошли дальше. Армения в 2016 году дополнила Уголовный кодекс от 18 апреля 2003 года (утратил силу) статьей о незаконном обогащении (ст. 310.1 дополнена в соответствии с НО-230-№ от 16 декабря 2016 года), установив уголовную ответственность за увеличение имущества должностного лица, существенно превышающее его законные доходы и разумно не обоснованное им. С принятием нового Уголовного кодекса Республики Армения от 5 мая 2021 года данный состав преступления получил свое закрепление в ст. 443 в первоначальном виде.

Аналогичная норма (ст. 340 Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127) существует в уголовном законодательстве Кыргызской Республики.

Таким образом, международный стандарт UNCAC в целом стимулировал правотворчество, но степень его реализации варьируется в зависимости от той или иной страны.

UNCAC также обязывает страны иметь специальные антикоррупционные органы (ст. 6). Практически во всех странах СНГ созданы структуры по предотвращению и/или борьбе с коррупцией. Конвенция ООН поставила вопрос и о защите информаторов (ст. 33) – некоторые государства приняли соответствующий законы о защите свидетелей и разоблачителей коррупции. Например, в Казахстане действует система поощрения лиц, сообщающих о коррупционных правонарушениях, и предоставления им защиты, регламентированная Правилами поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих (оказавших) содействие в противодействии коррупции от 29 августа 2023 года. В Республике Армения 9 июня 2017 года был принят специальный Закон «О системе осведомления». В других странах механизмы защиты информаторов развиты слабее, но работа в этом направлении ведется под эгидой UNCAC.

В рамках Совета Европы также важную роль играет Группа государств по борьбе с коррупцией (GRECO) – механизм мониторинга исполнения антикоррупционных стандартов. К настоящему времени в GRECO из стран СНГ входят Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова. Ранее членом GRECO была также Россия, присоединившаяся к группе 1 февраля 2007 года. Однако в декабре 2022 года Российская Федерация вышла из состава GRECO.

Участие в GRECO подразумевает периодическую оценку национального законодательства и практики на соответствие требованиям Конвенций Совета Европы – в первую очередь Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 года, а также – выработку рекомендаций по совершенствованию правовой базы.

Рекомендации GRECO охватывают как уголовно-правовые меры, так и институты предотвращения коррупционных действий. Например, по результатам оценок GRECO для Казахстана (совмещенный 1-й и 2-й раунды мониторинга) было выдано 27 рекомендаций, касающихся проведения комплексных исследований системных рисков коррупции, более активного вовлечения неправительственного сектора в антикоррупционную деятельность, обеспечения прозрачности принятия решений органами власти, укрепления независимости антикоррупционных структур, совершенствования законодательства о конфликте интересов и предотвращения коррупции в государственных закупках.

Многие из этих советов типичны и для других стран региона. Выполнение данных рекомендаций требует корректировки соответствующего законодательства. Так, Казахстан отреагировал принятием норм

о возврате незаконно приобретенных активов, созданием реестра бенефициарных владельцев, усилением гарантий защиты информаторов, внедрением новых правил этического поведения госслужащих и др. GRECO позитивно оценил изменения в законодательстве Казахстана, подчеркнув их соответствие лучшим мировым практикам.

Для Армении, постоянно участвующей в GRECO, рекомендации касались улучшения механизмов декларирования доходов чиновников, обеспечения реальной независимости антикоррупционных органов, усиления ответственности за коррупционные преступления. Значительная часть этих рекомендаций была учтена. Были приняты новые законы «О Комиссии по предотвращению коррупции» от 9 июня 2017 года и «Об Антикоррупционном комитете» от 24 марта 2021 года, введены более жесткие ограничения для должностных лиц. Азербайджан также находился под мониторингом GRECO и предпринял меры по совершенствованию законодательства (например, декриминализовал диффамацию для защиты разоблачителей, создал электронные сервисы для прозрачности государственных услуг).

Можно констатировать, что интеграция в европейские антикоррупционные стандарты через GRECO способствовала сближению законодательства отдельных стран СНГ с международными моделями. Однако участие в GRECO не является повсеместным. Государства Средней Азии (кроме Казахстана) и Беларусь предпочитают опираться на собственные механизмы и на сотрудничество в рамках СНГ. Тем не менее косвенное влияние GRECO ощущается и на них – через обмен опытом, рекомендации, даваемые в рамках иных инициатив (например, Стамбульского плана действий Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с коррупцией, где участвуют Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и др.).

Помимо UNCAC и GRECO на сближение подходов влияет ряд других международных инструментов. Например, государства региона присоединились к Межамериканской конвенции против коррупции от 29 марта 1996 года (Российская Федерация и некоторые другие страны выступают в качестве наблюдателей) или к Конвенции ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 года (Российская Федерация в 2012–2013 годах привела национальное законодательство в соответствие с требованиями данной Конвенции, введя ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения, хотя формально не стала ее участником).

Международные стандарты Финансовой группы по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) и ее евразийского подразделения (ЕАГ) побуждают страны совершенствовать нормы о финансировании терроризма и отмывании коррупционных доходов, что также является частью антикоррупционной политики. Например, требование создавать системы контроля бенефициарных владельцев компаний и банковских счетов продиктовано рекомендациями ФАТФ и включается в национальные законы (Казахстан, Россия, Беларусь в последние годы приняли нормы о реестрах бенефициаров, что затрудняет сокрытие коррупционных активов).

Наконец, на территории пространства СНГ заключены специальные соглашения, создающие правовую основу для сотрудничества. Прежде всего упомянутое Соглашение 2013 года об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции и новое Соглашение 2022 года о сотрудничестве в противодействии коррупции. Эти документы фиксируют обязательства стран координировать антикоррупционную политику, оказывать правовую помощь друг другу, совместно разыскивать и возвращать коррупционные доходы, а также *гармонизировать законодательство* государств-участников СНГ.

В частности, статья 9 Соглашения 2022 года прямо указывает, что стороны принимают необходимые меры для развития и гармонизации национальных законов с учетом международных договоров, участниками которых они являются.

Также в отдельных разделах предусмотрен обмен информацией, сотрудничество в обнаружении и аресте доходов от коррупции и др., что требует сопоставимых процедур в уголовном и административном праве сторон. Таким образом, многосторонние соглашения СНГ дополняют международные конвенции, внося региональную специфику и конкретные обязательства по сближению правовых систем.

В совокупности, влияние международных норм на антикоррупционное законодательство стран СНГ трудно переоценить. UNCAC заложила каркас обязательных и рекомендованных мер, GRECO и иные региональные механизмы детализировали стандарты и добились внедрения конкретных изменений, а внутри СНГ создана договорно-правовая база для согласования усилий. В дальнейшем приверженность международным стандартам будет также оставаться краеугольным камнем процесса гармонизации, так как именно на них опираются как модельные законы СНГ, так и многосторонние инициативы.

Заключение

Гармонизация антикоррупционного законодательства государств-участников СНГ является сложной, но насущной задачей, напрямую связанной с эффективностью борьбы с коррупцией в регионе. Проведенный анализ показал, что за последние годы достигнут значительный прогресс, который выражается в том, что страны СНГ во многом сблизили свои подходы, опираясь на общие международные стандарты (UNCAC) и используя площадки СНГ для разработки модельных норм. Во всех государствах действуют специальные антикоррупционные законы и институты, а также формируется культура неприятия коррупции.

Наряду с тем также сохраняются и серьезные проблемы – различия в уголовно-правовых составах и санкциях, пробелы в регулировании важных аспектов (незаконное обогащение, защита информаторов, ответственность компаний), административные и политические барьеры. Национальные интересы и ресурсы не всегда позволяют быстро и полностью внедрить передовые нормы. В итоге пока рано говорить об единых антикоррупционных стандартах в СНГ – скорее существует конвергенция (сближение), но не унификация.

Перспективы дальнейшей гармонизации во многом определяются готовностью государств усилить сотрудничество. Новые инициативы СНГ – такие как Соглашение 2022 года о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции – дают надежду на углубление взаимодействия и более тесное согласование законодательств.

В заключение следует подчеркнуть, что гармонизация антикоррупционного законодательства – не самоцель, а средство обеспечения более эффективной защиты наших государств от коррупции.

Унифицируя и сближая правовые нормы, страны СНГ создают общий фронт против коррупционных угроз, облегчая совместные расследования, обмен опытом, взаимное признание судебных решений.

В конечном счете от успеха процесса гармонизации выигрывают граждане всех стран СНГ, получая более прозрачное и справедливое управление. Академическое осмысление проблем и перспектив гармонизации, подобное представленному в данной научной статье, призвано содействовать выработке оптимальных решений на пути к этой цели.

Борьба с коррупцией не знает границ, и потому союзнические усилия постсоветских государств в унификации законодательства – залог их общего успеха в противодействии этому злу.

Список литературы / References

Soglashenie o sotrudnichestve gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v protivodeystvii korrupcii ot 14 oktyabrya 2022 goda [*Agreement on Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in Combating Corruption* dated October 14, 2022]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/61034/ (accessed 5 March 2025).

Informatsiya "O zakonodatelnom opyte protivodeystviya korrupcii v gosudarstvakh-uchastnikakh Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv" [*Information "On the Legislative Experience in Combating Corruption in the Member States of the Commonwealth of Independent States"*]. Available at: https://cis.minsk.by/page/17062/informacia-o-zakonodatelnom-opyte-protivodejstvia-korrupcii-v-gosudarstvah-ucastnikah-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstvinformacia-o-zakonodatelnom-opyte-protivodejstvia-korrupcii-v-gosudarstvah-ucastnikah-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv__(accessed 7 March 2025).

Soglashenie o sozdanii Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv ot 8 dekabrya 1991 goda [*Agreement on the Establishment of the Commonwealth of Independent States* dated December 8, 1991]. Available at: https://cis.minsk.by/page/176/soglasenie-o-sozdanii-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-gminsk-8-dekabra-1991-goda (accessed 7 March 2025).

Levakin I. V. Garmonizatsiya antikorrupstionnogo zakonodatel'stva Rossii i Belarusi [Harmonization of Anti-Corruption Legislation of Russia and Belarus]. In: *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava [Current Issues of Russian Law]*, 2015, 10 (59), 168–172. DOI: 10.17803/1994–1471.2015.59.10.168–172

Model'nyy Zakon "O bor'be s korrupciey" ot 3 aprelya 1999 goda № 13–4 [*Model Law "On Combating Corruption"* dated April 3, 1999, No. 13–4]. Available at: https://base.garant.ru/2569179/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640/ (accessed 11 March 2025).

Model'nyy Zakon "Osnovy zakonodatel'stva ob antikorruptsionnoy politike" ot 15 noyabrya 2003 goda № 22–15 [*Model Law "Fundamentals of Legislation on Anti-Corruption Policy"* dated November 15, 2003, No. 22–15]. Available at: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=64250 (accessed 11 March 2025).

Model'nyy Zakon "O protivodeystvii korrupcii" ot 25 noyabrya 2008 goda № 31–20 [*Model Law "On Combating Corruption"* dated November 25, 2008, No. 31–20]. Available at: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420204#pos=0;100 (accessed 13 March 2025).

Konventsiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy protiv korruptsii ot 31 oktyabrya 2003 goda [*United Nations Convention against Corruption* dated October 31, 2003]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (accessed 14 March 2025).

Konventsiya Soveta Evropy ob ugolovnoy otvetstvennosti za korruptsiyu ot 27 yanvarya 1999 goda [*Council of Europe Criminal Law Convention on Corruption* dated January 27, 1999]. Available at: https://rm.coe.int/168007f58c (accessed 14 March 2025).

Orlova E. E. Rol' garmonizatsii pravovogo regulirovaniya v protsesse global'noy i regional'noy integratsii [The Role of Harmonization of Legal Regulation in the Process of Global and Regional Integration]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*, 2021, 6, 147–157. DOI: 10.12737/jflcl.2021.072

Soglashenie ob obrazovanii Mezhgosudarstvennogo soveta po protivodeystviyu korruptsii ot 25 oktyabrya 2013 goda [*Agreement on the Establishment of the Interstate Council for Combating Corruption* dated October 25, 2013]. Available at: https://cbd.minjust.gov.kg/7–2129/edition/882839/ru (accessed 16 March 2025).

Federal'nyy Zakon "O protivodeystvii korruptsii" ot 25 dekabrya 2008 goda № 273-FZ [*Federal Law "On Combating Corruption"* dated December 25, 2008, No. 273-FZ]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed 16 March 2025).

Federal'nyy Zakon "O kontrole za sootvetstviem raskhodov lits, zameshchayushchikh gosudarstvennye dolzhnosti, i inykh lits ikh dokhodam" ot 3 dekabrya 2012 goda № 230-FZ [*Federal Law "On Monitoring*

the Compliance of Expenditures of Persons Holding Public Office and Other Persons with Their Incomes" dated December 3, 2012, No. 230-FZ]. Available at: https://base.garant.ru/70271682/ (accessed 18 March 2025).

Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya ot 18 aprelya 2003 goda (utratil silu) [*Criminal Code of the Republic of Armenia* dated April 18, 2003 (no longer in force)]. Available at: https://www.arlis.am/documentView.aspx?docID=63312 (accessed 19 March 2025).

Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya ot 5 maya 2021 goda [*Criminal Code of the Republic of Armenia* dated May 5, 2021]. Available at: http://www.parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf (accessed 19 March 2025).

Ugolovnyy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 28 oktyabrya 2021 goda № 127 [*Criminal Code of the Kyrgyz Republic* dated October 28, 2021, No. 127]. Available at: https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/14072/ru (accessed 20 March 2025).

Pravila pooshchreniya lits, soobshchivshikh o fakte korruptsionnogo pravonarusheniya ili inym obrazom okazivayushchikh (okazavshikh) sodeystvie v protivodeystvii korruptsii ot 29 avgusta 2023 goda [*Rules for Encouraging Persons Who Report a Corruption Offense or Otherwise Provide (Have Provided) Assistance in Combating Corruption* dated August 29, 2023]. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033350 (accessed 20 March 2025).

Zakon Respubliki Armeniya "O sisteme osvedomleniya" ot 9 iyunya 2017 goda [*Law of the Republic of Armenia "On the Whistleblowing System"* dated June 9, 2017]. Available at: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5832&lang=rus (accessed 21 March 2025).

Konventsiya ob ugolovnoy otvetstvennosti za korruptsiyu ot 27 yanvarya 1999 goda [*Convention on Criminal Liability for Corruption* dated January 27, 1999]. Available at: https://rm.coe.int/168007f58c (accessed 21 March 2025).

Zakon Respubliki Armeniya "O Komissii po predotvrashcheniyu korruptsii" ot 9 iyunya 2017 goda [*Law of the Republic of Armenia "On the Corruption Prevention Commission"* dated June 9, 2017]. Available at: https://faolex.fao.org/docs/pdf/arm203037.pdf (accessed 22 March 2025).

Zakon Respubliki Armeniya "Ob Antikorruptsionnom komitete" ot 24 marta 2021 goda [*Law of the Republic of Armenia "On the Anti-Corruption Committee"* dated March 24, 2021]. Available at: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7583&lang=rus (accessed 22 March 2025).

Mezhamerikanskaya Konventsiya protiv korruptsii ot 29 marta 1996 goda [*Inter-American Convention against Corruption* dated March 29, 1996]. Available at: https://fc-abogados.com/ru/convencion-interamericana-contra-la-corrupcion/ (accessed 23 March 2025).

Konventsiya OESR o bor'be s podkupom inostrannykh dolzhnostnykh lits pri osushchestvlenii mezhdunarodnykh kommercheskikh sdelok ot 21 noyabrya 1997 goda [*OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions* dated November 21, 1997]. Available at: https://base.garant.ru/70105066/ (accessed 25 March 2025).

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1605–1609

EDN: UGBCLK
УДК 343.352

Scientific and Practical Assessment of the Status and Dynamics of the Implementation of Selected Anti-Corruption Measures (Review of the Book "Anti-Corruption: Information and Analytical Bulletin (2024)")

Irina A. Damm*, Aleksei N. Tarbagaev, Evgenii A. Akunchenko, Svetlana P. Basalaeva and Ellada V. Shamehina
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 02.07.2025 received in revised form 03.07.2025, accepted 07.07.2025

Abstract. The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation has published the new issue of its information-analytical bulletin "Anti-Corruption" for 2024 (Moscow: Jurisprudence Publishing House, 2025, 96 pp.). This publication offers a comprehensive quantitative and qualitative analysis of key anti-corruption legal mechanisms, with particular attention to dismissals on the grounds of loss of trust and the imposition of corporate administrative liability for unlawful remuneration. The findings presented in the bulletin constitute a valuable source of analytical data on specific aspects of applied anti-corruption practices. This article provides a review, prepared by the Department for the Prevention of Corruption Offenses at Siberian Federal University, summarizing the main outcomes and offering general conclusions regarding the scientific and practical contributions of the bulletin's authors.

Keywords: corruption, anti-corruption, anti-corruption efforts, dismissal due to loss of trust, illegal remuneration on behalf of a legal entity.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Law.

Citation: Damm I. A., Tarbagaev A. N., Akunchenko E. A., Basalaeva S. P., Shamehina E. V. Scientific and Practical Assessment of the Status and Dynamics of the Implementation of Selected Anti-Corruption Measures (Review of the Book "Anti-Corruption: Information and Analytical Bulletin (2024)"). In: J. *Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1605–1609. EDN: UGBCLK

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: idamm@yandex.ru

О научно-практической оценке состояния и динамики реализации отдельных антикоррупционных мер (рецензия на книгу «Противодействие коррупции: информационно-аналитический бюллетень (2024)»)

И.А. Дамм, А.Н. Тарбагаев, Е.А. Акунченко, С.П. Басалаева, Э.В. Шамехина
Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Коллективом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации подготовлен очередной выпуск информационно-аналитического бюллетеня «Противодействие коррупции» за 2024 г. (М.: ИД «Юриспруденция», 2025. 96 с.). В книге приведены актуальные сведения о количественных и качественных показателях практики реализации таких антикоррупционных мер, как увольнение в связи с утратой доверия, а также привлечение к административной ответственности за незаконное вознаграждение от имени юридических лиц. Результаты исследования выступают источником ценной аналитической информации об отдельных аспектах прикладной антикоррупционной деятельности. В настоящей статье представлена рецензия сотрудников департамента по профилактике коррупционных правонарушений Сибирского федерального университета на данное издание и сформулированы общие выводы о проделанной авторами бюллетеня научно-практической работе.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная деятельность, увольнение в связи с утратой доверия, незаконное вознаграждение от имени юридического лица.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1. Право.

Цитирование: Дамм И. А., Тарбагаев А. Н., Акунченко Е. А., Басалаева С. П., Шамехина Э. В. О научно-практической оценке состояния и динамики реализации отдельных антикоррупционных мер (рецензия на книгу «Противодействие коррупции: информационно-аналитический бюллетень (2024)»). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1605–1609. EDN: UGBCLK

Коррупция как сложная системная проблема затрагивает подавляющее большинство сфер общественной жизни. Несмотря на антикоррупционные меры, активно предпринимаемые мировым сообществом, она является не только внутренней угрозой для отдельных стран, но и глобальным вызовом, требующим комплексного подхода и межгосударственного сотрудничества. Транснациональный характер коррупции, а также способность ее проявлений адаптироваться к новым экономическим и технологическим реалиям предопределяют непрерывное совершенствование антикоррупционной деятельности, которое нуждается в прочном теоретическом фундаменте и инновационных прикладных решениях.

В последние десятилетия данное негативное социальное явление выступает предметом глубоких междисциплинарных научных исследований, что представляется нам необходимым условием проведения

успешной государственной политики в области противодействия коррупции. Значимый вклад в работу по научно-методическому сопровождению антикоррупционной деятельности на протяжении многих лет вносит Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Abuzjarova, Kucherov, Tsirin et al., 2018; Belyaeva, Truntsevsky & Tsirin, 2019; Pashentsev, Zaloilo, Truntsevsky et al., 2020; Truntsevsky, Kurbanov, Tsirin et al., 2020; Khabrieva (ed.), 2021 et al.). В текущем году коллективом института подготовлен очередной информационно-аналитический бюллетень «Противодействие коррупции» (Bulletin, 2025), который является логическим продолжением серии трудов, берущей свое начало с 2022 г. (Bulletin, 2023; Bulletin, 2024).

Рецензируемое издание состоит из введения, основной части, объединяющей два раздела, и краткого изложения на английском языке.

Во введении дана общая характеристика бюллетеня как оригинального аналитического отчета, а также приведена обобщенная информация о предыдущих выпусках данной серии, включая результаты их научно-практического обсуждения (Kabanov & Tokareva, 2023; Osokin, 2023; Kurakin, 2024; Osokin, 2024 et al.). Отметим, что в новом издании бюллетеня используются результаты, полученные в ходе предыдущих исследований, что обеспечивает наглядность динамики и позволяет установить статистические закономерности развития рассматриваемых явлений, опираясь на качественные и количественные параметры.

В разделе 1 бюллетеня представлен анализ практики применения такой меры дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений, как увольнение в связи с утратой доверия. Исследование базируется на данных открытого Реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия (https://gossluzhba.gov.ru/reestr). Авторы систематизировали показатели, характеризующие социально-демографический и правовой портрет лиц, включенных в реестр, а также выявили ключевые тенденции применения этого правового инструмента за период 2018–2024 гг. В результате проведенного исследования скорректированы усредненные показатели, характеризующие гендерный состав уволенных лиц (группы их должностей), процентное распределение по субъектам Российской Федерации, а также правовые основания увольнения в связи с утратой доверия. Кроме того, обновлены данные о региональной дисциплинарной практике в целом.

В разделе 2 представлен анализ практики привлечения к административной ответственности за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. Исследование проведено на основании данных из Единого реестра участников закупок (https://zakupki.gov.ru) с использованием иных информационных ресурсов (https://www.upfox.ru/, https://www.audit-it.ru/, www.rusprofile.ru/). Следует отметить, что авторы бюллетеня расширили перечень источников дополнительной информации о юридических лицах, привлеченных к ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ, по сравнению с прошлогодним изданием. По результатам исследовательской работы актуализированы основные показатели, характеризующие усредненные особенности юридических лиц, привлеченных к административной ответственности, в масштабах страны, а также по отдельным субъектам Российской Федерации.

В заключение представлено краткое изложение материала на английском языке, что является безусловным преимуществом издания, поскольку позволяет существенно расширить аудиторию читателей, делает доступными для научно-практического обсуждения результаты передовых исследований отечественных специалистов в сфере противодействия коррупции.

Очередной выпуск бюллетеня «Противодействие коррупции» сохранил высокие стандарты научно-практического анализа. Издание отличается системностью (представлена динамика данных за 2018–2024 гг. с выделением основных трендов), инновационностью (применена инфографика для визуализации сложных статистических

массивов) и практической ориентированностью (выводы адаптированы для использования государственными органами и корпоративным сектором).

Теоретическая значимость данной работы заключается в ее безусловном вкладе в развитие научных знаний о коррупции и механизмах противодействия ей. Рецензируемое издание позволяет углубить понимание причин и последствий коррупционных практик, а также формирует основу для дальнейших научных разработок в этой области. Безусловным преимуществом является открытость методологии исследования и возможность вторичного анализа опубликованных данных.

Практическая значимость бюллетеня заключается в возможности использования полученных результатов и выводов для мониторинга и оценки состояния коррупционной ситуации в стране и отдельных регионах. Особую ценность представляют проанализированные авторами актуальные данные о лицах, уволенных в связи с утратой доверия, а также о практике привлечения юридических лиц к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ. Полагаем, что результаты данного исследования могут быть применены для разработки рекомендаций по минимизации коррупционных рисков и улучшению механизмов контроля за соблюдением антикоррупционных стандартов, а полученные новые знания – использованы для анализа и оценки уровня соблюдения антикоррупционного законодательства в сфере закупок, разработки мер по улучшению бизнес-климата и повышению доверия к государственным институтам. Кроме того, бюллетень будет полезен в целях осуществления просветительских мероприятий, при проведении учебных занятий по дисциплинам антикоррупционного цикла в рамках среднего профессионального и высшего образования, а также в ходе реализации программ повышения квалификации в области противодействия коррупции.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что информационно-аналитический бюллетень «Противодействие коррупции» представляет собой важный инструмент в противодействии коррупционным проявлениям и демонстрирует серьезный подход государства к решению этой глобальной проблемы. Его актуальность обусловлена не только разрушительными последствиями коррупции для общества и государства, но и необходимостью системного анализа и мониторинга практики применения антикоррупционных мер. Фактически бюллетень задает новый стандарт научного сопровождения антикоррупционной политики, формирует основу для дальнейших исследований и практических рекомендаций, направленных на улучшение законодательства и правоприменительной практики в сфере противодействия коррупции. Предложенные способы ранжирования регионов (ПДП-1 / ПДП-2) и профилирования правонарушителей имеют практическую ценность для разработки профилактических мер и формирования риск-ориентированных моделей в корпоративном секторе. Статистические данные и выводы, представленные в бюллетене, позволяют выявить ключевые проблемы и тенденции, что может значительно повысить эффективность антикоррупционных стратегий.

Полагаем, что издание заслуживает широкого распространения среди лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, государственных и муниципальных служащих, работников коммерческих и некоммерческих организаций, практикующих юристов, преподавателей, аспирантов, студентов юридических факультетов и институтов. Подобные источники актуальной и качественной аналитической информации играют существенную роль в развитии теории противодействия коррупции, а также способствуют повышению эффективности прикладной антикоррупционной деятельности на всех уровнях.

Список литературы / References

Abuzjarova N. A., Kucherov I. I., Tsirin A. M., et al. *Antikorruptsionnaya etika i sluzhebnoe povedenie: nauchno-prakticheskoe posobie [Anti-corruption Ethics and Official Conduct: Scientific and Practical Guide]*. Moscow, IZiSP, 2018. 124 p.

Belyaeva O. A., Truntsevsky Yu.V., Tsirin A. M. *Pravovye mekhanizmy protivodeystviya korruptsii v sfere korporativnykh zakupok: nauchno-prakticheskoe posobie [Legal Mechanisms for Counteracting Corruption in Corporate Procurement: Scientific and Practical Guide]*. Moscow, Kontrakt, 2019. 160 p.

Bulletin, 2023 – *Protivodeystvie korruptsii. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' (2022) [Combating Corruption. Information and Analytical Bulletin (2022)]*. Moscow, Yurisprudentsiya, 2023. 112 p.

Bulletin, 2024 – *Protivodeystvie korruptsii. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' (2023) [Combating Corruption. Information and Analytical Bulletin (2023)]*. Moscow, Yurisprudentsiya, 2024. 129 p.

Bulletin, 2025 – *Protivodeystvie korruptsii. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' (2024) [Combating Corruption. Information and Analytical Bulletin (2024)]*. Moscow, Yurisprudentsiya, 2025. 96 p.

Kabanov P. A., Tokareva Yu. V. Gosudarstvennye reestry kak soderzhatel'nye i tekhniko-yuridicheskie sredstva protivodeystviya korruptsii. Retsenziya na kn.: Protivodeystvie korruptsii. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' (2022) [Combating Corruption. Information and Analytical Bulletin (2022)]. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2023, 2(62), 192–202.

Khabrieva T. Ya. (ed.) Antikorruptsionnoe prosveshchenie v Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskoe posobie [Anti-corruption Education in the Russian Federation: Scientific and Practical Guide]. Moscow, Prospekt, 2021. 144 p.

Kurakin A. V. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' "Protivodeystvie korruptsii (2023)" kak aktual'noe analiticheskoe i prakticheskoe issledovanie [The Information and Analytical Bulletin "Combating Corruption (2023)" as a Topical Analytical and Practical Study]. In: *Sovremennoe pravo [Modern Law]*, 2024, 8, 119–121.

Osokin R. B. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' "Protivodeystvie korruptsii" (2022). Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve Rossiyskoy Federatsii [Information and Analytical Bulletin "Combating Corruption" (2022). Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation]. In: *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal Education and Science]*, 2023, 6, 41–44.

Osokin R. B. Retsenziya na Informatsionno-analiticheskiy byulleten' "Protivodeystvie korruptsii" (2023) [Review of the Information and Analytical Bulletin "Combating Corruption" (2023)]. In: *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry [Education. Science. Scientific Personnel]*, 2024, 3, 118–120.

Pashentsev D. A., Zaloilo M. V., Truntsevsky Yu.V., et al. *Antikorruptsionnoe pravovoe vospitanie: nauchno-prakticheskoe posobie [Anti-corruption Legal Education: Scientific and Practical Guide]*. Moscow, Prospekt, 2020. 144 p. DOI: 10.31085/9785392314386–2020–144.

Truntsevsky Yu.V., Kurbanov R. A., Tsirin A. M., et al. *Protivodeystvie korruptsii v sfere biznesa: nauchno-prakticheskoe posobie [Combating Corruption in Business: Scientific and Practical Guide]*. Moscow, Yurisprudentsiya, 2020. 256 p.

Sociology and Social Anthropology
Социология и социальная антропология

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1612–1621

EDN: JRZMQC
УДК 39.03

Differentiation of the Modern Ethnographic Field Research of the Religious Life of the Nanai People

Tatiana D. Bulgakova*
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation

Received 04.04.2025, received in revised form 20.05.2025, accepted 27.06.2025

Abstract. Due to the increasing complexity of the social and religious life of modern Nanai people, the conditions of the researcher's field work are changing. The ethnic dimension is becoming less significant for many informants, and factors external to the Nanai culture are increasingly influencing the formation of their worldview. The introduction of some Nanai people to new religions contributes to the fragmentation of the socio-religious structure. Therefore, different informants with different social and religious positions may give contradictory answers to the same questions asked by a researcher in the field, and unjustifiably narrowing the circle of interviewees may provide the researcher with insufficiently representative material and limit his ability to holistically understand the culture under study. Only if one is aware of the discursive boundaries within the society under study can one rely on relevant field material as a reliable basis for subsequent conceptual analysis.

Keywords: shamanism, methodology of field research, Nanai shamanic culture, religious fragmentation of ethnic community.

Research area: Theory and History of Culture.

Citation: Bulgakova T. D. Differentiation of the Modern Ethnographic Field Research of the Religious Life of the Nanai People. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1612–1621. EDN: JRZMQC

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: tbulgakova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3868-0729

Дифференциация современного этнографического поля в исследовании религиозной жизни нанайцев

Т.Д. Булгакова
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. В связи с усложнением социальной и религиозной жизни современных нанайцев меняются условия полевой работы исследователя. Этническое измерение становится для многих информантов менее значимым, и на формирование их мировоззрения все больше оказывают влияние внешние по отношению к нанайской культуре факторы. Приобщение части нанайцев к новым религиям способствует фрагментации социорелигиозной структуры. Поэтому на одни и те же вопросы, задаваемые исследователем в поле, разные информанты, занимающие разные социальные и религиозные позиции, могут давать противоречивые ответы, и неоправданное сужение круга опрашиваемых лиц может давать исследователю недостаточно репрезентативный материал и ограничивать его возможности целостного понимания изучаемой культуры. Только при условии осознания дискурсивных границ внутри изучаемого общества можно рассчитывать на релевантный полевой материал как на надежную основу последующего концептуального анализа.

Ключевые слова: шаманизм, методология полевого исследования, нанайская шаманская культура, религиозная фрагментация этнической общности.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры.

Цитирование: Булгакова Т.Д. Дифференциация современного этнографического поля в исследовании религиозной жизни нанайцев. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1612–1621. EDN: JRZMQC

Введение

Современная культура народов Севера с ее стремительно уходящими в прошлое традициями и постоянно усваивающимися и разделяющими общество новыми культурными и религиозными практиками все более увеличивает запрос на дифференциацию исследователем особенностей мировоззрения каждого из опрашиваемых в поле информантов. Репрезентативность полевого материала напрямую определяется тем, насколько корректно исследователь подходит к выбору респондентов и насколько критично оценивает получаемую от них информацию. Игнорирование мировоззренческой дифференциации изучаемого сообщества приводит к риску неоправданного экстраполирования на большую группу отдельных эксклюзивных суждений и недооценке контекста, определяющего позицию информанта.

Религиозное многообразие в постсоветском моноэтничном социуме

В постсоветский период перехода к открытому внешним религиозным культурным влияниям обществу среди различных моноэтнических групп, не только среди нанайцев, сформировалось разнообразие религиозных предпочтений. Влиянию «удаленных сфер» культуры и усложнению социальной и религиозной жизни сопутствует все большая фрагментация социорелигиозных ролей инди-

видов. «Скорость распространения информации и доступа к ней, а также технологический фактор, сказывающийся на межличностных коммуникациях, как и множество других явлений современности, совокупно способствуют появлению новых граней, новых аспектов возникающих коммуникативных границ» (Tyukhteneva, 2017: 252).

В результате воздействия средств массовой информации, деятельности культурно-развлекательных организаций и активизации религиозного прозелитизма нанайцы разделились на группы с различными религиозными склонностями. Часть их вплоть до середины 1990-х годов продолжала практиковать традиционный шаманизм, часть считала себя атеистами, некоторые обратились в православие, позднее возникли приходы адвентистов, свидетелей Иеговы, пятидесятников, появился неошаманизм. Этнический фактор стал для многих менее значимым. Стали говорить, что «любая вера годится, необязательно шаманизм» и «необязательно нанайская вера» (ПМА: А. А. Оненко), что у духов нет национальности, и что люди разных национальностей обращаются к одним и тем же духам, лишь по-разному их называя. Но среди информантов были и те, кто не одобрял новшеств и защищал приоритет этнического фактора. Они обвиняли обращенных в другие религии в том, что те предали нанайскую веру (шаманизм) в пользу иноэтничной (американской, корейской, русской) веры. Давление на выбравших новую религию доходило до остракизма и приводило к драматическим столкновениям. Обращенная в церковь свидетелей Иеговы нанайка О. Д. Оненко так рассказывает об испытаниях, которые ей пришлось перенести. «Сейчас они (другие нанайцы) привыкли, так не унижают, так не ругаются. А в первые разы что было! Ужас! Меня всю вот так хватали и говорили: “О! Нанайка! Нанайскую веру ты предала! Предательница! Еще раз пройдешь мимо нашего дома, я тебе вот! Покажу!”». «“Предательница, тебя надо уничтожить, убрать!” А я спокойно говорю: “Ты убери руку!” Он хотел за шиворот меня схватить. Я говорю: “Слава, убери руку! И никогда не дотрагивайся!.. Я, говорю, по закону! По российскому закону я недосягаема! Не должны! Никто трогать не должен!” Я говорю: “Каждый человек по закону сам выбирает свое вероисповедание!”» (ПМА: О. Д. Оненко). Желая избежать столь острых конфликтов, некоторые из обращенных в новые религии предпочитали двоеверие и тайком от своих пасторов продолжали выполнять вместе с родственниками нанайские языческие ритуалы. Со стороны обращенных в новые религии также проявлялась враждебность к не обратившимся, и этническая общность все больше дробилась по религиозному признаку. Как отметила отказавшаяся присоединиться к пятидесятникам женщина, «знакомые, которые перешли в секту пятидесятников…, начали отдаляться. Они стараются не общаться с теми, кто не посещает их секту. Некоторые из них хотят, чтобы мы тоже присоединились к ним, и происходит своего рода борьба. Раньше я хорошо общалась со своей подругой. Но теперь она вступила в эту секту и забыла обо мне. Теперь она говорит мне только «привет» и «до свидания», а потом: «Ой, извини, мы так заняты! Нам нужно идти на службу!”» (ПМА).

Исследователю приходится учитывать теперь в полевой работе не только дифференциацию религиозного дискурса, формирующегося в соответствии с положением каждого человека в усложнившейся социорелигиозной структуре, но также закрытость отдельных участников коммуникации, определяемую характером участия их в религиозной деятельности и степенью доступа их к “верной” информации. Соответственно этому «производимые субъектом дискурсные действия могут быть оценены как истинные или ложные, соответствующие или не соответствующие религиозным канонам» (Kozhemyakin, 2010: 32). Более того, различие и противоречивость интересов участников религиозного дискурса может вести их к скрытой конфликтности, и тогда им становится невыгодно разглашать определённые сведения (Bulgakova, 2022). По этой причине они могут использовать двойную идентичность, номинальную и фактическую, использовать декларативные суждения, намеренно искажающие и скрывающие их истинное отношение к обсуждаемой с исследователем теме.

В результате, отвечая на один и тот же вопрос, задаваемый в поле исследователем, разные респонденты могут высказывать принципиально различные суждения. Приведем пример того, как нанайцы отвечают на вопрос о необходимости применения административных мер для поддержки и развития шаманизма. В Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края обсуждалось предложение внести резолюцию о необходимости активной пропаганды шаманизма. На районном уровне обсуждались также конкретные меры по возрождению и распространению шаманской практики, в частности, решался вопрос о приглашении бурятской шаманки с тем, чтобы та проинструктировала нанайцев, желающих стать шаманами, и посвятила бы их в шаманы. Ни на краевом, ни на районном уровне согласие достигнуто не было, резолюция не была принята, и мероприятие с бурятской шаманкой тоже не состоялось. Во время моей полевой работы мы с информантами обсуждали эту ситуацию. Особую позицию занимала инициатор данного предложения Член Общественной палаты Хабаровского края и член рабочей группы Общественной палаты Российской Федерации по международному сотрудничеству коренных народов нанайка Л. В. П. Она так аргументировала целесообразность искусственного стимулирования шаманской практики. «Коренные народы – это такого уровня чистота, скажем, которой сегодня в цивилизации мировой нет… Без них погибнут, потому что душа у мировой цивилизации гнилая стала. Коренные должны землю спасти. Нам нужно институт шаманизма культивировать… только тогда в ноосфере эта ячейка, которая закупоренная, спящая, только тогда она откроется, тогда провайдер пойдет… Потому что та ячейка закрылась между народом, живущим на земле и ноосферой, там, где банк данных. Шамана нет, обряд делать некому, и всё! Связь закрылась, и народ умирает, гибнет! Вот, когда пойдет эта связь… а проводник – это шаман, вот тогда этот банк данных откроется» (ПМА: Л. В. П.). Не исключено, что позиция Л. В. П. обусловлена тем, что она сама является неошаманкой, а использование ею терминологии нью эйдж говорит о влиянии на нее определенных экзогенных факторов, возможно, обусловленных ее высоким положением в обществе. Кроме того, такая позиция в какой-то мере типична для элиты коренных сообществ. Преследуя особые политические цели, лидеры обществ коренных народов провозгласили себя носителями этнического самосознания и провозгласили необходимость возрождения шаманской практики. Что касается простых людей, не шаманов, и особенно тех из них, кто помнил нанайские традиции, они, напротив, решительно отвергали саму возможность искусственной поддержки шаманской практики. Специально обучать шаманству «опасно, это может человека вывихнуть, “умоспятение” будет» (ПМА: К. М. Бельды). «Это будет шарлатанство, только *амбашек* (злых духов) привлекать. Всякая нечисть причалит» (ПМА: Т. Г. Гейкер). «Как сильно это разрушает! Как это корежит человеческие судьбы, психику! Опасное дело!» (ПМА: Л. А. Одзял). Разделилась даже та группа нанайцев, которая оставалась верной атеистическому мировоззрению советского периода. Часть атеистов сочла любой прозелитизм в принципе недопустимым: «Я не хочу, чтобы мне навязывали то или другое (шаманизм или христианство). Отстаньте от людей! Мы атеисты! Ни к кому не приставайте! Захотят сами чего-то, пускай сами как хотят» (ПМА). Другая часть атеистов видела в шаманизме не способ контактирования с духами, а символ нанайской культуры коренных народов и потому поддерживала инициативу административного вмешательства в процесс возрождения шаманских практик.

Такая разноголосица делает современное этнографическое поле, условно говоря, «полифоничным», «многоголосым», и это существенно усложняет как полевую работу этнографа, так и его работу с опубликованными источниками информации. Для того чтобы избежать риска искажений полевой информации, исследователю приходится учитывать возможную обусловленность

сообщаемой информации социальным статусом различных информантов и их религиозной ориентацией. Неоднозначность и полифоническая насыщенность этнографического поля сказывается на понимании интересующих исследователя фактов и на их интерпретации. Поэтому при оценке характера получаемых в ходе полевого исследования данных приходится учитывать дискурсивные границы внутри общества.

Симулякр этнически специфического христианства

Приведем пример того, к каким искажениям может приводить анализ, основанный на обобщении произвольно подобранных сведений, не принимающий во внимание особенности мировоззренческой дифференциации предоставляющих эти сведения респондентов. В вышедшей в 2023 году книге “La disparition trompeuse du chamanisme de l’Amour Interactions culturelles et co-constructions religieuses chez les Nanaï du bassin de l’Amour, Extrême-Orient de la Russie» французский антрополог Анна Даллес Марешал сопоставляет результаты своей полевой работы среди нанайцев (2011–2015) с текстами, записанными ранее в поле другими исследователями, в частности, с вариантами мифа о трех солнцах. Исследовательница приводит к сенсационному выводу о формировании у нанайцев «специфически нанайского христианства» (Dalles Maréchal, 2023: 73), о том, что нанайцы сами «без ведома православных миссионеров… переняли элементы христианства таким образом, чтобы построить собственное христианство, основанное на шаманизме, то есть на эмоциональном восприятии духов, действующих на мир и контактирующих с людьми» (Dalles Maréchal, 2023: 74).

Данное заключение Даллес Марешал основано на анализе 9 версий нанайского мифа о трех солнцах по методу Леви-Стросса, согласно которому миф следует рассматривать как анонимное коллективное произведение, и подлинное его содержание может быть определено по совокупности всех его вариантов. Исследовательница распределила версии (B) по времени их фиксации. Первые три версии (B1 1896, B2 1900, B3 1910) были опубликованы в досоветский период, еще одна версия в 1983 году (B4), четыре в постсоветское время (B5 2003, B6 2003, B7 2006, B8 2006) и одна B9 была записана Анной Даллес Марешал в поле в 2011 году. По сюжету мифа, чтобы избавить людей от жара трех солнц, герой по собственной инициативе убивает два солнца, а затем отправляется в подземный мир к дереву, с ветвей которого берет себе атрибуты шаманского костюма. Исследовательница отмечает, что «от первоначального сюжета повествования отходят» две более поздние, по ее словам, версии: B5 2003 и B8 2006 (Dalles Maréchal, 2023: 36). Отход этот заключается в том, что центральным персонажем мифа становится уже не просто стрелок, но некий заботливый всемогущий дракон, к которому обращаются страждущие от жары люди и который «изображен в качестве главной фигуры, спасающей человечество» (Dalles Maréchal, 2023: 54). Этому персонажу Даллес Марешал уделяет особое внимание и заключает, что дракон, является «безусловным духом-повелителем… кормильцем рыб и защитником нанайцев» и что «такие его характеристики близки тем, которые приписываются христианскому Богу, рассматриваемому как всемогущий и вездесущий» (Dalles Maréchal, 2023: 77). При этом, по утверждению автора, в отличие от иных нанайских духов, в частности наиболее могущественных из них *эндуров*, совмещающих в себе черты как добра, так и зла, дракон для нанайцев – это однозначно добрый дух (Dalles Maréchal, 2023: 72), «дух, покровительствующий и благодетельный» (Dalles Maréchal, 2023: 55). То обстоятельство, что именно дракону (опять же в версиях B5 и B8) отводится центральная роль, автор приписывает контакту с русским православием (Dalles Maréchal, 2023: 73). Упоминая при этом, что ее информанты сами не склонны были сближать дракона и Христа (Dalles Maréchal, 2023: 73), то есть косвенно признавая, что это ее собственное умозаключение, Даллес Марешал ставит тем не менее вопрос о возможности признать дракона брендом христианства коренных народов (Dalles Maréchal, 2023: 72).

К рассуждениям о том, что дракону «можно приписать черты христианского Бога» (Dalles Maréchal, 2023: 78), автор добавляет, что согласно версиям B5 2003 и B8 2006, для спасения людей от жара трех солнц дракон отправляет на землю своих сыновей (Dalles Maréchal, 2023: 78), и ей, как она признается, все это «напоминает христианскую доктрину» (Dalles Maréchal, 2023: 73). Более того, она допускает возможность говорить, в связи с этим еще и о троичной природе героя-спасителя человечества (дракон плюс два духа-близнеца), так как, по ее словам, «троичная природа героя-спасителя аналогична христианской Троице» (Dalles Maréchal, 2023: 73).

Свою концепцию Даллес Марешал аргументирует также при помощи сведений, записанных ею во время полевой работы от православного священника иеромонаха Н., предлагая его интерпретацию версии об этнически специфическом варианте христианства. Частью стратегии Н. было «включение нанайских культурных элементов в православную практику» (Dalles Maréchal, 2019: 436), а одним из наиболее заметных его поступков было изобретение «нанайского креста», в изображении которого, как он сам заявлял, совмещался образ христианского Креста с образом родового древа, вышиваемого на полах свадебного халата невесты (ПМА: Н.)[1]. У свадебного халата, как объясняли мне информанты, есть дух-хозяин *тэтуэ эдени,* который считается драконом (ПМА). Беседы Анны Даллес Марешал с этим священником показали, что он «вполне осведомлен о символических ассоциациях древа нанайских жизней с шаманскими и ритуальными практиками» (Dalles Maréchal, 2019: 436), и это обстоятельство существенно подкрепило ее сенсационную концепцию об этнически специфическом христианстве, основанном на шаманских идеях и практиках.

Между тем масштабное умозаключение автора о существовании христианства без Христа само по себе является оксюмороном и не может быть принято без дополнительного обсуждения. Кроме того, несмотря на то что Даллес Марешал говорит о современной актуализации у нанайцев мифов и обрядов, о том, что нанайцы осваивают их, адаптируют к нынешней ситуации с тем, «чтобы выразить себя в современном мире» (Dalles Maréchal, 2023: 30), мое наблюдение в поле за их настроениями позволяет утверждать, что актуального значения в жизни современных нанайцев миф о трех солнцах не имеет (ПМА).

Симулякр нанайского христианства в фокусе гетерогенного пространства этнографического поля

Концепция специфического нанайского христианства основывается на представлении автора этой концепции о сохраняющейся до сих пор актуальности мифа о трех солнцах. Но единичные, полученные, например, от одного информанта сведения рискованно переносить на весь социум. Опрос представителей разных социальных групп в современном нанайском селе позволяет заключить, что современным нанайцам миф о трех солнцах знаком им лишь из книг, что фольклорное бытование его давно прекращено, и что, несмотря на усилия школьного образования, его нельзя назвать не только сколько-нибудь востребованным, но даже и достаточно известным (ПМА). Косвенным подтверждением этому служит то, что за время своей полевой работы (2011–2015) Даллес Марешал записала только один вариант этого мифа (2011).

Что касается роли дракона, которому в концепции этнически специфического христианства придается исследовательницей основополагающее значение, центральным персонажем он не является ни в традиционной, ни и современной бытовой религиозной практике нанайцев[2]. На вершине иерархии духов находятся не драконы (по-нанайски – *мудур),* а *эндуры*. Не драко-

[1] Изображение данного креста иллюстрирует обложку Евангелия от Луки с переводом на нанайский язык, изданную в 2012 году Институтом перевода Библии.

[2] Лучший современный знаток нанайского пантеона в своей статье о персонажах мифа о трех солнцах, перечисляя множество наименований персонажей, встречающихся в разных его версиях, дракона ни разу не упоминает (Сем 1993).

ны считаются самыми могущественными, и если возникает какая-либо неотложная тяжелая ситуация, простые нанайцы, не шаманы обращаются с просьбами не к *мудуру*, но к одному из *эндуров* или к духу-предку *Сагди Ама* (ПМА). Кроме того, *мудур* – это не единичный дух. Существует, по мнению шаманистов, множество драконов-*мудуров*, аффилированных с разными территориями (*эдены* духи хозяева территорий) или с отдельными лицами (*сэвэны* духи помощники определенных индивидов) (Smolyak, 1991: 14, 97, 199, 221, 238; ПМА).

Мудур также не является «однозначно добрым духом». Амбивалентны, способны как помогать человеку, так и причинять ему зло все духи, к которым обращаются нанайские шаманисты[3], и *мудуры* не составляют исключения. Так, существует множество изображений *мудуров*, но изображать *мудура,* если не видел его ранее во сне, считается опасным. «Если дракона делаешь (вышиваешь его, несмотря на то, что ты его не увидел (во сне), а ты делаешь, то плохо тебе будет! *Мудура* лишний раз беспокоить нельзя! Вот они (люди) говорят: “У. Г. отчего умерла? Заболела и умерла”. Потому что она дракона этого вышивала, рисовала, хотя она его не видела во сне» (ПМА: Л. Г. Бельды).

В контексте множественности и многоликости религиозного, культурного и социального бытия, идеологической «полифонии» современного жизненного пространства одни и те же вопросы понимаются разными информантами по-разному, что делает необходимым принимать во внимание степень распространенности тех или иных представлений и учитывать обусловленность высказываемых респондентами мнений их мировоззренческими установками. Если теория Анны Даллес Марешал строится, как она сама признается, всего на двух версиях (B5 и B8), имеет смысл выяснить, насколько эти версии репрезентативны и каковы мировоззренческие особенности сообщавших их респондентов. Если бы высказываемые этими респондентами интерпретации совпадали с интерпретациями других лиц, это давало бы исследователю возможность экстраполировать высказываемую ими информацию на большую общность современных нанайцев и тем самым обеспечивать надежную основу для глобальных выводов. Но эти интерпретации не совпадают.

Один из вопросов к исследовательнице заключается в том, почему наиболее поздними и одновременно основными для ее концепции она называет B5 (2003) и B8 (2007), и при этом не разбирает еще более поздние версии B7 (2006) и B9 (2011). Дело, по-видимому, в том, что версии B7 и B9 воспроизводят традиционный вариант мифа без тех новшеств, которые дают возможность Даллес Марешал говорить о специфическом христианстве. Опубликовавшая версию B7 нанайка Н. А. Бельды является культурологом, закончившим магистратуру в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, а информантом, рассказавшем Даллес Марешал единственную записанную ею в поле версию B9, стала Р. А. Бельды, публикующаяся независимая исследовательница нанайской культуры. Как Н. А. Бельды, так и Р. А. Бельды ориентировались в своих публикациях на научный подход и на максимально точное воспроизведение известного им текста, известного как напрямую от предков, так и из публикаций.

Иначе обстоит дело с версиями B5 и B8. Автор версии 5 (2003) Е. Д. Самар – нанайка, медик, автор двух ненаучных книг, пишущая о нанайской культуре в свободном художественном стиле. Книги Е. Д. Самар интересны как вдохновленная шаманской культурой художественная литература, но на научную точность они не претендуют. Как выражаются мои информанты, в них «все напридумано. Она может сама придумать. (То, что) в книге

[3] Даллес Марешал приписывает мне мнение, что *эндуры* в основном благотворны, и ссылается на мою публикацию 2013 года, к сожалению, без указания страниц (Dalles Maréchal, 2023: 35–36). Пользуюсь случаем заявить, что это недоразумение, что я так никогда не считала, так как стремлюсь отражать в своих публикациях мнение шаманистов, хоть и ожидающих помощи от *эндуров*, но считающих, что понапрасну беспокоить их смертельно опасно.

она написала, все напридумано. Хотя она говорит, что предки рассказали. Но такое не могли рассказать! Не верю я!» (ПМА: Л. Г. Бельды). Для того чтобы понять некоторые особенности творческого метода Е. Д. Самар, состоящего в предпочтении ею поэтической и порой псевдонаучной манеры повествования, достаточно привести некоторые цитаты из изложенного ею того же мифа о трех солнцах. После устранения лишних солнц герой находит древо с шаманскими принадлежностями, как пишет Е. Д. Самар, Гуранта (имя стрелка) «шел и увидел огромное дерево… пришел к мировому древу жизни… кора его – кожа лягушек, весь ствол Древа наполнен водой-молекулами-лягушками» (Samar, 2003: 76). «Шаманы рода, воспевая Мировое Древо Жизни, скорее всего, имели в виду великую вертикаль с нанизанными (гравитационными силами Космоса) галактиками. Где-то они располагали еще восемь земных планет, которыми управляют восемь остальных Драконов из Шестой Малой Небесной Сферы» (Samar, 2003: 89). Введение нового персонажа дракона, к которому люди обращаются за помощью, а также отправление драконом стрелков духов-близнецов *адо* – это новая деталь, не встречавшаяся в предыдущих версиях. Уточним, что в версии B5 дракон не сам устраняет лишние солнца, а посылает *адо* духов-близнецов, видимо, потому, что, согласно представлениям шаманистов, вышестоящие в иерархии духи предпочитают не делать какую-то работу сами, но отправлять с поручениями нижестоящих духов-слуг, каковыми и являются в данном случае *адо*. Подчеркнем, что *адо* – это духи, а не люди.

Единственной версией, в которой *адо* называются людьми, является версия B8. Автор этой версии Е. В. Глебова, русская, в период, когда она публиковала текст мифа о трех солнцах, была журналистской, не претендовавшей на точное изложение текста мифа. Свою позицию она описывает так: «я побывала в древнем селе Кондон, возникло реальное ощущение, что ты оказался внутри древнего мифа о Драконе… захотелось пересказать услышанное простым и лаконичным языком и соединить слово с художественным образом» (Glebova, 2006). Поэтический стиль изложения проявляется в ее версии еще более ярко, чем в версии Е. Д. Самар. Глебова добавляет в текст мифа некоторые детали, которые способствовали в дальнейшем усилению концепции Даллес Марешал, а именно: Глебова придает близнецам *адо* человеческий облик (по ее версии, духи *адо* – это «красивые, сильные и храбрые юноши») и одновременно возвышает их до уровня богов («с той поры сыновья-близнецы дракона Кайласу сами стали богами. И называли их уже не иначе как *Адо-сэвэни*» (Glebova, 2006). Напомним, что *сэвэны* – это более низкий по сравнению с *эндурами* разряд духов.

Что касается иеромонаха Н., говорившего о возможности включения в православную практику нанайских культурных элементов, данный священник в 2018 году покинул церковь, и, следовательно, мнение его на деятельность всей церкви распространяться не может. С 2011 по 2018 год он был руководителем учрежденной по его инициативе комиссии по работе с коренными народами региона, в которой он был единственным членом. Его эксперимент с нанайским крестом вместо того, чтобы привлечь нанайцев к православию, вызвал у многих из них протест. Вот некоторые высказывания моих информантов. «Его (Н.) за это отлучат от православной церкви, и он станет язычником» (ПМА: Л. В. Пассар). «В этот крест пристанет только *амбан* (злой дух). Туда только *амбан* может воплотиться в такой крест, и тогда (этого духа) выгонять потом придется… Те, кто соприкасаются с такой штукой, быстро умирают. В такой крест… плохие духи воплощаются. Хорошее не пойдет туда, одно только плохое… Хорошие *дяка* (духи) не идут к тем людям, которые так делают» (ПМА: О. Е. Киле). Некоторые неравнодушные к вопросам религии нанайцы отнеслись к эксперименту с нанайским крестом даже со страхом. Они утверждали, что этого не простят нанайские шаманские духи, и что «христианский Бог тоже вряд ли это простит. Тоже не простит! Это-

го нельзя делать!» (ПМА: З. Н. Бельды). «Это абсолютно неправильно! Это изуродование верования! И христианского, и нанайского!.. Это унижение и оскорбление нашего (шаманского) верования!» (ПМА: К. М. Бельды). «Понятие Креста (нами) с детства впитывается, и отдельно придумывать нанайский крест не стоит! Есть Крест общий для всей планеты» (ПМА: Л. А. Одзял). В эксперименте с нанайским крестом наши информанты видели также некую манипуляцию, незаконную попытку привлечения нанайцев к православной церкви. «Он (иеромонах Н.) пытается втиснуть (этнический элемент), маленько сманипулировать… Мне это не нравится! Это уже неискренность, фальшь! Если хочешь что-то сказать, так говори напрямую!» (ПМА: Л. А. Одзял). «Не надо всех этих заигрываний! Пускай нанайское останется нанайским, а христианское христианским» (ПМА: Л. А. Одзял).

Следует обратить внимание на подбор информантов, давших использованные для формирования концепции этнического христианства сведения. Это нанайка, пишущая о нанайской культуре в свободном художественном стиле, русская журналистка, единственный бывший православный священник, чье мнение разнится с мнением других священников, и тоже не нанаец, а также нарисовавший нанайский крест русский художник. Таким образом, новый «нанайский вариант христианства» без Христа был создан преимущественно не нанайцами и помимо них.

Возвращаясь к анализу Анной Даллес Марешал нанайского мифа, следует сказать, что отсутствие учета особенностей аффилиации его версий и контекста диверсификационного, многоголосого пространства этнографического поля, а также преувеличение современного значения этого мало востребованного сейчас мифа позволяет ей интерпретировать его как способ коммуникации, которым нанайцы «овладевают, чтобы выразить себя в современном мире» (Dalles Maréchal, 2023: 30) и посредством которого они рассказывают миру об их взаимодействии с доминирующими культурами (Dalles Maréchal, 2023: 37).

Заключение

Недооценка необходимости ранжирования информации, полученной от информантов с разным мировоззрением и различными социальными позициями, открывает для исследователя рискованную перспективу вольных авторских интерпретаций и может приводить к выводам, не соответствующим реальной картине мира исследуемого социума. Игнорирование противоречивости «голосов» современного этнографического поля в первую очередь ограничивает возможность различения внедряющихся в них экзогенных социорелигиозных факторов. И тогда за аутентичные могут быть приняты те культурные и религиозные практики, которые формируются за пределами нанайского этноса и которые не охватывают все общество, но прививаются отдельным его представителям, в первую очередь художникам, поэтам, сотрудникам культурно-развлекательных учреждений, административным работникам. Вне внимания исследователя может оказаться противоречие интересов этнической интеллигенции и простых людей (Bulgakova, 2022). Смешений исследователем «голосов» разных информантов, ошибочное представление о предполагаемом их консенсусе ведет к приписыванию высказываний одного представителя одной из групп другой группе и в некоторых случаях может становиться средством инструментализации и концептуализации этнографами определенного политического заказа, ориентации на поиск в полевом материале «доказательств» правомерности какого-либо заранее избранного постулата.

Список литературы / References

Bulgakova T. D. *Shamanskiye voyny. Sotsioreligioznyye faktory konfliktnosti v mentalitete nanaytsev [Shamanic wars. Socioreligious factors of conflict in the mentality of the Nanai people].* Sankt-Petersburg, Akademiya Issledovaniya Kultury, 2022, 232 p.

Glebova YE. V. Vremya mudrogo Drakona [The Time of the Wise Dragon]. In: *Slovesnitsa iskusstv. Dalniy Vostok v prostranstve Mifa i Legendy [Wordsmith of Arts. The Far East in the space of Myth and Legend].* 2006, 2 (18). 2011. Available at: https://www.slovoart.ru/node/1665 February 2025.

Kozhemyakin YE.A. Religioznym diskurs: metodologiya issledovaniya [Religious discourse: research methodology]. In: *Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [The Philosophy series. Sociology. Right].* 2010, 2 (97) 15, 32–47.

Samar YE. D. *Pod senyu rodovogo dreva. Zapiski ob etnokulture i vozzreniyakh gerinskikh nanaytsev roda Samande-Mokha-Moŋgol /roda Samar/: legendy, predaniya, svyashchennyye mesta, svyashchennyye obyekty, seveny i amulety gerinskogo etnosa nanaytsev [Under the shadow of the family tree. Notes on the ethnic culture and views of the Garin Nanai people of the Samande-Mokha-Mongol clan /Samar clan/: legends, sacred places, sacred objects, sevens and amulets of the Garin ethnic group of Nanai].* Khabarovsk: Khabarovskoye knizhnoye izdatelstvo, 2003. 212 p.

Sem T. Yu. Personazhi mifa o pervoy smerti u tungusoyazychnykh narodov Priamurya i Primorya [Characters in the myth of the first death among the Tungusic-speaking peoples of the Amur Region and Primorye]. In: *Traditsionnyye verovaniya v sovremennoy kulture etnosov [Traditional beliefs in the modern culture of ethnic groups].* Sankt-Peteburg, Rossiyskiy etnograficheskiy muzey. 1993, 167–184.

Tyukhteneva S. P. Chto skryvayet skotovod ot etnografa. K voprosu o kommunikativnykh granitsakh v pole [What the cattle breeder hides from the ethnographer. On the issue of communicative boundaries in the field]. In: *Pole kak zhizn: K 60-letiyu Severnoy ekspeditsii IEA RAN [Field as life: on the 60th anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS].* Moskva, Sankt-Peteburg: Nestor Istoriya, 2017, 251–258.

Bulgakova T. Social pressure in the choice of individual religious practice. In: *Sibirica*. 2016, 15 (3), 64–82.

Dalles Maréchal, A. *Entre chamanisme, broderies et christianismes: (re)création d'identité chez les Nanaïs dans le bassin de l'Amour, Sibérie Extrême-Orientale.* These de doctorat. L' universite PSL. Paris, 2019. 636 p.

Dalles Maréchal, A. *La disparition trompeuse du chamanisme de l'Amour Interactions culturelles et co-constructions religieuses chez les Nanaï du bassin de l'Amour, Extrême-Orient de la Russie.* Paris: Société des Études mongoles et sibériennes, 2023. 293 p.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1622–1632

EDN: KCGUIA
УДК 314.01

Demographic Security Indicators of the Eurasian Economic Union

Olga A. Volkova, Tatyana N. Yudina and Victoria Yu. Ledeneva*
Institute for Demographic Research of the FRSC RAS
Moscow, Russian Federation

Received 29.03.2025, received in revised form 30.04.2025, accepted 27.06.2025

Abstract. The article examines the system of demographic security indicators of the Eurasian Economic Union. The purpose of the work is to determine the indicators of demographic security of the EAEU and substantiate their maximum critical values. The article uses a set of methods of comparative analysis, calculation of indicators, direct ranking, as well as statistical data of the EAEU 2015–2024. The authors identified the indicators of demographic security of the EAEU and their extremely critical values, determined the stability of the total permanent population and its dynamics in the EAEU countries. The results of the study can be used in the activities of the EAEU Departments for annual calculations of demographic security indicators. Conclusions are drawn about the need to use extremely critical values of quantitative and qualitative indicators of demographic security for the implementation of strategic goals of socio-economic development of the EAEU countries.

Keywords: demographic security, demographic security indicators, critical limits, Eurasian Economic Union.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Demography, Demographic Security.

Citation: Volkova O. A., Yudina T. N., Ledeneva V. Yu. Demographic Security Indicators of the Eurasian Economic Union. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1622–1632. EDN: KCGUIA

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: vy.ledeneva@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5325-0730 (Volkova); 0000-0001-7785-8601 (Yudina); 0000-0002-9478-2917 (Ledeneva)

Показатели демографической безопасности Евразийского экономического союза

О.А. Волкова, Т.Н. Юдина, В.Ю. Леденева
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Российская Федерация, Москва

Аннотация. В статье исследуется система показателей демографической безопасности Евразийского экономического союза. Цель работы заключается в определении показателей демографической безопасности ЕАЭС и обосновании их предельно-критических значений. В статье применен комплекс методов компаративного анализа, расчета показателей, прямого ранжирования, а также данные статистики ЕАЭС 2015–2024 гг. Авторы выделили показатели демографической безопасности ЕАЭС и их предельно-критические значения, определили устойчивость общей численности постоянного населения и ее динамики в странах ЕАЭС. Результаты исследования могут использоваться в деятельности Департаментов ЕАЭС для ежегодных расчетов показателей демографической безопасности. Сделаны выводы о необходимости использования предельно-критических значений количественных и качественных показателей демографической безопасности для реализации стратегических целей социально-экономического развития стран ЕАЭС.

Ключевые слова: демографическая безопасность, показатели демографической безопасности, предельно-критические значения, Евразийский экономический союз.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.3. Демография.

Цитирование: Волкова О. А., Юдина Т. Н., Леденева В. Ю. Показатели демографической безопасности Евразийского экономического союза. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1622–1632. EDN: KCGUIA

Введение
в проблему исследования

В 2024 г. исполнилось 10 лет функционированию Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что позволило подвести промежуточные социально-экономические и социально-интеграционные результаты его функционирования и наметить пути дальнейшего развития, начиная с 2025 г. (Integration processes in the EAEU, 2025). В последнее десятилетие актуализировались вопросы демографической безопасности как специфической области научных исследований. Все чаще встречаются теоретические и эмпирические разработки, в которых видна эволюция демографической составляющей в контексте общей безопасности. Различные аспекты исследования проблематики в области демографии и безопасности находятся в постоянном взаимодействии, что определяет значимость взаимозависимости между данными понятиями.

В данном исследовании рассматриваются особенности демографической безопасности ЕАЭС как единого интеграционного образования и государств-участников. В соответствии с выполнением исследовательской задачи был проведен анализ показателей демографической безопасности для того, чтобы выделить среди них наиболее важные для определения демографической безопасности ЕАЭС. Важным в определении демографической безопасности явля-

ется не только определение показателей, но и установление предельно-критических значений, которые показывали бы ту грань, которая обрамляет демографическую безопасность.

Исследователи указывают на неблагоприятную картину в области демографической безопасности в мире в целом. Страны ЕАЭС также включены в общемировые процессы и испытывают на себе проблемы демографической безопасности. Это демографическое старение, депопуляция, различия в росте количества жителей в развитых и развивающихся странах, активные миграционные движения населения через государственные границы и прочее (Weiner, Russell, 2001).

Поскольку эти тенденции складывались постепенно, на протяжении десятилетий, то можно предположить, что вопросы демографической безопасности не будут решены быстро и максимально эффективно. Для принятия своевременных и результативных мер на национальном и союзном уровнях следует проводить глубокий научный анализ, который требует определения предельно-критических значений показателей демографической безопасности ЕАЭС.

В последнее время акцент исследовательских вопросов ставится не только на численности населения, но и на ее фактическом и потенциальном влиянии на выживание человечества и на социально-экономическое развитие, поскольку демографические процессы не являются автономными, а наряду с экономическими влияют на технологические, социальные, политические и экологические особенности социального развития (Zivic, 1999). Для принятия эффективных управленческих решений руководству государств-участников ЕАЭС важно знать предельно-критические значения показателей демографической безопасности ЕАЭС.

В соответствии со сказанным выше цель исследования: определить показатели демографической безопасности Евразийского экономического союза и обосновать их предельно-критические значения.

Методы и методология исследования

В качестве теоретико-категориальной основы исследования использовано универсальное понимание демографической безопасности, которая трактуется как «функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса» (Rybakovsky, 2003). В частности, демографическая безопасность ЕАЭС представляет собой «состояние защищенности его социально–экономического развития, обеспечивающего сохранение геополитического, экономического, этнического статуса каждого государства–члена и Союза, их целостности, независимости, суверенитета при сохранении существующего геополитического статуса» (Osadchaya, 2021: 109).

При проведенных расчетах учтено, что предельно-критическое значение показателя – это значение, «выход за границы которого свидетельствует о возникновении угрозы функционированию экономики и жизнедеятельности общества вследствие нарушения нормального течения отражаемых этим показателем процессов» (Glazyev, 2012: 24). В данном исследовании предельно критическое значение определяется (1) числом (количеством, процентом, коэффициентом), (2) интервалом, определяющим две границы – нижнюю и верхнюю (в особенности это важно при анализе ситуации демографической безопасности в странах-участницах, поскольку, например, для Беларуси и России повышение общей численности населения в настоящее время и в ближайшем будущем является желательным, а для Казахстана и Кыргызстана – наоборот), (3) соответствием стратегическим задачам социально-экономического развития на уровне страны-участницы или ЕАЭС в целом.

При произведенных расчетах обосновано, что (1) при растущем показателе (коэффициента жизнеспособности населения) учитывается превышение предельно-

критического показателя, (2) при падающем показателе (числа постоянного населения) – опускание за нижнюю границу. Речь идет о выходе из зоны демографической безопасности.

Для достижения поставленной цели исследования был использован комплекс методов: компаративного анализа, дескриптивной статистики, прямого ранжирования, расчета показателей (общей численности населения, коэффициента жизненности населения, Покровского–Пирла; ожидаемой продолжительности жизни при рождении; коэффициента эффективности миграции). В качестве информационной основы исследования выступили данные официальной статистики ЕАЭС: статистические сборники 2015–2024 гг. и методические рекомендации по расчету показателей (Demography in figures, 2019, 2023; Statistical yearbook, 2024). Все анализируемые статистические данные представлены на начало календарного года.

Результаты и их обсуждение

Численность постоянного населения ЕАЭС

При определении основных показателей демографической безопасности необходимо учитывать важность сохранения численности населения. Для соответствия стратегическим целям развития региона, страны или надгосударственного интеграционного образования необходимо, чтобы общая численность не уменьшалась, а как минимум сохранялась.

Стабильность численности населения и ее позитивная динамика способствуют росту производства, расширению рынка, стимулированию инвестиций, улучшению благосостояния. В то же время уменьшение численности населения создает проблемы с трудовыми ресурсами, ослаблением потребительского спроса. Численность населения ЕАЭС влияет на формирование демографической базы Союза, определяя его потенциал для всестороннего развития, конкурентоспособность на мировой арене и устойчивость к внешним вызовам и изменениям.

Численность постоянного населения включает в себя людей, проживающих в регионе на постоянной основе, и является основой для расчета различных демографических показателей, таких как жизнеспособность, продолжительность жизни, миграция и т.д. Изменения в численности постоянного населения могут свидетельствовать о демографических проблемах либо же успехах в регионе. Например, рост численности населения может свидетельствовать о развитии социальной и культурной сферы, экономики и здравоохранения, а снижение численности может указывать на проблемы в этих областях. При этом важно учитывать демографическую специфику государств-участников.

В целом анализ численности постоянного населения позволяет оценить демографическую ситуацию в регионе, выявлять общие и локальные проблемные моменты и ресурсные возможности, разрабатывать соответствующие стратегии для обеспечения демографической безопасности и устойчивого развития ЕАЭС. При этом оптимальное количество населения для развития межнационального интеграционного образования может различаться в зависимости от конкретных обстоятельств, которые имеются в каждой стране (Demography in figures, 2019, 2023; Statistical yearbook, 2024) (табл. 1).

Итак, общая численность постоянного населения стран ЕАЭС и ее динамика позволяют сделать предварительный вывод об относительной устойчивости. Средняя математическая устойчивость обеспечивается тем, что показатели стран сильно различаются, но в целом демонстрируют позитивную картину. То есть если рассматривать ситуацию в странах-членах, то видно, что Казахстан и Кыргызстан характеризуются положительной динамикой, а Беларусь и Россия – отрицательной. В целом важно, чтобы численность соответствовала стратегическим целям развития региона.

Коэффициент жизненности населения ЕАЭС

Одним из основных показателей демографической безопасности в Союзе является коэффициент жизненности населения

Таблица 1. Численность постоянного населения стран ЕАЭС, на начало года (тыс. чел.)
Table 1. The number of permanent population of the EAEU countries, at the beginning of the year (thousands people)

Год	**ЕАЭС**	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2015	**182069,5**	3010,6	9480,9	17415,7	5895,1	146267,3
2016	**182731,1**	2998,6	9498,4	17669,9	6019,5	146544,7
2017	**183353,6**	2986,2	9504,7	17918,2	6140,2	146804,4
2018	**183715,5**	2972,7	9448,3	18157,3	6256,7	146880,4
2019	**185147,6**	2965,3	9429,3	18395,6	6516,8	147840,7
2020	**185624,6**	2959,7	9410,3	18631,8	6663,6	147959,3
2021	**185437,8**	2963,3	9349,6	18879,6	6789,6	147455,7
2022	**185612,9**	2961,4	9255,5	19503,2	6912,8	146980,1
2023	**185429,6**	2977,1	9200,6	19766,8	7037,6	146447,4
2024	**185493,7**	2991,2	9156,0	20033,8	7161,9	146150,8

(Покровского–Пирла), отражающий соотношение между числом рожденных и умерших людей в определенном регионе за определенный период времени. Коэффициент показывает «соотношение между рождаемостью и смертностью и характеризует воспроизводство населения» (Demography in figures, 2019, 2023; Statistical yearbook, 2024). Этот коэффициент позволяет оценить динамику естественного прироста населения.

Высокий коэффициент жизненности в ЕАЭС свидетельствует о том, что в регионе больше рождений, чем смертей, что может говорить о благополучной демографической ситуации, стабильности и развитии общества. И, напротив, низкий коэффициент жизненности указывает на проблемы в демографической сфере, такие как высокая смертность, низкая рождаемость или даже сверхвысокий отток жителей из региона. Коэффициент жизненности населения отражает основные тенденции в динамике населения и позволяет выявить проблемные моменты, которые могут потенциально способствовать преодолению предельно-критических значений и выходу из зоны демографической безопасности. Но для государств-участников здесь есть своя специфика, определяемая соответствием стратегическим целям национального развития.

Исходя из названных выше аспектов, предельно-критическое значение коэффициента жизненности в ЕАЭС следует определить таким образом, чтобы обеспечить стабильное и устойчивое развитие экономики, здравоохранения, социального обслуживания, благосостояния жителей. Коэффициент жизненности населения характеризуется особенностями динамики в ЕАЭС и в государствах-участниках (Demography in figures, 2019, 2023; Statistical yearbook, 2024) (табл. 2).

Как видно, предельно-критическое значение определяется относительно, в зависимости от удаленности от 100: тогда коэффициент жизненности должен быть равен или больше 100 %. Наибольшие числовые значения характерны для Казахстана и Кыргызстана, наименьшие – для Беларуси и России.

Ожидаемая продолжительность жизни

Показателем демографической безопасности ЕАЭС является ожидаемая продолжительность жизни – «число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в данный период» (Demography in figures, 2019,

Таблица 2. Коэффициент жизненности населения,%
Table 2. Population vitality rate

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ЕАЭС	**224,6**	**224,0**	**198,9**	**226,3**	**223,2**	-	-	-	-
Армения	149,8	143,8	138.8	142,0	137,6	100,5	106,5	136,3	150,5
Беларусь	99,2	99,9	92,6	78,3	72,7	-	-	-	-
Казахстан	302,9	305,3	302,6	304,9	302,2	264,6	244,8	302,5	297,2
Кыргызстан	469,6	472,5	463,2	518,8	521,1	395,5	386,3	478,4	463,4
Россия	101,7	98,7	86,0	87,7	82,4	67,2	57,3	68,7	71,7

Примечание: в статсборниках отсутствуют данные по ЕАЭС за 2024 г.; по Беларуси некоторые данные не предоставлены.

2023; Statistical yearbook, 2024). Показатель отражает общее состояние благополучия и здоровья населения. Так, высокая ожидаемая продолжительность жизни указывает на хорошее качество медицинской и социальной помощи, доступность услуг здравоохранения и социальной защиты граждан, возможность гражданам стран ЕАЭС вести здоровый образ жизни и получать своевременное лечение и социальное обеспечение.

Кроме того, «высокий уровень образования и культуры обычно напрямую коррелирует с более высокой продолжительностью жизни, поскольку образованные и информированные люди более осознанно подходят к вопросам сохранения здоровья» (Kanev et al., 2023). Показатель позволяет оценить смертность населения от различных причин, а также способность к саморегуляции и обеспечению здорового старения.

Ожидаемая продолжительность жизни отражает среднее значение по ЕАЭС (Eurasian Economic Union in figures, 2016; Demography in figures, 2019, 2023; Statistical yearbook, 2024) (табл. 3).

Так, можно сделать вывод, что в целом показатель является невысоким, причем очевидно, что в годы распространения пандемии он заметно снизился, но затем снова начал подниматься.

Коэффициент эффективности внешней миграции в ЕАЭС

Одним из ключевых показателей демографической безопасности ЕАЭС является коэффициент эффективности внешней миграции – «удельный вес миграционного прироста (убыли) в миграционном обороте населения. Миграционный оборот (валовая миграция, брутто-миграция) показыва-

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни, число лет
Table 3. Life expectancy, number of years

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ЕАЭС	**72,8**	**72,8**	**73,3**	**73,6**	**73,8**	-	-	-	-
Армения	73,5	75,0	75,4	75,90	76,5	73,5	72,4	75,1	77,7
Беларусь	73,9	74.1	74,4	74,46	74,5	-	-	-	-
Казахстан	73,5	72,4	72,9	73,15	73,2	71,4	70,2	74,4	75,1
Кыргызстан	71,7	70,9	71,1	71,34	71,5	71,7	71,8	71,9	72,0
Россия	71,5	71,9	72,7	72,91	73,3	71,5	70,1	72,7	73,4

Примечание: в статсборниках отсутствуют данные по ЕАЭС за 2024 г.; по Беларуси некоторые данные не предоставлены.

ет общее число мигрирующего населения и рассчитывается как сумма прибывших и выбывших мигрантов». При этом мы рассматриваем миграционное взаимодействие ЕАЭС как целостной миграционной системы с внешними для данной системы странами. Положительный коэффициент указывает на то, что больше людей приезжает в страны ЕАЭС, чем уезжает. Таким образом, подтверждается привлекательность стран ЕАЭС для проживания, работы, роста благосостояния и саморазвития. Увеличивается численность населения, обогащается культурное и социальное разнообразие, усиливается социально-экономический потенциал региона.

Однако есть и некоторые отрицательные моменты (конфликты, мигрантофобия), которые появляются при преодолении предельно-критических значений и выходе из зоны демографической безопасности. Коэффициент эффективности внешней миграции может отражать демографическую структуру населения ЕАЭС, а приток молодых и высококвалифицированных мигрантов может улучшить демографический баланс и смягчить негативные последствия демографического старения населения (что особенно актуально и желательно для Беларуси и России).

Коэффициент эффективности внешней миграции отражает интеграцию ЕАЭС как региона в глобальную систему обмена трудовыми ресурсами, финансами, идеями. Желательные для региона миграционные потоки могут способствовать трансферу знаний, опыта и технологий, инновационному развитию и повышению конкурентоспособности ЕАЭС.

Однако следует соблюдать демографический баланс: коэффициент эффективности внешней миграции должен быть таким, чтобы обеспечить устойчивость демографического состава населения ЕАЭС как региона, так и каждой из стран-членов ЕАЭС отдельно. Это означает, что количество прибывших и убывших должно быть сбалансировано, чтобы не создавать перекосов в возрастной, половой, профессионально-квалификационной структуре населения Союза и каждой из его стран-членов.

Пороговое значение коэффициента внешней эффективности миграции должно быть таким, чтобы обеспечить равновесие между предложением и спросом на рабочую силу, а также минимизировать негативные социально-экономические и социально-культурные последствия внешней миграции. При этом пороговое значение коэффициента эффективности внешней миграции должно учитывать сохранение культурного разнообразия, обеспечение социальной интеграции мигрантов и защиту прав коренного населения.

Значение этого коэффициента может быть определено на основе комплексного анализа демографических, экономических и социокультурных данных ЕАЭС и стран-членов (Demography in figures, 2019, 2023; Statistical yearbook, 2024) (табл. 4).

Как видно, коэффициент эффективности внешней миграции для всех стран ЕАЭС является положительным, что гово-

Таблица 4. Коэффициент эффективности внешней миграции
Table 4. The efficiency coefficient of external migration

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ЕАЭС	26,18	31,64	20,26	11,81	26,21	-	-	-	-
Армения	-16,9	8,9	12,4	60,4	64,3	51,4	48,9	33,4	91,6
Беларусь	60,7	31,5	15,9	33,0	29,2	-	-	-	-
Казахстан	45,8	38,5	40,3	33,8	26,2	33,1	27,6	42,1	52,1
Кыргызстан	52,9	43,0	24,1	0,2	-14,6	28,5	54,4	66,0	73,0
Россия	24,6	31,3	19,7	9,7	25,2	13,8	46,1	52,7	11,6

Примечание: в статистических сборниках Евразийской экономической комиссии отсутствуют данные по Беларуси с 2020 года.

рит о привлекательности ЕАЭС как региона. При этом ситуация по каждой стране отличается. Так, коэффициент эффективности внешней миграции в последние 3 года стабильно являлся высоком для Кыргызстана, а в 2023 год резко возрос в Армении и резко уменьшился в России.

Предельно-критические значения демографической безопасности ЕАЭС

На основе комплексного анализа определим предельно-критические значения показателей демографической безопасности ЕАЭС как международного интеграционного образования (табл. 5).

При попытке определения предельно-критических значений следует учитывать, что для соответствия стратегическим целям развития региона страны или надгосударственного интеграционного образования необходимо, чтобы коэффициент жизненности населения не уменьшался.

Средняя фактическая продолжительность жизни в среднем в мире составляет 71,6, в том числе самый высокий в Гонконге – 85,5 (Average life expectancy www). Предельно-критическое значение ожидаемой продолжительности жизни для ЕАЭС «основывается на значениях этого показателя для развитых стран мира» (Krivorot, 2019). Данный показатель характеризуем, исходя из анализа средних значений по миру (World Population Prospects, www) и представлений о возможностях здорового старения (UN Decade of Healthy Ageing, www) и ориентируясь на расчеты ученых, ведущих исследования в области евразийского развития (Glazyev, 2012, p.27). И важно, чтобы ожидаемая продолжительность жизни не была значительно выше фактической.

Обсуждение полученных результатов

Анализ демографической безопасности на уровне ЕАЭС и государств-участников

Таблица 5. Предельно-критические значения показателей демографической безопасности ЕАЭС
Table 5. Limit and critical values of demographic security indicators of the EAEU

Показатели	Критическое значение	Обоснование
Численность постоянного населения	Естественный прирост населения – не ниже 0 %; отсутствие депопуляции на протяжении не менее пяти лет	Исходя из того, что численность постоянного населения должна сохраняться (не убывать), но соответствовать стратегическим целям развития региона (Ryazantsev, 2021)
Коэффициент жизненности населения	Коэффициент – не ниже 100 % на протяжении не менее пяти лет (рождаемость стремится к простому воспроизводству населения в регионе; отсутствуют «выбросы» (Ryazantsev, 2021) преждевременной смертности в детском и трудоспособном возрастах; население сохраняется не за счет замещающей миграции)	Исходя из идеи о сохранении численности населения, способного обеспечить стабильное и устойчивое развитие экономики, здравоохранения, социального обслуживания, благосостояния жителей. Если коэффициент меньше 100 %, численность снижается, если выше 100 % – растет (Statistical yearbook, 2023)
Ожидаемая продолжительность жизни	Продолжительность – не ниже 71,6 года на протяжении не менее пяти лет	Исходя из анализа средних значений по миру, из представлений о возможностях здорового старения, из расчетов ученых, ведущих исследования в области евразийского развития (Average life expectancy, www)
Коэффициент эффективности внешней миграции	Коэффициент – не ниже 0 на протяжении не менее пяти лет	Исходя из соответствия стратегическим целям развития региона важно, чтобы миграционный отток из ЕАЭС не увеличивался (в особенности высококвалифицированных кадров репродуктивного возраста)

позволяет оценивать как количественные, так и качественные характеристики, которые являются не менее важными, чем те, которые выражаются лишь в цифрах (Kondakova, Dobrokhleb, 2022).

В частности, следует важное значение придавать тем показателям, которые отражают состояние общественного здоровья (Khramova, Zorin, 2022). Отмечается, что именно общественное здоровье отражает позитивность и перспективность развития существующей на сегодня демографической ситуации (Nevzorov, Bulanova, Pyrvu, 2021), (Mendrina, Oleynichenko, 2008). Целесообразным является привлечение к обеспечению демографической безопасности регионов тех общественных организаций (социально-демографического, миграционного и медико-социального профилей), которые функционируют на их территории (Volkova, 2022). Следует обращать внимание не только на эффективность работы органов власти, но и на профилактическое развитие служб, которые могут оперативно включиться в работу при возникновении непредвиденных ситуаций (Shkrumyak et al., 2021).

При разработке целенаправленных мероприятий по демографической безопасности ЕАЭС следует опираться на их соответствие стратегическим целям национального развития и учитывать, что демографическая ситуация может быть одной из множества причин, которые могут способствовать формированию негативных явлений в социально-экономическом или социально-политическом развитии (Nichiporuk, 2000).

Осуществленный анализ указывает на наличие как благоприятных, так и негативных тенденций в демографической безопасности ЕАЭС. Однако страны региона и ЕАЭС в целом могут столкнуться с ситуацией, когда люди «стареют, не успев разбогатеть» (Haas, 2007). В результате такое положение значительно снизит способность государств оплачивать расходы по уходу за пожилыми людьми (Haas, 2007).

Именно население является фундаментальным ресурсом стратегического развития (Malnar D. Malnar A., 2015) любого региона. Сегодня становится очевидной целесообразность проведения систематических исследований демографической безопасности государств-участников ЕАЭС посредством определения показателей и их сравнения с предельно-критическими значениями. Это важно, поскольку любое экономическое, социальное и другое планирование определяется численностью, составом, естественной и миграционной динамикой местного населения.

Проведенное исследование позволяет подойти к выводу о том, что только лишь количественный подход к анализу показателей демографической безопасности ЕАЭС в целом и отдельных государств-членов не вполне соответствует задачам выработки демографической политики. Целесообразно проводить исследование качественных показателей, отражающих субъективные характеристики, в частности: 1) желаемое и фактическое количество детей; 2) предполагаемый и реальный семейный статус; 3) нацеленность на здоровое, в том числе на профессиональное долголетие; 4) миграционные намерения и реальные перемещения.

Выводы

В результате исследования выделены показатели демографической безопасности ЕАЭС, по которым определены соответствующие предельно-критические значения: коэффициент жизненности населения; ожидаемая продолжительность жизни; коэффициент эффективности миграции. Выявлено, что общая численность постоянного населения стран ЕАЭС и ее динамика позволяют сделать предварительный вывод об относительной устойчивости населения, что отражается в средних показателях. Показатели отельных стран могут сильно различаться, но в целом демонстрируют позитивную картину, уравновешивая друг друга. В частности, Казахстан и Кыргызстан характеризуются положительной динамикой, а Беларусь и Россия – отрицательной. Определено, что предельно-критические значения показателей демографической

безопасности должны соответствовать стратегическим целям развития ЕАЭС и государств-участников. А стратегические цели социально-экономического развития на национальном и общеинтеграционном уровнях целесообразно строить с учетом предельно-критических значений, отражающих выход региона из зоны демографической безопасности.

Результаты исследования могут быть применимы в деятельности Департамента статистики ЕАЭС при осуществлении тематических ежегодных расчетов и в работе Департамента развития интеграции ЕАЭС при определении путей обеспечения демографической безопасности ЕАЭС – как на уровне государств-участников, так и международного объединения в целом.

Список литературы / References

Average life expectancy. TheGlobal Economy. https://www.theglobaleconomy.com/rankings/Life_expectancy.

Demografiya v cifrah. [Demography in figures]. In: *Statistika Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya [Statistics of the Eurasian Economic Union. Eurasian Economic Commission]*. Moscow, 2019. 42 p.

Evrazijskij ekonomicheskij soyuz v cifrah: statisticheskij ezhegodnik; Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya [Eurasian Economic Union in figures: statistical yearbook; Eurasian Economic Commission]. Moscow, 2016, 412 p, p. 44.

Glazyev S. Yu. Assessment of the critical values of indicators of the state of Russian society and their use in managing socio-economic development. In: *Economic and social changes: facts, trends, forecast.* 2012, 4 (22), 22–41.

Haas M. L., A Geriatric Peace? The Future of U. S. Power in a World of Aging Populations. *International Security*, 2007, 32(1), 112–147.

Integracionnye processy v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze: social'no-demograficheskie aspekty. K 10-letiyu EAES: [nauchnyj doklad] *[Integration processes in the Eurasian Economic Union: socio-demographic aspects. On the 10th anniversary of the EAEU: [scientific report]*. Moscow: FNISC RAS, 2025, 383 p.

Kanev A. F., Kobyakova O. S., Kurakova N. G., Shibalkov I. P. Starenie naseleniya i ustojchivost' nacional'nyh sistem zdravoohraneniya. Obzor mirovyh praktik. [Population aging and sustainability of national health systems. Review of global practices]. In: *Nacional'noe zdravoohranenie [National Health].* 2023, 4(4), 5–13. https://doi.org/10.47093/2713–069X.2023.4.4.5–13

Khramova M. N., Zorin D. P. Zdorov'e naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii kak faktor demograficheskoj bezopasnosti makroregiona [Health of the population of the Russian Far East as a factor in the demographic security of the macroregion]. In: *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo. [Scientific Review. Series 1: Economics and Law]*, 2022, 4, 65–81.

Kondakova N. A., Dobrokhleb V. G. Kachestvo naseleniya stran EAES: gendernyj aspekt [Quality of the population of the EAEU countries: gender aspect]. In: *Ravnopravie muzhchin i zhenshchin v Rossii i v mire: nauchnyj potencial molodezhnyh issledovanij: sbornik materialov mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii. [Equality of men and women in Russia and in the world: scientific potential of youth research: collection of materials of the international youth scientific conference].* Ivanovo, March 19, 2022. Ivanovo: Ivan. state University, 2022. P. 8–17.

Krivorot V. V. Porogovye znacheniya indikativnyh pokazatelej dlya diagnostiki ekonomicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na sovremennom etape. [Threshold values of indicative indicators for diagnosing the economic security of the Russian Federation at the present stage]. In: *Vestnik UrFU, Seriya ekonomika i upravlenie [Bulletin of UrFU, Series Economics and Management],* 2019, 18 (6), 892–910.

Malnar D. Malnar A. *Demographic Security Trends in Southeastern Europe, Croatian International Relations Review*, 21 (2015): 57–87. DOI: 10.1515/cirr-2015–0011.

Mendrina G. I., Oleynichenko V. F. Srednyaya prodolzhitel'nost' predstoyashchej zhizni kak integrirovannyj demograficheskij pokazatel' i metod ocenki sostoyaniya zdorov'ya naseleniya [Average life expectancy as an integrated demographic indicator and a method for assessing the health status of the population]. In: *Byulleten' sibirskoj mediciny [Bulletin of Siberian Medicine]*, 2008, 7(2), 106–111.

Nevzorov V. P., Bulanova T. M., Pyrvu V. V. Matematicheskaya model' izmeneniya sostoyaniya zdorov'ya naseleniya i demografii v edinom territorial'no-vremennom prostranstve [Mathematical model of changes in the health status of the population and demography in a single territorial-temporal space]. In: *Mediko-biologicheskie problemy zhiznedeyatel'nosti [Medical and biological problems of life activity]*, 2021, 2 (26), 53–62.

Nichiporuk B. *The Security Dynamics of Demographic Factors*. Santa Monica: Rand, 2000.

Osadchaya G. *I. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: potencial razvitiya, format sotrudnichestva:* [monografiya] *[Eurasian Economic Union: development potential, cooperation format: [monograph*]. Moscow, 2021. 346 p.

Ryazantsev S. V. Demograficheskoe blagopoluchie: teoreticheskie podhody k opredeleniyu i metodika ocenki [Demographic well-being: theoretical approaches to definition and assessment methods]. In: *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. [DEMIS. Demographic studies],* 2021, 1(4), 5–19. https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1.

Rybakovsky L. L. Demograficheskaya bezopasnost': geopoliticheskie aspekty. [Demographic security: geopolitical aspects]. In: *Ekon-Inform [Ekon-Inform],* 2003, 55, 9.

Shkrumyak A. R., Aksenova E. I., Ananchenkova P. I., Safonov K. B. Motivaciya medicinskogo personala v period rasprostraneniya pandemii COVID-19 [Motivation of medical personnel during the spread of the COVID-19 pandemic]. In: *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny [Problems of social hygiene, health care and history of medicine],* 2021, 29(S 2), 1400–1403.

Statisticheskij ezhegodnik Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza; Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya *[Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union; Eurasian Economic Commission]*. Moscow: 2024. 430 p.

UN Decade of Healthy Ageing: Plan of Action 2021–2030. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://cdn.who.int/media/docs/default-source/decade-of-healthy-ageing/decade-proposal-final-apr2020-en.pdf.

Volkova O. A. Deyatel'nost' nekommercheskih organizacij, okazyvayushchih mediko-social'nuyu pomoshch' migrantam v usloviyah covid-19 [Activities of non-profit organizations providing medical and social assistance to migrants in the conditions of covid-19]. In: *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny [Problems of social hygiene, health care and the history of medicine]*, 2022, 30 (4), 537–542. https://doi.org/10.32687/0869–866X-2022–30–4–537–542.

Weiner M., Russell S. Introduction. *Demography and National Security, edited by Myron Weiner and Sharon Stanton Russell*, 1st ed., Berghahn Books, 2001, p. 1–18. JSTOR, https://doi.org/10.2307/j.ctv287sd9m.6. Accessed 17 Apr. 2024.

World Population Prospects 2022: Summary of Results. https://reliefweb.int/report/world/world-population-prospects-2022-summary-results.

Zivic D. *Alica Wertheimer-Baletić: Stanovništvo i razvoj*. Drustvena Istraživanja, 1999, 655 p.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1633–1642

EDN: NKKZWU
УДК 316.422.4

De-Ideologization and Structural Legitimacy Formation in Modern Russia

Dmitry A. Mikhailov[a] and Nikolay M. Ternov[b*]
[a]*Novosibirsk State Technical University*
Novosibirsk, Russian Federation
[b]*L.N. Gumilyov Eurasian State University*
Astana, Republic of Kazakhstan

Received 28.03.2025, received in revised form 09.06.2025, accepted 27.06.2025

Abstract. The article studies the issue of perceived legitimacy, the thing placed in the center of contemporary political sociology, researching the de-ideologization of the Russian political process in the period from 1991 to 2012. Two aspects determine the theoretical framework of the study. The first is the difference between positional and valence issues in election campaign strategies. The second is David Easton's typology of legitimacy, who singles out ideological, structural and personal legitimacy. The typology is considered from the point of view of perceptional approach to legitimacy. The empirical basis of the study is the program documents of Russian parties, as well as the concepts and slogans of election campaigns. The material is analyzed and evaluated on the presence of positional and valence issues embodied in taglines with the implementation of Natural Language Processing techniques. We conclude that in the late 1990s Russia experienced a crisis of ideological legitimacy, which in the 2000s was replaced by structural one. If in the early 1990s the ideological values were the basis for Russian politics, then in the 2000s it was changed by the "structure", personifying the "vertical power" headed by the president.

Keywords: ideology, de-ideologization, legitimacy, elections, positional and valence issues, D. Easton, crisis, 90s.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Political Science.

The research was conducted with the Russian Science Foundation support ("Legitimacies conflict: ideology, structure and personality in the Russian citizens perception" project, № 24–28–00963).

Citation: Mikhailov D.A., Ternov N.M. De-Ideologization and Structural Legitimacy Formation in Modern Russia. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*., 2025, 18(8), 1633–1642. EDN: NKKZWU

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: ternovnm@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7422-5155(Ternov), 0000-0002-9691-4725 (Mikhailov)

Деидеологизация и формирование структурной легитимности в современной России

Д.А. Михайлов[а], Н.М. Тернов[б]
[а]*Новосибирский государственный технический университет Российская Федерация, Новосибирск*
[б]*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва Республика Казахстан, Астана*

Аннотация. В статье рассматривается проблема воспринимаемой легитимности, которая находится в центре внимания современной политической социологии, исследующей деидеологизацию российского политического процесса в период с 1991 по 2012 год. Два аспекта определяют теоретические рамки исследования. Первый – различие позиционной и валентной проблематики в стратегиях избирательных кампаний. Второй – типология легитимности Дэвида Истона, который выделяет идеологическую, структурную и личностную легитимность. Типология рассматривается с точки зрения перцептивного подхода к легитимности. Эмпирической основой исследования являются программные документы российских партий, а также концепции и лозунги избирательных кампаний. Материал анализируется и оценивается на наличие позиционной и валентной проблематики, воплощенной в слоганах с использованием методов Natural Language Processing. Сделан вывод о том, что в конце 1990-х годов в России наблюдался кризис идеологической легитимности, который в 2000-х годах сменился структурным. Если в начале 1990-х годов идеологические ценности были основой российской политики, то в 2000-х годах их сменила «структура», олицетворяющая «вертикаль власти» во главе с президентом.

Ключевые слова: идеология, деидеологизация, легитимность, выборы, позиционные и поливалентные вопросы, Д. Истон, кризис, 90-е.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы.

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда (проект “Конфликт легитимности: идеология, структура и личность в восприятии российских граждан”, № 24–28–00963).

Цитирование: Михайлов Д. А., Тернов Н. М. Деидеологизация и формирование структурной легитимности в современной России. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1633–1642. EDN: NKKZWU

Introduction

In recent decades, the meaning and role of ideological concepts in political life have undergone major changes around the world. Their essence boils down to the fact that classical political ideologies in the second half of the 20th century began to lose their legitimizing force. Moreover, corresponding rhetoric fades away from the current agenda of political forces. The ever-increasing economic integration today does not allow new governments to carry out radical socio-economic transformations, depriving political forces of maneuver within ideological boundaries. The continuity of the economic and social policies of different governments emphasizes the conventionali-

ty of ideological definitions such as "liberal-conservative" or "left-right", which cease to be a clear guideline for voters. This circumstance greatly influenced the political format of the election campaigns and formed new standards for the interaction between politicians and voters. The new realitiy firstly forced the traditional parties to move away from "high" ideological rhetoric to the rhetoric of "solving specific problems". Moreover, it led to the emergence of a new type of parties, entirely focused on the specific problems of voters.

New party competition strategies based on a cross-ideological "general human" approach began to take shape in the West in the mid-1980s. François Metterand's presidential campaigns can be mentioned as a pioneering experience of de-ideologized election strategies (De Sio and Lachat, 2021: 100–101). It was the very time when the Soviet Union began to actively join the liberal-democratic practices. It is quite obvious that the democratic process in the new Russian polity (after the collapse of the USSR) had a number of specific features that determined the specificity of the political space de-ideologization process. Thus, in this work we are going to propose a characteristics of the political space de-ideologization process and also point out its features.

One of the theoretical modalities of the de-ideologization problem in political science is the discussion of the relationship between positional and valence issues in the political process (Green, 2007; Pattie and Johnston, 2007; Carrieri and Angelucci, 2021). An important result of the growing diversity of approaches to understanding legitimacy is the opportunity to take a fresh look at the old, thoroughly developed models of legitimacy created within the structuralist approach. In this regard, the use of the stratification of legitimacy perception proposed by D. Easton seems promising (Ternov & Mikhailov, 2023). His division of perceived legitimacy into ideological, structural, and personal can be particularly useful both in the context of studying the subjective experiences of citizens and in the context of the general historical dynamics of the ways in which power has been positioned over the past three decades

Most of the researchers who applied Easton's typology studying modern Russia interpreted the legitimacy of Russian power as personal, referring to the high popularity of Vladimir Putin (Most prominent of them are A. Shipov, L. Blyakher, V. Gel`man). However, perceived legitimacy focuses not on the object of legitimacy, but on its subject. As a result, this forces us to shift the emphasis from the question "what is popular?" to the question "why is it popular?". Our main idea is that in the history of modern Russia there has been a transition in public sentiment from ideological legitimacy to structural one.

The empirical basis of the study is the program documents of Russian parties, as well as the concepts and slogans of election campaigns. The material is analyzed and evaluated on the presence of positional and valence issues embodied in taglines. In the article we study the taglines of the following elections: People`s Deputy 1990, State's Duma (1993/1995/1999/2003/2007/2011/2016/2021) and the presidential in 1996. We also involve public opinion polls, but for us, the key ideas are those made by the authorities "from above". There are two reasons for that: firstly, due to their obvious performativity, and secondly, due to the well-known limitations of polls conducted under an authoritarian regime. The structure of the study is built on a historical principle. The first part of the article analysis political programs via Natural Language Processing techniques, implementing Python language and content-analysis. In the second part, we consider the period of formation and crisis of ideological legitimacy in Russia in the 1990s In the third section we characterize the policy of constructing structural legitimacy, which was the basis for Vladimir Putin`s legitimacy till 2012.

Ideological Motives in Russian Political Party Programs

Identifying ideological motives in the program documents of Russian political parties is difficult due to their multi-layered and changeable nature. Political programs often contain vague formulations and neutral slogans, designed for a broad electorate. At the same time, the emphasis is placed on solving

practical problems instead of clearly expressing ideological principles, which makes it difficult to identify ideological motives. However, the "Pentabasis" model, developed under the leadership of A. V. Polosin within the framework of the "DNA of Russia" project, helps to overcome these difficulties by systematizing the key values of Russian society: patriotism, trust in power, traditions, harmony, and creation (Kharichev, Shutov, Polosin, Sokolova, 2022: 10–14). Thanks to its focus on these value orientations, the "Pentabasis" serves as an effective tool for detecting hidden ideological motives. We proceed from the assumption that the application of themodel allows us to identify stable elements in party programs that reflect these values.

The article employs the Natural Language Processing (NLP) method. Within the 'text as data' approach, party programs are considered as a set of words and meanings, structured according to the socio-political perception of the party leader and the program authors. In this sense, the constituent elements of the 'Pentabasis' concept serve as semantic markers that can be identified in election programs. Within the NLP approach (implemented using the Python), the work consisted of the following stages:

1. Formation of a dataframe, i.e., a set of party programs;
2. In accordance with the approach of the founders of the pentabasis idea, we took the main elements of each category (see Table 1);
3. Each marker word was converted to its original form using the Spacy library. Exception: "children" (дети) is equated to "child" (ребенок), i.e., it does not have a singular form in russian;
4. Splitting the text into tokens – units (word = token);
5. All punctuation marks removal;
6. Calculating the word volume using the following equation:

$$\text{Total } \% = \frac{\text{total ammount of words (per category)} * 100\%}{\text{total ammount of words in party program}}$$

The work uses the programs of the three main parties represented in all elections: Unit-

Table 1. Key marker words for each category of the "Pentabasis"

№	Category	Markers
1	Patriotism	Future, pride, to be proud of, integrity, independence, sovereignty, way
2	Trust to the governmental institutes	Trust, efficiency, competence, openness, attitude, respect, unity, elections
3	Consent	Consent, support, tolerance, discrimination
4	Traditions	Traditions, family, kids, child, family, care, love
5	Creation	Creation, success, well-being, growth, self-awareness

Table 2. Total percentage of "Pentabasis" categories in party programs

Percentage ratio – total by parties								
	1993	1995	1999	2003	2007	2011	2016	2021
Trust to the governmental institutes	8,41	7,86	9,48	6,10	5,18	3,89	7,26	4,10
Patriotism	5,11	4,90	7,62	3,16	4,53	3,15	3,33	2,77
Consent	7,33	11,90	4,45	4,81	4,76	3,35	4,59	3,69
Creation	3,90	3,97	3,90	4,42	2,74	3,00	3,91	4,73
Traditions	6,57	7,25	1,99	3,72	5,16	4,48	4,01	3,84
Total	31,32	35,87	27,44	22,21	22,37	17,88	23,10	19,13

ed Russia (and Unity), the Communist Party of the Russian Federation and the Liberal Democratic Party of Russia. The programs of these parties have the largest volume in terms of content (compared to Just Russia), are presented in the public domain and the parties themselves are the most popular in Russia.

According to the analysis results, high values of 'trust' are observed in 1999 (9.48 %) and 2016 (7.26 %). After that, a gradual decline is observed, especially by 2021 (4.10 %). The category of 'patriotism' reaches its peak in 1999 (7.62 %) and gradually decreases, reaching its minimum value in 2021 (2.77 %). This indicates a weakening emphasis on patriotism in party programs. The highest indicator of 'harmony' is in 1995 (11.90 %), followed by a significant decrease. By 2021, 'harmony' is gaining relevance (3.69 %), but remains significantly below the 1995 level. The value of the 'creation' category is relatively stable, with a slight increase in 2021 (4.73 %). After the peak value in 1995 (7.25 %), the 'traditions' indicators decrease, but then stabilize. In 2021, the mention of traditions remains at an average level (3.84 %).

It can be assumed that the trends towards deideologization observed in the Western world since the 1980s are reflected in the political discourse of modern Russia. The overall share of categories representing the key values of the pentabasis in the rhetoric of party programs has a steady downward trend: from 31.32 % in 1993 to 19.13 % in 2021. This indicates a decrease in emphasis on fundamental values such as 'harmony' and 'patriotism', which were more noticeable in the political rhetoric of the 1990s. By 2021, there is a general decline in the importance of all categories except 'creation', which reflects a shift in the emphasis of party programs and a possible reorientation towards pragmatic aspects of development. The decrease in the significance of 'trust' and 'patriotism' indicates a departure from ideologically saturated narratives, which corresponds to the global trend towards deideologization. At the same time, the preservation of a certain presence of the categories 'harmony' and 'traditions' shows that, despite the overall decrease in ideological load, some key values continue to influence the formation of the political agenda.

The Features of Ideological Legitimacy During the Formation of Modern Russia

Following the dissolution of the USSR, the political landscape in Russia was guided by the principles of ideological legitimacy. This means that the preferences of citizens in Russia were shaped by ideological beliefs. There are three key reasons why an ideological perception of legitimacy had dominated the post-Soviet space.

Firstly, the new state was faced with the task of complete reformatting its political space. An appeal to fundamental values was inevitable at the initial stage of nation-building. Ideology played an extremely important role at the initial stage of nation-building. It helped to define the basic values that would underlie the state being created and also formulate the overall goal to be achieved. Secondly, the young Russian polity was definitely created on the basis of Soviet traditions. Its elites completely emerged from the Soviet (or anti-Soviet) reality, therefore, the ideological discourse that covered all Soviet legitimacy automatically came to the fore even after the collapse of the USSR. Thirdly, the dominance of ideological legitimacy was caused by the lack of political experience in Western-styled democracies. Thus, it compelled Russian elites to rely on Russia's own history and particularly to the 20th century. The idea of "revival" led to the formation of a national state, resembling the Russian Empire`s State Duma in political aesthetics.

As a result, traditional political ideologies became the guiding principle for voters on the background of ideological legitimacy dominance in the awakening polity. Thus, the chronological boundaries of the Russian polity were more transparent than the geographical ones.

In the early 1990s, an ideological spectrum of political parties was formed in Russia and could be conditionally divided into several areas. Communist parties, the heirs of the "Kommunisticheskaya Partiya Sovetskogo Soyuza" (CPSU – the Communist Party of the Soviet Union), continued to adhere to Marxist ideology, opposing market reforms. Liberal parties supported the market economy and democracy, seeking to integrate Russia into the world com-

munity and develop civil liberties. Nationalist parties were focused on protecting the interests of the Russian nation and supported the idea of a strong state.

Thus, the key slogans of the party programs appealed to positional issues. The political was built around an ideological confrontation. This confrontation was characterized by great diversity and a tangible presence of retrospective motives especially in the post-Soviet period. The only reference to valence issue was the fact that the liberal opposition to the main campaign slogan ("For Freedom and Democracy") added the social one: "From poverty to prosperity!" (Ibid.)

In this context, the gradual consolidation of political forces around two ideological poles of attraction ("liberal" and "communist") was the response to the ideological chaos emerging in the public life of Russia. In October 1990, all liberal organizations united into a single coalition based on the "Democratic Russia" movement. The general policy of the state, fixed by the constitution of 1993, was also liberal. Consistent dissidents, market liberals, staunch opponents of Soviet power and communist ideology in general won the elections. In response to this, several organizations based on communist ideology emerged in political sphere: "the Russian Communist Workers' Party", "the Union of Communists of the Russian Federation" and "the Russian Party of Communists". Right-wing groups also gravitated towards the communist camp.

The value dichotomies that accumulated in the confrontation between the two ideological trends "liberal" and "communist" were interpreted differently. The "liberal" camp perceived it as a confrontation between the "progressive new" and the "obsolete old", while the "communist" camp interpreted this conflict as a confrontation between the "alien anti-national" and the "traditional, national". Irreconcilable ideological positions formed the basis of the confrontation between the legislative and executive branches of the Russian government. The confrontation reached peak in October 1993 when it acquired the character of an armed one.

The escalation of ideological confrontation determined the content and the slogans of the elections to the First State Duma in December 1993. The "Liberalno-Demokraticheskaya Partiya Rossii" (the Liberal-Democratic Party of Russia), which won the elections, accumulated the sentiments of patriotic and revanchist-minded voters. It also set the main goal – the revival and strengthening of the Russian state within the borders of the USSR in 1977. The ruling party, which was represented in the form of the liberal coalition "Vybor Rossii" (Russia's Choice), based the program on the formula "Freedom, Property, Legality". It suggested to continue the development of radical economic reforms (Sakwa, 1994). The communists who took third place defended the preservation of the Soviets power and the foundations of socialism in the Russian Federation, also advocating the formation of a planned-market socialist economy (Zotova, 1993).In general, the main issues of the parties programs were positional, concerning the foundations of the state: the nature of property during the economic reform, the principles of the national state system and the structure of public administration (Zotova, 2001: 40–41).

As the socio-economic situation in the country worsened, the demand for practical slogans became more urgent. Taking into account the election programs of 1993, the interpretation of the state`s role in the social sphere in the election programs of 1995 had changed significantly. Most of the programs devoted attention to welfare state, but the term itself was interpreted ambiguously. The solution of social problems was reduced to the ideological platforms of three political forces. These solutions were directly due to positional issues: the model of economic development, the role of the state in the economy, the main sources of economic growth, attitude to land ownership etc. (Ibid. 64). The liberal ideology of the ruling party appeared in a new guise – in the form of the All-Russian socio-political movement "Nash Dom – Rossiya" (Our Home is Russia). However, this project could not become a legitimate source of power, having got three times fewer seats in the State Duma than the communists.

The government failed to consolidate the liberal ideology as an official one in the form of ruling liberal party (see: Belin and Orttung,

1997). For this reason, the anti-liberal opposition, which merged into the "Patrioticheskie Sily" (Patriotic Forces), exerted more and more active pressure on the authorities. It consisted of more than 200 associations and was headed by G. Zyuganov (the leader of the "Communist Party of the Russian Federation"). At the same time, the idea of patriotism, discredited by the authorities, turned out to be the central signifier in the chain of equivalences. The patriotism also ensured the moral superiority of the opposition over the liberal discourse of power. Crisis tendencies were especially evident in Yeltsin's 1996 presidential election campaign.

Despite the neutrality of the central slogan "Vote or lose", from a substantive point of view, anti-communism became the central theme of the campaign. The core of propagandistic program was the consequences of the communist regime and the events during its rule: civil war, famine, shortages and repressions. Yeltsin's political technologists published provocative posters that were supposed to remind citizens of the communist/socialist horrors and atrocities.

In turn, the patriotic bloc based the campaign on the attack of liberal market reforms. G. Zyuganov represented the "CPRF" and planned to create a broad opposition coalition that would include not only communist forces, but also other leftist/patriotic parties and movements. However, Zyuganov's campaign faced serious obstacles. The CPRF was perceived by the majority of the population as a successor to the Soviet regime. Moreover, many voters believed that the communists could not offer viable reforms and new ideas for the development of the country. Thus, Zyuganov's team tried to play on the supra-ideological field, but the general context of the entire campaign had the character of an existential confrontation between two irreconcilable ideological positions. Particularly positional slogans appeared in Zyuganov's election platform.

The 1996 elections were the culmination of the ideological confrontation between the "liberal" and "communist" camps. However, they also demonstrated the insolvency of ideological language used for power legitimization. The liberal slogans could not ensure the unity of the country or the stable functioning of power structures. The opponents of the new elite that emerged in the 1990s, also, vehemently supported all other ideologies. The authorities experienced ideological pressure, and Boris Yeltsin, the liberal architect of modern Russia, had completely lost his legitimacy by the end of the millennium. In fact, his approval rating was only 6 % in 1996 (Randolph, 1996; Depoy, 1996).

Thus, the ideological interpretation of power was based on anti-communism and anti-Sovietism. However, this approach not only limited the Yeltsin`s regime maneuver, but led the entire political process in Russia to a dead end manifesting in a severe crisis of legitimacy. More importantly, in the eyes of the Russians, the very principle of ideological confrontation was discredited and therefore ideological rhetoric lost its former legitimizing power.

Building Structural Legitimacy

The change of president took place in the context of a severe political crisis; by the end of the 20th century, the Russian government was experiencing serious problems with legitimacy. The criticism of the current political regime became the core for the most parties and blocs in the 1999 elections, since the economic situation was disastrous.

However, the new political team led by Vladimir Putin managed to carry out a radical electoral shift, due to fundamental changes in the very principles of legitimizing power. It was possible not not only by intercepting the patriotic agenda, but with the help of altering the very vision of the relationship between the authorities and the people.

In the 1999 elections, the communists put the positional issue of regime change and the "overthrow of the anti-people regime" in the core of politics. The most important strategic task, according to the "Communist Party of the Russian Federation", was a gradual constitutional transition from a presidential republic to a parliamentary one. Then, after creation of prerequisites and with the appropriate support of the people, it was necessary to move on to the Republic of Soviets, based on the socialist principles of the power of "labour" (Zotova,

2001: 68). The main task of the "CPRF" was to return Russia to a "renewed" socialist path of development with "Russian specifics".

In the same time, the ruling party "Edinstvo" (Unity) abandoned positional rhetoric, making the idea of creating a system of "comprehensive human security" central for platform and describing it in detail. Three sections were distinguished in the platform: "man and the state" (the state as a protector), "man and economy" (the economy is not for the oligarchs, but for the people) and "man and society" (the transition from the disunity of society, apathy and anger of people to self-organization and optimism) (Ibid. 69).

The creative team of the "Fond Effectivnoi Politiki" (FEP – Foundation for Effective Politics) made the decisive contribution to the establishment of structural legitimacy. "FEP" led the election campaign of the "Unity" party in 1999. The leaders of the 1999 campaign clearly demonstrated the new approach to politics. The electorate, having endured the "turbulent 1990s" and lost trust in ideology and politics, welcomed "fresh" faces with reliable backgrounds. These individuals represented key structural units of the new regime that would last for a long time. As K. Kiselyov states: "In 1999, almost all electoral associations that had chances to overcome the barrier, tried to avoid pathos and unequivocal appeals to the 'great'" (Kiselyov, 2001). Abstractions came to the fore, the position of the party in power on key problematic dimensions remained blurred and uncertain.

Therefore, "Unity", which later became "Edinaya Rossiya" (United Russia) in 2001, turned out to be fundamentally detached from ideology. It was represented as an association of successful people advocating for solutions to specific issues. This position was explicitly stated in the manifesto of "United Russia" in 2003: "Russia's success in the 21st century is its transformation into one of the world centers of political and economic influence, cultural and moral attraction. This means breakthrough to new frontiers of development, assertion of a new living standards and security". The attack on ideology was also mentioned there: "It is impossible to stagnate, chewing on the ideological disputes of the 20th and even the 19th centuries. These disputes have lost all meaning and are absolutely fruitless" (Edinaya Rossiya, 2003).

The confident victory of the ruling party in 2003 (37.57 %) marked the establishment of a valence agenda in political rhetoric. The government's shift towards a focus on structural legitimacy and away from ideological legitimacy allowed "United Russia" to avoid ideological clashes and quickly appropriate popular symbolic trends. Candidates' corporate and professional affiliations were valued more than their ideological preferences, as the need for ideological language had disappeared. This shift also led to a preference for concrete results rather than abstract ideologies.

The central slogan of the ruling party in the 2007 elections was an extremely mundane statement: "United Russia is the party of real deeds".

The shift in public consciousness from ideological to structural value orientations was also demonstrated by opinion polls. Thus, according to the data of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (which recorded the value needs of Russians in different years) "justice" occupied the first place in the system of values in 1995. However, since 1997, it had been shifting to third place, giving way to "law" and "order", i.e. the main signifiers of structural legitimacy. At the same time, "law" and "order" took first place in the preferences of Russians until 2014, when "justice" again came to the fore (Levashov, 2022).

It can not be said that the systemic principle of legitimacy was formed in the public consciousness automatically and became exclusively a product of the natural evolution of civil society. The authorities in Russia carried out many activities to reorient the value demands of society in order to strengthen structural legitimacy and secure public support.

The positive ideological agenda of the 2000s was reflected in two popular concepts: "power vertical" and "sovereign democracy". The "power vertical" was invented for mass media and ordinary citizens, being the method for exercising power. "Sovereign democracy" was an ersatz of "national idea" that should

suppress classical ideologies expelled recently. From our point of view, these concepts served as an attempt to give an ideological framework to a construction entirely built on the principle of structural legitimacy. According to the main interpreter of both concepts, an presidential adviser – Vladislav Surkov, the new ideology had to assist the present "power vertical" because "it is impossible to retain only administratively what should be retained by the images of the future, ideals, values" (Polit.ru, 2006).

The remark of Richard Sakwa, an editor of the Russian Politics & Law journal, which became a platform for discussing Surkov's ideas, was indicative: "None makes a radical critique of developments or stakes its ground on any of the great ideologies of modernity (socialism, social democracy, or conservatism). Instead, all apply a mild liberalism laced with Russian concerns. The debate presented in this volume, along with Surkov's original speech, thus reflect both the achievements and the limitations of the public sphere in Russia today" (Sakwa, 2008: 7).

The redundancy of the "positional" agenda in the context of the economic recovery and deideologized voters also contributed to the depoliticization of Russian politics. The Russian government was acting as if it was a business corporation relying on the logic of decision-making based on economic necessity (Makarychev, 2008). This should be connected with the widespread dissemination of the "technocracy" and "effective management" ideas in Russia. Technocracy, in particular, was associated with "young managers" – a new generation of civil servants who were meant to replace (and also oppose) the "political heavyweights". It was assumed that the appointment of technocrats, even to middle positions in hierarchy, would allow them to "rise to the top" in the future, changing the system from the inside (Volkov and Kolesnikov, 2019).

Conclusion

"System" compensated not only for the ideological insolvency of the authorities, but also for the gaps in their personal legitimacy. These gaps were directly related to reputation issues. On the background of systemic legitimacy dominance, the majority of citizens did not pay attention to the moral qualities and ethical preferences of the candidate, as well as his ideological viewpoints. In this sense, potential candidate had to fulfill two requirements: being a member of "United Russia" and having expunged conviction. This situation demonstrated the weakness of the authorities not only in the sphere of ideological, but also the personal one. For a decade, systemic legitimacy provided the authorities with complete control over the social and political life of the country. However, a deliberate bias towards a single principle of legitimacy, disregard of the positional agenda, and focusing purely on valence issues became strategically vulnerable and had no long-term prospects. The surplus of systemic legitimacy became the authorities` flaw during the economic crisis and the subsequent foreign policy problems. As V. Feklyunina and S. White note: "The crisis presented an even more serious problem for the Russian authorities, since it threatened the very legitimacy of the regime, which was largely based on satisfaction with the alleged economic achievements of its leadership over the previous decade" (2011). Disregard of ideological and personal legitimacy made the whole political construction vulnerable. It was demonstrated by the political crisis during the 2011 campaign, when masses of people protested against electoral fraud.

The dominance of ideological legitimacy is by definition confrontational. The constant appeal to basic political values denotes a state of irreconcilable civil confrontation, while the predominance of structural legitimacy indicates a consensus on core values. However, the imbalance and the clear predominance of one type of legitimacy makes political power unstable. Faced with a crisis of structural legitimacy during the protests at the end of 2011 (Hutcheson and Petersson, 2016), the Russian authorities were actually trying to return to the tools of forming ideological legitimacy. It is difficult to assess the results of civil mobilization based on the ideology of anti-Western nationalism, but a return to the predominance of ideological legitimacy could lead to the formation of a state of civil war, which considers additional risks for the sustainable development of Russian statehood.

References

Belin L. and Orttung R. *The Russian Parliamentary Elections of 1995: The Battle for the Duma*, Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1997, 203 p.

Carrieri L. and Angelucci, D. The Valence Side of the EU: EU Issue Voting in the Aftermath of the Eurozone Crisis. In: *Swiss Political Science Review*, 2021, 28 (1), 41–60. DOI: https://doi.org/10.1111/spsr.12492.

De Sio L. and Lachat R. *Conflict Mobilisation or Problem-Solving?* Routledge, 2021, 254 p.

Depoy E. Boris Yeltsin and the 1996 Russian Presidential Election. In: *Presidential Studies Quarterly,* 1996, 26 (4): 1140–64. URL: http://www.jstor.org/stable/27551676.

Easton D. A Re-Assessment of the Concept of Political Support. In: *British Journal of Political Science,* 1975, 5 (4): 435–57. DOI: https://doi.org/10.1017/s0007123400008309.

Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*, Chicago: London: University of Chicago Press, 1965, 536 p.

Edinaya Rossiya. "Manifest Politicheskoy Partii 'Edinaya Rossiya' [Manifesto of the Political Party 'United Russia']." *Edinros.narod.ru*. 2003. Available at: http://edinros.narod.ru/manifest.html.

Feklyunina V. and White S. Discourses of 'Krizis': Economic Crisis in Russia and Regime Legitimacy. In: *Journal of Communist Studies and Transition Politics,* 2011, 27 (3–4): 385–406. DOI: https://doi.org/10.1080/13523279.2011.595154.

Gel`man V. Politicheskiye Partii v Rossii: Ot Konkurentsii – K Iyerarkhii [Political Parties in Russia: From Competition to Hierarchy]. In: *Polis,* 2008, 5 (1): 135–52.

Greene, S. Beyond Bolotnaia. In: *Problems of Post-Communism,* 2013, 60 (2): 40–52. DOI: https://doi.org/10.2753/ppc1075–8216600204.

Hutcheson D. and Petersson B. Shortcut to Legitimacy: Popularity in Putin's Russia. In: *Europe-Asia Studies,* 2016, 68 (7): 1107–26. DOI: https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1216949.

Kiselyov K. Predvybornyy Slogan v Problemnom Pole Semanticheskoy Politiki [Election Slogan in the Problematic Field of Semantic Politics]. In: *Antinomii,* 2001, 2 (1): 211–48.

Makarychev A. Bezopasnost' I Vozvrashcheniye Politicheskogo: Kriticheskiye Debaty v Yevrope [Security and the Return of the Political: A Critical Debate in Europe]. In: *Index Bezopasnosti,* 2008, 14 (4): 25–40.

Pattie C. and Johnston R. Positional Issues, Valence Issues and the Economic Geography of Voting in British Elections. In: *Journal of Economic Geography* 2007*,* 8 (1): 105–26. DOI: https://doi.org/10.1093/jeg/lbm032.

Polit.ru. 'Surkov Prizval Zapad Uchit'sya u Rossii [Surkov Urged the West to Learn from Russia]', *M.polit.ru*. 2006. Available at: https://m.polit.ru/article/2006/06/28/surkov/.

Randolph, E. 'Americans Claim Role in Yeltsin Win', Los Angeles Times. July 9, 1996. Available at: https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1996–07–09-mn-22423-story.html;

Sakwa R. Russian Political Culture through the Eyes of Vladislav Surkov: Guest Editor's Introduction. In: *Russian Politics & Law,* 2008, 46 (5): 3–7. DOI: https://doi.org/10.2753/rup1061–1940460500.

Sakwa R. The Russian Elections of December 1993. In: *Democratization,* 1994, 1 (2): 295–308. DOI: https://doi.org/10.1080/13510349408403393.

Ternov N. and Mikhailov D. Legitimacies Conflict: The Evolution of Perceived Legitimacy in Modern Russia. In *Russian Politics*, 2023, 8(3), 353–374. DOI: https://doi.org/10.30965/24518921–00803004.

Volkov D. and Kolesnikov A. "DetI' Putina: Kto Budet Pravit' Rossiyey Posle 2024 Goda? Rossiyskiye Elity v Sostoyanii Tranzita v Neopredelennoye BudushcheYE" ['Children' of Putin: Who Will Rule Russia after 2024? Russian Elites in Transit into an Uncertain Future"]." *Carnegie Moscow.* 2019. Available at: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Russian_final.pdf.

Zotova Z. *Politicheskiye Partii I Bloki Na Vyborakh (Teksty Izbiratel'nykh Platform) [Political Parties and Blocs in Elections (Texts of Electoral Platforms)]*. Moscow: Mezhdunarodnyy blagotvoritel'nyy fond politiko-pravovykh issledovaniy "INTERLIGAL", 1993, 330 p.

Zotova Z. *Predvybornaya Programma – Osnovnoy Resurs Izbiratel'noy Kampanii [the Election Program as the Main Resource of the Election Campaign]*. Moscow: RTSIOT, 2001, 150 p.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1643–1654

EDN: NTCXHC
УДК 615.825.4

Extended Reality Technologies for Adaptive Sports in the Rehabilitation of Wounded and Injured Military

Vladimir I. Kolmakov[a*], Anna I. Kartavtzeva[a], Ivan V. Sostavnev[a, b] and Gleb A. Samoylov[a]
[a]*Siberian Federal University*
Krasnoyarsk, Russian Federation
[b]*Regional Sports Training Center for Adaptive Sports*
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 13.03.2025, received in revised form 20.05.2025, accepted 28.06.2025

Abstract. The use of extended reality (XR) technologies – including virtual, augmented, assisted, and mixed reality – is becoming increasingly important for rehabilitation programs for wounded and injured military personnel through adaptive sports. In order to determine the prospects and effectiveness of the implementation of XR- technologies in the rehabilitation of former military personnel based on adaptive sports an analysis of studies of recent years was conducted. The possibilities of XR as a motivation tool for attracting regular physical exercise and adaptive sports are considered. Furthermore, the effectiveness of XR in restoring physical activity, improving psychological well-being, and facilitating the reintegration of wounded and injured military personnel into civil society is highlighted. Recommendations for implementing XR in rehabilitation practices involving adaptive sports are provided. It was concluded that with the development of commercialization and increased availability of digital technologies, the role of XR in the rehabilitation of wounded and injured military personnel based on adaptive sports will increase.

Keywords: extended reality, rehabilitation, adaptive sport, wounded military, injured military, virtual reality, augmented reality, mixed reality, digital technologies.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, No 25–28–00986, https://rscf.ru/project/25–28–00986.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Kolmakov V. I., Kartavtzeva A. I., Sostavne I. V., Samoylov G. A. Extended Reality Technologies for Adaptive Sports in the Rehabilitation of Wounded and Injured Military. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1643–1654. EDN: NTCXHC

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: vkolmakov@sfu-kras.ru
ORCID: 0000-0002-9643-609X (Kolmakov); 0009-0005-2296-8033 (Kartavtzeva)

Технологии расширенной реальности для адаптивного спорта в реабилитации раненых и травмированных участников боевых действий

В.И. Колмаков[а], А.И. Картавцева[а], И.В. Составнев[а, б], Г.А. Самойлов[а]

[а]Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск
[б]Региональный центр спортивной подготовки по адаптивным видам спорта
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Применение технологий расширенной реальности (включающие виртуальную, дополненную, вспомогательную и смешанную реальность) становится критически важной деятельностью в программах реабилитация раненых и травмированных участников боевых действий посредством адаптивного спорта. С целью определения перспективности и эффективности внедрения технологий расширенной реальности (XR) в реабилитацию бывших военнослужащих на основе адаптивного спорта проведен анализ исследований последних лет. Рассмотрены возможности XR как инструмента мотивации для привлечения к регулярному выполнению физических упражнений и занятий адаптивным спортом. Показана эффективность XR для восстановления физической активности, улучшения психологического состояния и социализации в гражданское общество раненых и травмированных участников боевых действий. Сделано заключение о том, что с развитием коммерциализации и повышения доступности цифровых технологий будет возрастать роль XR в реабилитации раненых и травмированных военнослужащих на основе адаптивного спорта.

Ключевые слова: расширенная реальность, реабилитация, адаптивный спорт, раненые военнослужащие, травмированные военнослужащие, виртуальная реальность, дополненная реальность, смешанная реальность, цифровые технологии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 25–28–00986, https://rscf.ru/project/25–28–00986.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура.

Цитирование: Колмаков В.И., Картавцева А.И., Составнев И.В., Самойлов Г.А. Технологии расширенной реальности для адаптивного спорта в реабилитации раненых и травмированных участников боевых действий. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1643–1654. EDN: NTCXHC

Введение

Эпоха стремительного технологического прогресса привела к разработке многочисленных инновационных цифровых решений, позволяющих контролировать уровень здоровья и благополучия человека. Одним из таких решений является расширенная реальность (XR, extended reality), которую можно определить как зонтичную совокупность технологий, интегрирующую виртуальную

(VR), дополненную (AR), вспомогательную (AsR) и смешанную (MR) реальность в единое пространство, объединяющее границы физического и цифрового мира. Фундаментальная ценность технологий XR заключается в возможности создавать принципиально новые инструменты для творчества, занятий спортом, общения, досуга, лечения. Прикладное применение XR связано с погружением (иммерсивностью) пользователя XR (в англоязычной литературе "human user") в цифровое пространство через создание высоко реалистичной, интерактивной, контролируемой среды. По степени погруженности пользователя в XR принято выделять целый спектр иммерсивности: от простых текстовых AsR-подсказок на экране телефона до полного погружения с помощью VR-шлема. В целом, несмотря на вызовы и недостатки, технологии XR предлагают масштабируемые и инклюзивные инструменты для решения сложных глобальных проблем, стоящих перед обществом в первой четверти XXI века (Bekaroo, 2024).

В настоящее время использование спорта в программах реабилитации как способа восстановления здоровья, улучшения психологического и эмоционального состояния, возвращение раненых и травмированных военнослужащих в активную социальную и общественную жизнь является доказанной общемировой практикой (Coulthard, Therrien, 2022; Tinney et al., 2023). Стратегия внедрение XR в реабилитацию адаптивным спортом (адаптивный XR-спорт) заключается в ускорении восстановления утраченных или ослабленных физических функций и усилении общего позитивного эффекта от реализации реабилитационных программ. Чтобы подтвердить применимость и минимизировать возможные негативные последствия от внедрения XR, очень важно всесторонне оценить эффективность адаптивного XR-спорта (Le Noury et al., 2022).

За последнее время сформировался пул научной литературы, связанной с оценкой социально-психологических и оздоровительных эффектов, возникающих при внедрении XR в программы реабилитации военнослужащих. В настоящей статье представлен обзор теоретических предпосылок и практического опыта применения цифровых технологий (VR/AR/AsR/MR) разной степени иммерсивности в качестве инструмента реабилитации адаптивным спортом раненых и травмированных участников боевых действий. Целью настоящей работы был поиск ответа на вопрос о том, как влияет применение технологий XR на эффективность реабилитации раненых и травмированных участников боевых действий в программы реабилитации методами адаптивного спорта.

Стратегия поиска и анализа данных

Поиск литературы по ключевым словам и словосочетаниям за последние пять лет (2021–2025 гг.) в базах научных данных Google Scholar, ScienceDirect, Web of Science, eLIBRARY.ru был проведен с учетом некоторых рекомендаций для систематических отчетов и метаанализов PRISMA (Page et al., 2021). Согласно критериям исключения (дубликаты, рефераты, отчеты и др.) и включения (полный текст, обзор, экспериментальная статья, импакт-фактор научного журнала, и др.) для окончательного анализа в соответствии с синтезом повествования был составлен список научных публикаций по теме настоящей статьи. Данный список послужил основой для глубинного анализа информации, систематизации и интерпретации проведенных исследований с целью выявления актуальных тенденций и формирования целостного понимания темы. Всего в окончательный список было включено 112 научных статей, из которых 55 было процитировано в настоящей работе.

Расширенная реальность как инструмент мотивации и восстановления физической активности

Известно, что занятия адаптивным спортом или регулярное выполнение физических упражнений для интенсификации двигательной активности – важная составляющая комплексной программы реабилитации раненых и травмированных военнослужащих (Serfioti, Hunt, 2022;

Tinney, Nguyen, 2024). Однако даже имея медицинские рекомендации, бывшие военнослужащие часто полностью игнорируют спортивные реабилитационные программы или прекращают участие в них уже на начальной стадии. Это связано с тем, что многие военнослужащие, вынужденно ведущие малоподвижный образ жизни, считают спорт и физические упражнения скучной, утомительной и монотонной деятельностью (Kolmakov et al., 2024). Поэтому для успешного прохождения и завершения цикла реабилитации через адаптивный спорт необходимо поддерживать мотивацию у участников программы, например, с помощью цифровых технологий XR различного спектра иммерсивности (Perez et al., 2022). Предполагается, что применение XR-технологий позволяет изменить восприятие спортивных тренировок, особенно связанных с выполнением продолжительных по времени утомительных физических упражнений (Yildirim, 2025).

Современные военные конфликты характеризуются высоким уровнем применения цифровых технологий. Поэтому для многих участников боевых действий освоение XR, как правило, не представляет трудности. Более того, восприимчивость и доверие к цифровым технологиям со стороны бывших военнослужащих повышают их интерес к программам реабилитации адаптивным спортом. Дополнительным стимулом для участия в адаптивном XR-спорте выступают элементы XR, такие как игровые сценарии, система виртуальных поощрений, индивидуальная настройка сложности в зависимости от вида ранения или травмы, постановка задач и достижение целей. То есть использование разных моделей AR/VR/AsR/MR в реабилитации делает процесс участия в программах адаптивного спорта более осознанным, интересным и позитивным. Например, по данным Zhang and Yu (2024), реабилитация на основе VR усиливает мотивацию и повышает заинтересованность к выполнению физических упражнений в длительных тренировках.

Основной мотивирующий потенциал технологий XR в адаптивном спорте заключается в снижении средовых (погода, транспорт, и др.) и личностных барьеров для раненых и травмированных военнослужащих (Patil et al., 2022). К средовым барьерам в первую очередь относятся трудности в транспортировке до места проведения реабилитационных мероприятий и сложные погодные условия при занятиях спортом на открытом воздухе. Личные барьеры связаны с необходимостью преодоления боли, усталости и дискомфорта при публичном выполнении физических упражнений в общественных местах или боязнью невыполнения тренировочного плана. Спортивное XR-обучение и XR-тренировки могут проводиться в индивидуальном режиме даже в домашних условиях. Следовательно, применение XR обеспечивает безопасную, комфортную и приближенную к реальности среду для получения двигательных навыков в спорте для раненых и травмированных участников боевых действий. Из отдельных XR-технологий для обучения в спорте все большее распространение получает синтетическая технология MR, объединяющая возможности виртуального погружения и реального мира (Slosar et al., 2022).

Среди пострадавших в ходе боевых действий преобладают военнослужащие молодого и среднего возраста, имевшие хорошее здоровье и высокую физическую активность до травмирования или ранения. Для восстановления физических кондиций военнослужащих основная ценность XR заключается в возможности поддержания воплощенного опыта, то есть когда действия пользователей в XR отражаются или сочетаются с двигательной активностью (Kourtesis, 2024). Например, интеграция AR с беговой дорожкой позволяла создавать увлекательную среду в тренировочном процессе (Simon, 2023). Внедрение AR способствовало получению большего удовольствия от бега, вовлеченности в процесс тренировки, возникновению чувства выполненного долга. Результаты объективного контроля функциональных показателей участников программы показали, что применение AR приводило к повышению

скорости и выносливости (Simon, 2023). Реабилитационные VR-тренировки также приводили к улучшению показателей равновесия у раненых военнослужащих с ампутацией нижних конечностей (Abbas et al., 2021).

Важно, что XR позволяет контролировать и стандартизировать спортивную тренировку, фокусируя обучаемого на оптимальной технике выполнения физических упражнений (Denche-Zamorano et al., 2023). Технология AR также полезна для целей обучения военнослужащих навыкам корректного выполнения физических упражнений, так как представляет собой сбалансированную комбинацию реальных и искусственных элементов, что позволяет создавать контекстуальный ситуативный опыт (Chen et al., 2025). Например, в статье Houston et al. (2022) представлены результаты сравнительного исследования двух групп военнослужащих с травмами опорно-двигательного аппарата, прошедших комплексную трехнедельную программу реабилитации для восстановления навыков ходьбы с использованием виртуальной реальности и без таковой. Авторами данной статьи был сделан вывод о том, что VR-технология оказалась приятным и ценным средством обучения ходьбе. В статье Sheehan et al. (2021) приводятся данные объективного инструментального контроля, показавшие статистически достоверное улучшение функциональных показателей у военнослужащих, прошедших реабилитацию с VR-технологиями. Например, травмированные военнослужащие после реабилитации с VR проходили в среднем большее расстояние при выполнении “приближенного к боевым условиям специального военного теста”, чем травмированные военнослужащие, прошедшие реабилитацию без VR. При этом опрос участников реабилитации не показал преимущества технологии VR (Sheehan et al., 2021). Следовательно, для объективного заключения об эффективности (или неэффективности) включения цифровых технологий XR в программы реабилитации на основе адаптивного спорта оценку субъективного восприятия ее участниками необходимо сочетать с инструментальными измерениями функциональных показателей.

В последнее время получили развитие тактильные интерфейсы, обеспечивающие кожные ощущения и улучшающие впечатления от виртуальной, дополненной и смешанной реальности (Jung et al., 2022). Диапазон ощущений и информации передается механорецепторам в коже пользователя за счет вибротактильных приводов и сенсорных смарт-устройств в режиме реального времени, что представляет особый интерес для широкого применения в тренировочном процессе. В целом сочетание технологий XR с другими недорогими и доступными инновационными решениями, подобными искусственному интеллекту, может повысить результативность реабилитации адаптивным спортом для раненых и травмированных военнослужащих (Blackmore et al., 2024).

Таким образом, применение XR в реабилитации способствует повышению качества выполнения программ адаптивного спорта, а также мотивирует и помогает раненым и травмированным военнослужащим ускорить процесс восстановления физического здоровья. В современной литературе не представлены научные исследования, которые выявили бы противопоказания и рекомендовали запретить включение XR в реабилитационные программы адаптивного спорта для восстановления раненых или травмированных военнослужащих. Однако некоторые барьеры в доступности XR для участников боевых действий сохраняются, особенно при полном погружении в VR (Creed et al., 2023).

Расширенная реальность для улучшения психологического состояния участников боевых действий

В настоящее время доказана полезность XR в медицинской практике лечения у военнослужащих психологических и стрессовых расстройств, фобий, тревожных состояний (Lopez-Ojeda et al., 2022; Javanbakht et al., 2024). Неслучайно в области поведенческого здравоохранения XR определяются

как позитивные технологии (в англоязычной литературе “positive technology”), повышающие качество жизни травмированного или раненого военнослужащего (Peterson et al., 2021; Spiegel et al., 2024). Позитивная роль адаптивного XR-спорта при реабилитации раненых и травмированных военнослужащих может иметь разнообразные проявления, в том числе заключаться в снижении влияния боли на аффективные (эмоции) характеристики, такие как настроение и тревожность (Houston et al., 2022). Погружение в XR позволяет военнослужащему облегчить травматические переживания в безопасной контролируемой среде. В статьях van Veelen et al. (2021) и Bailey et al. (2024) показано, что технологии XR успешно применяются в программах реабилитации участников боевых действий и наиболее эффективны для снижения уровня тревожности, депрессии и посттравматического синдрома (ПТСР).

Психологические результаты реабилитации должны оцениваться по измерениям не только аффективных, но и когнитивных (интеллект, память) функций, обеспечивающих целостное восприятие мира и поведенческую адаптацию участника боевых действий к повседневной гражданской жизни. Предположительно улучшения когнитивных функций человека за счет интенсификации физической активности может определяться двумя физиолого-биохимическими механизмами. Первый связан с обогащением кислородом и усилением общего метаболизма в головном мозге при интенсификации церебрального кровотока (Renke et al., 2022). Второй механизм – это повышение мозговой нейропластичности за счет образования новых и укрепления существующих нейронных связей в головном мозге через стимулирование выделения гормонов, нейтрофинов и нейтрансмиттеров (Bhattacharya et al., 2023). Поэтому цель реабилитационных физических упражнений – вызвать полезные для организма военнослужащего преобразования механических раздражителей в биохимические сигналы (Raymond-Pope et al., 2022). Адаптивный XR-спорт может способствовать более эффективному формированию стимулов для запуска биохимических процессов в организме и позитивно влиять на системные свойства личности. Например, выполнение физических упражнений с использованием VR-станций (велотренажер, набор специальных VR-игр, VR-аксессуары) в программе реабилитации бывших военнослужащих, злоупотребляющих алкоголем и имеющих черепно-мозговые травмы, приводило к более выраженным положительным когнитивным эффектам, чем традиционные методы тренировки (Pennington et al., 2022). В статье Jones et al. (2022) представлена VR-система, позволяющая персонифицировать процесс восстановления памяти и осуществить мультимодальную десенсибилизацию с помощью двигательной активности у травмированных военнослужащих.

Известно, что программы реабилитации адаптивным спортом для раненых и травмированных военнослужащих могут включать широкий ряд рекреационных или оздоровительных мероприятий на природе (Walker et al., 2022). В том числе сплавы на байдарках по реке, дайвинг, многодневные походы в лес, восхождение на вершины гор, археологические раскопки, совместные тренировки на открытом воздухе (напр., Sidiropoulos et al., 2022; Hooker et al., 2022). Взаимодействие с природой улучшает общее психологическое благополучие бывших военнослужащих, включая позитивные эмоции и чувство смысла жизни (Kay, McKenna, 2022). Механизм благоприятного воздействия природы связан с нейроэндокринным и аффективным восстановлением после стресса от участия в боевых действиях (Bettmann et al., 2021). Однако природа часто недоступна или ограниченно доступна маломобильным раненым и травмированным участникам боевых действий (Herrmann et al., 2022). Эффективность технологии VR для создания взаимодействия с цифровой природой в рекреационном адаптивном спорте представлена в статье Anderson et al. (2022). Погружение в виртуальные природные среды, имитирующие реально существующие водные и назем-

ные экосистемы, позволяют бывшему военнослужащему преодолеть естественные средовые и личностные барьеры (Havlick et al., 2021). Механизмы, лежащие в основе восстанавливающего воздействия природных сцен VR при занятиях рекреационным адаптивным спортом, связаны с "дистанцированием" участника реабилитации от повседневных проблем, длительным отвлечением внимания на природу, снятием усталости (Rayes et al., 2022). Высокий эффект от внедрения технологии VR в реабилитацию определил появление нового термина "восстановительная виртуальная природная среда" (Nukarinen et al., 2022). Особенно перспективным представляется применение в реабилитационных мероприятиях восстановительной виртуальной природной среды для лечения ПТСР у раненых и травмированных участников боевых действий (Volovik et al., 2023).

Расширенная реальность для социализации участников боевых действий

Военнослужащие после ранения или травмы часто испытывают трудности социальной интеграции в гражданское общество. Поэтому одна из основных целей процесса реабилитации адаптивным спортом – повышение качества жизни и восстановление социального благополучия участника боевых действий (Duong et al., 2023). Позитивным итогом реабилитации можно считать разные социальные эффекты, такие как отвлечение от проявлений асоциального поведения, развитие межличностного общения и социальных связей, повышение мотивации для изменения образа жизни, повышение уровня самообслуживания, снижение зависимости и спроса на медицинские услуги (Post et al., 2023). Практика реабилитации показывает, что технологии XR способствуют компенсации прерванных в результате получения боевого ранения или травмы коммуникационных и социальных связей (Walters, Beidel, 2022).

При реабилитации часто применяются приложения XR по близким для военнослужащих видам спорта: пулевой стрельбе, дартсу, пауэрлифтингу, стрельбе из лука, гребле и др. (Tinney et al., 2023; Kaya et al., 2024). С точки зрения повышения уровня социализации военнослужащих наиболее эффективными представляются приложения XR для адаптивных вариантов командных видов, таких как хоккей, футбол, баскетбол, керлинг, волейбол (Yildirim, 2025). Командные виды спорта укрепляют социальные связи и уменьшают изоляцию. В последнее время получила распространение технология социального "exergames", обозначающая создание мотивирующих виртуальных миров для коллективного выполнения физических упражнений под воздействием VR в программах реабилитации адаптивным спортом (Shah et al., 2023). В этом случае VR-тренировки не имеют конкурентных отношений, а направлены на сотрудничество и кооперацию между участниками реабилитации для достижения общей цели (Hoeg et al., 2023). Позитивно влияет на социализацию участие военнослужащих в коллективных рекреационных мероприятиях в VR, AR или MR (например, погружение на дно озера). Результативность социальной реабилитации раненых и травмированных военнослужащих существенно возрастает в том случае, если родственники, друзья и тренеры понимают, приветствуют и даже участвуют в адаптивном XR-спорте (Gettings et al., 2022).

Как правило, изменение уровня социализации после применения XR оценивается на основании анализа данных опроса военнослужащих, принявших участие в программах реабилитации (Tyner et al., 2025). Опросы позволяют оценить субъективный опыт участников программы реабилитации, удовлетворенность мероприятиями и методами, уровень благополучия и уверенности в своих силах (Poberts et al., 2022). Пользовательский опыт раненых и травмированных военнослужащих свидетельствует о том, что участие в XR-тренировках, XR-соревнованиях и развлекательных мероприятиях приносит позитивные эмоции, повышает самооценку и уровень социализации. Также важно, что адаптивный XR-спорт становится импульсом к ос-

воению и применению информационно-коммуникационных цифровых технологий как ценного средства для жизни с физическими ограничениями, приобретенными в результате ранения или получения боевой травмы (Jeyakumar et al., 2023). Следовательно, адаптивный XR-спорт – это инструмент социальной трансформации для преодоления стрессовых жизненных ситуаций, содействия гармонизации межличностных взаимоотношений, укрепления самооценки и общего благополучия раненых и травмированных военнослужащих (Ahar et al., 2024).

Практические рекомендации по внедрению XR в реабилитацию адаптивным спортом

Внедрение XR в реабилитацию может иметь повышенный оздоровительный и социально-психологический эффект, если для реализации мероприятий программы будет привлекаться современная спортивная инфраструктура и тренеры, обладающие компетенциями в цифровой сфере. Широкое внедрение цифровых технологий XR в реабилитационную практику потребует дальнейшего развития спортивной инфраструктуры и дополнительное обучения специалистов в области адаптивного спорта. Также необходимо решить некоторые методические проблемы, в том числе установление границ безопасности XR-технологий, условий конфиденциальности, требований к раненым и травмированным военнослужащим – участникам программы, создание XR-контента. Не исключено, что появится потребность в новых профессиях, например, специалист по разработке XR-контента для реабилитации, XR-тренер и др.

В реабилитационных программах с использованием XR для раненых и травмированных участников боевых действий необходимо гибко комбинировать технологии. На основании анализа литературы можно предположить, что AR наилучшим образом подходит для обучения навыкам эталонного выполнения физических упражнений на тренировках, VR для повышения спортивного мастерства и участия в спортивных мероприятиях, MR для социальной адаптации. До настоящего времени VR является наиболее распространенной технологией для применения в реабилитации адаптивным спортом, хотя проявляется тенденция к комбинированному использованию технологий XR разной иммерсивности.

Как правило, современные публикации по внедрению XR в реабилитацию адаптивным спортом раненых и травмированных военнослужащих посвящены анализу сценариев применения приложений XR или оценке пользовательского опыта. По нашему мнению, для лучшего понимания факторов, влияющих на успешность внедрения XR в реабилитационную практику, необходимо увеличить масштабы научных исследований по данной теме, которая имеет первоочередную социальную и государственную значимость.

Заключение

Цифровые технологии XR различной иммерсивности (VR, AR, AsR, MR) открывают беспрецедентные возможности в мотивации занятий адаптивным спортом и становятся важнейшим инструментом в программах реабилитации, направленных на восстановление физического и психологического здоровья, а также социализации раненых и травмированных военнослужащих. Технологии XR в адаптивном спорте позволяют преодолевать средовые и личностные барьеры, индивидуализировать программу мероприятий, отслеживать и усиливать результативность реабилитации. По мере развития методологии и нахождения доступных недорогих цифровых решений, развития искусственного интеллекта и нейроинтерфейсов потенциал применения XR в программах восстановления раненых и травмированных участников боевых действий через адаптивный спорт будет возрастать за счет увеличения эффективности и доступности. Можно предположить, что в ближайшем будущем в адаптивном спорте получит распространение новое направление деятельности – реабилитационная расширенная реальность.

Список литературы / References

Abbas R. L., Cooreman D., Sultan H. A., Nayal M. E., Saab I. M., Khatib A. E. The effect of adding virtual reality training on traditional exercise program on balance and gait in unilateral, traumatic lower limb amputee. In: *Games for Health Journal*, 2021, 10(1), 50–56. https:/doi.org/10.1089/g4h.2020.0028

Ahar S., Samadi H., Barzegari Marvast H., Hajlotfalian M. Impact of exercise and virtual reality on psychomotor skills in post-traumatic stress disorder affected armed forces personnel. In: *Iranian Journal of War and Public Health*, 2024, 16(3), 261–267. https:/doi.org/10.58209/ijwph.16.3.261

Anderson A., Stankovic A., Cowan D., Fellows A., Buckey J. Natural scene virtual reality as a behavioral health countermeasure in isolated, confined, and extreme environments: Three isolated, confined, extreme analog case studies. In: *Human Factors*, 2023, 65(6), 1266–1278. https://doi.org/10.1177/00187208221100693

Bailey A. L., Kirsh S., Rawlins C. R., Persky S., Clancy C. Early scaling of immersive technology within the Veterans health administration. In: *NEJM Catalyst Innovations in Care Delivery*, 2024, 5(4). https://doi.org/10.1056/CAT.23.0356

Bekaroo G. Extended reality and the implementation of the UN sustainable development goals: opportunities, challenges and future directions. In: *Digital Technologies to Implement the UN Sustainable Development Goals. World Sustainability Series*. Ed by W. Leal Filho, S. Kautish, T. Wall, S. Rewhorn, S. K. Paul. Cham, Switzerland: Springer, 2024, 215–233. https://doi.org/10.1007/978–3–031–68427–2_11

Bettmann J. E., Prince K. C., Ganesh K., Rugo K. F., Bryan A. O., Bryan C. J., Rozek D. C., Leifker F. R. The effect of time outdoors on veterans receiving treatment for PTSD. In: *Journal of Clinical Psychology*, 2021, 77(9), 2041–2056. https://doi.org/10.1002/jclp.23139

Blackmore K. L., Smith S. P., Bailey J. D., Krynski B. Integrating biofeedback and artificial intelligence into extended reality training scenarios: a systematic literature review. In: *Simulation & Gaming*, 2024, 55(3), 445–478. https://doi.org/10.1177/10468781241236688

Bhattacharya P., Chatterjee S., Roy D. Impact of exercise on brain neurochemicals: a comprehensive review. In: *Sport Sciences for Health*, 2023, 19, 405–452. https://doi.org/10.1007/s11332–022–01030-y

Chen Y., Li W., Hussm A. S., Baghaei S., Salahshour S. Exploring the captivating convergence of rehabilitation, exercise, and cutting-edge health gadgets in the rapidly evolving tech-driven world. In: *Technology in Society*, 2025, 81, article ID 102808, 1–15. https://doi.org/1016/j.techsoc.2024.102808

Coulthard J., Therrien M. Building connections through sport and physical activity for Ill and injured military members and veterans: determining the optimal time for program involvement. In: *Military Behavioral Health*, 2022, 10(1), 60–69. https://doi.org/10.1080/21635781.2021.2007185

Creed C., Al-Kalbani M., Theil A., Sarcar S., Williams I. Inclusive augmented and virtual reality: A research agenda. In *International Journal of Human-Coomputer Interaction*, 2024, 40(20), 6200–6219. https://doi.org/10.1080/10447318.2023.2247614

Denche-Zamorano A., Rodriguez-Redondo Y., Barrios-Fernandez S., Mendoza-Munoz M., Castillo-Paredes A., Rojo-Ramos J., Garcia-Gordillo M.A., Adsuar J. C. Rehabilitation is the main topic in virtual and augmented reality and physical activity research: a bibliometric analysis. In: *Sensors,* 2023, 23(6), article ID 2987, 1–15. https://doi.org/10.3390/s23062987

Duong A., Roberts L., Cramm H., Evans B., Mayhew E., Latimer-Cheung A.E., Aiken A., Shirazipour C. H. I AM FAMILY: Understanding the adapted sport experiences of family members of sport experiences of family members of military personnel with physical and psychological illnesses and injuries through the lens of the Invictus Games. In: *Psychology of Sport and Exercise,* 2023, 68, article ID 102457. https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2023.102457

Gettings R. D., Kirtley J., Wilson-Menzfeld G., Oxburgh G. E., Farrell D., Kiernan M. D. Exploring the role of social connection in interventions with military veterans diagnosed with post-traumatic stress disorder: Systematic narrative review. In: *Frontiers in Psychology*, 2022, 13, article ID 873885. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.873885

Havlick D. G., Cerveny L. K., Derrien M. M. Therapeutic landscapes, outdoor programs for veterans, and public lands. In: *Social Science & Medicine*, 2021, 268, article ID 113540. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113540

Herrmann T. S., Bettmann J. E., Sweeney C., Marchand W. R., Carlson J., Hanley A. W.. Military veterans' motivation and barriers to outdoor recreation participation. In: *Leisure Studies*, 2022, 42(4), 581–598. https://doi.org/10.1080/02614367.2022.2125556

Hoeg E. R., Bruun-Pedersen J.R., Cheary S., Andersen L. K., Paisa R., Serafin S., Lange B. Buddy biking: a user study on social collaboration in a virtual reality exergame for rehabilitation. In: *Virtual Reality*, 2023, 27, 245–262. https://doi.org/10.1007/s10055–021–00544-z

Hooker T., McCool S., Fisher S. R. Exploring in depression and meaning in life through river rafting for veterans with PTSD. In: *Journal of Outdoor Recreation, Education, and Leadership*, 2022, 14(2), 16–33. https://doi.org/10.18666/JOREL-2022-V14-I2–11110

Houston A. D., Coppack R. J., Bennett A. N. Effectiveness of virtual reality-based gait education in enhancing the rehabilitation outcomes of injured military personnel. In: *BMJ Military Health*, 2022, 168(4), 308–313. https://doi.org/10.1136/bmjmilitary-2020–001581.

Javanbakht A., Hinchey L., Gorski K., Ballard A., Ritchie L., Amirsadri A. Unreal that feels real: artificial intelligence-enhanced augmented reality for treating social and occupational dysfunction in posttraumatic stress disorder and anxiety disorders. In: *European Journal of Psychotraumatology*, 2024, 15(1), 1–14, article ID 2418248. https://doi.org/10.1080/20008066.2024.2418248

Jeyakumar V., Sundaram P., Ramapathiran N., Kannan P. Virtual reality-based rehabilitation gaming system. In: *Artificial Intelligence and Machine Learning for Healthcare. Intelligent Systems Reference Library.* Ed by C. P. Lim, A. Vaidya, Y. W. Chen, V. Jain, L. C. Jain. Cham, Switzerland: Springer, 2023, 229, 135–180. https://doi.org/10.1007/978–3–031–11170–9_6

Jones C., Miguel Cruz A., Smith-MacDonald L., Brown M., Vermetten E., Bremault-Phillips S. Technology acceptance and usability of a virtual reality intervention for military members and veterans with posttraumatic stress disorder: Mixed methods unified theory of acceptance and use of technology study. In: *JMIR Formative Research*, 2022, 6(4), article ID 33681. https://doi.org/10.2196/33681

Jung Y. H., Yoo J. Y., Vazquez-Guardado A., Kim J.-H., Kim J.-T., Luan H., Park M., Lim J., Shin H.-S., Su Ch.-J., Schloen R., Trueb J., Avida R., Chang J.-K., Yang D. S., Park Yo., Ryu H., Yoon H.-J., Lee G., Jeong H., Kim J. U., Akhtar A., Cornman J., Kim T.-I., Huang Yo., Rogers J. A wireless haptic interface for programmable patterns of touch across large areas of the skin. In: *Nature Electronics*, 2022, 5, 374–385. https://doi.org/10.1038/s41928–022–00765–3

Kay Ch. W. Ph., McKenna J. The enduring well-being impacts of attending the Battle Back Multi Activity Course for the lives of recovering UK armed forces personnel. In: *Military Psychology*, 2022, 34(4), 410–421. https://doi.org/10.1080/08995605.2021.2002595

Kaya R. D., Hastilow K., Owen K. M., Zimmerman E. M., Rosenfeldt A. B., Alberts J. L., An augmented reality rifle qualification test for return-to-duty assessment in service members. In: *Military Medicine*, 2024, 189(9–10), 2009–2015. https://doi.org/10.1093/milmed/usae028

Kolmakov V. I., Kartavtzeva A. I., Sostavnev I. V. International experience of social rehabilitation of injured and wounded military based on physical activity and adaptive sports. In: *Journal Siberian Federal University Humanities. Social Science*, 2024, 17(2), 374–389. EDN: ZIERDS

Kourtesis P. A comprehensive review of multimodal XR applications, risks, and ethical challenges in the metaverse. In: *Multimodal Technologies and Interaction*, 2024, 8(11), 1–46, article ID 98. https://doi.org/10.3390/mti8110098

Le Noury P. J., Polman R. C., Maloney M. A., Gorman A. D. A narrative review of the current state of extended reality technology and how it can be utilised in sport. In: *Sports Medicine*, 2022, 52, 1473–1489. https://doi.org/10.1007/s40279–022–01669–0

Lopez-Ojeda W.M.S., Hurley R. A. Extended reality technologies: Expanding therapeutic approaches for PTSD. In: *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*, 2022, 34(1), 1–5. https://doi.org/10.1176/appi.neuropsych.21100244

Nukarinen T., Rantala J., Karpela K., Browning M. H.E., Istance H. O., Surakka V., Raisamo R. Measures and modalities in restorative virtual natural environments: An integrative narrative review. In: *Computers in Human Behavior*, 2022, 126, article ID 107008. https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107008

Page M. J., McKenzie J.E., Bossuyt P. M., Boutron I., Hoffmann T. C., Mulrow C. D., Shamseer L., Tetzlaff J. M., Moher D. Updating guidance for reporting systematic reviews: development of the PRISMA 2020 statement. In: *Journal of Clinical Epidemiology*, 2021, 134, 103–112. https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2021.02.003

Patil V., Narayan J., Sandhu K., Dwivedy S. K. Integration of virtual reality and augmented reality in physical rehabilitation: a state-of-the-art review. In: *Revolutions in Product Design for Healthcare. Design Science and Innovation*. Ed. by K. Subburaj, K. Sandhu, S. Cukovic. Singapore: Springer, 2022, 177–205. https://doi.org/10.1007/978–981–16–9455–4_10

Pennington D. L., Reavis J. V., Cano M. T., Walker E., Batki S. L. The impact of exercise and virtual reality executive function training on cognition among heavy drinking veterans with traumatic brain injury: a pilot feasibility study. In*: Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 2022, 16, 1–17, article ID 802711. https://doi.org/10.3389/fnagi.2022.802711

Perez V. Z., Yepes J. C., Vargas J. F., Franco J. C., Escobar N. I., Betancur L., Sanchez J., Betancur M. J. Virtual reality game for physical and emotional rehabilitation of landmine victims. In: *Sensors,* 2022, 22(15), article ID 5602. https://doi.org/10.3390/s22155602

Peterson B. N., Hitching R., Howard L., Zhu K., Fontenot M., Alhalabi W., Seibel A., Harris O. A., Madrigal E., Adamson M. M., Hoffman H. G. Immersive virtual reality: A safe, scalable, non-opioid analgesic for military and veteran patients. In: *Frontiers in Virtual Reality*, 2021, 2, 1–15, article ID 742290. https://doi.org/10.3389/frvir.2021.742290

Poberts G. A., Arnold R., Gillison F., Colclough M., Bilzon J. Predictors of military veterans' engagement in bespoke recovery pathways and health and well-being outcomes. In: *Rehabilitation Psychology*, 2022, 67(1), 79–89. https://doi.org/10.1037/rep0000423

Post D., Baker A., Milanese S., Freegard S., Parfitt G. The physical, psychological, and social impact of psrticipation in the Invictus Pathways Program: A qualitative analysis of veterans' perceptions and experiences. In: *PLOS One*, 2023, 18(10), 1–20, article ID 0287288. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0287228

Rayes R., Ball C., Lee K., White Ch. Adaptive sport in spinal cord injury: a systematic review. In: *Current Physical Medicine and Rehabilitation Reports*, 2022, 10, 145–153. https://doi.org/10.1007/s40141–022–00358–3.

Raymond-Pope C.J., Hoffman D. B., Saunders D. L., Greising S. M. Historical perspectives of regenerative rehabilitation: Recovering and restoring functional capacity. In: *Regenerative Rehabilitation. From Basic Science to the Clinic*. Ed. by S. M. Greising, J. A. Call. Cham, Switzerland: Springer, 2022, 1–38. https://doi.org/10.1007/978–3–030–95884–8

Renke M. B., Marcinkowska A. B., Kujach S. A systematic review of the impact of physical exercise-induced increased resting cerebral blood flow on cognitive functions. In: *Frontiers in Aging Neuroscience*, 2022, 14, 1–14, article ID 803332. https://doi.org/10.3389/fnagi.2022.803332

Serfioti D., Hunt N. Extreme sport as an intervention for physically injured military veterans: the example of competitive motorsport. In: *Disability and Rehabilitation*, 2022, 44(24), 7566–7574. https://doi.org/10.1080/09638288.2021.1985630

Shah S. H.H., Karlsen A. S., Solberg M., Hameed I. A. A social VR-based collaborative exergame for rehabilitation: codesing, development and user study. In: *Virtual Reality*, 2023, 27, 3403–3420. https://doi.org/10.1007/s10055–022–00721–8

Sheehan R. C., Fain A. C., Wilson J. B., Wilken J. M., Rabago C. A. Inclusion of a military-specific, virtual reality-based rehabilitation intervention improved measured function, but not perceived function, in individuals with lower limb trauma. In: *Military Medicine*, 2021, 186(7–8), 777–783. https://doi.org/10.1093/milmed/usaa483.

Sidiropoulos A. N., Glasberg J. J., Moore T. E., Nelson L. M., Maikos J. T. Acute influence of an adaptive sporting event on quality of life in veterans with disabilities. In: *PLoS ONE*, 2022, 17(11), 1–14, article ID 0277909. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0277909

Simon J. Investigating the use of augmented reality to enhance the indoor running experience on a treadmill. In: *Interdisciplinary Description of Complex Systems*, 2023, 21(4), 341–350. https://doi.org/10.7906/indecs.21.4.3

Slosar L., Voelcker-Rehage C., Paravlic A. H., Abazovic E., de Bruin E. D., Marusic U. Combining physical and virtual worlds for motor-cognitive training interventions: Position paper with guidelines on technology classification in movement-related research. In: *Frontiers in Psychology*, 2022, 13, 1–8, article ID 1009052. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1009052

Spiegel B. M.R., Rizzo A., Persky S., Liran O., Wiederhold B., Woods S., Donovan K., Sarkar K., Xiang H., Ahn S. J.G., Jotwani R., Land M., Paul M., Senter-Zapata M., Widmeier K., Zhang H. What is medical extended reality? A taxonomy defining the current breadth and depth of an evolving field. In: *Journal of Medical Extended Reality*, 2024, 1(1), 4–12. https://doi.org/10.1089/jmxr.2023.0012

Tinney M. J., Brinks D., Dykowski S., Lee K. Military veterans and adaptive sports. In: *Adaptive Sports Medicine*. Ed. by A. J. De Luigi. Cham, Switzerland: Springer, 2023, 425–433. https://doi.org/10.1007/978–3–031–44285–8_32

Tinney M. J., Nguyen Ch. Supporting a lifetime of fitness for the military veteran athlete: a narrative review. In: *Frontiers in Sports and Active Living*, 2024, 6, 1–6, article ID 1510422. https://doi.org/10.3389/fspor.2024.1510422

Tyner C. E., Kisala P. A., Slotkin J., Cohen M. L., Cancio J. M., Pluziner A. L., Dearth Ch.L., Tulsky D. S. Health-related quality of life after major extremity trauma: qualitative research with military service members and clinicians to inform measurement of patient-reported outcomes. In: *Quality of Life Research*, 2025, 1–14. https://doi.org/10.1007/s11136–025–03915–0

van Veelen N., Boonekamp R. C., Schoonderwoerd T. A.J., van Emmerik M. L., Nijdam M. J., Bruinsma B., Geuze E., Jones C., Vermetten E. Tailored immersion: Implementing personalized components into virtual reality for veterans with post-traumatic stress disorder. In: *Frontiers in Virtual Reality*, 2021, 2, 1–9, article ID 740795. https://doi.org/10.3389/frvir.2021.740795

Volovik M. G., Belova A. N., Kuznetsov A. N., Polevaia A. V., Vorobyova O. V., Khalak M. E. Use of virtual reality techniques to rehabilitate military veterans with post-traumatic stress disorder (review). In: *Sovremennye Technologii v Medicine*, 2023, 15(1), 74–86. https://doi.org/10.17691/stm2023.15.1.08

Walker R. A.J., Colclough M., Limbert C., Smith P. M. Perceived barriers to and benefits of physical activity among British military veterans that are wounded, injured, and/or sick: a Behaviour Change Wheel perspective. In: *Disability and Rehabilitation*, 2022, 44(6), 900–908. https://doi.org/10.1080/09638288.2020.1781940

Walters J., Beidel D. Getting real about post-traumatic stress disorder in the department of defense: Augmenting exposure therapy through virtual reality. In: *Journal of Veterans Studies*, 2022, 8(1), 87–97. https://doi.org/10.21061/jvs.v8i1.321

Yildirim C. Transformative virtual reality games for adaptive sports training: exploring the perceptions of individuals with mobility impairments. In: *International Journal of Human-Coomputer Interaction*, 2025, 1–13. https://doi.org/10.1080/10447318.2024.2311970

Zhang Ch., Yu S. Technology to enhance patient motivation in virtual reality rehabilitation: a review. In: *Games for Health Journal*, 2024, 13(4), 215–233. https://doi.org/10.1089/g4h.2023.0069

Theory and History of Culture, Art
Теория и история культуры, искусства

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1656–1668

EDN: FYESNE
УДК 902.674:726.54–035.3

Church of Paraskeva Pyatnitsa in the Village of Barabanovo, Krasnoyarsk Krai: Historical and Dendrochronological Sketch

Zakhar Yu. Zharnikov*[a], Valeria V. Dzyuba[a], Valentin V. Barinov[a], Elena A. Shushkanova[b], Alexey D. Yazev[c] and Vladimir S. Myglan[a]
[a] *Siberian Federal University*
Krasnoyarsk, Russian Federation
[b] *Department of History and Humanities, Siberian State Aerospace University*
Krasnoyarsk, Russian Federation
[c] *Krasnoyarsk Diocese of the Russian Orthodox Church*
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 09.04.2025, received in revised form 20.05.2025, accepted 28.06.2025

Abstract. The article discusses the history of the construction of one of the most valuable monuments of wooden architecture in the Krasnoyarsk Territory – the church of Paraskeva Friday in the village of Barabanovo, Yemelyanovsky district. Thanks to the application of an interdisciplinary approach combining historical and natural science (dendrochronological) methods, it was possible not only to clarify, but also to expand existing knowledge about the time of the construction of this religious building. As a result of cross-calendar dating, three groups of dates were obtained. The first two are in good agreement with historical sources and show that timber harvesting was carried out in stages. First, after the decision of the village council on the construction of the church, material was collected for the main log house of the temple and the bell tower in the autumn of 1852, then, three years later, logs were harvested for the roof ceilings in the autumn of 1854 – autumn of 1855. Both dates fall on the period before the approval of the church construction project (summer 1856). The third group of dates (1870s) is associated with the strengthening of the building structure, since after the construction of the temple, the southern and northern walls, due to the large internal volume and high windows, began to deform, since the construction of the church, in order to meet modern requirements for appearance and interior space (mid-19th century), was carried out with structural mistakes. At first glance, inconspicuous miscalculations during the twenty-year operation forced emergency measures to be taken. The results obtained emphasize the uniqueness of this architectural monument, illustrate the possibilities of the dendrochronological method for detailing the history of the structure and open up broad prospects for the study of monuments of religious architecture of Yenisei Siberia.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: zaxari1@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6505-0824 (Zharnikov); 0000-0002-3582-3440 (Barinov); 0000-0002-1798-913X (Shushkanova); 0000-0002-5268-653X (Myglan)

Keywords: history of Siberia, dendrochronology, architectural monument, wooden architecture, cult architecture, Orthodox church, Barabanovo.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation № 24–28–01451 «Dendrochronological view on religious Siberian architecture».

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Zharnikov Z. Yu., Dzyuba V. V., Barinov V. V., Shushkanova E. A., Yazev A. D., Myglan V. S. Church of Paraskeva Pyatnitsa in the Village of Barabanovo, Krasnoyarsk Krai: Historical and Dendrochronological Sketch. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1656–1668. EDN: FYESNE

Церковь Параскевы Пятницы в д. Барабаново Красноярского края: историко-дендрохронологический очерк

З.Ю. Жарников*[а], В.В. Дзюба[а], В.В. Баринов[а], Е.А. Шушканова[б], А.Д. Язев[в], В.С. Мыглан[а]

[а] *Сибирский федеральный университет*
Российская Федерация, Красноярск
[б] *Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева*
Российская Федерация, Красноярск
[в] *Красноярская епархия Русской Православной церкви*
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об истории строительства одного из ценнейших памятников деревянного зодчества Красноярского края – церкви Параскевы Пятницы в д. Барабаново Емельяновского района. Благодаря применению междисциплинарного подхода, сочетающего исторические и естественно-научные (дендрохронологические) методы удалось не только уточнить, но и расширить уже имеющиеся знания о времени возведения данного культового сооружения. В результате перекрестной календарной датировки было получено три группы дат. Первые две хорошо согласуются с данными исторических источников и показывают, что заготовка древесины проводилась поэтапно. Сначала, после решения сельского схода о строительстве церкви, был собран материал для основного сруба храма и колокольни – осень 1852 г., затем, спустя три года, были заготовлены бревна для перекрытий крыши – осень 1854-осень 1855 гг. Обе даты приходятся на период до начала согласования проекта строительства церкви (лето 1856 г.). Третья группа дат (1870-е гг.) связана с усилением конструкции здания, поскольку после возведения храма южная и северная стены вследствие большого внутреннего объема и высоких окон начали деформироваться, так как строительство церкви, в угоду современным требованиям к внешнему виду и внутреннему пространству (сер. XIX в.), было выполнено с конструктивными ошибками. Незаметные на первый взгляд просчеты в ходе двадцатилетней эксплуатации заставили принять экстренные аварийные меры. Полученные результаты подчеркивают уникальность данного

памятника архитектуры, иллюстрируют возможности дендрохронологического метода для детализации истории сооружения и открывают широкие перспективы исследования памятников культового зодчества Енисейской Сибири.

Ключевые слова: история Сибири, дендрохронология, памятник архитектуры, деревянное зодчество, культовая архитектура, православная церковь, Барабаново.

Исследование было выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01451 «Культовая архитектура Сибири глазами дендрохронологов».

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Жарников З. Ю., Дзюба В. В., Баринов В. В., Шушканова Е. А., Язев А. Д., Мыглан В. С. Церковь Параскевы Пятницы в д. Барабаново Красноярского края: историко-дендрохронологический очерк. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1656–1668. EDN: FYESNE

Введение

На сегодняшний день в научной среде наблюдается повышенный интерес к российской микроистории. Во многом данное направление строится вокруг культурной составляющей исторических поселений. Ярким примером такого направления является комплекс научных мероприятий, связанных с исследованием г. Енисейска, отпраздновавшего 400-летний юбилей в 2019 г. (Yeniseysk-400, 2019). Переняв эстафетную палочку, следующим крупным центром юбиляром станет г. Красноярск. Столица Красноярского края готовится к празднованию 400-летия в 2028 г. К сожалению, в отличие от Енисейска, историко-культурная среда Красноярска пострадала значительней в результате многочисленных урбанизационных процессов. Тем не менее все еще сохранилась группа зданий, определяющих облик исторической части города. Важнейшая среди них часть – памятники культового зодчества. Невозможно представить себе нынешний Красноярск без Покровской часовни, Покровского собора (старейшего из сохранившихся строений города), Благовещенской церкви и др. Осознавая важность данных объектов в формировании историко-культурной среды Красноярска, для повышения имиджевой привлекательности города нельзя забывать и о его окрестностях. Вокруг столицы Енисейской Сибири расположилось целое кольцо уникальных культовых объектов. Многие из них значительно пострадали в 20–30-е гг. XX в. в ходе антирелигиозной советской политики: Троицкие церкви в п. Емельяново и с. Частоостровское, постройки Свято-Успенского монастыря в п. Удачный и др. Если некоторые строения сегодня либо полностью восстановлены, либо находятся в процессе реставрации, то часть из них продолжают находиться в крайне плачевном состоянии, постепенно разрушаясь, к примеру, Свято-Никольский храм в д. Большой Кемчуг. Безусловно, необходимо принимать всевозможные меры для того, чтобы сохранить для наших потомков как сами архитектурные объекты, так и комплекс разносторонней информации, позволяющей как можно детальнее изучить историю их сооружения и эксплуатации.

В рамках данной статьи мы рассмотрим историю строительства одного из самых ярких объектов культурного наследия Красноярья – церкви Параскевы Пятницы в д. Барабаново (далее Барабановская церковь). Ее облик гармонично вписан в природный ландшафт береговой линии р. Енисей в 26 км северо-восточнее Красноярска. Своим видом (рис. 1) храм привлекает как жителей города и окрестностей, так и многочисленных путешественников, желающих прикоснуться к величественным красотам Енисейской Сибири. Долгое время данный памятник истории находился в крайне плачевном состоянии, однако в последние годы проводятся реставрационные работы (Act GCE, 2019). В результате появилась возможность

Рис. 1. Внешний вид церкви Параскевы Пятницы из д. Барабаново на момент отбора проб в декабре 2022 г. Вид с юго-восточной стороны. Фотография из фонда Сибирской дендрохронологической лаборатории

Fig. 1. The exterior of the Church of Paraskeva Pyatnitsa in the village of Barabanovo at the time of sampling in December 2022. View from the southeast. Photo from the collection of the Siberian Dendrochronological Laboratory

провести отбор дендрохронологических образцов, т.е. установить порубочные даты деревянных конструкций памятника. На сегодняшний день история данной церкви детально изучена, опубликован ряд статей и даже монография (Shushkanova, 2019; Bode, Ermakova, 2020 et al.). Тем не менее, как показала практика, дендрохронологический анализ в подобных ситуациях (Zharnikov, Barinov, 2019; Zharnikov et al., 2022) может существенно дополнить и уточнить строительную и эксплуатационную историю исследуемого объекта (можно установить не просто дату первоначального строительства исследуемого объекта, но также и периоды ремонта и перестройки, особенности заготовки древесины). В этом контексте и будет рассмотрен представляемый в статье материал об одном из самых известных памятников Енисейской Сибири – церкви Параскевы Пятницы из д. Барабаново Красноярского края.

Материалы и методы

Источником исторической информации послужила современная официальная делопроизводственная документация (Act GCE, 2019), атлас проектов и чертежей сельских построек (Atlas, 1853) и архивные материалы (клировые ведомости, богослужебные, проповеднические журналы и др.), отрывки которых опубликованы в исторических и краеведческих работах (Shushkanova, 2019; Bode, Ermakova, 2020).

Дендрохронологические источники представлены 21 образцом древесины (в виде кернов) сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.), отбор которых производился сотрудниками Сибирской дендрохронологической лаборатории с деревянных конструкций здания в декабре 2022 г., когда в церкви проводились реставрационные работы.

При отборе проб важной задачей было отобрать образцы с деревянных элементов конструкции, на которых сохранилось подкоровое кольцо или которые содержали значительное количество годичных колец (от 100 и более). Бревна стен церкви были сильно стесаны, по этой причине чешуйки коры сохранились только на образцах, отобранных на 3-м и 4-м ярусах колокольни, а также балках-перекрытиях основного зала храма.

Для календарной датировки образцов строительной древесины была привлечена региональная древесно-кольцевая хронология (далее – ДКХ) «**KR**» по сосне обыкновенной протяженностью 414 лет, построенная сотрудниками Сибирской дендрохронологической лаборатории СФУ. В нее вошли ДКХ «pg», построенная по произрастающим деревьям в лесном массиве рядом с д. Большой Кемчуг, кроме того, в нее были добавлены ДКХ, построенные по красноярским историческим постройкам (дом Мясникова по ул. Мира, 61, жилой дом по Вейнбаума, 24, Флигель Королёвой по ул. Горького, 11, дом Фон-Эзерского, по ул. Карла-Маркса, 24, полученные результаты дендрохронологического анализа которых сейчас готовятся к публикации).

Методы

Методической основой исследования стал комплексный подход, агрегирующий методы гуманитарных и естественных наук. Исторический анализ письменных источников, фотодокументов и иллюстраций выполнен общепринятыми историко-сравнительным и историко-системным методами (Kovalchenko, 2003; Medushevskaya, 2010), основанными на принципах историзма, объективности, системности, униформизма (Rakitov, 1982; Stepanischev, 2009). Дендрохронологический анализ – естественно-научный метод, активно применяемый для надежной датировки объектов культурного наследия, в том числе хорошо зарекомендовавший себя для датировки памятников историко-культурного наследия Сибири (Zharnikov et al. 2020; Myglan et al. 2010; Sidorova et al., 2017; 2018; et al.). Отбор образцов осуществлялся с помощью бура для сухой древесины. Бурение проводилось в местах с наилучшей сохранностью строительных элементов. Предпочтение отдавалось участкам с наличием подкорового слоя, позволяющего точно определить время заготовки древесины. Для создания пригодной для цифровых изображений поверхности подготовленные керны были поэтапно обработаны шлифовальными лентами зернистостью от 120 до 600 грид. Изображение поверхности кернов было получено при помощи сканера Epson Perfection V850 Pro. Измерение ширины годичных колец по цифровым изображениям было осуществлено в программе CooRecorder 9.1 (CR) (Larsson, 2013). Графическое представление данных проведено в программе CDendro 9.1. (Larsson, 2013). Полученные индивидуальные серии прироста были стандартизированы сплайном длиной в 2/3 от длины каждой индивидуальной серии в программе ARSTAN (подробно дендрохронологическая методика исследования изложена на сайте Сибирской дендрохронологической лаборатории (Methods of processing). Статистический анализ основывался на проведении кластерного анализа для группировки древесины по особенностям прироста их колец, а также расчете коэффициентов корреляции множественного (в программе COFECHA) и Пирсона (в программа STATISTICA), подтверждающих качество выполненных датировок. На заключительном этапе работы была осуществлена верификация исторических и дендрохронологических данных, что позволило согласовать и корректно интерпретировать полученную информацию.

Результаты

Историческая часть

Достаточно подробно история возведения Барабановской церкви приведена в монографии «Церковь святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX–XX вв.)» (Shushkanova, 2019). Основываясь на информации, изложенной в данной книге, приведем основные этапы строительства исследуемого памятника.

Начало истории возведения Барабановской церкви относится к **февралю 1852 г.** В это время жители четырех близлежащих деревень (Барабановской, Додоново, Карымской и Шиверской) на общинном сходе составили приговор с прошением к епископу Томскому и Енисейскому Афанасию (Соколову) построить церковь: деревянную однопрестольную, на каменном фундаменте, во имя мученицы Параскевы. До этого

времени в указанных деревнях имелись часовни, однако надобность в храме местными обосновывалась вполне логичной причиной: «дальнего расстояния селения нашего от приходской своей церкви … немногие из нас могут часто бывать в храме Божием даже в нарочитые праздники» (Shushkanova, 2019: 11). Крестьянский приговор был зарегистрирован в Томской духовной Консистории **14 марта 1852 г.** Консистория утвердила постановление № 2136 о создании нового прихода **31 июля 1852 г.**, а 28 августа томские епархиальные власти дали поручение «местному благочинному при депутатстве с гражданской стороны произвести по сему прошению исследование…» (Shushkanova, 2019: 12) (выбор и обоснование места для постройки храма, сбор необходимых документов, назначение представителей от Господина Енисейского гражданского губернатора, депутата от гражданской стороны и пр.).

Согласно «показаниям» – документу, в котором подробно излагаются обязанности сельских обществ не только по строительству, но и по дальнейшему содержанию будущего храма, указано, что «сооружение церкви имеем производить посредством пожертвований и с помощью сбора с книгою, выдаваемую на сей предмет епархиальным начальством» (Shushkanova, 2019: 12). Всего на строительство было собрано 7200 руб. Окончательный проект церкви был утвержден Томской епархией **30 июля 1856 г.**, а уже **15 августа 1856 г**. был совершен церковный чин на основание (закладку) деревянного храма.

Остается непонятным, почему в середине XIX в. (когда каменное храмовое строительство было достаточно распространенным явлением) жители Барабаново решили строить деревянную церковь? Так, в отличие от центральной части Российской империи, где строительство деревянных храмов было ограничено с начала XIX в. и к середине XIX в. уже изжило себя, в Сибири, напротив, бревенчатое церковное зодчество по-прежнему оставалось типичным. Безусловно, свою роль играло то обстоятельство, что дерево являлось дешевым и доступным материалом. Кроме того, местные мастера и даже простые жители владели навыками плотницкого дела. Данный факт прослеживается и в участии барабановского населения в возведении храма (в частности, большую роль сыграла семья Черкашиных). Дополнительным плюсом было то, что обогревать деревянный храм, учитывая суровость и продолжительность сибирских зим, было намного легче (по сравнению с каменным). Таким образом, возведение в д. Барабаново деревянного храма было естественным и обоснованным решением.

Особый интерес представляет организация поставки строительного леса для храма. Никаких прямых сведений на этот счет в архивных материалах нет. Однако, по всей вероятности, лес для возведения деревянной церкви сплавлялся по Енисею из более лесистых районов, расположенных юго-западнее Красноярска. В справке об условиях ведения хозяйства для иркутского генерал-губернатора, подготовленной правительственным агрономом по Енисейской губернии в 1907 г., указывалось, что Частоостровская волость «совершенно безлесная и имеет степной характер… лишь кое-где встречаются здесь березовые рощи или на вершинах хребтов сосенник и ельник» (Shushkanova, 2019: 66). Поэтому заготовкой строительного леса жители барабановского прихода не занимались. Это же подтверждает и история возведения в селе Барабановское новой часовни после того, как старая сгорела в 1858 г. Строевой лес для нее, по сохранившимся сведениям, был завезен, а не заготовлен на месте (Shushkanova, 2019: 21).

Здание Барабановской церкви **было построено к середине 1857 г.**, а в октябре того же года завершены внешние работы. О чем доложили в рапорте благочинному епископу: «Выкрашена кровля церкви, вместо краски по условию, водянкою» (Shushkanova, 2019: 17). Оформление внутреннего интерьера церкви и подготовка храма к началу богослужений затянулось. Приемка готового к богослужениям барабановского храма проводилась **2 мая 1858 г**. В документе освидетельствования

фиксировалось, что «работы произведены **с надлежащей прочностью, согласно с правилами, с употреблением материалов достаточного качества, строительного искусства»** (Shushkanova, 2019: 18). В контексте данной статьи приведенная фраза имеет значительный интерес и свидетельствует о том, что на момент окончания строительных работ здание церкви считалось построенным весьма качественно. По получении антиминса из Томска храм святой мученицы Параскевы был полностью готов к освящению. **Великий чин освящения (или обновления, так как храм из обычного здания становится святым местом) свершился 16 августа 1858 г.** Таким образом, с момента решения о строительстве храма до его освящения прошло шесть с половиной лет.

Что из себя представлял исследуемый храм? Церковь построена по образцовому типовому проекту № 12 (рис. 2) из «Атласа проектов и чертежей сельских построек» 1853 г. (при том что решение о строительстве было утверждено в 1852 г.) (Atlas, 1853).

В основе планировки Барабановской церкви лежит традиционная продольно-осевая композиция, называемая «кораблем», которая имеет массу исторических аналогов – Музей декабристов (Михайло-Архангельская церковь) г. Чита 1776 г., церковь Преображения господня с. Курунзулай Забайкальского края (1897 г.) и др. Согласно данным А. Б. Боде (Bode, Ermakova, 2020: 53), основной сруб церкви в Барабаново отличается невысокими пропорциями и необычным переходом от четверика к восьмерику, выполненным в виде треугольных парусов. В своей работе А. Б. Боде отмечает, что существенным отличием деревянных церквей XIX в. от традиционных построек XVII–XVIII вв. были высокие оконные и дверные проемы (яркий пример – музей декабристов г. Чита). Для срубов большого размера данная мода могла привести к проблеме деформации стен. Так, размеры основного сруба храма Барабановской церкви составляют 10х10 м, а выполненные большие проемы, перерезающие его бревна, повлекли необходимость установки сжимов разной высоты (вертикальных бревен с двух сторон стены, стянутых болтами), которые сохранились до наших дней. Подобные конструктивные несовершенства

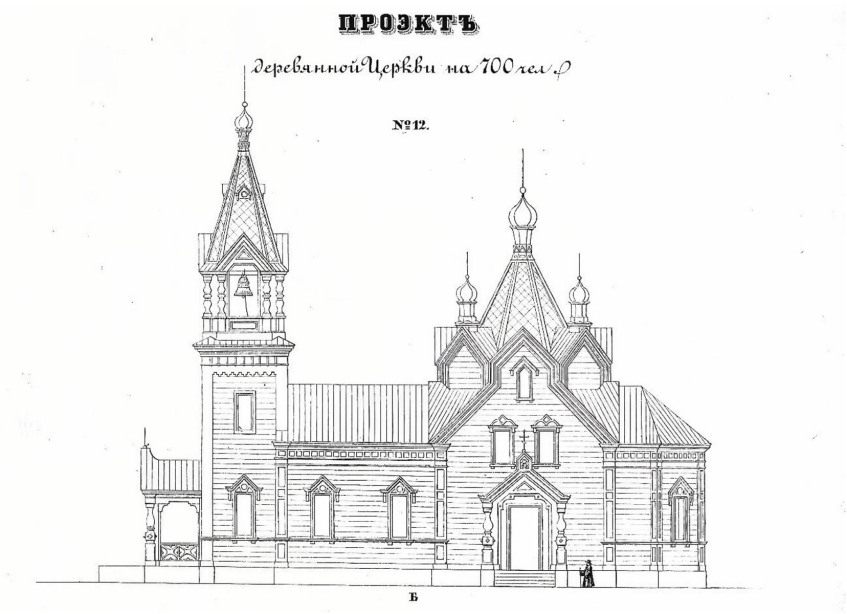

Рис. 2. Проект № 12 деревянной церкви на 700 человек (Atlas, 1853)
Fig. 2. Project No. 12 of a wooden church for 700 people (Atlas, 1853)

характерны для деревянной архитектуры XIX в., тогда как конструкции более ранних традиционных церквей отличаются рациональностью (Khodakovsky, 2018). Однако возникает определенное противоречие. В монографии о Барабановской церкви указываются следующие свидетельства: а) «Между прочим, в 1864 г. в ходе обозрения епархии в село Барабановское прибыл первый Енисейский епископ – Никодим (Казанцев). ***Состояние церкви ему очень понравилось: он отмечал, что хотя она была достаточно новая, но хорошо благоукрашена и находилась в полном порядке благодаря трудам своего настоятеля Евфимия Ситникова.*** В марте следующего года настоятель Параскевской церкви даже получил от владыки благодарность»; б) в августе 1870 г. благочинный Алексей Угрюмов, совершая обозрение церквей своего участка, докладывал в Консисторию***, что «Барабановская Параскевская церковь прочна и поместительна,*** прилично украшенная, прихожане религиозны и нравственности доброй» (Shushkanova, 2019: 20). Согласно информации клировых ведомостей и материалов обозрения церквей енисейскими архиереями, ***серьезных перестроек или капитальных ремонтных работ в храме в последующие годы не делалось.*** Однако если все было настолько хорошо, то когда и для чего прямо прорезая тесовый фасад стен, были установлены вышеописанные сжимы?

Закрытие православного прихода в Барабаново и окончательное прекращение богослужебной практики официально произошло 23 июля 1935 г. на основании Постановления № 1123 Президиума Красноярского краевого исполкома, которое называлось «О ликвидации Барабановской церкви Красноярского района» (Shushkanova, 2019: 123). Следовательно, если считать от первой Литургии в 1858 г. до постановления о закрытии храма в 1935 г., церковь великомученицы Параскевы Пятницы была действующим храмом около 77 лет. На сегодняшний день ведутся активные реставрационные работы храма (Vesti Krasnoyarsk, 2024), и в ближайшее время он снова будет радовать своей традиционной красотой как местное население, так и гостей красноярской земли.

Дендрохронологическая часть

В результате перекрестной датировки индивидуальных серий по образцам

Таблица. Результат перекрестной дендрохронологической датировки индивидуальных серий прироста с образцов бревен Барабановской церкви

Table. Result of cross-dendrochronological dating of individual growth series from samples of logs of the Barabanovo Church

№	Название серии	Интервал (гг.)		Длина серии (лет)	r	σ	m	Место отбора образца
1	bar01	1762	**1852**	90	0,55	0,38	0,16	4 ярус (колокольня) восточная стена
2	bar02	1796	**1852**	57	0,43	0,46	0,19	4 ярус (колокольня) северо-восточная стена
3	bar03	1728	**1852**	125	0,60	0,79	0,22	4 ярус (колокольня) северная стена
4	bar04	1740	1849	110	0,59	0,71	0,25	4 ярус (колокольня) западная стена
	bar05	1732	**1852**	120	0,65	0,77	0,22	4 ярус (колокольня) юго-западная стена
5	bar06	1743	**1852**	110	0,46	0,45	0,22	3 ярус (колокольня) южная стена
6	bar07	1756	**1851**	96	*0,25*	0,44	0,19	3 ярус (колокольня) южная стена
7	bar08	1736	1846	111	0,53	0,86	0,22	3 ярус (колокольня) северо-восточная стена
8	bar09	1731	**1852**	121	0,40	0,83	0,23	3 ярус (колокольня) северо-западная стена

Таблица. Продолжение
Table. Continued

№	Название серии	Интервал (гг.)		Длина серии (лет)	r	σ	m	Место отбора образца
9	bar10	1751	1846	96	0,44	0,66	0,15	1 ярус (храм) северо-восточная стена, 5 венец
10	bar11	1759	1841	83	*0,30*	1,10	0,15	1 ярус (храм) северо-восточная стена, 3 венец
11	bar12	1733	1819	87	0,36	0,69	0,17	1 ярус (храм) северная стена, 3 венец
12	bar13	1790	1874*	85	0,42	0,63	0,18	сжим-1, укрепляющий южную стену церкви внутри храма
13	bar14	1797	1875*	79	0,41	1,22	0,19	сжим-2, укрепляющий южную стену церкви внутри храма
14	bar15	1779	**1855**	77	0,47	0,98	0,22	продольная балка
15	bar16	1726	**1855**	130	0,52	0,62	0,25	поперечная балка перекрытия 1 с запада
16	bar17	1752	**1854**	103	0,58	0,42	0,17	поперечная балка перекрытия 2 с запада
17	bar18	1729	**1855**	127	0,53	0,68	0,18	поперечная балка перекрытия 3 с запада
18	bar19	1792	**1855**	64	0,35	0,29	0,15	поперечная балка перекрытия 4 с запада
19	bar20	1714	1849	136	0,55	0,78	0,22	2 ярус (колокольня) восточная стена
20	bar21	1751	1843	93	0,50	0,77	0,19	2 ярус (колокольня) восточная стена
21	bar22	1762	1839	78	0,42	0,60	0,18	алтарная часть, северная стена, 4 венец

Примечания: r – межсериальный коэффициент корреляции; σ – стандартное отклонение; m – коэффициент чувствительности; жирным шрифтом выделены образцы, содержащие подкоровый слой; * – даты датированных сжимов; косым шрифтом выделены значения межсериальных коэффициентов корреляции ниже порогового значения.

конструкций исследуемой церкви была получена обобщенная ДКХ – **bar**, протяженностью 160 лет (см. рис. 3, табл.), межсериальный коэффициент корреляции составил 0,48, что является достаточно стандартным показателем для границы лесостепной и южнотаежных зон. Несмотря на то что образцы № 7 и 11 были датированы графически, их невысокая межсериальная связь с другими сериями (ниже значимого порога) не позволила включить их в обобщенную ДКХ по Барабановской церкви **bar** (вероятно, данные деревья произрастали в несколько иных эколого-микрорельефных условиях).

Полученная ДКХ **bar** была перекрестно датирована с ДКХ **KR.** Коэффициент корреляции Пирсона за общий период в 160 лет составил **0,56** при $p \leq 0,05$ (рис. 3). Основная масса порубочных дат приходится на 1850-е гг.

Обсуждение

В первую очередь в результате дендрохронологического анализа удалось получить порубочные даты стен храма и трех ярусов колокольни. На образцах, где сохранился подкоровый слой либо сохранилось порубочное кольцо, год заготовки пришелся на один период времени – осень **1852 г.** (образцы 1–3, 5, 6, 9). Это позволяет сделать следующие выводы: заготовка бревен для строительства церкви началась после того, как, согласно вышеизложенными данным, весной этого года сельским сходом было решено строить церковь. Возможно, начало рубки соответствует времени, когда уже были собраны первые пожертвования. Образцы, отобранные с внешней стороны стен первого яруса (10, 11, 12), имели сильную стесанность, по этой причине на образцах не сохранился подкоровый слой. Стены второго яруса

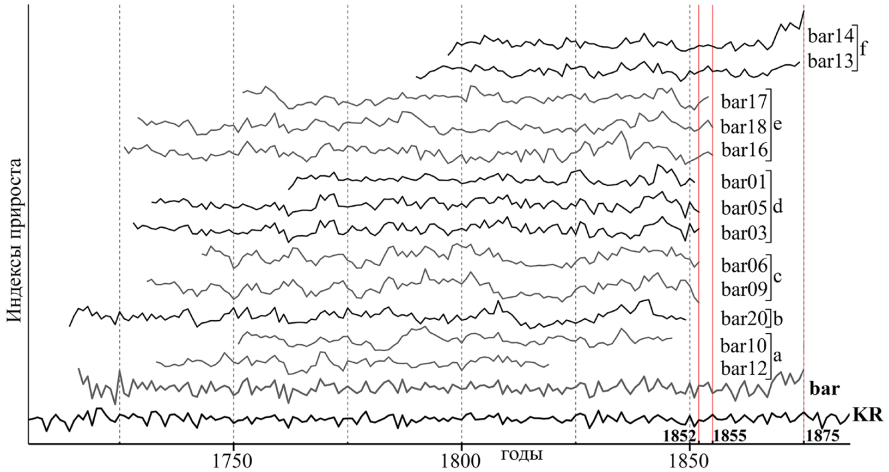

Рис. 3. Календарная перекрестная датировка индивидуальных и обобщенных стандартизированных серий, построенных по образцам, взятым с Барабановской церкви (**bar**) и региональной ДКХ (**KR**); a – внешняя часть 1-й яруса храма; b – 2-й ярус колокольни; c – 3-й ярус колокольни; d – 4-й ярус колокольни; e – перекрытия храмовой части; f – сжимы

Fig. 3. Calendar cross-dating of individual and generalized standardized series based on samples taken from the Barabanovskaya Church (bar) and the regional DKH (KR); a – exterior of the 1st tier of the church; b – 2nd tier of the bell tower; c – 3rd tier of the bell tower; d – 4th tier of the bell tower; e – ceilings of the church section; f – compression

(20, 21) с внешней стороны также были сильно стесаны. По этой причине можно предположить, что деревья для их сооружения, как и для стен храма, были заготовлены в 1852 г.

Второй период заготовки древесины фиксируется по порубочным датам перекрытий храмовой части – **1854–1855 гг.** (15–19 образцы). На 17 образце (1854 г.) также фиксируется подкоровый слой. Данные даты указывают нам на то, что еще до 30 июля 1856 г, когда Томская епархия утвердила окончательный проект строительства церкви, заготовка древесины была закончена. При этом еще до его принятия становится очевидным, что бревна сруба заготавливались в разное время для определенных частей церкви. Проведенный кластерный анализ индивидуальных серий (рис. 4) показал, что бревна с разных строительных элементов отбирались в одном лесном массиве. При этом образцы разбиваются на две группы, вероятно, связанные с тем, что древесина отбиралась с разных делян, что логично, учитывая, что данная территория вокруг Барабаново считалась малозалесенной (лесостепной).

Третий период (образцы 13, 14), выявленный в ходе дендрохронологического анализа, говорит нам о том, что к **середине 1870-х гг.** стало очевидно, что стены храма, прорезанные большими оконными проемами, постепенно начали деформироваться. Впоследствии для их укрепления были установлены сжимы, которые стоят и по сей день. У образцов, отобранных с данных элементов (13, 14), не фиксируется подкоровый слой, поэтому 1875 г. – это не окончательная дата, и, возможно, работы по укреплению стены были осуществлены несколько позднее. Полученные данные существенно дополняют информацию, изложенную в работе А. Б. Боде (Bode, Ermakova, 2020). Анализ полученной информации не позволяет утверждать, что Барабановская церковь на момент окончания строительства была построена качественно и добротно. Меньше чем через 20 лет ее стены пришлось укреплять. Безусловно, это во многом обусловлено потерей народных традиций и прие-

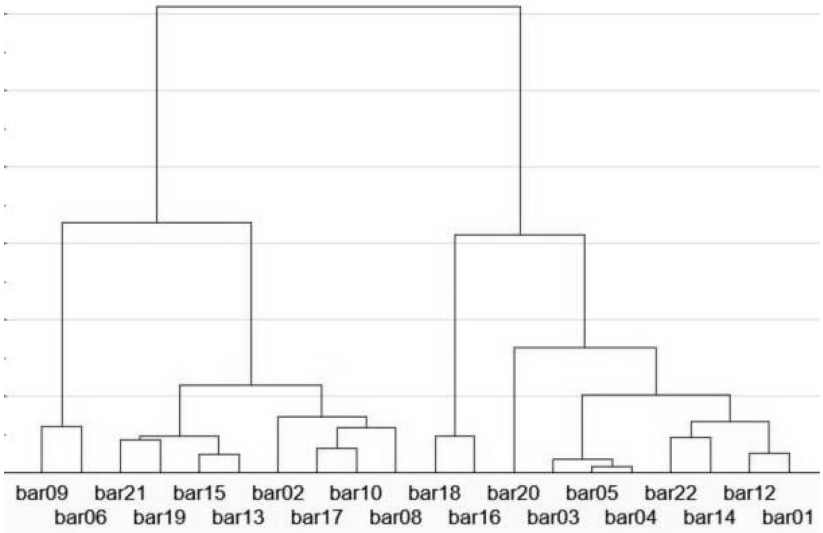

Рис. 4. Кластерный анализ индивидуальных серий прироста по образцам, взятым с Барабановской церкви

Fig. 4. Cluster analysis of individual growth series based on samples taken from the Barabanovo Church

мов в деревянном зодчестве в угоду моде середины XIX в.

Заключение

Церковь Параскевы Пятницы из д. Барабаново – старейший деревянный храм на территории Красноярского края. Сохранение как самого здания, так и научно-исторической информации о нем – важная миссия нашего поколения. Несмотря на то что за последние годы был опубликован ряд исследований об истории данного памятника культового зодчества, проведенная в рамках данного исследования работа позволила внести ряд существенных дополнений в историю его строительства и функционирования. Во-первых, в результате календарной датировки древесных образцов было установлено, что заготовка бревен (сосны обыкновенной) осуществлялась поэтапно (для элементов основного сруба – в 1852 г., для перекрытий – в 1855 г.), т.е. до начала строительных работ. Следовательно, значительная часть материала была заготовлена и складирована до момента возведения срубных конструкций в 1856 г. Во-вторых, доказано, что построенная церковь из-за больших оконных проемов и большого объема внутреннего пространства спустя определенное время (не менее чем за 18–20 лет) потеряла несущую прочность основных стен. В результате пришлось прибегнуть к их экстренному укреплению (данная работа была выполнена неаккуратно, с прорезкой внешнего фасада (теса), при этом использовались балки разной высоты (что ухудшило эстетический вид здания) специальными сжимами. С другой стороны, данный факт подчеркивает уникальность данного памятника архитектуры, являющегося примером сибирского деревянного зодчества на стадии утраты традиционных форм и строительных приемов к сер. XIX в. в угоду современным требованиям к внешнему виду и внутреннему пространству.

Проведенное исследование в очередной раз показало, какой неоценимый вклад вносит междисциплинарный подход в сферу исследования культурного наследия Сибири. Дополнительным результатом стала ДКХ **bar** (по сосне обыкновенной) протяженностью с 1714 по 1875 гг., что в дальнейшем позволит с более высокой точностью выполнить дендрохронологическое обсле-

дование других архитектурных объектов данной территории, к примеру, церквей в д. Гляден, Минск, Сухобузимо и др. памятников материальной культуры.

Список литературы / References

Akt gosudarstvennoj istoriko-kul`turnoj e`kspertizy` nauchno-proektnoj dokumentacii na provedenie rabot po soxraneniyu ob``ekta kul`turnogo naslediya regional`nogo znacheniya «Cerkov` Paraskevy` Pyatnicy, 1855–1857 gg.» [Act of the state historical and cultural expertise of the scientific and design documentation for works on the preservation of the object of cultural heritage of regional significance «Church of Paraskeva Pyatnitsa, 1855–1857 years»]. Service for State Protection of Cultural Heritage of Krasnoyarsk Krai. 2019. Available at: https://ookn.ru/upload/iblock/0ad/ГИКЭ%20Барабаново.pdf (accessed 15 June 2024).

Atlas proektov i chertezhej sel`skix postroek [Atlas of projects and drawings of rural buildings]. St. Petersburg, Department of Agriculture M. G.I., Gundrizer's lit., 1853. 36 p.

Bode A. B., Ermakova A. A. Paraskeva Pyatnitsa Church in the village of Barabanovo [Paraskeva Pyatnitsa Church in the village of Barabanovo]. In: *Proekt Bajkal [Project Baikal],* 2020, 17(65), 50–57.

Cook E.R, Kairiukstis I. *Methods of Dendrochronology: aplications in environmental sciences.* Dordrecht, Boston, London, Kluwer Acad. Publ., 1990. 394 p.

Douglass A. E. *Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity.* Washington: Carnegie Inst., 1919. 127 p.

Enisejsk-400. V 2019 godu sostoyalis` meropriyatiya po prazdnovaniyu 400-letiya goroda Enisejska [Yeniseysk-400. In 2019, events were held to celebrate the 400th anniversary of the city of Yeniseisk]. Yeniseisk-400. 2019. Available at: https://ookn.ru/eniseysk-400/ (accessed 15 June 2024).

Holms R. L. *Dendrochronological Program Library / Laboratory of Tree-ring Research.* Tucson: The University of Arizona, 1984. 51 pp.

Khodakovsky E. V. Derevyannaya khramovaya arkhitektura Russkogo Severa kontsa XVIII – nachala XX veka: osnovnye zadach izucheniya i istoriko-khudozhestvennoi otsnki [Wooden church architecture of the Russian North of the late 18th – early 20th century: the main objectives of the study and historical and artistic evaluation]. In: *Arxitekturnoe nasledstvo [Architectural Heritage]*, 2018, 68, 109–122.

Kovalchenko I. D. *Metody` istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research].* Moscow, Nauka, 2003. 486 p.

Larsson L. *CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder*/Cdendro package version 7.6. 2013. Available at: http://www.cybis.se/forfun/dendro/ (accessed 15 November 2024)

Medushevskaya O. M. *Teoriya istoricheskogo poznaniya [Theory of Historical Cognition].* Moscow, University Book, 2010. 576 p.

Metodiki obrabotki i izmereniya [Methods of processing and measurement]. Siberian Dendrochronological Laboratory. Available at: https://www.sibdendro.com/obrabotka-materiala (accessed 08 November 2023).

Myglan V. S., Zharnikov Z. Yu., Mainicheva A. Yu., Lykhin Y. P. Dendroxronologicheskoe obsledovanie Ilimskogo ostroga *[*Result of dendrochronologycal dating of the Ilimsk stockaded town (the Saviour Tower of the Ilimsk stockaded town and the Ilimsk Kazan church)*].* In: *Mir Evrazii [The World of Eurasia],* 2010, 4, 36–41.

Rakitov A. I. *Istoricheskoe poznanie: sistemno-gnoseologicheskij podxod [Historical cognition: system-gnoseological approach].* Moscow, Publishing House of Political Literature, 1982. 303 p.

Rinn F. *TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation.* Heidelberg, Frank-RinnDistribution, 1996. 269 p.

Shiyatov S. G., Vaganov E. A., Kirdyanov A. V., Kruglov V. B., Mazepa V. S., Naurzbayev M. M., Khantemirov R. M. *Metody` dendroxronologii [Methods of dendrochronology].* Krasnoyarsk, 2000. 80 p.

Shushkanova E. A. *Cerkov' Svjatoj Paraskevy sela Barabanovskoe Enisejskoj gubernii v kontekste sibirskoj istorii (vtoraja polovina XIX–XX vv.) [The Church of St. Paraskeva of the village of Barabanovskoye*

of the Yenisei province in the context of Siberian history (the second half of the XIX–XX centuries)]. Krasnoyarsk, 2019, 140 p.

Sidorova M. O., Zharnikov Z. Yu., Dorzhu Z. Yu., Mainicheva A. Y., Myglan V. S. Dendroxronologicheskie metody` v arxitekturno-e`tnograficheskom obsledovanii poselenij russkix v Sibiri (na primere goroda Tary` Omskoj oblasti) [Dendrochronological Methods in the Architectural and Ethnographic Study of Russian Towns in Siberia: The Case of Tara, Omsk Region]. In: *Arxeologiya, e`tnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia],* 2017, 45(4), 122–131.

Sidorova M. O., Zharnikov Z. Yu., Vakhnina I. L., Myglan V. S. Dendroxronologicheskoe datirovanie g. Chity`: dom s. A. Shillinga [Dendrochronological dating of Chita: S. A. Shilling's house]. In: *Evraziya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoe`kologiya, kul`tury` [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures],* 2018, 7, 322–328.

Stepanischev A. T. *Istoriya: metodologiya nauchnogo issledovaniya i prepodavaniya [History: methodology of scientific research and teaching]*. Moscow. VU, 2009. 309–430.

V Barabanove prodolzhaetsya vosstanovlenie samoi bol'shoi derevyannoi tserkvi za Uralom [The restoration of the largest wooden church in the Urals continues in Barabanov]. In: *Vesti Krasnoyarsk*. October 30, 2024. Available at: https://www.vesti-krasnoyarsk.ru/news/obshestvo/post-50561/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed 15 February 2025)

Wigley T., Briffa K. & Jones P. On the average value of correlated time series, with application in dendroclimatology and hydrometeorology. In: *J. Clim. Appl. Met.*, 1984, 23, 201–213.

Zharnikov Z. Yu., Myglan V. S., Sidorova M. O., Abolina L. A. Genezis derevyannoj arxitektury` Enisejska v kontekste posledstvij pozhara 1869 g. [Genesis of Wooden Architecture in Yeniseisk in the Context of the Catastrophic Town Fire in 1869]. In: *By`ly`e gody` [Bylye Gody],* 2020, 55(1), 173–187.

Zharnikov Z. Yu., Barinov V. V. (Dom voevody`) goroda Enisejska: istoriko-dendroxronologicheskij analiz [Historical and year-ring analysis of «Dom Voevody» in Yeniseysk]. In: *Balandinskie chteniya [Balandin reading],* 2019, 14(1), 32–39.

Zharnikov Z. Yu., Dzyuba V. V., Myglan V. S., Vakhnina I. L. K voprosu dendroxronologicheskogo datirovaniya kamenny`x sooruzhenij na primere Troiczkogo sobora g. Kyaxty` [Troickij Cathedral as the Example of Stone Buildings Dendrochronological Dating (Kyakhta, East Siberia)]. In: *By`ly`e gody` [Bylye Gody],* 2022, 17(4), 1721–1732.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1669–1676

EDN: HWJOKV
УДК 069.51:642.721(470–25)

The Stylistic Evolution of Silver Table Sets Made by Royal Order in Russia in the First Half of the XVIII Century

Yulia I. Bykova*
The Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site
Moscow, Russian Federation

Received 31.03.2025, received in revised form 06.04.2025, accepted 28.06.2025

Abstract. The article examines the stylistic evolution of silver dinner services ordered for the royal table in Russia in the first half of the XVIII century. The study showed that, these sets were made in 1700–1710 in Moscow by "full-time" silversmiths of the Armory Chamber and free silversmiths (both Russian and foreign), and in 1730–1760 in St. Petersburg by free foreign jewelers and Russian coiners. The style of the sets coincided with the general artistic evolution of forms and decorations in the applied arts of this period. So, in Peter's time there was a predominance of simple forms and an almost complete absence of decor, in Anna's time there was the influence of the regency style, reflected in the works of Nikolas Doom, in Elizabethan time there was the Rococo style with Baroque elements (Petrovsky service, the First New service).

Keywords: jewelry, silversmith, Russian Imperial Court, Nikolas Doom, dinner services, silver service sets, dishware, tableware, Rococo.

Research area: Art Types (Visual, Applied and Decorative Arts and Architecture).

Citation: Bykova Yu. I. The Stylistic Evolution of Silver Table Sets Made by Royal Order in Russia in the First Half of the XVIII Century. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1669–1676. EDN: HWJOKV

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: jib78@mail.ru

Стилевая эволюция столовых серебряных сервизов, изготовленных по царскому заказу в России в первой половине XVIII в.

Ю.И. Быкова
Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
Российская Федерация, Москва

Аннотация. В статье рассматривается стилевая эволюция столовых серебряных сервизов, заказанных для царского стола в России в первой половине XVIII в. Исследование показало, что эти сервизы изготавливались в 1700–1710-е гг. в Москве как жалованными мастерами Оружейной палаты, так и вольными серебряниками (и русскими, и иностранными), а в 1730–1760-е гг. – в Санкт-Петербурге вольными иностранными ювелирами и русскими чеканщиками. Стилистика сервизов совпадала с общей художественной эволюцией форм и оформления в декоративно-прикладном искусстве этого периода. Так, в петровское время – это преобладание простых форм и почти полное отсутствие декора, в аннинское время – влияние стиля регентства, нашедшего отражение в работах Николая Дома, в елизаветинское время – стиль рококо с барочными элементами (Петровский сервиз, Первый Новый сервиз).

Ключевые слова: ювелирное искусство, серебряники, Российский императорский двор, Николай Дом, обеденные сервизы, серебряные сервизы, посуда, рококо.

Научная специальность: 5.10.3. Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура).

Цитирование: Быкова Ю. И. Стилевая эволюция столовых серебряных сервизов, изготовленных по царскому заказу в России в первой половине XVIII в. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1669–1676. EDN: HWJOKV

В начале XVIII столетия в российский придворный быт приходит европейская культура сервировки стола. Возникает потребность иметь целый ряд серебряных сервизов. Решая эту проблему, столовые сервизы для императорского обихода заказывают как в Европе, так и в России.

Впервые большой серьезный научный труд, посвященный драгоценной столовой утвари, принадлежавшей российской императорской семье, был издан в 1907 г. благодаря хранителю Отделения драгоценностей Императорского Эрмитажа барону А. Е. фон Фелькерзаму (Fel'kerzam, 1907а; Fel'kerzam, 1907б). Позже некоторые сведения о серебряных сервизах появлялись в работах Т.Г. Гольдберг (Gol'dberg, 1947), З.А. Бернякович (Bernyakovich, 1977), И.Д. Костиной (Kostina, 2003), М.Н. Лопато (Lopato, 2006; Lopato, 2010), Л.Н. Шанской (Shanskaya, 2022), Ю.И. Быковой (Bykova, 2019; Bykova, 2022; Bykova, 2024а; Bykova, 2024б; Bykova, 2024в) и др.

Однако до сих пор не существует как комплексного исследования, посвященного драгоценным сервизам, созданным по императорскому заказу в России в первой половине XVIII в., так и общего анализа их художественных особенностей. Целью данной статьи является попытка структурировать имеющуюся на данный момент информацию об обстоятельствах их изготовления и проследить стилевую эволюцию в их оформлении.

В XVII столетии изготовлением царской посуды занимались мастера, служившие в Золотой и Серебряной палатах. В 1700 г. эти мастерские перестают существовать, и их дела передаются в Оружейную палату. Туда же (после значительного сокращения) переводят небольшое количество ювелиров. К этому же времени относится и первое упоминание о создании некоего сервиза. Так, в 1700 г. жалованные серебряники Иван Болдвин и Иван Рудольф изготовили новый столовый сервиз, в который входили 25 наборов, состоявших из тарелок, вилок, ножей и ложек, 4 «гладких» чаш, 2 чаш с ручками, 2 «складных» чаш, 2 четвертин и «столовых судков»[1]. В 1709 г. им было велено «выправить и отбелить заново» царскую серебряную посуду «на 50 мест»[2]. Таким образом, в обиходе находился некий большой сервиз.

Еще в 1947 г. Т.Г. Гольдберг опубликовала сведения о том, что в Оружейную палату в 1711 г. поступил заказ на создание нового большого столового серебряного сервиза, который было необходимо отослать в Санкт-Петербург[3] (Gol'dberg, 1947: 31). Сервиз должен был быть «гладкой, ничего на нем не резать и не золотить» и «таким образцом какой у светлейшего князя Александра Даниловича (Меншикова. – *Ю. Б.*)»[4]. В этой работе участвовали жалованные иностранные мастера: Иван Рудольф, Томас Яган Торсенсон, Готфрид Гильдебранд, Иван Ланг, Давид Болдвинов, а также «посторонние»: Якоб Санткан, Тимофей Дирик Цельман, Иван Франц. Они изготовили 24 больших блюда, 36 тарелок, 24 набора столовых приборов, 2 перечницы, 2 уксусницы, 2 солонки, 2 «конфара», 2 подноса и 4 шандала (подсвечника). Благодаря описи вещей, составленной в петербургском доме царевны Натальи Алексеевны после ее смерти в 1716 г., становится известно, что там находился подобный серебряный сервиз, состоявший из 30 «блюд гладких точеных»[5]. Таким образом, можно отметить, что в 1700–1710-х гг. царская семья и придворная аристократия поддерживали моду на «гладкую» посуду.

В 1710 г. в Москве вольному серебряннику Иллариону Артемьевичу Вавилову делают заказ на изготовление столового сервиза для герцогини Анны Иоанновны (по-видимому, в качестве приданого) (Bykova, 2022: 314). В 1712 г. ему же собирались отдать заказ на создание такого же сервиза для кронпринцессы Шарлотты, супруги царевича Алексея Петровича (Kostina, 2003: 211). Серебряный сервиз должен был состоять из 48 блюд, 60 тарелок, 24 наборов столовых приборов (нож, ложка, вилка), 1 набора (большой нож, большая ложка, большая вилка), 2 подносов, 2 стоянцев с сосудами для сахара, горчицы, уксуса и сбитня, 4 солонок, 6 шандалов с двумя щипцами на поддонах и кофейника с конфоркой[6]. По внешнему виду он должен был быть «таким же манером или лутче которой сервиз делан курлянской княгине»[7]. Мастер выполнил тарелку и блюдо для образца из казенного серебра. Однако в дело вмешались иностранные серебряники Якоб Санткан и Христофор Маркварт, предложив свои услуги. Кому в результате досталась эта работа, пока не известно. В отечественных музеях сохранились несколько произведений, созданных Я. Сантканом, в основном стопы и жалованные чарки. Достаточно лаконичные по форме, они обычно украшены гравировкой (а чарки еще и чеканкой), некоторые из них позолоченные.

Появление на императорском столе серебряных сервизов в петровское время в основном связано с закупками их из-за границы: Лондона, Парижа, Аугсбурга.

Заказ на создание сервиза в самом Петербурге поступил лишь при императрице Анне Иоанновне. Выполнил его придворный вольный серебряных дел мастер француз Николай Дом (Nicolas Doom), приехавший в северную столицу в 1717 г. вместе с другими своими соотечественниками (Bykova,

[1] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 22. Д. 34758. Л. 1; Там же. Д. 34759. Л. 1–1 об.

[2] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1006. Л. 440.

[3] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1009. Л. 126–130; Там же. Д. 1010. Л. 318–318 об.

[4] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1009. Л. 126.

[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Д. 606. Л. 406.

[6] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 29. Л. 91–104.

[7] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 29. Л. 91.

2019). Помимо разрозненной золотой и серебряной посуды он создал в 1735 г. небольшой золотой сервиз, принятый в казну 14 мая 1736 г.[8] Позже его иногда называли «Нахтышным» (Fel'kerzam, 1907б: 306). Он состоял из фигурного пладеменажа, включавшего в себя 4 сахарницы с прорезными крышками, 4 солонки и 4 хрустальных судка, у которых горлышки, крышки и ручки были золотыми, а также 12 блюд, 12 тарелок и 4 чашки с крышками[9]. Его общий вес был более 5 пудов. Судя по всему, до наших дней он не дошел. Сохранились лишь несколько разрозненных предметов этого мастера, выполненных из серебра: две одинаковые крышки на блюдо (1730-е; ГРМ, ГЭ)[10], небольшой поднос (1743; ГРМ)[11], кофейник (1730-е; Музей Хиллвуд)[12], сахарница (1730-е; ГЭ)[13] и водочная чарка (1740-е; ГИМ)[14]. Фелькерзам опубликовал еще чайник, созданный Домом (Fel'kerzam, 1907а: 351, 353). Примечательно, что его декор очень схож с декором кофейника из Музея Хиллвуда, оба предмета имеют вензель императрицы Анны Иоанновны, близки и их номера[15].

Все предметы, созданные этим мастером, относятся к стилю регентства, популярному в Европе в 1720–1730-е гг. Предметы украшены различными орнаментальными элементами, характерными для этого стиля, – витиеватыми арабесками, перемежающимися с длинными прямыми акантовыми листьями, трельяжными сетками, маскаронами и т.д.

К концу 1730-х – началу 1740-х гг. относится создание Первого Нового и частично Второго Нового сервизов. В научной литературе закрепилось понятие, что их создателем был некий Иван Либман. Однако, вполне вероятно, сервизы в покоях Старого Зимнего дворца («с девятью печами и пятью каминами» (Vnutrennij byt, 1880: 11)) были исполнены неизвестными серебряниками. Тем не менее поступили они в казну через крупного банкира – еврея Исаака Либмана (Леви Липмана), который был «гоф-комиссаром» и «поставщиком двора» по части ювелирных изделий, драгоценных камней и дорогой посуды (Gessen: 223–224). Так, в декабре 1735 г. в Придворную контору от него также поступили и два иностранных сервиза – Французский и Аугсбургский.

Работа над сервизом началась в 1739 г. при Анне Иоанновне и продолжалась еще в 1742 г. Оба сервиза участвовали в коронационных торжествах в Москве и лишь в 1743 г. вернулись в Петербург. Поэтому на некоторых сохранившихся до наших дней предметах есть вензеля обеих императриц. Сервиз отличает обилие чеканки. В нем присутствуют как рокайльные, так и барочные черты. По мнению Фелькерзама, Второй Новый сервиз был «составлен из предметов французской, немецкой и английской работы, принадлежавших первоначально к трем различным сервизам», причем в основном созданных в первой четверти XVIII в. (Fel'kerzam, 1907б: 12) В то же время часть его предметов была создана в той же мастерской, что изготавливала и Первый Новый сервиз.

До наших дней дошло крайне мало предметов из этих сервизов, лишь пладеменаж, три подсвечника (шандала), четыре подноса диаметром 24 см и один поднос диаметром 32 см. При этом эти предметы, имеющие общий рисунок, входили в разные сервизы. Так, в собрании Музеев Московского Кремля хранятся два шандала на одну свечу с гравированной пометкой, что они происходят из Первого Нового сервиза (Shanskaya, 2022: 93) и такой же подсвечник с гравировкой, что он из Второго Нового сервиза (Bernyakovich, 1977: 226), – в коллекции Эрмитажа.

Подносы также объединяют общая форма и декор. К Первому Новому сервизу, по мнению Л. Н. Шанской, относятся два серебряных незолоченых подноса с монограммой Анны Иоанновны из собрания Музеев Московского Кремля, ко Второму – не-

[8] РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 58. Ч. Л. 1; РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 656. Л. 1–2.
[9] РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 656. Л. 1–2.
[10] Инв. № Сер 1443; Инв. № ЭРО-5181.
[11] Инв. № Сер-1445.
[12] Инв. № 10.12.
[13] Инв. № ЭРО-4170.
[14] Инв. № ГИМ 2537 щ.
[15] № 355 (кофейник) и № 356 (чайник).

золоченый поднос с вензелем императрицы Елизаветы Петровны из собрания Музеев Московского Кремля (Shanskaya, 2022: 96–97), такой же поднос из собрания Эрмитажа[16] и большой позолоченный поднос также из Эрмитажа[17].

Кроме того, вызывает интерес упомянутый выше большой весь позолоченный эрмитажный поднос, имеющий схожий с другими предметами рисунок. Помимо размера и веса от малых подносов его отличает и слегка измененный декор борта. Имея ту же композицию (8 крупных листьев аканта в изгибах, а между ними виноградная лоза), он значительно лучше проработан, а в элемент с лозой, помимо листьев (как на других подносах), добавляются и гроздья винограда.

Обращает на себя внимание то, что пладенажж, созданный неизвестными мастерами и вошедший в состав Первого Нового сервиза, близок по общему рисунку к пладенажу знаменитого французского ювелира Клода Баллена 1724–1725 гг. из Второго Нового сервиза[18]. Таким образом, мастерам, работавшим в Старом Зимнем дворце в Петербурге, были предоставлены образцы или рисунки, сходные с эстетикой французского художественного металла эпохи регентства.

Внимательный анализ предметов из Первого и Второго Новых сервизов позволяет отметить при достаточно замысловатом рокайльном обильном декоре недостаточно высокий уровень ювелирного мастерства в их изготовлении. Смазанность линий, порой нечеткость чеканки – все это говорит о том, что вещи создавались мастерами «средней руки» по рисункам, восходящим к европейским образцам.

Достаточно загадочным является и так называемый Петровский сервиз. Название появилось, по-видимому, благодаря Фелькерзаму. В научной литературе считается, что автором сервиза, изготовленного для наследника престола великого князя Петра Федоровича, был Иоганн Фридрих Кёппинг (Johann Friedrich Köpping). Мастер учился у своего отца, известного серебряника Клауса Якоба Кёппинга, прибывшего в Москву в 1707 г. вместе с другими пленными и зачисленного в качестве мастера в Оружейную палату (Bykova, 2022: 302). В 1748 г. был зачислен в иностранный цех петербургских мастеров (Fel'kerzam, 1907a: 79). В 1759 г. он стал зильбердинером при дворе[19].

Согласно Фелькерзаму, в начале XX в. от Петровского сервиза осталось лишь две овальные и четыре круглые суповые миски (террины) на блюдах. Первые две находятся сейчас в Эрмитаже и Русском музее, из четырех круглых – две также в этих музеях, а две были проданы и известны по аукционным торгам (одна продана на аукционе Christie's в Женеве 19 мая 1998 г., другая – на аукционе Sotheby's в Лондоне 30 мая 2012 г.).

Продолговатые и круглые террины объединял богатый барочный декор и вензель «Р». При этом большие овальные миски не имели клейм, и лишь четыре круглые – имели клеймо Кёппинга. Интересен тот факт, что точно такие же две овальные террины (также без клейм) были декорированы вензелем императрицы «ЕР» и относились ко Второму Новому сервизу (Fel'kerzam, 1907б: 506). Стоит отметить, что характер декора больших суповых мисок близок к оформлению сохранившихся предметов из Второго Нового сервиза, при на обоих отсутствуют клейма. Можно предположить, что продолговатые террины и с вензелем «Р» и с вензелем «ЕР» создавались в мастерской, которую курировал Исаак Либман.

В РГАДА нами были обнаружены счета, поданные Кёппингом в Ораниенбаумскую контору великого князя Петра Федоровича за сделанную им посуду[20]. На основании этого можно сделать вывод, что в 1755 г. Кёппинг выполнил из казенного серебра столовый сервиз, который

[16] Инв. № ЭРО-3955. На обороте – номер 273 «2 го Ново: се» (Автор благодарит хранителя, научного сотрудника Эрмитажа Дарью Етоеву-Оргиш за предоставленную информацию).

[17] Инв. № ЭРО-5145. На обороте – номер 261 «но: се» (Bernyakovich, 1977: 263)

[18] Инв. Э-8667.

[19] РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 708. Л. 1, 5–5 об.

[20] РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 704.

назвали Голштинским[21]. В него входило: 2 больших продолговатых блюда, 2 таких же блюда среднего размера, еще 4 таких же блюда, но поменьше, 4 круглых пятигранных блюда, 8 пятигранных блюд поменьше «под кастрюли», 2 суповых небольших «горшка», 4 кастрюли, 3 небольшие соусные чаши, 4 солонки, 4 маленькие круглые чаши с пятигранными блюдами под них, 24 глубокие пятигранные тарелки и 24 такие же плоские[22]. Судя по стоимости работ (4 руб. за фунт), сервиз был выполнен «гладкою работаю» и не был украшен чеканкой. Однако предметы из него имели гравированный вензель с именем великого князя. По всей вероятности, сервиз не сохранился.

В 1760 г. Кёппинг изготовил несколько изделий столового серебра: 6 небольших продолговатых позолоченных чаш с крышками и вензелевым именем, две большие чаши с крышками (по-видимому, террины) и с блюдами, 4 позолоченных «горшка», также с блюдами и 84 тарелки[23]. Предметы были украшены богатой чеканкой, судя по цене – 8 руб. за фунт. Очень хотелось бы связать эти 4 «горшка» с такими же горшками (супницами), упоминаемыми выше. Тем более что их вес почти совпадает (чуть более 15 фунтов). Однако не совпадают номера и то, что сохранившиеся террины непозолоченные, в отличие от тех, что создал Кёппинг в 1760 г.

Весной 1758 г. было принято решение сделать большой заказ на создание нового серебряного позолоченного сервиза для императорского стола вольному мастеру Георгу Фридриху Экарту (Georg Friedrich Eckardt)[24]. Значительная часть сервиза была уже сделана к лету 1759 г.[25]. Однако работа продолжалась и дальше, в 1760–1761 гг. Когда в январе 1765 г. Экарт умер, в его мастерской остались недоделанные сервизные вещи общим весом чуть более одного пуда. Согласно архивным документам, в подчинении Экарта над сервизом работали и русские чеканщики[26]. Золотили принятые от него предметы этого сервиза в Придворной конторе жалованный серебряных дел мастер и зильбердинер Карл Густав Пальм (Carl Gustaf Palm), а также вольный серебряник Зигмунд Толкомит (Sigmünd Tolckemit) с его пятью подмастерьями[27].

Особенность этого заказа заключалась в том, что ювелиру не были предоставлены образцы (или рисунки) для изготовления, и Экарт сам сочинял «дизайн» новой посуды. Сведения об этом нашлись среди архивных документов. Так, объясняя более высокую стоимость работ (10 руб. за фунт), чем у Николая Дома (3–5 руб. за фунт в зависимости от предметов), Экарт писал, что «ко всякой чеканной штуке наперед особливую мадель делал новою инвенциею, которые вымышлял сам и те мадели делал из блях своих коштом и в том свои излишней труд употреблял за чем и время лишнее тратил, а не из готовых моделей делал»[28]. К тому же так как сервиз должен был быть вызолоченным со всех сторон, то требовалось подготовить и внутреннюю сторону изделия для покрытия ее золотом, и для этого она была дополнительно «шабована и шлифована». Экарт отмечал, что он обучил подмастерьев, как делать эту работу, создал рисунки предметов сервиза, по которым другие мастера смогут выполнить эту посуду. Также он, по его словам, был вынужден поделиться своим мастерством (и секретами) с подмастерьями, которые от него могли уйти и составить в дальнейшем ему конкуренцию (если и не в профессиональном качестве, то в поднятии цены за ювелирную работу), что ему было невыгодно.

Опираясь на клейма, сохранившиеся в начале XX в. на некоторых предметах из этого сервиза, Фелькерзам сообщает, что после смерти Экарта дополнительные предметы изготавливали в 1765–1766 гг. И.В. Фейербах и в 1784 г. – И.Г. Блом (Fel'kerzam, 1907б: 28).

[21] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 114. Д. 61544. Л. 64.
[22] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 114. Д. 61544. Л. 195 об. –197.
[23] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 114. Д. 61544. Л. 477–479, 482–482 об.
[24] РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 704.
[25] РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 704. Л. 51–51 об.; РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 656. Л. 3.
[26] РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 665. Л. 25.
[27] РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 704. Л. 65–68, 138 об.
[28] РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 704. Л. 139.

На данный момент сохранилась лишь два предмета из всего сервиза. Это крышки – как пишет Фелькерзам – «на водянки», хранящиеся сейчас в Музеях Московского Кремля (Shanskaya, 2022: 97–98). Согласно клеймам они выполнены в 1766 г. И. В. Фейербахом. Только опираясь на них, можно приблизительно представить себе общий характер рисунка и декора этого сервиза. Так, куполообразная крышка с волнистыми краями имеет завершение в виде балясины сплошь покрытое декором, включающим в себя цветы, виноградные и акантовые листья, полуфигуры путти и рокайли. В верхней части крышки на гладком полированном фоне помещены чеканные и гравированные по чеканке композиции из цветов (в том числе роз), ветвей, листьев и рокайлей.

Таким образом, исследование показало, что в первой половине XVIII столетия существовали дворцовые заказы на создание серебряных сервизов. В петровское время они изготавливались в Москве как жалованными мастерами Оружейной палаты, так и вольными серебряниками (и русскими, и иностранными), а в 1730–1760-е гг. – в Санкт-Петербурге вольными иностранными ювелирами и русскими чеканщиками. Стилистика этих сервизов совпадала с общей художественной эволюцией форм и оформления в декоративно-прикладном искусстве этого периода. Так, в петровское время – это преобладание простых форм и почти полное отсутствие декора (сервизу «быть гладкому, ничего на нем не резать и не золотить»), в аннинское время – влияние стиля регентства, нашедшего отражение в работах Н. Дома, в елизаветинское время – стиль рококо с барочными элементами (Петровский сервиз, Первый Новый сервиз). Необходимо отметить и значительное влияние французского ювелирного искусства на создание драгоценной посуды в Петербурге в 1730–1760-е гг. Согласно документам, в большинстве случаев (кроме Золоченого сервиза Г. Ф. Экарта) сервизные предметы изготавливались по заранее утвержденным Придворной конторой (и, по-видимому, монархом) рисункам. Известно, что такая практика продолжилась и в дальнейшем в правление Екатерины II (Царскосельский сервиз, Первый и Второй Санкт-Петербургский и др.).

Список литературы / References

Bernyakovich Z. A. *Russkoe khudozhestvennoe serebro XVII – nachala XX veka v sobranii Gosudarstvennogo Ehrmitazha [Russian artistic silver of the XVII – early twentieth century in the collection of the State Hermitage Museum],* 1977. Leningrad, Khudozhnik RSFSR.

Bykova Ju. I. Dragocennaja stolovaja utvar' Zaharija Dejhmana (1709–1776): problemy stilisticheskoj jevoljucii. [The precious tableware of Zachary Deichman (1709–1776): problems of stylistic evolution]. In: *Vestnik GGU. Iskusstvovedenie i kul'turologija. [Bulletin of GSU. Art history and cultural studies],* 2024, 3, 15–27. Next (Bykova, 2024a).

Bykova Ju. I. Nagrady uchastnikam perevorota 1762 goda: istorija sozdanija serebrjanyh servizov. [Awards to the participants of the coup of 1762: the history of the creation of silver sets]. In: *Krizisy vlasti v Rossijskom gosudarstve XVII–XVIII vekov: prichiny, puti reshenija. Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik Moskovskij Kreml'. Tezisy nauchnoj konferencii. Moskva, 19–20 nojabrja 2024 g. [Crises of power in the Russian state of the XVII–XVIII centuries: causes, solutions / State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin". Abstracts of the scientific conference. Moscow, November 19–20, 2024],* 2024, 47–49. https://www.kreml.ru/fi/c5m1/i51335/tezisy-14–11–2024.pdf Next (Bykova, 2024б).

Bykova Yu. I. Nikolaj Dom – frantsuzskij yuvelir pri rossijskom dvore pervoj poloviny XVIII veka [Nikolai Dom – French jeweler at the Russian court of the first half of the XVIII century]. In: *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura. Gosudarstvennyj Ehrmitazh [Jewelry art and material culture. The State Hermitage Museum].* St. Petersburg, 2019, 5, 80–89.

Bykova Ju. I. Rabota «shtatnyh» serebrjanikov po imperatorskomu zakazu v seredine XVIII veka [The work of "full-time" silversmiths by imperial order in the middle of the XVIII century]. In: *Dekorativnoe*

iskusstvo i predmetno-prostranstvennaja sreda. Vestnik RGHPU im. S. G. Stroganova. Rossijskij gosudarstvennyj hudozhestvenno-promyshlennyj universitet imeni S. G. Stroganova [Decorative art and the object-spatial environment. Bulletin of the Stroganov Russian State Pedagogical University. Stroganov Russian State University of Art and Industry], 2024, 3, 2, 338–347. Next (Bykova, 2019в).

Bykova Ju. I. Juveliry, rabotavshie po carskomu zakazu v Rossii v konce XVII – pervoj treti XVIII veka [Jewelers who worked by royal order in Russia at the end of the 17th – the first third of the 18th century]. In: Bykova Ju. I., Tjuhmeneva E. A. *Put' k imperii: stanovlenie pridvornoj hudozhestvennoj kul'tury v Rossii v petrovskoe vremja. Ceremonii, regalii, ukrashenija [The path to empire: the formation of court art culture in Russia in Peter's time. Ceremonies, regalia, decorations]*. Moscow, BuksMArt, 2022, 294–347.

Vnutrennij byt russkogo gosudarstva s 17-go oktyabrya 1740 goda po 25-e noyabrya 1741 goda, po dokumentam, khranyashhimsya v Moskovskom Arkhive ministerstva yustitsii. [The internal life of the Russian state from October 17th, 1740 to November 25th, 1741, according to documents stored in the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. Moscow. Kn. 1. Verkhovnaya vlast' i imperatorskij dom [Book 1. The Supreme power and the Imperial house], 1880.

Gessen Ju. I. Lipman Levi [Isaak Libman]. In: *Evrejskaja jenciklopedija [The Jewish Encyclopedia]*. St. Petersburg, 10, 223–225.

Gol'dberg T. G. Ocherki po istorii serebrjanogo dela v Rossii v pervoj chetverti XVIII veka [Essays on the history of silversmithing in Russia in the first quarter of the 18th century]. In: *Trudy GIM [Proceedings of the GIM].* Moscow, 1947, 18, 6–144.

Kostina I. D. *Proizvedeniya moskovskikh serebryanikov pervoj poloviny XVIII veka [Works of Moscow silversmiths of the first half of the XVIII century],* 2003.

Lopato M. N. Serebrjanyj serviz «protiv ordinarnogo vtroe» [Silver service "three times against the ordinary"]. In: *Nashe nasledie [Our heritage].* Moscow, 2010, 95, 21–25.

Lopato M. N. *Yuveliry starogo Peterburga [Goldsmiths of old Petersburg]*. St. Petersburg, 2006.

Fel'kerzam A. E. *Opisi serebra Dvora Ego Imperatorskogo velichestva. Izdanie Gofmarshal'skoj Chasti Imperatorskogo Dvora [Silver inventory of the Court of His Imperial Majesty. Edition Of The Marshal's Office Of The Imperial Court]*. T. 1. St. Petersburg. Dalee [Next] (Fel'kerzam, 1907a), 1907.

Fel'kerzam A. E. *Opisi serebra Dvora Ego Imperatorskogo velichestva. Izdanie Gofmarshal'skoj Chasti Imperatorskogo Dvora [Silver inventory of the Court of His Imperial Majesty. Edition Of The Marshal's Office Of The Imperial Court]*. T. 2. St. Petersburg. Dalee [Next] (Fel'kerzam, 1907b), 1907.

Shanskaya L. N. *Proizvedeniya masterov Sankt-Peterburga XVIII veka. Katalog sobraniya Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika «Moskovskij Kreml'»: Russkij khudozhestvennyj metall, reznoe derevo, kost', kamen'. [The works of the masters of St. Petersburg of the XVIII century. Catalog of the collection of the State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin": Russian artistic metal, carved wood, bone, stone]*. Moscow, 2022.

Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences
2025 18(8): 1677–1688

EDN: SVZSAT
УДК 81`25

Translation Transformations in the New Year Speeches of Xi Jinping

Balzhima V. Go*, Alla B. Antonova and Elena A. Loktionova
Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russian Federation

Received 15.07.2025, received in revised form 24.07.2025, accepted 25.07.2026

Abstract. This article is devoted to the analysis of the translation of public rhetoric of Chinese President Xi Jinping, in particular, his New Year's addresses from Chinese into Russian. The relevance of this study is related to the need to analyze translation strategies that are used to adapt Xi Jinping's New Year's addresses to a Russian-speaking audience. The study's purpose is to identify and systematize the key translation transformations present in Xi Jinping's New Year's speeches, as well as to analyze the changes that have occurred over the past ten years. Demonstrating scientific novelty, this study provides an in-depth analysis of the translation changes that have been observed in the official Russian-language versions of Xi Jinping's New Year's addresses over the past ten years. The work contributes to further understanding of translation strategies of Chinese political discourse and enriches the study of intercultural communication in the field of diplomacy.

Keywords: intercultural communication, translation transformations, translation analysis, New Year's addresses, Xi Jinping

Research area: Theory and History of Culture and Art; Theoretical, Applied, and Comparative Linguistics.

Citation: Go B. V., Antonova A. B., Loktionova E. A. Translation Transformations in the New Year Speeches of Xi Jinping. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1677–1688. EDN: SVZSAT

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: allabb@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7379-7485 (Antonova); 0000-0003-0126-7930 (Loktionova)

Переводческие трансформации в новогодних речах Си Цзиньпина

Б.В. Го, А.Б. Антонова, Е.А. Локтионова
Иркутский национальный исследовательский технический университет
Российская Федерация, Иркутск

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу перевода с китайского языка на русский язык публичной риторики председателя КНР Си Цзиньпина, в частности его новогодних обращений. Актуальность данного исследования связана с необходимостью анализа стратегий перевода, которые используются для адаптации новогодних обращений Си Цзиньпина к русскоязычной аудитории. Цель данного исследования заключается в выявлении и систематизации ключевых переводческих трансформаций, присутствующих в новогодних речах Си Цзиньпина, а также в анализе изменений, произошедших за последние десять лет.
Научная новизна настоящей работы состоит в глубоком анализе переводческих изменений, которые наблюдаются в официальных русскоязычных версиях новогодних обращений Си Цзиньпина за последние десять лет. Работа способствует дальнейшему пониманию стратегий перевода китайского политического дискурса и обогащает изучение межкультурной коммуникации в области дипломатии.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, переводческие трансформации, переводческий анализ, новогодние обращения, Си Цзиньпин.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Го Б.В., Антонова А.Б., Локтионова Е.А. Переводческие трансформации в новогодних речах Си Цзиньпина. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(8), 1677–1688. EDN: SVZSAT

Введение
в проблему исследования

Традиционные новогодние обращения председателя Китайской Народной Республики не только выступают важным политическим документом, но и являются ключевым элементом, который отражает ключевые социально–политические ориентиры и ценности страны. Такие ценности превалируют в стране на протяжении нескольких лет. Новогодние обращения служат мощным инструментом трансляции идеологических концепций, направленных на укрепление единства как среди внутренней аудитории, так и среди международного сообщества. Перевод подобных текстов всегда сопряжен с трудностями, вызванными различиями между языковыми структурами, культурными кодами, а также особенностями политического дискурса, присущими каждой стране.

В условиях постоянно развивающихся и углубляющихся отношений между Россией и Китаем вопрос о точности, корректности и соответствии перевода политического дискурса становится особенно важным и актуальным. Такой анализ требует внимательного изучения изменений, которые произошли в переводе за последние несколько лет, что позволяет не только оценить общие тенденции развития переводческой практики в политическом контексте, но и определить уровень эквивалентности, а также степень адаптации

оригинального текста для восприятия целевой аудиторией.

Концептологические основания исследования

Теоретической основой исследования выступают труды по переводу и межкультурной коммуникации, посвященные переводческим трансформациям и особенностям политического дискурса. Мы опираемся на работы известных авторов, таких как А. В. Фёдоров (Fedorov, 1983), который разработал теорию перевода, В. Н. Комиссаров (Komissarov, 1990), который подробно описывает переводческие трансформации, Г. В. Чернова, которая занималась интерпретацией политического текста (Chernova, 2008). Эти исследователи, наряду с другими современными специалистами, которые занимаются исследованиями в области китайского языка и политической риторики, акцентируют внимание на важность внимательного и глубокого изучения стратегий, использующихся при переводе официальных речей и документов в условиях сложной динамичной международной среды.

Важно учитывать концептуальные особенности китайского политического дискурса. Официальные выступления государственных лидеров занимают крайне важную и значимую позицию в процессе формирования политического курса страны, создания и установления дипломатических контактных связей, а также мобилизации общества для достижения определенных целей. В контексте Китая следует отметить, что риторика, используемая в официальных речах, имеет ряд уникальных специфических характеристик, которые являются следствием как глубоких национальных традиций, так и определенных коммуникативных стратегий, применяемых Коммунистической партией Китая (КПК). В частности, лингвист Чжан Лэй рассматривает официальные выступления государственных деятелей не просто как набор слов, а как важное средство укрепления идеологических позиций КПК. В этой связи риторика выступает мощным инструментом, который помогает формировать государственную политику, опираясь на концепцию «общего блага» (公善gōngshàn) (Zhang, 2021), что подчеркивает важность коллективных интересов и общесоциальных ценностей в рамках общего развития общества.

Ли Сюй акцентирует внимание на значимости применения традиционной китайской риторики, в которой особое место занимают афоризмы таких великих мыслителей, как Конфуций и Мэн-цзы. Это использование риторических приемов способствует укреплению культурной преемственности и связности в политическом дискурсе, делая его более глубоко укорененным в китайской культуре и наследии (Li, 2020). Фэн Чжун, в свою очередь, выделяет важнейшую роль эмоционального воздействия, которое проявляется в речах китайских лидеров. Он отмечает, что в этих речах часто используются метафоры, которые направлены на формирование и усиление патриотического настроя среди граждан, что также подчеркивает значимость эмоционального резонирования в политическом общении (Fen, 2017).

Постановка проблемы

Центральная проблема, с которой сталкивается переводчик, сводится к необходимости тщательного и тонкого баланса между сохранением глубокой политической экспрессии и смысла, а также адаптацией этого смысла к ожиданиям и культурным нормам русскоязычной аудитории.

В целом переводчику, работающему с речами Си Цзиньпина, приходится решать сложную задачу: как максимально точно передать смысл его слов российской аудитории, избегая как искажений, так и культурных несоответствий. Это не просто лингвистическая проблема, а вопрос межкультурной коммуникации, ведь от качества перевода зависит то, как в России будут воспринимать китайского лидера и его политику. Ошибки в переводе, будь то неверный выбор слов или упущенные нюансы, могут привести к недопониманию и даже негативной реакции. И, наоборот,

грамотная адаптация способствует формированию положительного имиджа и укреплению межгосударственного диалога. Перевод политических текстов – это важный инструмент «мягкой силы», влияющий на общественное мнение и международные отношения. Исследования показывают, что буквальный или неточный перевод идеологических терминов затрудняет понимание и подрывает эффективность политической коммуникации. Таким образом, изучение этой проблемы имеет ключевое значение для понимания не только лингвистических, но и политико-культурных аспектов международных отношений.

Методология

Для изучения данной проблемы в работе использовался сравнительный анализ оригинальных китайских текстов новогодних обращений Си Цзиньпина за последние несколько лет и их официальных русских переводов. Материалом исследования послужили тексты, опубликованные в СМИ, таких как информационные агентства Синьхуа (Xinhua) и CGTN (CGTN), а также газета «Жэньминь Жибао» (Zhen'min' Zhibao) на русском языке. Выбор десятилетнего периода обусловлен тем, что с 2013 года Си Цзиньпин занимает пост Председателя КНР, и его новогодние речи отражают изменения и эволюцию в политике Китая.

Обсуждение

Классификация переводческих трансформаций и их влияние на восприятие текста

В настоящей части проводится систематизация переводческих трансформаций, применённых в официальных переводах новогодних обращений главы государства за рассматриваемый период. Анализ опирается на выбранную модель переводческих стратегий, включающую лексико-семантические, структурно-синтаксические и стилистические трансформации. Особое внимание уделяется контекстуальному влиянию этих преобразований на восприятие текста русскоязычной аудиторией с точки зрения сохранения эмоционального настроя, официального стиля и харизматичности выступающего.

1. Лексико-семантические трансформации

К лексико-семантическим трансформациям относятся замена, обобщение и конкретизация лексических единиц.

Пример замены: В обращении 2018 г. китайская метафора «万众一心» (wàn zhòng yī xīn – буквально *десятки тысяч сердец в одном*) переведена как «единство народа» вместо буквального «множество сердец – одно сердце». Такая замена сохраняет смысл и эмоциональную силу метафоры, делая её более естественной и понятной для русскоязычной аудитории.

Пример обобщения: в тексте 2020 г. термин «创新驱动发展战略» (*стратегия инновационного развития*) иногда переведен просто как «стратегия развития», что делает понятие более широким для восприятия, но снижает уровень детализации исходного сообщения.

Пример конкретизации: в обращении 2022 г. абстрактное понятие «和谐社会» (*гармоничное общество*) в переводе было уточнено как «общество с устойчивым социальным развитием», что способствует лучшему пониманию и восприятию концепта русскоязычной аудиторией.

2. Структурно-синтаксические трансформации

В китайских официальных текстах нередко встречаются длинные сложносочинённые конструкции с многочисленными однородными членами и параллелизмом.

Пример членения: в обращении 2019 г. длинное китайское предложение, содержащее перечисление достижений за год, в русском переводе разбито на несколько коротких, что облегчает восприятие информации и делает текст более динамичным.

Пример перестановки: в тексте 2021 г. китайская структура «坚持…, 推进…, 实现…» (*придерживаться…, продвигать…, достигать…*) была перестроена на русский лад: «Мы последовательно придерживаемся…, продолжаем продвигать… и достигаем…», что усиливает логичность и плавность изложения.

3. Стилистические трансформации

Официальные обращения обладают высокой эмоциональной окраской, которую необходимо адаптировать к нормам русского языка.

Пример смягчения: в тексте 2017 г. выражение «不懈努力» (*неустанные усилия*) в переводе было передано как «постоянные усилия», что сохраняет положительный эмоциональный заряд, но снижает интенсивность, избегая излишней эмоциональности.

Пример замены эмоционально окрашенной лексики: в обращении 2024 г. китайское слово «坚定» (*твёрдый, решительный*) было переведено как «последовательный», что несколько уменьшает экспрессивность, но лучше вписывается в официальный тон русскоязычного текста.

Сочетание перечисленных трансформаций способствует сохранению основного эмоционального и официального стиля, адаптируя речь под культурные ожидания русскоязычной аудитории. Так, смягчение экспрессии и адаптация метафор создают более приемлемый для русского читателя стиль, не теряя при этом эмоционального посыла и авторитетности говорящего.

Баланс между политической экспрессией и культурной адаптацией поддерживается за счёт гибкости переводческих решений, что позволяет аудитории воспринимать обращение как искреннее и вдохновляющее, сохраняя его коммуникативную эффективность.

Анализ стратегий новогодних обращений за последние 5 лет

В данной части работы проведен сравнительный разбор оригинальных новогодних речей председателя КНР Си Цзиньпина, доступных на китайской версии сайта агентства «Синьхуа» (新华网) и их официальных русскоязычных версиях в крупных российских информационных агентствах – ТАСС и РИА Новости за период с 2021 по 2025 г.

Анализ стратегий новогоднего обращения накануне 2021 г.

Анализ перевода новогоднего обращения Си Цзиньпина за 2021 г. позволяет выявить ряд ключевых стратегий, направленных на передачу политического и эмоционального содержания текста в условиях межкультурной коммуникации. Переводчик сталкивается с задачей не только передать фактическую информацию, но и сохранить высокую степень экспрессивности, риторической насыщенности и культурной специфики оригинала.

1. Стратегия смысловой адаптации

Многие фрагменты речи требуют переформулирования в соответствии с нормами и стилевыми установками русского политического дискурса. Так, например, выражение «以人民至上、生命至上诠释了人间大爱» переведено как «придерживаясь принципов «человек превыше всего, жизнь превыше всего», наполнили борьбу с пандемией непоколебимой волей и стремлением к победе». Здесь важен не дословный перевод, а передача общего смыслового и эмоционального посыла, включающего в себя гуманистический пафос, присущий оригиналу.

2. Стратегия экспликации

В китайском оригинале часто используются ёмкие выражения, содержащие культурные и риторические импликации. В переводе такие выражения нередко раскрываются более подробно. Например, «众志成城、坚忍不拔书写了抗疫史诗» переведено с использованием описательной конструкции: «наполненные волей и стремлением к победе», что отражает общий смысл устойчивого и мужественного противостояния эпидемии. Подобная техника позволяет сделать текст понятным русскоязычной аудитории без ущерба для содержания.

3. Адаптация (трансформация образов и метафор)

Особое внимание уделяется метафорическим выражениям, которые насыщают речь председателя КНР. Так, оригинальная метафора «将涓滴之力汇聚成磅礴伟力» передана как «небольшие усилия каждого превратились в мощную силу». Здесь использована стратегия упрощения метафоры: вместо дословного (*капли превращаются в великую силу*) представлено более уместное для русского языка и стилистики

выражение. Это позволяет сохранить метафоричность и эмоциональный заряд высказывания.

Анализ стратегий новогоднего обращения накануне 2022 г.

1. Стратегия компрессии (сжатия)

Пример: «从年头到年尾，农田、企业、社区、学校、医院、军营、科研院所……大家忙了一整年，付出了，奉献了，也收获了»

Перевод: «Позади весьма напряженный год, жизнь везде бьет ключом – в поле, на заводе и фабрике, в квартале, школе, больнице, казарме, научно-исследовательском учреждении. Трудились целый год и солидных результатов добились».

В оригинале автор использует повтор и перечисление, чтобы подчеркнуть масштаб труда. В русском переводе часть повторов отсутствует, объединены близкие по значению элементы, что делает текст более компактным и естественным для русскоязычного восприятия. Такая компрессия помогает избежать избыточности и сохраняет динамику речи, не жертвуя содержанием.

2. Стратегия экспликации (разъяснения)

Пример: «两个一百年’奋斗目标历史交汇»

Перевод: «Мы достигли целей, намеченных к столетнему юбилею Компартии Китая, и перешли к реализации целей к столетнему юбилею образования КНР».

Китайское выражение «两个一百年» является идиоматическим сокращением, понятным внутри китайской политической культуры. Переводчик использует экспликацию – развернутое пояснение, чтобы сделать терминологию понятной русскоязычному читателю. Это важный приём при передаче политического дискурса, насыщенного культурно-специфичными концептами.

3. Стратегия модуляции (изменение точки зрения)

Пример: «我们要常怀远虑、居安思危»

Дословный перевод: *«Мы всегда должны думать о долгосрочной перспективе, живя в спокойствии».*

Перевод: «Нам важно постоянно думать о будущем и не игнорировать потенциальных опасностей».

В оригинале используется устойчивое выражение с китайским культурным уклоном. В переводе смысл сохраняется, но структура предложения и акценты переформатированы в соответствии с нормами русского языка. Это пример модуляции, когда точка зрения или перспектива высказывания смещается для более естественного восприятия на языке перевода.

4. Стратегия адаптации культурных реалий

Пример: «我曾谈到当年毛主席与黄炎培先生的‘窑洞对»

Перевод: «К этому относится и озвученный мной когда-то знаменитый «разговор в пещере» между Председателем Мао Цзэдуном и господином Хуан Яньпэем».

Выражение «窑洞对» (букв. *пещерный диалог*) является историко-культурной отсылкой. Переводчик прибегает к адаптации, чтобы сделать отсылку доступной читателю. Он сохраняет ключевые имена и вводит пояснение в виде описательного перевода. Это позволяет сохранить аутентичность и обеспечить понимание.

Анализ стратегий новогоднего обращения накануне 2023 г.

1. Семантическая трансформация и обобщающий перевод

Меткое выражение «吹响了奋进新征程的时代号角» (досл. *прозвучал рог нового великого похода*) передано как «Съезд протрубил новый поход нашего времени», что сохраняет метафоричность оригинала, но адаптирует её под нормы русского политического дискурса. Такая адаптация обеспечивает эффект торжественности и пафосности, свойственных оригиналу.

2. Компенсация и культурная адаптация

Оригинальная фраза: «中国人的饭碗端得更牢了»

Перевод: «Мы надежно соблюдаем продовольственные гарантии китайского народа».

Здесь применяется стратегия компенсации, при которой образная идиома заменена на нейтральную фразу. Буквальный перевод звучал бы как *Миска с рисом у китайцев держится крепко*, что может быть

не вполне понятно или уместно в русском официальном дискурсе. Таким образом, переводчик интерпретирует значение выражения и передаёт его с помощью более универсальной и приемлемой для русской аудитории формулировки.

3. Добавление

Оригинальная фраза: «广大干部群众特别是医务人员、基层工作者不畏艰辛、勇毅坚守».

Перевод: «Кадровые работники и народные массы, в особенности медики и работники низового звена, приложили упорные и титанические усилия».

Здесь наблюдаются усиление эмоционально-смысловой окраски и использование добавления лексики в переводе. В оригинале подчеркиваются такие качества, как *не боялись трудностей* и *стойко стояли на своём*, а в переводе это передано как «упорные и титанические усилия», что несколько усиливает эмоциональный эффект.

4. Прямой перевод и сохранение риторических средств

Фраза в оригинале: «艰难困苦，玉汝于成»

Перевод: «Я часто говорю: «艰难困苦，玉汝于成».

Перевод сопровождается транслитерацией оригинального выражения. В официальной версии оно не переведено, но сопровождается пояснением: «Китайская коммунистическая партия за сто лет…» и т.д., что можно интерпретировать как «стратегию включения культурного элемента» с последующим пояснением. Это позволяет сохранить аутентичность китайской культурной риторики и одновременно обеспечить понимание смысла для русскоязычного читателя.

5. Упрощение и переформулирование

Фраза в китайском оригинале: «点点星火，汇聚成炬，这就是中国力量». Перевод: «Именно в этом заключается сила Китая».

Данная метафора, дословно переводимая как *Искры собираются в факел – вот в чём сила Китая!*, в переводе представлена упрощённо, без сохранения метафоричности. Это является примером редукции, призванной обеспечить логичность и лаконичность официального перевода, но при этом приводит к утрате образности.

Итак, официальный перевод новогоднего обращения Си Цзиньпина за 2023 г. демонстрирует сбалансированное сочетание стратегий эквивалентного перевода, культурной адаптации, трансформации и редукции. Основная цель перевода – сохранить идеологический и риторический посыл оригинала, при этом сделать текст приемлемым и понятным для русскоязычной аудитории, что особенно важно в официально-дипломатическом контексте. Использование приёмов компенсации, адаптации метафор и стилистического сглаживания подчёркивает профессиональный уровень перевода и его ориентацию на целевую аудиторию.

Анализ стратегий новогоднего обращения накануне 2024 г.

Рассмотрим применённые в переводе стратегии и особенности эквивалентной передачи текста.

1. Стратегия адаптации и локализации

Переводчик активно использует приемы адаптации, направленные на снижение культурных барьеров и повышение понятности текста для русскоязычной аудитории. Например, ключевая китайская идиома «冬至阳生，岁回律转» (букв. – *с наступлением зимнего солнцестояния возрождается ян, год начинает новый цикл*) интерпретируется как «после зимнего солнцестояния приближается новый цикл времён года». Данная перефразировка облегчает восприятие, заменяя культурно-специфичный символизм более универсальными и понятными выражениями.

2. Стратегия семантической эквивалентности с сохранением стилистической функциональности

Текст наполнен специализированной политической лексикой. Переводчику удалось сохранить официально-торжественный тон, адекватно передать конструктивный и оптимистичный настрой обращения. Например, выражение «砥砺前行» переведено как «идти вперёд с твёрдой решимостью» (дословный перевод: *упорно двигаться вперед*), что отражает смысл

упорства и настойчивости, без потери эмоциональной нагрузки.

3. Использование калькирования и перефразирования

Некоторые китайские термины и названия культурных феноменов переведены с использованием кальки или расширенных пояснений. Так, «现代化产业体系» передано как «современная промышленная система» (дословный перевод: *модернизированная промышленная система*), а «绿水青山» – «зелёные горы и изумрудные воды» (дословный перевод: *изумрудные воды и зеленые леса*).

4. Стилистическое упрощение и сглаживание

В ряде случаев переводчик прибегает к стилистическому упрощению и сглаживанию, чтобы сделать текст более понятным и естественным для восприятия. Например, фраза «奋斗者号极限深潜» передана как «установлен новый рекорд по глубоководному погружению пилотируемым батискафом «Фэньдоучжэ»» («奋斗者» – это метафорическое название, отражающее идеологию борьбы и упорства). Таким образом, переводимое выражение «奋斗者» заменено на пояснение функции аппарата, чтобы сделать текст более понятным для аудитории, не знакомой с оригинальным названием и контекстом.

Анализ стратегий новогоднего обращения накануне 2025 г.

Перевод новогоднего обращения представляет собой официальный дипломатический перевод, выполненный с учетом коммуникативной и прагматической адекватности. Основной акцент сделан на смысловой эквивалентности, точной передаче послания лидера с учетом культурных и языковых различий. Однако наблюдаются отдельные трансформации, направленные на адаптацию к нормам русского официального дискурса.

Рассмотрим конкретные примеры переводческих стратегий.

1. Опущение

Фраза в оригинале: «我们一起走过春夏秋冬，一道经历风雨彩虹，一个个瞬间定格在这不平凡的一年，令人感慨、难以忘怀»

Перевод: «Уходящий 2024 год для всех нас оказался весьма непростым и насыщенным, оставил нам множество потрясающих воспоминаний и незабываемых моментов».

В оригинале используются поэтические метафоры «春夏秋冬» (*весна, лето, осень, зима*) и «风雨彩虹» (*буря и радуга*) – образное описание жизненных трудностей и радостей. В переводе они опущены и заменены на обобщённое «непростой и насыщенный», что снижает экспрессивность, но делает текст более привычным для русскоязычного официального дискурса.

2. Добавление

Фраза: «南极秦岭站崛起冰原»

Перевод: «антарктическая станция «Циньлин» надежно эксплуатируется на Южном полюсе».

В оригинале просто указано «崛起冰原» – *возвышается на ледяной равнине*, но в переводе добавляется конкретизация «на Южном полюсе» и модальность «надежно эксплуатируется», что не содержится в оригинале. Можно отметить, что в данном переводе используется стратегия добавления конкретики и оценочной модальности для уточнения и усиления логической связности.

3. Замена

Фраза: «中国碗装了更多中国粮»

Перевод: «самообеспеченность продовольствием в Китае растет непрерывно».

Фраза «中国碗装了更多中国粮» – патриотическая метафора, досл.: *в китайской миске больше китайского зерна*. В переводе используется замена метафоры на нейтральное и более рациональное выражение «самообеспеченность растет», что характерно для дипломатического стиля. Замена метафоры на нейтральную терминологию сделана для соответствия официальному стилю в русском языке.

4. Конкретизация

Оригинальная фраза на китайском языке: «我们积极应对国内外环境变化带来的影响»

Перевод: «Адекватно реагируя на внутренние и внешние факторы…»

Фраза «国内外环境变化» в китайском языке может быть многозначной – «изменения внутренней и внешней обстановки»,

в переводе конкретизирована как «внутренние и внешние факторы», что делает выражение более однозначным. Конкретизация используется для обеспечения терминологической ясности.

5. Генерализация

Китайская фраза: «对大家关心的就业增收、一老一小、教育医疗等问题，我一直挂念»

Перевод: «Волнующие людей вопросы о трудоустройстве, повышении доходов, медицинском страховании для малообеспеченных взрослых и детей, образовании и здравоохранении – это все моя первоочередная забота».

Фраза «一老一小» (букв. *один старый, один маленький*) – устойчивое выражение, обозначающее пенсионеров и детей. В переводе эта идиома объяснена и обобщена: «медицинское страхование для малообеспеченных взрослых и детей», что облегчает понимание. Генерализация и экспликация в данном случае применены для устранения культурной лакуны.

Также в переводе заметны следующие лексико-стилистические особенности:

1) преобладание официального стиля, характерного для государственной риторики;

2) снижение образности, характерной для китайской политической речи (метафоры, пословицы, риторические фигуры);

3) часто применяется нейтрализация китайских идиом, отсылка к более привычным для русскоязычного читателя моделям;

4) системная адаптация культуры и идеологии Китая под универсальные политические термины: «самообеспеченность», «реформы», «устойчивое развитие».

Перевод новогоднего обращения Си Цзиньпина на русский язык демонстрирует комплексный подход: сочетание дословной передачи ключевых политических концептов с адаптацией культурных и риторических особенностей оригинала. Используемые стратегии – опущение, замена, добавление, генерализация, конкретизация – позволяют сохранить прецизионность, уместность и коммуникативную ценность перевода, при этом делая текст доступным для русскоязычной аудитории.

Динамика изменений в переводах за последнее десятилетие

В период с 2016 по 2025 г. перевод официальных речей Си Цзиньпина на русский язык претерпел некоторые изменения, которые отражают как эволюцию переводческих стратегий, так и изменения в политико-культурном взаимодействии между Китаем и Россией. На основании анализа официальных переводов и речей лидера Китая за указанный период можно выделить несколько ключевых тенденций в лексико-семантических, структурно-синтаксических и стилистических трансформациях.

В начале рассматриваемого периода (2016–2018 гг.) переводы, как правило, сохраняли максимально близкую к оригиналу терминологию, но уже с заметной адаптацией. Например, китайское выражение «中国梦» (Zhōngguó mèng – *Китайская мечта*) в переводах тех лет часто дополнительно пояснялось как «Великая китайская мечта – стратегическая цель национального возрождения», что способствовало более глубокому пониманию концепта русскоязычной аудиторией.

Далее, в 2019–2025 гг., наблюдается тенденция к расширенному пояснению терминов, особенно в экономической и социальной сферах. Так, термин «创新驱动发展战略» (*стратегия инновационного развития*) стал переводиться с более точной спецификацией: «стратегия инновационного развития, ориентированная на стимулирование научно-технического прогресса и цифровизацию экономики». Это отражает растущую сложность политических концепций и необходимость их детального объяснения для сохранения информационной полноты и точности.

Анализ официальных переводов 2016–2018 годов показывает, что переводчики всё ещё иногда придерживались сложной китайской синтаксической структуры, включая длинные предложения с однородными членами, что осложняло восприятие текста русскоязычными читателями. Например, в речи 2017 года фраза: «坚持党的全面领导，坚持以人民为中心的发展思想，坚持深化

改革开» переводилась дословно как: «Сохранять всестороннее партийное руководство, сохранять развитие, ориентированное на народ, сохранять углубление реформ и открытости…»

В период 2019–2025 гг. переводчики активно начали применять членение предложений и перестановку элементов для повышения читаемости и стилистической плавности: «Партия последовательно укрепляет своё всестороннее руководство, развитие ориентировано на интересы народа, а реформы и открытость продолжают углубляться…». Такие трансформации повышают естественность и делают текст более доступным для восприятия.

В начале периода (2016–2018 гг.) перевод сохранял официальный стиль с минимальным эмоциональным акцентом. Это зачастую приводило к утрате харизматичности и мотивационной силы ораторских выступлений Си Цзиньпина. Например, фраза «实现中华民族伟大复兴的中国梦» переводилась сдержанно как «Осуществление великого возрождения китайской нации».

Со временем (2019–2025 гг.) переводчики стали уделять больше внимания эмоциональной окраске и выразительности. В переводах последних лет данное выражение часто передаётся как «Реализация великой мечты возрождения китайского народа – вдохновляющего национального призыва», что значительно усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию и поддерживает харизматичный образ оратора.

Таким образом, в период 2016–2025 гг. в переводах речей Си Цзиньпина наблюдаются следующие тенденции: усиление адаптации лексико-семантических единиц с постепенным переходом от минимальной адаптации к более детализированным и разъяснительным переводам для сохранения политико-культурного контекста; оптимизация синтаксических структур с использованием членения и перестановок, что повышает читабельность и воспринимаемость переводного текста; рост стилистической экспрессивности переводов, направленный на сохранение эмоциональной насыщенности и харизматичности выступлений.

Эти тенденции свидетельствуют о возрастании роли переводчика как медиатора между культурами, который не только передаёт смысл, но и обеспечивает адекватное восприятие политической риторики.

Важно подчеркнуть, что эти переводческие трансформации играют роль моста между китайской и русской культурами. Они позволяют российской аудитории понимать ключевые послания китайского руководства, не требуя глубокого знания китайской культуры. Благодаря этому достигается эквивалентная реакция: российские читатели и слушатели испытывают схожие эмоции и приходят к тем же выводам, что и китайская аудитория, даже если это требует отступления от буквального перевода. Это способствует более эффективному межгосударственному общению и снижает риск недопонимания.

Заключение

Анализ переводческих решений, применённых при переводе новогодних обращений Си Цзиньпина, приводит к следующим ключевым выводам. В первую очередь он подтверждает, что перевод политических текстов – это не просто механическая замена слов, а сложная творческая задача, требующая от переводчика глубоких знаний языка, широкого кругозора и понимания культурных различий.

Для достижения синтаксической точности и логической связности перевода требуются значительные структурно-синтаксические изменения. Чтобы создать стилистически корректный и понятный текст на русском языке, переводчики активно используют перестановку слов, разделение сложных предложений и объединение коротких. Анализ показал, что они умело адаптируют структуру текста: устраняют двусмысленность и излишнюю краткость китайского оригинала, добавляя необходимые уточнения, и упрощают громоздкие конструкции, разбивая их на более мелкие смысловые единицы. Эти приемы критически важны для обеспечения ясности и логичности политического обращения, позволяя аудитории легко воспринимать мысль лидера.

Восприятие новогодних речей Си Цзиньпина российской аудиторией во многом зависит от стилистических решений, которые в процессе перевода принимают переводчики. Последние успешно передают как содержание, так и стилистические особенности текста, при необходимости используя трансформации для обеспечения адекватного восприятия. Такой подход свидетельствует о профессионализме переводчика и глубоком понимании культурных различий, сохраняя коммуникативную стратегию автора и обеспечивая аналогичное воздействие на аудиторию.

Трансформации, которые применяются при переводе новогодних обращений, произносимых Си Цзиньпином, представляют собой ключевой и очень важный элемент, способствующий достижению эквивалентности и прагматической адаптации политического дискурса, используемого на международной арене. Эти трансформации играют жизненно важную роль, позволяя сохранить аутентичность оригинального текста и обеспечивая его доступность для зарубежной аудитории, которая может быть не знакома с культурным и политическим контекстом, в котором он был изначально создан.

Список литературы / References

CGNT. The official website of the Global Television Network of China. –2024. URL: https://russian.cgtn.com/home (accessed 31 December 2024).

Chernova G. V. *Politicheskiy diskurs: interpretatsiya i perevod*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, 2008. 312 p.

Fedorov A. V. *Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskiye problemy).* Moscow, Vysshaia shkola, 1983. 303 p.

Fen, Ch. *Emotional'nye strategii v ritorike kitayskikh liderov.* Shanghai, Izdatel'stvo Shankhaišskogo universiteta, 2017. 280 p.

Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty).* Moscow, Vysshaia shkola, 1990. 253 p.

Li M, Liu H. In: *Political Linguistics*, 2022, 6 (96): 180–188

Li S. *Chinese Rhetoric: Traditions and Innovations*. Beijing, Beijing University, 2020. 315 p.

Xinhua. Official News website.– 2025. – URL: https://www.xinhuaxinwen.cn (accessed 10 October 2025).

Zhang L. *Ritorika i ideologiya v Kitae: issledovaniya v kontsekte kommunisticheskoy partii*. Peking, Kitayskaya akademiya sotsial'nykh nauk, 2021. 240 p

Zhen'min' Zhibao. 2025. URL: https://russian.people.com.cn/ (accessed 1 January 2025).

Xi Jinping's New Year's Addresses

1. Xi Jinping's New Year's Address. 2025. Available at: https://russian.people.com.cn/n3/2025/0101/c31521–20260878.html (accessed 1 January 2025).

2 Xi Jinping's New Year's Address. 2024. Available at: https://russian.people.com.cn/n3/2024/0101/c31521–20117084.html (accessed 1 January 2024).

3. Xi Jinping's New Year's Address. 2023. Available at: http://russian.china.org.cn/china/txt/202301/06/content_85044721.htm (accessed 3 January 2023).

4. Xi Jinping's New Year's Address. 2022. Available at: https://russian.people.com.cn/n3/2022/0101/c31521–9939967.html (accessed 1 January 2022).

5 Xi Jinping's New Year's Address. 2021. Available at: https://russian.people.com.cn/n3/2020/1231/c31521–9805062.html (accessed 1 January 2021).

6. Xi Jinping's New Year's Address. 2020. Available at: http://russian.china.org.cn/china/txt/202001/06/content_75582541.htm (accessed 6 January 2020).

7. Xi Jinping's New Year's Address. 2019. Available at: https://russian.news.cn/2018–12/31/c_137710783.htm (accessed 31 December 2018).

8 Xi Jinping's New Year's Address. 2018. Available at: https://russian.news.cn/2017–12/31/c_136863369.htm (accessed 31 December 2017).

9. Xi Jinping's New Year's Address. 2017. Available at: https://russian.people.com.cn/n3/2017/0103/c95181–9161908.html (accessed 1 January 2017).

10. Xi Jinping's New Year's Address. 2016. Available at: https://russian.people.com.cn/n3/2016/0101/c31521–8998301.html (accessed 1 January 2016).

11. Xi Jinping's New Year's Address 2015. Available at: https://www.epochtimes.ru/content/view/82730/34/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (aaccessed 6 September 2021).